

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

3 / 2023

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 3 (36) / 2023

- Ответственный редактор** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к. филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

E-ISSN 2410-1419

DOI 10.31754/2410-1419-2023-3

Издатель

Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, website www.istorex.org
Tel.: 373 22 773 955

В НОМЕРЕ:

ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

11 К. А. ПАХАЛЮК

Международная и транснациональная перспективы в пространстве актуальной истории древнерусских городов

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

36

Мария-Кристина Гальмарини: «Случилось, что жизнь привела меня в Россию и приобретенный там опыт и особенно личные связи прочно привязали меня к ней»

41

Карл Шлэгель: «Советская империя это полностью небывалое явление, которое требует новых подходов и, возможно, новых ответов»

47 КАТРИОНА КЕЛЛИ

Энциклопедия [утраченной] русской жизни. Рец.: Karl Schlögel, The Soviet Century: Archaeology of a Lost World, trans. Rodney Livingstone (Oxford and Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023)

52 В. С. ГРУЗДИНСКАЯ,
А. С. СТЫКАЛИН

«Это на редкость тягучее и тяжелое путешествие». Венгерская революция 1956 г. глазами московского профессора-историка.

62 А. К. АЛЕКСАНДРОВА

Дипломатия катастроф: влияние двух землетрясений (1999, 2023) на греко-турецкие отношения

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. КУРСКАЯ БИТВА

82 Б. Л. ХАВКИН

Советская разведка в Курской битве. Рудольф Рёсслер

95

Дмитрий Стратиевский: «Курская битва: германские историки ставят во главу угла не отдельное сражение, а год, ставший поворотным в войне»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

102 К. Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ

Дремучий антинорманизм Владимира Путина

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

- 116 **М. Н. КОПИЦА** *Колониальные сюжеты на страницах российских учебников истории*
-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

- 124 *Алла Морозова: «Условием членства в нашей Ассоциации является наличие у человека четко выраженной антивоенной позиции»*
- 132 *Василий Жарков: «Жизнь в режиме катастрофы»*
- 147 *Виктория Мусвик: «У меня создалось ощущение сообщества, которое, к сожалению, искусственным образом себя изолировало, причем во многом в той же имперски-иерархической модели, с которой борется»*
- 159 **М. Г. ПАВЛОВЕЦ** *Спасли рядового Р...ектора от пожизненного. Отклик на интервью Василия Жаркова*
- 163 **В. А. ШНИРЕЛЬМАН** *Американское высшее образование и отношение к меньшинствам. Отклик на интервью Василия Жаркова и Виктории Мусвик*
- 168 **С. Е. ЭРЛИХ** *Внутренняя эмиграция без коллаборационизма. Русский профессор эпохи СВО сквозь замочную скважину социальных сетей*
- 174 **В. А. ЗУБАКИН,
И. В. РОДИОНОВ** *Диспут «Побег двойника: путь агента и провокатора как персонажей русской литературы». Пенза, 30.06.2023*
-

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

- 193 **В. П. БУЛДАКОВ** *«Отцы» и «дети» российской Клио. Историкографическое эссе*
-

РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 202 **Е. М. ЛУПАНОВА** *«Землею... повелевает то, что наверху: тела, которые планетами зовутся». Рец.: Фальк С. Светлые века. Путешествие в мир средневековой науки / пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 440 с.*

- 209 **Д. А. БОРОВКОВ** *Рец.: Г. П. Мельников «Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени» (М.: Индрик, 2022, 536 с., илл.).*
- 212 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *О неполной «полной истории» Франции Сержа Нонтэ. Рец.: Нонтэ С. Франция. Полная история страны. Москва: АСТ, 2020. 448 с.*
- 220 **А. А. ТЕСЛЯ** *Украинцы Дунайской монархии в эпоху Первой мировой войны: На пути к Западно-Украинской народной республике. Рец.: Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веной, Берлином и Киевом. 1914 – 1918. М.: Центрполиграф, 2023. 223 с. (серия: «Новейшие исследования по всеобщей истории», вып. 1).*
- 225 **К. Б. БОЖИК** *Рец.: Б. Л. Хавкин. Нацизм. Третий Рейх. Сопротивление. — М., Товарищество научных знаний КМК, 2023. 378 с.*
- 228 **Ф. О. ТРУНОВ** *Рец.: Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в. / Отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. — 584 с. — (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 3).*
- Российская империя**
- 234 **К. А. КОЧЕГАРОВ** *Рец.: Шварц И. Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе. — СПб.: Европейский дом, 2022. 414 с.*
- 243 **Д. В. ГЛУХОВ** *О тревогах благородного сословия. Рец.: О'Мара, Патрик. Русское дворянство времён Александра I / Пер. с англ. А. Шокаревой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.*
- СССР**
- 251 **В. А. СОМОВ** *Новая книга о политике и идеологии СССР в 1939–1941 гг. Рец.: Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022. 184 с.*
- 260 **О. В. БОЛЬШАКОВА** *Рец.: Exeler Fr. Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus. Ithaca: Cornell univ. press, 2022. XV, 345 p.*

268 **Е. Л. ГОФМАН**

Судьба, побуждающая к размышлениям. Рец.: Шнитман-МакМиллин С. Георгий Владимов: бремя рыцарства / Светлана Шнитман-МакМиллин. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. — 702, [2] с., ил. — (Великие шестидесятники)

ПОЛЕМИКА

279 **Д. Г. ХРУСТАЛЁВ**

Об искусстве читать и писать рецензии. Отклик на рецензию О. И. Тоговой и А. Ю. Сергиной «Бег на коленях», “кивки пальцами” и прочие “ненастья”, или о том, каким не должен быть научный перевод», опубликованную в «Средние века». 2022. 83 (4). С. 258–273.

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

295 **А. А. РЫБАЛКА**

Реальность и вымысел в родословной Константина Паустовского

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

316

Леонид Бородин: Операция «Белка» и другие вехи исторической информатики

330

Владимир Емельянов: «Мы на территории Востока сейчас встречаемся со всем миром»

348

Требования к публикации статей и материалов

IN THE ISSUE:

GLOBAL MEMORY

- 11 **K. A. PAKHALYUK** *International and Transnational Perspectives in the Space of the Current History of Ancient Russian Cities*
-

NATIONAL MEMORY

- 36 *Maria Cristina Galmarini : "Life had brought me to Russia and the experiences I had there, especially the personal connection, kept me tied to it"*
- 41 *Karl Schlögel: "The dissolution of the Soviet empire is entirely new and demands new approaches and probably answers"*
- 47 **CATRIONA KELLY** *'Encyclopaedia of [Lost] Russian Life.' Rev.: Karl Schlögel, The Soviet Century: Archaeology of a Lost World, trans. Rodney Livingstone (Oxford and Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023).*
- 52 **V. S. GRUZDINSKAYA,
A. S. STYKALIN** *«This is an Unusually Long and Arduous Journey.» The Hungarian Revolution of 1956 Viewed by a Moscow Historian*
- 62 **A. K. ALEKSANDROVA** *Disaster Diplomacy: The Influence of the 1999 and 2023 Earthquakes on Greek-Turkish Relations*
-

REMEMBRANCE DATES. BATTLE OF KURSK

- 82 **B. L. KHAVKIN** *Soviet Intelligence in the Battle of Kursk. Rudolf Rößler*
- 95 *Dmitri Stratievski: «The Battle of Kursk: German historians prioritize not a single battle, but the year that became a turning point in the war»*
-

HISTORICAL POLICY

- 102 **K. YU. ERUSALIMSKIY** *Mr. President Vladimir Putin's Preposterous Antinormanism*
-

SCHOOL TEXTBOOKS

- 116 **M. N. KOPITSA** *Colonial plots on the pages of Russian history textbooks*

SOCIAL PROBLEMS OF HUMANITIES

- 124 *Alla Morozova: «The condition for membership in our Association is that a person has a clearly expressed anti-war position»*
- 132 *Vasily Zharkov: “Living in disaster mode”*
- 147 *Victoria Musvik: “I see a community that artificially isolated itself, much in accordance the same imperial-hierarchical model that it struggles with”*
- 159 **M. G. PAVLOVETS** *Saving Private R...ector from a Life Sentence. Response to Vasily Zharkov’s interview*
- 163 **V. A. SCHNIRELMAN** *Higher education in the United States and Attitudes towards Minorities*
- 168 **S. E. EHRlich** *“Internal Emigration” without Collaborationism. Watching the Russian Professors through the Keyhole of Social Networks during the “Special Military Operation”*
- 174 **V. A. ZUBAKIN,
I. V. RODIONOV** *The dispute “Escape of the doppelganger: the path of agent and the provoker as a characters of Russian literature”. Pensa , 30.06.2023*
-

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

- 193 **V. P. BULDAKOV** *“Fathers” and “children” of the Russian Clio. Historiographic essay*
-

REVIEWS

The world

- 202 **E. M. LUPANOVA** *«The Earth is ruled by the objects above, that are called planets»/ Rev.: Falk S. The Light Ages. A Medieval Journey of Discovery. M.: Alpina non-fiction , 2023. 440 p.*
- 209 **D. A. BOROVKOV** *Rev.: G. P. Melnikov. “Czech Socio-Historical Thought of the Middle Ages and Early Modern Period” (M.: Indrik, 2022, 536 pp.).*
- 212 **N. N. PODOSOKORSKY** *About the incomplete «complete history» of France by Serge Nonte. Review: Нонтэ С. Франция. Полная история страны. Москва: АСТ, 2020. 448 p.*

- 220 **A. A. TESLYA** *Danubian Monarchy's Ukrainians in the of the First World War: On The Way To West Ukrainian People Republic/ Rev.: Parfir'ev D.S. Ukrainskoe dvizhenie v Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny. Mezhdru Venoj, Berlinom i Kievom. 1914 – 1918. – M.: Centrpoligraf, 2023. – 223 s. – (serija: «Novejšhie issledovanija po vseobshhej istorii», vyp. 1).*
- 225 **K. B. BOZHİK** *Rev.: B.L. Havkin. Nacizm. Tretij Rejh. Soprotivlenie. – M., Tovarishhestvo nauchnyh znaniy KMK, 2023. 378 s.*
- 228 **Ph. O. TRUNOV** *Rev.: Novaja jelita v stranah Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy: politicheskie portrety. Konec XX – nachalo XXI v. [The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: political portraits. The late twentieth to early twenty-first centuries]/ Otv. red. K. V. Nikiforov. – M.: Institut slavjanovedenija RAN; SPb.: Nestor-Istorija, 2022. – 584 s. – (Central'naja i Jugo-Vostochnaja Evropa v XX–XXI vv.: issledovanija i dokumenty. Vyp. 3).*
- The Russian Empire**
- 234 **K. A. KOCHEGAROW** *Rev.: Schwarcz I. Petr I i Avstrija: Issledovanija o petrovskoj jepohe. – SPb.: Evropejskij dom, 2022. 414 s.*
- 243 **DMITRIY GLUKHOV** *About the worries of the nobility/ Rev.: O'Meara, P. Russkoe dvoryanstvo vremyon Aleksandra I / translated from English by A. Shokareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 520 p.*
- USSR**
- 251 **V. A. SOMOV** *New book about the politics and ideology of the USSR in 1939–1941. Rev.: Sovetskaja politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii. M.: Kvadriga, 2022. 184 s.*
- 260 **O. V. BOLSHAKOVA** *Rev: Exeler Fr. Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus. Ithaca: Cornell univ. press, 2022. XV, 345 p.*
- 268 **E. L. GOFMAN** *The fate provoking reflections. Rev.: Shnitman-MakMillin S. Georgij Vladimov: bremya rycarstva / Svetlana Shnitman-MakMillin. – Moskva: Izdatelstvo AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2022. – 702, [2] s., il. – (Velikie shestidesyatniki)*

THE ACADEMIC POLEMICS

279 **D. G. KHRUSTALEV**

About skills of reading and writing reviews. The reference to a review of Olga Togoëva and Anna Seregina “Running of the Knees”, “Nodding with the Fingers” and other “storms”, or about what an Academic translation should not be” in “Srednie veka” Vol. 83 (4), 2022, P. 258–273.

HOW IT ACTUALLY WAS

295 **A. A. RYBALKA**

Reality and fiction in the genealogy of Konstantin Paustovsky

HISTORIAN'S TIME

316

Leonid Borodkin: Operation «Squirrel» and other milestones of historical informatics (Interview with L. I. Borodkin. Interviewed by M. Yu. Andreicheva)

330

Vladimir Emelyanov: “In the East We Meeting the Whole World now”

348 *Requirements for publication of articles and documents*

К. А. Пахалюк

МЕЖДУНАРОДНАЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Аннотация: Предлагаемая статья является частью авторского исследовательского проекта, проводившегося в 2019–2022 гг. и направленного на изучение политики памяти в регионах центральной России. Ключевые выводы были опубликованы в виде главы в коллективной монографии, увидевшей свет уже в 2023 г. (Политика памяти в России — региональное измерение / Под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2023), однако данный сюжет в него не вошел. Основные наработанные материалы должны были быть опубликованы в авторской монографии, чье завершение и выход в свет отложены ввиду внутриполитических изменений, вызванных российской агрессией против Украины. Краткая версия этой статьи публиковалась в англоязычной версии журнала «Россия в глобальной политике», а этот текст планировался к выходу и на русском языке. Однако в итоге редакция отказала, намекнув на несоответствие текста текущей конъюнктуре. На фоне серии статей о возможности и даже желательности угроз применения ядерного оружия с такой позицией сложно не согласиться, поскольку наш анализ показывает, что на протяжении 2010-х гг. региональные культурные элиты вели собственный поиск того, как русское наследие осмыслить не только в национальном, но и международном контексте. Внешний мир здесь предстал не только как нечто враждебное, но и как пространство сотрудничества, без которого собственно «русская древность» оказывается немислима.

Ключевые слова: политика памяти, сталинские репрессии, историческая ответственность, регионы России

Сведения об авторе: Пахалюк Константин Александрович, кандидат политических наук, независимый исследователь, Хайфа. Email: kap1914@yandex.ru

К.А. Pakhalyuk

INTERNATIONAL AND TRANSNATIONAL PERSPECTIVES IN THE SPACE OF THE CURRENT HISTORY OF ANCIENT RUSSIAN CITIES

Abstract: The proposed article is part of the author's research project, conducted in 2019–2022. and aimed at studying the politics of memory in the regions of central Russia. The key conclusions were published as a chapter in a collective monograph, which was published only in 2023 (The politics of memory in Russia — a regional dimension / Edited by A. I. Miller, O. Yu. Malinova, D.V. Efremenko. M.: INION, 2023), but this plot was not included in it. The main accumulated materials were supposed to publish as a monograph, but its completion and publication has been delayed due to internal political changes caused by Russian aggression against Ukraine. A short version of this article was published in the English edition of the journal *Russia in Global Affairs*. This text was planned to publish in Russian edition of this journal. However, in the end, the editors refused under the pretext that it does not correspond to current political environment. It is difficult to disagree with this position, especially when the journal recently agreed to public some articles that justify the possibility and even the desirability of threats to use nuclear weapons. Our analysis shows that during the 2010-s, regional cultural elites were searching for how to comprehend the Russian heritage not only in the national but also in the international context. The external world here appeared not only as something hostile, but also as a space for cooperation, without which the actual "Russian antiquity" is unthinkable.

Keywords: politics of memory, Stalinist repressions, historical responsibility, Russian regions

Corresponding author: Pakhalyuk Konstantin Alexandrovich, PhD (candidat politicheskikh nauk), independent researcher, Haifa. Email: kap1914@yandex.ru

Если государственная политика памяти разворачивается вокруг тезиса о непрерывной 1000-летней истории России, то как это влияет на работу с прошлым в регионах, которые по объективным причинам могут служить выразителями этой самой «русской древности»? Этот вопрос стал отправным для исследования (полевые поездки 2020–2022 гг., экспертные интервью, материалы прессы и официальные документы) исторической идентичности ряда областных городов центральной

России, основанных не позднее середины XVI века — Пскова, Велико-го Новгорода, Вологды, Ярославля, Костромы, Владимира с Суздаlem¹, Смоленска, Рязани, Твери, Калуги, Тулы и Брянска.

С конца 2000-х гг. в России активизировалась государственная политика памяти, что повлекло превращение истории в один из ключевых ценностных языков российской политики. В изучаемых регионах этот же период отмечен значитель-

¹ Здесь мы отошли от нашего принципа и включили еще и Суздаль, поскольку с точки зрения и формирования региональных исторических нарративов, и особенностей развития регионально-музейного сообщества их следует рассматривать в едином комплексе.

ным сдвигом в институционализации и расширении практик работы с прошлым. Закрепление коллективно разделяемых исторических образов — результат деятельности запутанной сети государственных, общественных и коммерческих организаций. Большая часть музеев, памятников, историко-мемориальных пространств были созданы/обустроены именно в этот период, а значит, значительные пласты истории только теперь оказались общественным достоянием. Да, конфликтные, противоречивые и трагические страницы отодвинуты на периферию, если вообще присутствуют, — они либо не интересны, либо считаются опасными. Да, количественные изменения порою обгоняют качественные, то есть смысловые. Если судить по музейным экспозициям, практически везде наиболее серьезными лакунами испещрена советская эпоха, что отчасти объясняет и очевидные сложности в последовательном изложении всей истории. Но это не отменяет главного: культурные элиты регионов усиленно учатся доносить до широкой публики те страницы прошлого, которые воплощают субъектность местных сообществ.

Региональные пространства памяти выплывают из взаимодействия локальных и общенациональных сюжетов, однако включают многочисленные обращения и к международному измерению. Последние и стали предметом нашего изучения. Собственно анализ формирования региональных исторических идентичностей и их связи с общероссийской мы оставим для других публикаций, а ниже сосредоточимся на выявлении тех символических форм, посредством которых

работа с региональной историей начинает требовать обращения к внешнему миру. Культуролог Л. Парц, работая на другом комплексе материалов, отмечала, что бинарный дискурс «столица — провинция» уместно изучать во взаимодействии с третьим компонентом — внешним Другим (Запад / Европа), который зачастую рисуется несущим опасность (Парц, 2022). Изученный нами материал не отрицает наличие таких подходов, однако позволяет утверждать, что внешний мир может одновременно представляться и как нечто враждебное, и как пространство сотрудничества. Считать, будто это разделение связано с разницей между государственными или негосударственными акторами, неверно, как и делать предположения, будто образы «русской древности» сведены лишь к православному и милитаристскому содержанию.

МИФ О «ЗОЛОТОЙ ЭПОХЕ» И МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Как утверждал еще основатель структурализма Ф. де Соссюр, значимость определяется положением знака в общей структуре, а не конкретным содержанием. Пространстве актуальной истории большинства изученных городов содержит миф — условно — о «золотой эпохе», когда отдельный период прошлого становится предметом особого прославления и попечения, представляя выразителем местной самобытности. Эта символическая конструкция развивается в музейных экспозициях и новомодных монументах, опираясь на работы историков и поддерживаясь сохранившимися/воссозданными объектами культурного наследия.



Домик Петра 1 в Вологде, 2020 г.

Подробное изучение таких мифов мы оставим для другой публикации, а ниже сосредоточимся на том, как в них вплетается международное измерение.

Практически во всех случаях оно воплощается в виде внешнего врага, описание борьбы с которым призвано спаять воедино местные и общенациональные сюжеты. Однако в Великом Новгороде миф о «золотой эпохе» открывает еще и транснациональное измерение, а в Твери и Рязани прославление средневековых князей ведет к появлению фигуры и «второго внешнего врага» — Москвы. В некоторых городах (Тула, Смоленск и Псков) конструирование исторической идентичности через метафору «щита России/Москвы», предполагающей борьбу против пер-

манентной внешней угрозы, служит еще более сильному переплетению общенациональной и региональной истории, лишая последнюю целостности и самодостаточности. Впрочем, как показывает Тула в конце 2010 — начале 2020-х гг. местным культурным элитам, наоборот, удалось последнее преодолеть.

В Вологде, Ярославле и Костроме миф о «золотой эпохе» привязан в XVII веке — расцвету торговли с зарубежной Европой через Архангельск, которая, однако, не получила значимого отражения в историко-мемориальном пространстве. В Вологде слабым напоминанием об этих связях служит музей Петра I, открытый в 1875 г. В этом каменном здании, принадлежавшем голландскому купцу, он неоднократно останавли-

вался на рубеже XVII–XVIII веков. Оцените иронию: память об этом сюжете заложена в созданный иностранцем объект культурного наследия, который был превращен в музей для того, чтобы прославить императора, уничтожившего ту самую транзитную торговлю и с нею перспективы развития города.

Напротив, в Ярославле и Костроме государство и Русская православная церковь актуализируют тему противостояния с внешним врагом — поляками. В первом речь идет о Втором ополчении, которое в 1612 г. выступало отсюда на Москву (это дает основание представлять город в качестве одной из столиц), во втором — о спасении Михаила Романа (образ Ивана Сусанина). Во Владимире «золотой эпохой» предстает Владимиро-Суздальское княжество. Его закат также связан с внешней угрозой — штурмом города в 1238 г. монгольскими войсками. В военно-историческом музее в Золотых воротах ему посвящена масштабная диорама (создана в 1974 г.), причем одна из экспликаций напрямую увязывает оборону всей Руси, включая Владимир, со спасением Европы от захватчиков: «Русские люди, в том числе и владимирцы, оказали мужественное сопротивление завоевателям <...> Принят на себя основной удар завоевателей, русский народ спас от гибели и разрушения европейскую цивилизацию». Тот редкий случай для региональных музеев, когда борьба против одной внешней угрозы напрямую подается в качестве блага для другой части мира.

В Рязани и Твери «золотая эпоха» усилиями региональных властей

и РПЦ привязана к правлению двух великих князей, Олега и Михаила, соответственно. В обоих случаях это ведет к актуализации памяти о борьбе не только с монгольскими/золотоордынскими завоевателями, но и с Москвой. В Рязани это противоречие связано с поведением великого князя Олега накануне Куликовской битвы 1380 г., который исходил из интересов собственного княжества. Музейная экспозиция «преодолевает» это за счет выделения фигуры Пересвета (один из богатырей, сразившийся с монгольским воином накануне сражения). В центральной витрине представлен якобы принадлежащий ему посох, причем экспликация (на 2020 г.) никак не указывает на мифологизацию экспоната. Также в 2016 г. в парке около Рязанского кремля был установлен памятник Сергию Радонежскому, который «примирил» Дмитрия Донского и Олега Рязанского, признавшего политическое подчинение московскому правителю.

В Твери составной частью мифа о великом князе Михаила является его победа в Бортеневской битве 1317 г., которая, преимущественно в популярной литературе, предстает первой победой над золотоордынцами. Она нашла отражение даже на одном из барельефов стелы Города воинской славы, где указано, что его войска разгромили «противников Твери». Обтекаемость формулировки объясняется тем, что поражение понесли именно московские войска, а степень участия татарского отряда в бою остается под вопросом (*Борисов* 2018: 258). Эта деформированная граница между двумя «внешними» врагами одновременно указывает



Барельеф с Михаилом Тверским на стеле Города воинской славы в Твери, 2020 г.

как на сопротивление собственно исторического материала, так и на наличие в среде тверской культурной элиты определенных антимосковских, регионалистских настроений. Образ Михаила Тверского лишь усиливает конфликт по линии «регион — центр — внешний мир».

Сложнее международное измерение вплетается в историческую идентичности Великого Новгорода. Здесь в качестве расцвета здесь подается период начиная с XI века и заканчивая XV веком, то есть насильственным присоединением Новгородской республики к Москве. Сохранившиеся или воссозданные памятники средневековой архитектуры и живописи, культурное наследие, воспроизводимое в экспозициях, логика открытия новых музеев и монументов — все это составляет пространство утверждения и развития мифа

о «золотой эпохе». Обращает внимание, что история города начиная с XVII века практически полностью исключена из музейных пространств.

Со всей визуальной объективностью Великий Новгород сегодня может служить наглядным воплощением величия средневековой Руси, однако эта история проблематична в той части, которая связана с образами политической независимости и противостояния Москве, образами, удобными для подпитки регионалистской и антифедеральной риторики. Вероятно, именно поэтому в рамках общенационального нарратива «золотая эпоха» легитимирована через прославление фигуры великого князя Александра Невского, в 1985 г. и 1995 г. в честь него установили два памятника. В историческом музее, находящемся в подчинении федерального министерства культуры, его деятельность подается в антизападном ключе. Так, одна из экспликаций напрямую сообщает: «В тяжелые годы татаро-монгольского нашествия Новгороду пришлось отражать натиск немецких и шведских феодалов. В 1240 г. новгородцы во главе с Александром Невским нанесли на берегу Невы жестокий удар шведским завоевателям <...> 5 апреля 1242 г. произошло знаменитое Ледовое побоище, принесшее новгородцам победу над немецкими псами-рыцарями» (поездка август 2021 г.).

С другой стороны, символическое развертывание мифа о «золотой эпохе» затруднительно без прояснения тех страниц, которые связывали город с зарубежной Европой, что открывает транснациональную



Церковь Феодора Стратилата на Ручью в Великом Новгороде, 2021

перспективу. Если бы она оставалась лишь достоянием летописей и трудов историков, то при особом рвении властей ее можно было бы ограничить лишь научными дискуссиями, однако этот ход несколько затруднителен. Часть предметов ювелирного искусства, выставленных во Владычной палате на территории кремля (XV век), созданы за рубежом: они призваны свидетельствовать о расцвете города, но неизбежно указывают на тесные торговые связи. Культурные контакты воплощены и в камне: так, элементы готики обнаруживаются в Церкви Феодора Стратилата на Ручью, а Владычная палата в полной мере относится к этому архитектурному стилю. Все это отражено в экспликациях и экскурсионных программах, тем самым русская древность предстает во взаимосвязи не

только с византийской, но и западной культурной традицией.

С 1990-х гг. «золотая эпоха» получила развитие за счет актуализации истории связей с Ганзейским союзом. Традиционно Новгород подается как член (в действительности — один из крупнейших городов-филиалов) этой сетевой торговой организации, которая в XIII–XVI вв. контролировала значительную часть Балтийской торговли. Еще в 1980 г. был основан Ганзейский союз Нового времени — международная межмуниципальная организация бывших городов-членов. В 1993 г., первым в России, в нее вступил Великий Новгород. Это «изобретение европейской традиции» одновременно позволяло привлекать туристические потоки и дополнительное финансирование на

развитие исторической инфраструктур. В 1994–1999 гг. эта организация выделила со-финансирование на реставрацию второго по древности храма города — Николо-Дворецкого собора (1113 г.), где сохранились уникальные фрески середины XII века — одно из древнейших в России аутентичных изображений Страшного суда (Разина 2017: 3). В 2009 г. город принимал XXIX Ганзейские дни (крупный культурно-экономический фестиваль), в честь чего в самом историческом центре, на Ярославовом дворище, недалеко от средневекового Немецкого двора, был открыт Ганзейский знак — памятник в виде двух кораблей и крупный фонтан, инкрустированный гербами 16 стран, чьи города входят в эту неправительственную организацию. Недалеко на территории гостиницы «Трувор» в настоящие дни находится небольшая харчевня «Ганза» (правда, даже на уровне названий блюд не пытающаяся имитировать германскую или балтийскую кухню). Собственно ганзейская тематика имеет важное значение для позиционирования города на международной арене — через участие в ганзейских мероприятиях, студенческих обменах и выставочных проектах (в 2015 г. в Любеке был открыт Музей Ганзы, куда из Новгородского музея-заповедника передали 25 предметов, в 2019 г. в Великом Новгороде открылась тематическая выставка «Новгород и Ганза: окно в Европу») (Новгород и Ганза 2019).

В Пскове миф о «золотой эпохе» опирается на богатое архитектурное наследие в виде кремля (Крома) и церквей, а также в последние годы усилен за счет экспозиций (на территории кремля) о воеводстве Ордин-Нащекина и реконструкции купеческих палат Постниковых — они одинаково прославляют псковскую самобытность именно XVII столетия (Клейменова, 2010, С. 41)². Как и в Великом Новгороде, имперский период фактически вычеркнут из пространства актуализированной истории, что отчасти соответствует чаяниям той части интеллигенции, которую, как литературного критика В. Курбатова, можно причислить к национал-патриотической обществу. 3 февраля 1997 г. он оставил примечательную запись в дневнике: «Мне интересны свои псковские роды, потому что я вижу, как они сделали город, как наполнили его историей, как довели до цветения в XV–XVI веках, как были сломаны Петром и этапированы в Петербург. Чтобы на живой силе и крови псковской традиции установить новую империю, приживить и оплодотворить европейскую привозную культуру своей, сделать ее могуче жизнеспособной для расширения имперского строительства» (Курбатов 2012: 211–212)³. Но и этот взгляд на региональную историю не был осмыслен и закреплен в публичном пространстве.

В то время как образ северо-западного щита фиксируется прежде всего

² Любопытно, что обнаруженные фрески середины XIV века были либо реставрированы и переданы в фонды Эрмитажа, либо во фрагментарном виде хранятся в ящиках в Псковском музее.

³ Заметим, что становление регулярной экскурсионной деятельности в городе в начале 1920-х гг. также связано с рассказом об этом, доимперском периоде истории. См.: (Филимонов 2013).

в риторике чиновников, журналистов, педагогов, он четким образом не выражен ни в городском пространстве, ни в музейных экспозициях. Скорее речь идет о разрозненных элементах: прославление князя Довмонта (XIII век) в топонимике, православной традиции, гербе и отдельных мероприятиях; городская легенда о том, что часть обрушившихся внешних укреплений города — это тот самый пролом, созданный во время обороны от польских войск Стефана Батория; отдельные памятники, связанные с Великой Отечественной войной и нацистскими преступлениями.

Как и в соседнем Новгороде, не без усилий федерального центра увязывание региональной и общенациональной исторической повестки осуществляется за счет Александра Невского и прославление его победы над внешним врагом (немцами-крестоносцами) в Ледовом побоище. В 1993 г. под Псковом на Соколихе, а в 2021 г. уже на берегу Чудского озера были установлены масштабные памятники великому князю и его дружине. Недалеко от последнего, в дер. Самолва, еще в 2012 г. был основан Музей Ледового побоища (изначально муниципальный, затем стал частным). Его основатель В.А. Потресов продвигает тезис об этой битве как одной из ключевых для той эпохи, окрашивая память о нем в антизападные и православные тона (см. также: Ледовое побоище, 2018). Проблема заключается в более жесткой привязке князя к городской истории. В 2021 г. в Кроме была открыта временная планшетная выставка как часть общегосударственных мероприятий к 800-летию

рождения Александра Невского. Показательным образом, более десятка стендов рассказывали историю князя и его дальнейшего прославления, однако собственно к городской истории относились либо упоминания об участии псковичей в ледовом побоище, либо обзор псковской топонимики. Учитывая долгую историю противостояния Пскова и Новгорода, для ряда псковских культурных элит Александр Невский все же остается новгородским, а значит чужим князем.

Описанные выше практики формирования исторической идентичности Пскова ведут к деактуализации транснациональной перспективы, хотя исторически для ее проявления есть не меньше оснований, нежели в Великом Новгороде. Так, город является членом Ганзейского союза нового времени, крупный международный фестиваль прошел в 2019 г., однако и в музейном, и в городском пространствах значимость этой темы выражена намного слабее.

Еще сложнее ситуация обстоит в Смоленске, который, единственный из рассматриваемых нами городов, продолжительное время (в 1395–1514 гг. и 1611–1654 гг.) находился в составе другого государства — Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Потенциально «золотой эпохой» могла бы стать история Смоленского княжества, однако в публичном поле она актуализирована только в экспозиции Исторического музея (регионального подчинения). Образ самодостаточного Смоленского княжества некоторыми государственниками рассматривается как угроза сепаратизма или

как потакание, впрочем, непопулярным представлениям о том, что Смоленск — исконно белорусские земли. Показательна рецензия на один региональный учебник истории, подготовленная в 2016 г. в федеральной исполнительной дирекцией Российского военно-исторического общества: «излагаемая в учебном пособии версия средневековой истории Руси нацелена на формирование такого варианта региональной идентичности, при котором Великое княжество литовское (ВКЛ) будет ассоциироваться для смолян со своей “исторической прародиной”, смоленский край — отождествляться с “белорусскими землями”, захваченными людьми из Московии, причем последним (пресловутым “москови́там”) отказано в праве считаться русскими людьми» (Кононов 2016). Этот отзыв был размещен на личном сайте В.А. Кононова, который в 2013–2014 гг. был директором областного департамента культуры и туризма.

Польский период истории также проблематичен. С одной стороны, экспозиция Исторического музея подробно рассказывает о нем, а также об успешной интеграции польского дворянства в состав российской элиты. Через памятники культуры и городскую мифологию память об этом периоде вкраплена в городское пространство: в историческом центре находится построенный поляками земляной Королевский бастион, установленная в начале 2010-х гг. историческая табличка на трех языках — русском, английском и польском — рассказывает о его истории. Обращает на себя внимание и восприятие городских часов как тех, что висели на городской ратуше

в XVII в. Эту историю мы встречаем даже в путеводителе, написанным упомянутым В.А. Кононовым, в разделе с характерным названием «Отголоски польской эпохи». Факт состоит в том, что имеющиеся часы созданы в XIX в. взамен старых. Разрыв традиции и отсутствие физической преемственности не мешает актуализировать преемственность пространственную и фактически воображаемую.

С другой стороны, власти строят городскую идентичность Смоленска через образ «западного щита России», объединяя борьбу против поляков (1609–1611 гг.), французов (1812 г.) и немцев (1941–1944 гг.). Первые два военных события напрямую связаны с главной актуализированной достопримечательностью города — Смоленской городской стеной. Прямолинейной визуализацией этой преемственности стал установленный в 2015 г. Памятник воинам, защитникам и освободителям Смоленска на площади Победы. Через фигуры солдат и барельефы с надписями он недвусмысленно отсылает к этим «трем ратным подвигам». Еще в 1987 г. в одной из башен Смоленской городской стены появился военно-исторический музей с симптоматичным названием «Смоленск — щит России».

Образ щита развивается за счет военно-исторических экспозиций, причем именно поляки и немцы предстают в качестве основных врагов. Оборона 1609–1611 гг. занимает почти целый зал в Историческом музее (в то время как бои за город в 1812 г. растворены в общей истории Отечественной войны), с нее же начи-

нается новая (2018 г.) экспозиция в Катынском мемориале (научная концепция разрабатывалась в федеральном центре — в Государственном центральном музее современной истории России и РВИО). Она посвящена противоречивым, но как пытаются доказать создатели, в целом позитивным, российско-польским отношениям XX века. Вводная отсылка к XVII веку, по нашему мнению, отражает желание напомнить, что все же поляки были историческими врагами на этой земле. Обновленная в 2015 г. экспозиция музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» целый зал посвящает обстоятельному рассказу об оккупации и разных группах жертв нацистского террора (включая евреев и цыган). Ни в одном из других городов музея не раскрывают тему так подробно.

Соседний — и тоже пограничный — Брянский регион также с середины XIV в. примерно 1,5 столетия находился в составе Великого княжества Литовского, однако этот период представлен лишь небольшим стендом в общей экспозиции Брянского краеведческого музея (областного подчинения) и не актуален для исторической памяти. Миф о «золотом веке», скорее, разворачивается вокруг советской истории, что теснейшим образом связано с Великой Отечественной войной и борьбой против немецких оккупантов. В 2000–2010-е гг. за пределами города власти при поддержке местного бизнеса создали два развитых музейно-мемориальных комплекса — «Партизанская поляна» (героическая слава) и «Хадцунь» (трагедия мирного населения). Последний посвящен уничтожению

одноименной русской деревни в ходе карательной акции. Для нашего исследования он значим тем, что Брянская область не единственная пострадавшая от нацистской оккупационной политики, однако только здесь был к началу 2010-х гг. создан действительно масштабный мемориал, отражающий трагедию мирного населения. В музейном комплексе, однако, нет ярко-очерченного образа врага. Центральный элемент — фильм из довоенных фотографий жителей деревни, который демонстрируется над витриной с пулеметной лентой, найденной на месте расстрела. Другими словами, создатели попытались продемонстрировать мирную жизнь, уничтоженную в ходе террора.

Отчасти как и в Смоленске, историческая идентичность Тулы на протяжении десятилетий развивалась через образ «южного щита Москвы» за счет отсылок к Средневековью — Куликовской битве (в 1996 г. на территории области создан федеральный музей «Куликово поле»), основанию Тульского кремля (тематически связан с обороной от набегов крымских татар в XVI–XVII веках, в 2015 г. здесь открыли еще и памятник Дмитрию Донскому) и обороны 1941 г. Правда, отличным являются сами способы работы с этими сюжетами: их разработка местными культурными элитами ведет к раскрытию страниц собственно городской тульской истории. Так, археологические работы на Куликовом поле с 1980-х гг. привели к формированию местной археологической школы и открытию неизвестных ранее средневековых страниц региона. В 2010-е гг. одним из итогов реконструкции Кремля

стали экспозиции, опять же на основе археологических данных, о самобытной истории жителей Тулы XVI–XVII вв. Даже в Музее обороны Тулы, открытом в конце 2021 г. в местном Парке «Патриот» (на средства федерального министерства обороны), экспозиция устроена таким образом, что показывает не сражения на конкретной территории, а визуализирует образ сражающегося городского сообщества, во всем его многообразии.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМАТИЧНОСТЬ ОБРАЗА ВРАГА

Чаще всего в музеях, городских пространствах и средствах массовой информации «международное» появляется при обращении к военной тематике. Истории о борьбе против внешнего врага, будь то на территории самого региона или за его пределами, стали теми точками, которые связывают общенациональный и региональный исторические сюжеты: «местным» оказывается то, что является историей России в целом. По этому принципу выстроены военно-исторические экспозиции областных музеев. В ряде городов существуют обособленные военно-исторические музеи (в Костроме, Рязани, Владимире, Туле), в них также преемственность эпох передается механистично: объединяют совершенно разные страницы военного прошлого и участие местных жителей в них. Этой же логике следуют и частные музеи оружия (Ярославль, Рязань) или ратной славы (Тверь).

В изучаемом мезорегионе из всех войн наибольшей актуальностью

пользуются Великая Отечественная война, Смутное время (противостояние полякам и отчасти шведам — Калуга, Смоленск, Великий Новгород, Псков, Калуга, Ярославль, Тверь, Кострома) и эпохи монгольского господства (Тверь, Рязань, Владимир, Тула, Калужская область). Войны имперского периода — Северная, наполеоновские, Крымская, Первая мировая, реже русско-турецкая 1877–1878 гг. и русско-японская 1904–1905 гг. — находят отражение лишь в небольших экспозициях или редких памятниках, потому говорить о формулировании образа врага не приходится. Показателен здесь Смоленск: с Наполеоном связана опустошительная оккупация города и разрушение ряда башен Смоленской городской стены. Однако об отсутствии укоренившегося образа врага свидетельствуют события лета 2021 г., когда по инициативе французской стороны в центре города прошли раскопки и были обнаружены останки похороненного здесь генерала Гюдена. Поисковая экспедиция вызвала широкий интерес местной общественности, проект курировался федеральным министерством культуры, а останки в итоге передали французской стороне, причем определенные противоречия в восприятии этой темы во Франции были поданы провластными РИА Новостями как намечающийся отказ от торжественного перезахоронения, что называлось варварством и проявлением трусости (Франция испугалась, 2021). Ничего подобного относительно перезахоронения любого немецкого генерала эпохи Второй мировой войны представить невозможно.

Более того, излишняя эксплуатация темы врага может вызывать сложно-

сти в тех случаях, когда «его потомки» оказываются членами современной российской нации. В частности, на федеральном уровне на протяжении 2010-х гг. власти Калужской области неоднократно лоббировали включение в официальный перечень дней воинской славы и памятных дат России (утвержден ФЗ № 32) такой даты, как 11 ноября – День победы в «стоянии на Угре». Этот вопрос в 2019 г. рассматривался в Государственной Думе (Шуленова 2019), однако калужским властям отказали ввиду возникшего скандала с участием властей Татарстана. Борьба за состав официальных памятных дат имела и вполне прагматическое значение: Калуга нуждалась в дополнительных аргументах с целью привлечения федерального финансирования на развиваемые историко-туристические проекты. Так, с 2017 г. 11 ноября является памятной датой Калужской области, а с 2019 г. село Дворцы получило региональный статус «Рубежа воинской славы», здесь же проводится и культурно-исторический фестиваль «УграФест» (РИО 2020).

Использование темы внешней угрозы вовсе не означает создание яркого, развернутого образа врага. Его презентация, преимущественно через упоминания, предметы вооружения и униформы, делает образ блеклым, скорее абстрактно-воображаемым. Чем глубже эпоха, тем легче музейные сотрудники идут на сопоставительный рассказ о противоборствующих армиях. Пожалуй, главным исключением является тверская интерактивная экспозиция «Четыре эпохи воинской славы», открытая в 2017 г. при местном от-



Фрагмент экспозиции «Четыре эпохи воинской славы», Тверь, 2020

делении Союза десантников России. Используемая для программ патриотического воспитания, она представляет собою серию манекенов воинов разных эпох в полном боевом обмундировании и вооружении. Наравне с отечественными солдатами показаны и противники, включая период Великой Отечественной войны. Такой подход обусловлен акцентом на прояснение боевой тактики разных эпох. Один из создателей экспозиции, который вел экскурсию автору данных строк (лето 2020 г.), обратил внимание, что в ходе занятий до молодежи доносится мысль о необходимости знать противника. В других музеях такое структурное сопоставление противников может быть частью экспозиции, но не основным структурным элементом. Например, в Историческом музее Владимира (экспозиция 2003 г.) визуальный рассказ о штурме города в 1238 г. обрамлен реконструированными

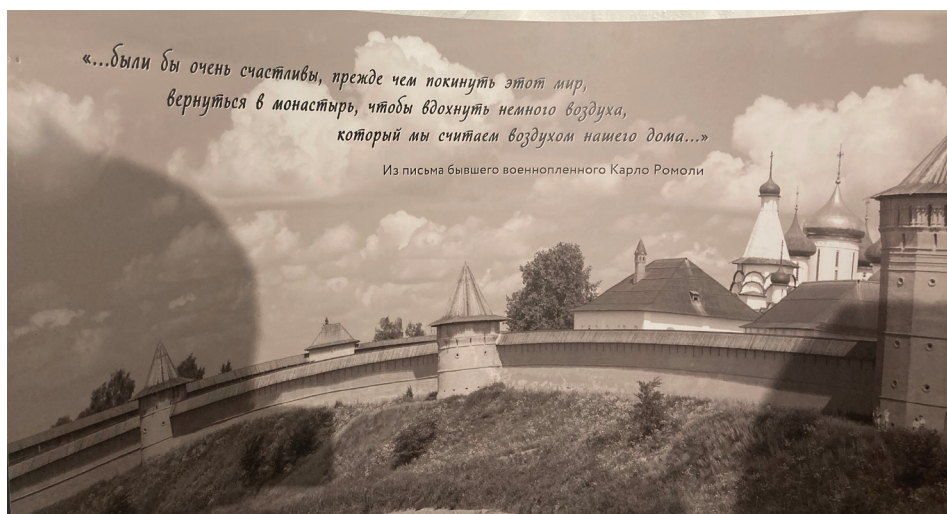


Фрагмент экспозиции Военно-исторического центра «Маршал Победы — Георгий Константинович Жуков», Калуга 2021 г.

русской наблюдательной вышкой и монгольской кибиткой. В Алексеевской башне Новгородского кремля (экспозиция 2020 г.), рассказывающей о гарнизоне крепости, ее штурме шведскими войсками в 1611 г. и последующей оккупации, одинаково представлены манекены шведских и русских солдат и офицеров.

Показательны здесь и образы противников СССР в годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, в музеях Смоленска, Брянска, Великого Новгорода и Ярославля (Музей боевой славы) они присутствуют в виде указаний на те страдания, которые претерпели мирные жители. С другой стороны, собственно визуализацию мы обнаруживаем только в двух местах. В калужском музее «Маршал победы Г. К. Жуков» (открыт в 2020 г.), где значительная

часть экспозиции выстроена через «ожившие» декорации, рассказ о боях за Берлин дополняется яркими образами немцев, по-разному ведущих себя в осажденном городе — большинство ожесточенно сражаются, жители пытаются бежать, один офицер переодевается в гражданскую одежду. Совершенно иным предстает Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале (составная часть федерального Владимиро-Суздальского музея-заповедника). Экспозиция «Суздальская тюрьма. Летопись двухвековой истории» (2001 г.) выстроена как история места, которое долгое время использовали в качестве пенитенциарного учреждения. Отсюда и последовательное объединение разных групп заключенных, включая преследовавшихся по политическим мотивам в императорское и советское время. Среди них мы обнаруживаем интернированных в начале Второй мировой войны чехословацких военных во главе с Л. Свободой, которые уже в 1941 г. воевали вместе с Красной Армией. Отдельный стенд рассказывает об их размещении в бывшем монастыре и дальнейшей совместной героической борьбе. Несведущему посетителю требуются определенные усилия, дабы понять этот неожиданный переход: обличение политических репрессий неожиданно перебивается героическим рассказом, что, на наш взгляд, лишний раз подчеркивает противоречивость и нелинейность истории. Уже в дальнейшем в монастыре располагали военнопленных немецкой и союзных им армий. Несколько стендов акцентируют тяжелые условия их жизни, помощь и внимание со стороны местных жителей, а завершается рассказ демонстрацией совместных



Фрагмент экспозиции «Сплетение судеб», Суздаль, 2022 г.

памятных мероприятий 1990-х гг. В центр внимания выносятся то, как еще-вчера-смертельные-враги начинают взаимодействовать, а человечность позволяет преодолеть вполне понятное отчуждение.

Более подробно судьбы итальянских пленных представлены в выставке «Сплетение судеб» (2003 г., второй раз открыта в 2021 г.). Первая ее часть опять обращается к их личному опыту пребывания в плену, с акцентированием скорее добрых контактов между местными жителями и пленными, а также восприятию последними культурного наследия города. Как и в предыдущей выставке, здесь также гуманизм и древняя культура становятся теми нитями, которые зашивают раны войны. Вторая часть посвящена Андрею Тарковскому, который снимал «Андрея Рублева» у стен этого монастыря. Это обстоятельство необходимо для перехода к фигуре его друга, итальянского художника и сценариста Тонино Гуэрра. Побывав в Суздале

и узнав о судьбе итальянских пленных, он передал часть собственных произведений, в т.ч. посвященных городу, для создания этой экспозиции. Выставка являет целую палитру образов и человеческих связей, разворачивающихся во времени вокруг древнего Суздаля как носителя русской древности.

Стоит обратить внимание, что существующий институт побратимства между российскими и зарубежными городами в рассмотренных нами региональных столицах ярким образом себя не проявил, однако мы обнаружили два симптоматичных случая, когда в 2010-е гг., на фоне все возрастающей героизации Великой Отечественной войны, были осуществлены отдельные проекты, связанные с темой российско-германского примирения, и именно обращение к теме побратимства дало возможность их реализации и публичной легитимации. Так, в начале 2010-х гг. сотрудничество между российским Владимиром и германским Эрлангеном

нашло выражение в посадке на Площади Победы в 2011 г. Дуба дружбы, установке соответствующего памятного знака, а также во встречах ветеранов РККА и Вермахта (Владимирские ветераны 2016). В Великом Новгороде в 2021 г. открывалась выставка, на которой были представлены образы города военных лет, созданные двумя художниками, которые в те годы воевали здесь друг против друга — Г. Грюнера и С. Пустовойтова.

ПО ТУ СТОРОНУ ОБРАЗА ВРАГА

В существующих символических пространствах и мифы о «золотой эпохе», и военное прошлое, как правило, представляют внешний мир в качестве источника угрозы. Это, действительно, значимый, но далеко не единый смысловой контекст появления международного измерения. Если сделать шаг в сторону от доминирующих исторических сюжетов к последовательному изучению всех существующих музейно-символических пространств как таковых, то мы обнаружим ряд других способов соотношения местных, общенациональных и международных историй.

Первый способ, обнаруженный в государственных музеях Вологды, Калуги и Рязани, предполагает, что обращение к международному служит главной задаче — **подчеркнуть мировую значимость представляемых событий**. Л. Парц, утверждала, что если традиционно провинциальность противопоставлена столичности (Москве), то по мере усиления региональной идентичности возможны попытки «нарисовать в вообра-

жении новые центры символической власти, чтобы заменить ими прежний, переставший удовлетворять» (Парц 2022: 99). Наши примеры в своем большинстве не подтверждают этот тезис.

Показателен здесь рязанский Музей истории воздушно-десантных войск (текущая экспозиция с 2018 г., в подчинении Центрального музея вооруженных сил России), в котором начало экспозиции повествует о зарубежном (XVI–XIX века) опыте развития парашютизма (из которого вырастает уже наша, российская, традиция), а последние — о международном военном сотрудничестве — участии российских десантников в миссиях ООН и десятки стендов с униформой армий дружественных иностранных государств.

Сходным образом один из ключевых музеев Вологды — Музей кружева (регионального подчинения, открыт в 2010 г.) начинает рассказ о развитии этого вида текстильной промышленности с того, что собственно кружево появилось в Италии раннего Нового времени и на вологодскую землю было перенесено в начале XIX века усилиями одной из помещиц. Тем самым то, что воспринимается как нечто русско-народное, на поверку — и экспозиция этого не скрывает! — оказывается изначально заимствованным и элитарным, однако вскоре развитым на местной земле и укоренившимся в (просто)народной культуре.

Третий пример — Государственный музей истории космонавтики в Калуге, подчиненный федеральному министерству культуры. Старая экс-

позиция была открыта еще в 1967 г., однако в конце апреля 2021 г. добавилось новое здание с масштабной мультимедийной экспозицией, переориентирующей смысловое значение экспозиции. Если в «старом здании» рассказ о мировой истории освоения космоса переходит в повествование о развитии ракетно-космической мысли России и СССР, то в «новом» современные отечественные достижения в космической отрасли буквально вплетены в историю международного космического сотрудничества и ряда зарубежных космических программ. Продвигаемая идея о лидерстве нашей страны в этой области не сопровождается забвением чужих заслуг. Новую экспозицию сложно назвать последовательной и линейно-нарративной: она направлена на эмоции, погружает посетителя в мир космической экзотики, а потому открыта для множественной интерпретации. Учитывая тематическую перекличку с домом-музеем К. Э. Циолковского и относительно новым музеем А. Л. Чижевского, мы можем говорить о сочетании локальных, национальных и глобальных нарративов в городском историко-мемориальном пространстве.

К этой же культурной логике мы готовы отнести работу местных культурно-политических элит по включению имеющихся объектов культурного наследия в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, что имеет зна-



Фрагмент экспозиции Музея космонавтики, Калуга, 2021 г.

чение с точки зрения привлечения международного туристического потока. Впрочем, сам процесс является многоступенчатым и даже попадание в Предварительный список представляет прохождение ряда промежуточных инстанций, включая федеральное министерство культуры и структуры, связанных с российским МИД⁴. Из 19 российских объектов списка Всемирного наследия, внесенных туда по культурным, а не природным критериям, 5 находятся в нашем мезорегионе — исторические памятники Новгорода и окрестностей, белокаменные памятники Владимира и Суздаля (оба — 1992 г.), ансамбль Ферапонтова монастыря

⁴ Изначально готовится заявка, которая обсуждается в экспертной среде. Затем власти региона должны передать ее в федеральное министерство культуры, которое в свою очередь отправляет заявку в российский комитет ИКОМОС, откуда она отправляется в Комиссию Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, потом — в Постпредство России при ЮНЕСКО и только затем передается Центру Всемирного наследия. Там она публикуется на сайте и считается внесенной в российский предварительный список Всемирного наследия, после чего на сессии комитета Всемирного наследия она включается в общий Предварительный список.

(2000 г.), исторический центр Ярославля (2005 г.), храмы псковской архитектурной школы (2019 г.). При этом во всех других рассматриваемых нами областях поднимался вопрос о включении тех или иных памятников культуры в этот список.

Показательно экспертное обсуждение, состоявшееся в начале 2021 г. в Смоленске по вопросу подготовки соответствующей заявки для Смоленской крепостной стены. Камнем преткновения стало обсуждение соответствия критериям, и прежде всего, 6-му, требующему доказательства универсальной ценности. По мнению директора музея «Смоленская крепость», С. Пиляка собственно военная слава и должна служить обоснованием: «Говоря о шестом критерии, мы аргументируем свою позицию важными историческими событиями, живым свидетелем которых стала Смоленская крепость. Город-герой Смоленск свой особый статус получил заслуженно <...> Яркими страницами жизни крепости стали русско-польские войны XVII века, Северная война, Отечественная война 1812 года, Вторая мировая война» (Стенограмма, 2021, с. 19). Другими словами, он предложил опереться на образ «Смоленск — щит России» и попытаться в позитивном ключе ретранслировать его во вне. На что получил достаточно вежливое возражение президента российского комитета ИКОМОС Л.В. Кондрашова, который указал на сложность номинации военных объектов и необходимость апеллировать к другим критериям включения в список.

Заметим, что частные усилия могут и сойти на нет, как например, воло-

годский Музей дипломатического корпуса, открывшийся в 1997 г. и закрывшийся в 2012 г. ввиду отсутствия поддержки со стороны местных властей. Судя по материалам блога создателя музея А. Быкова, музей привлекал иностранных туристов, однако одновременно некоторые чиновники считали его «американским гнездом» (Разрыв, 2012).

В некоторых частных музеях Тулы, Твери и Рязани мы обнаруживаем **второй** способ обращения к международному — помещение локальной истории в **транснациональную перспективу** (выше к этой же логике можно отнести актуализацию ганзейской тематики в Великом Новгороде). Принципиальное отличие с точки зрения устройства экспозиции и подачи материала предстает в визуализации связей между местным и международным измерениями при незначительности «промежуточного» национального уровня, связей многочисленных, далеко не всегда ожидаемых, прямых и логически очерченных.

Музей козла (2008 г.) в Твери отталкивается от этнографического факта о развитии сафьянового производства в Твери XVII века — выделки козлиной кожи для сафьяновых сапог. Экспозиция, расположенная в нескольких залах, представляет посетителю серию образов козлов (в статуэтках, живописи, скульптурах, названия и пр.) по всему миру. Схожим образом устроен и интерактивный Музей истории рязанского леденца (2017 г.). Он отсылается к основанному в XIX веке сахарному заводу Н. П. Шишкова. Основные залы посвящены личности владельца

и его участие в Отечественной войне 1812 г., реконструированы рабочий кабинет и внутреннее помещение деревянной избы, где делались сахар и леденцы. Однако эта местная история вставлена в контекст не национальный, т.е. сахарного производства России, а транснациональный: начинается экспозиция с Александра Македонского, который якобы первым из европейцев попробовал этот продукт, и Христофора Колумба, т.к. на открытом им американском континенте культивировался сахарный тростник. В витринах можно увидеть реконструируемые предметы быта индейцев. В Туле в 2019 г. открылся частный мультимедийный Музей станка, где история промышленности России, включая Тульскую область, показана через сеть транснациональных технологических новаций, заимствований, поисков, собственных изобретений или ошибочных решений. Обратим внимание и на исторический салон «Аромат времени» (2019 г., проект экскурсовода К. Паначевой), рассказывая о бытовой культуре Рязани XIX–XX вв., прежде всего, парфюмерии, он отсылает к первому в городе парфюмерному магазину Максимилиана Факторовича, который после эмиграции в США прославился под именем Макс Фактор. Этот бренд косметики благодаря рекламе достаточно известен в России.

Третий способ восходит к наследию советской эпохи, когда навязываемые официально **представления о «дружбе народов»** делали возможным музейное отображение некоторых «инородных» местных сюжетов. На излете советской эпохи в Ярославле стал формироваться

мемориальный музей белорусского поэта М. Богдановича, часть молодости которого прошла в этом городе. Повествование о его семье и жизни дополняется рассказом о вкладе в белорусскую поэзию и тоске по родным местам. С 1995 г. этот мемориальный музей официально называется Центром белорусской культуры. Из монументов, сохранившихся с советских времен, стоит обратить внимание на те из них, которые были легитимированы советской идеологической системой, прославляющей как марксизм (памятники К. Марсу в Твери, Туле, Калуге и Ярославле), так и братство по оружию (в Рязани — 1-й польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко).

Четвертый способ обращения к международному уже предполагает наличие размытой границы между «иностранном/иноэтничным» и является результатом намерения **местных диаспор** обозначить себя в символическом пространстве. В Вологде в сквере напротив драмтеатра в 2012 г. был открыт памятник российско-армянской дружбе (дань вкладу армянских бизнесменов в экономику города); подобный крест удалось обнаружить и в Пскове около храма Александра Невского (установлен в 2003 г.). В 2015 г. под Великим Новгородом (на фото) усилиями армянской общины на территории Хутынского монастыря установили памятный крест-хачкар в память 100-летия геноцида армян. Правда, с точки зрения городских мемориальных пространств эти инициативы не являются центральными. В Костроме в 2015 г. появился частный Музей цыганской культуры и быта (это еще и единственное



Памятный крест-хачкар в память 100-летия геноцида армян, Великий Новгород, 2021 г.

музейное пространство России, где рассказывается о геноциде цыган в годы Второй мировой войны). В Калуге отдельная экспозиция, посвященная имаму Шамилю (по завершении Кавказской войны около 10 лет он находился здесь в почетном плену), частично устроена на средства местной дагестанской диаспоры.

В-пятых, наиболее полно и ярко «международное» локализуется в ряде областных картинных галерей (они также являются «музеями», согласно общепринятой международной терминологии). В Твери, Ярославле, Рязани, Калуге, Туле, Владимире и Смоленске они начали формироваться вскоре после революции, вобрав в себя частные коллекции из бывших дворянских усадеб. Тем самым посетители могут соприкоснуться с творчеством не только отечественных классиков, составляю-

щих «канон российского изобразительного искусства» (от Рокотова до Айвазовского, Репина, Лентулова, Коровина и пр.), но и зарубежных мастеров XVII – начала XX века (вплоть до мировых классиков, как например, П. П. Рубенс в Калужском музее изобразительных искусств).

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Все описанные выше примеры касались тех образов, где международное измерение достаточно органично вписывается в господствующий исторический нарратив. И образы врага, и историко-культурные связи, и символы внешнего признания — все это вполне очевидно способствует формированию «позитивного образа себя», что и является основной задачей государственной исторической политики. Совершенно иначе обстоят дела, когда речь идет об ответственности за собственные преступления, совершенные в отношении иностранных граждан. В частности, одной из проблемных страниц является тема расстрела польских военнопленных органами НКВД весной 1940 г. — всего более 20 тыс. человек. Эти акты совершались в разных регионах СССР, однако два крупных расстрела были осуществлены под Смоленском (около деревень Козьи Горы и Катынь) и Тверью (около пос. Медное). В советское время ответственность за Катынь перекладывалась на нацистов (Медное полностью замалчивали), однако в 1988 г. Советский Союз официально признал свою ответственность. Уже в современной России в 2010 г. Государственная Дума принята соот-



Мемориал в Катыни, фото 2021 г.

ветствующее заявление, и В.В. Путин, и Д.А. Медведев неоднократно высказывались на эту тему, не оставляя сомнений в том, кто именно осуществлял расстрелы.

В 2000 г. в Катыни и Медном были открыты музейно-мемориальные комплексы. Катынский мемориал отсылает одновременно к двум разным группам сталинских репрессий — польским военнопленным 1940 г. (более 4 тыс.⁵) и советским гражданам (более 8 тыс.). Изначально доминантой являлась память о польских жертвах: масштабный мемориал с ржавыми (символ страданий) плитами убитых; входная часть обрамлена польскими военными символами,

напротив поклонного креста — католический, православный, иудейский и мусульманский знаки (внутреннее многообразие жертв). Также при входе на место расстрела советских граждан был установлен красный православный крест, а недалеко — вагон-теплушка. Память о репрессированных советских гражданах имела значение как для смолян в целом, так и для Смоленской епархии РПЦ в особенности (здесь был убит прославляемый ныне архиепископ Смоленский и Дорогобужский Серафим).

Несмотря на однозначную позицию в академической исторической науке параллельно в России развивал-

⁵ Общее количество расстрелянных военнопленных поляков оценивается более чем в 22 тыс. человек, однако лишь 4,4 тыс. из них были убиты именно в Катыни.

ся и катынский ревизионизм, отрицающий участие НКВД в расстрелах и рассматривающий признание советскими властями вины за них в качестве одного из факторов распада СССР. Отрицание преступлений оказалось теснейшим образом спаяно с имперским комплексом и ностальгией по советскому. Это изначально не затрагивало государственную политику памяти в отношении Катыни и Медного, однако в 2010-е гг. в ней наметились серьезные изменения.

В 2012 г. оба мемориала переподчинили находящемуся в Москве Государственному центральному музею современной России. Через несколько лет началась перестройка Катыни, нацеленная размыть тему убийства поляков, причем не только за счет акцентирования сторонних исторических сюжетов (содержащих прямые обвинения в адрес поляков), но и за счет трагедии советских граждан. В 2017 г. при участии федеральных политиков на месте захоронения советских граждан был открыт масштабный памятник. Тогда же появились два выставочных пространства. Первое расположено при входе, оно посвящено польским и советским жертвам сталинского террора: собственно политический и идеологический контексты, причины репрессий и ответственные остались за кадром (отсутствие образа преступника резким образом отличает этот мемориал от европейских «музеев памяти»), в то время как посетителям предлагается соприкоснуться с частными трагедиями — фотографии, личные вещи из могил, документы, в т.ч. и копии свидетельств о реабилитации. Непосредственно на террито-

рии мемориала был открыт второй экспозиционный павильон, где представлена экспозиция, посвященная истории советско-польских отношений XX века и намеренно подчеркивающая позитивные стороны отношений двух народов. Недалеко от вагона-теплушки разместилась и постоянная планшетная выставка, посвященная советско-польской войне 1919–1921 гг. и акцентирующая трагедию советских военнопленных. Ранее планшеты рассказывали об истории политических репрессий в Смоленской области. Все это говорит о стремлении размыть тему сталинских преступлений. Стоит особо отметить, что 2017–2018 гг. в определенной степени стали рубежными для развития Катынского мемориала: еще до этих лет музей вел относительно широкую научную деятельность (ежегодными являлись и Вестник Катынского мемориала, и сборник «Дорогами памяти», публикующий воспоминания бывших жертв политических репрессий или их родственников — обе серии являлись результатом труда Г.А. Андреевской), то с тех пор эта значимая работа прекратилась ввиду сокращения научных сотрудников.

Обратим внимание, что недалеко от входа есть плита, установленная ещё в 1980-е гг.: здесь немцы якобы расстреляли более 500 советских военнопленных. Документальных подтверждений этому нет, а появление знака было связано со стремлением советской стороны приписать собственные преступления нацистам. Смысловое значение этой плиты в пространстве мемориала никак не обыграно, в то время как экскурсовод (август 2021 г.) описывает его как не-

кий кенотаф. В июне 2021 г. здесь же была открыта временная планшетная выставка, посвященная нацистскому террору на смоленщине.

Последовательное стремление размыть тему репрессий против польских граждан через обращение к нацистским преступлениям и трагедии советских военнопленных, то есть одну трагедию ненавязчиво сопоставить с другими (если не противопоставить), вероятно, мотивировано желанием убедить посетителей в ее тривиальности и отвести их внимание от неудобного вопроса о ее корнях и политической ответственности, хотя собственно сам мемориал и является воплощением последней. По иронии, то, как это делается, наоборот, может заставить посетителя сравнивать сталинский СССР и гитлеровскую Германию, а отсутствие достаточных исторических сведений лишь подтолкнет к самым фантастическим выводам.

Следующий этап развития темы связан с Тверью, где в 2020 г. демонтировали на бывшем здании НКВД две мемориальные таблички — одна была посвящена репрессированным в целом, другая — расстрелянным полякам. Примечательной особенностью стало то, что местные власти стремились публично дистанцироваться от этого. Формальным поводом стало то, что якобы в начале 1990-х эти знаки были установлены без надлежащих документов. Это происходило на фоне активизации деятельности отрицателей ответственности НКВД за расстрелы в Катыни и Медном тверских, смоленских и московских общественников и некоторых лиц, имеющих научные степени по исто-



Плита-кенотаф о якобы убитых здесь советских военнопленных, фото 2021 г.

рическим наукам. Серия публичных мероприятий обозначила формирование межрегиональной сети отрицателей, причем участие в отдельных заседаниях лиц, аффилированных с Российским военно-историческим обществом, заставило внешних наблюдателей предполагать наличие государственной поддержки. Обратить внимание, что сам В.Р. Мединский, председатель РВИО, будучи депутатом Государственной Думы, голосовал за упомянутое выше заявление 2010 г.

Таким образом, мы видим, что обращение к международному измерению многочисленными нитями вплетено в региональные исторические

идентичности. В одних случаях — это осознанный выбор участников политики памяти, в другой — производное от имеющегося культурного наследия или актуализируемых исторических сюжетов. Если уподобить прошлое глине, то свобода лепки все равно ограничена свойствами имеющегося материала. Количественное доминирование образа врагов не столько является ответом на «текущую конъюнктуру», сколько укоренено в долгой культурной традиции. Однако этим способы осмысления связей с внешним миром не исчерпываются, что указывает на способность к самостоятельному мышлению представителей местных культурных элит и принципиальную невозможность подвергать историю под заданные шаблоны. «Русская древность», как и русская провинция в целом, ищет своего осмысления в международной и транснациональной перспективах. И если в последнее десятилетие мы видим немало примеров того, как региональные культурные элиты не без успеха усилили разговор о самобытности, о субъектности своих сообществ, то более детальная разработка практик работы с международным все же требует дополнительных усилий.

Автор благодарит И.Н. Гребенкина (Рязань), Д.Ю. Асташкина (Великий Новгород), Г.В. Бакуса (Тверь), М.Д. Кербилова (Ярославль), а также анонимных рецензентов, за рекомендации при подготовке статьи

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисов 2018 — *Борисов Н.* Михаил Тверской. М.: Молодая гвардия, 2018.

Владимирские ветераны 2016 — Владимирские ветераны и гости из Германии навестили Дуб дружбы // Без формата. 2016. 23 июня. URL: <https://vladimir.bezformata.com/listnews/germanii-navestili-dub-druzhibi/47991622> (дата обращения: 20.09.2022).

Клейменова 2010 — *Клейменова Т.В.* Фрески Довмонтова города: история открытия, реставрации и экспонирования // Псков в отечественной истории. Псков, 2010. С. 40–47.

Кононов 2016 — *Кононов В.А.* Кому Сигизмунд Жигимонт // Сайт Владислава Кононова. 2016. 7 сент. URL: <http://vkononov.ru/2016/09/komu-sigizmund-zhigimont/> (дата обращения: 20.09.2022).

Курбатов 2012 — *Курбатов В.* Бегущая строка. Псков, 2012.

Ледовое побоище 2018 — Пресс-релиз. Конференция «Ледовое побоище. Взгляд из XXI века» // Ледовое побоище: [сайт]. 2018. 27 окт. URL: <https://xn---btbbhecсхu6abcbl8m.xn--p1ai/news-21-09-2018.html> (дата обращения: 20.09.2022).

Новгород и Ганза 2019 — Новгород и Ганза: окно в Европу: каталог. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019.

Парц 2022 — *Парц Л.* В поисках истинной России. Провинция в современном националистическом дискурсе. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Алетейя, 2022.

Разина 2017 — *Разина Н.А.* Памятники Ярослава дворища. Великий Новгород, 2017.

Разрыв 2012 — Разрыв отношений // Премьер. 2012. 13 нояб. URL: <https://premier.region35.ru/archive/2012/11/np788/s35.html> (дата обращения: 20.09.2022).

РИО 2020 — 11 ноября в Калужской области отмечают региональный праздник // Российское историческое общество. 2020. 11 нояб. URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/kaluga/novyy-regionalnyj>

prazdnik-kaluzhskoj-zemli.html (дата обращения: 20.09.2022).

Стенограмма 2021 — Стенограмма тематического совещания экспертов // Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения: сб. материалов Международного науч.-практ. семинара-конференции / Сост. С. А. Пиляк. Смоленск, 2021.

Филимонов 2013 — *Филимонов А. В.* Экскурсионная и краеведческая деятельность В. А. Федорова в Пскове // Васильевские чтения. СПб., 2013. С. 42–51.

Франция испугалась 2021 — Франция испугалась возвращения героя из России // РИА Новости. 2021. 13 июля. URL: <https://ria.ru/20210713/geroy-1740973755.html> (дата обращения: 20.09.2022).

Шулепова 2019 — *Шулепова Е.* День Стояния на Угре может стать государственной памятной датой // Российская газета. 2019. 14 июля. URL: <https://rg.ru/2019/07/14/reg-cfo/den-stoianiia-na-ugre-mozhet-stat-gosudarstvennoj-pamiatnoj-datoj.html> (дата обращения: 20.09.2022).

REFERENCES

11 nojabrja v Kaluzhskoj oblasti otmechajut regional'nyj prazdnik // *Rossijskoe istoricheskoe obshhestvo*. 2020. 11 Nov. URL: <https://historyrussia.org/otdeleniya/kaluga/novyj-regionalnyj-prazdnik-kaluzhskoj-zemli.html> (data obrashhenija: 20.09.2022).

Borisov N. *Mihail Tverskoj*. Moscow: Molodaja gvardija, 2018.

Filimonov A. V. Jekskursionnaja i kraevedcheskaja dejatel'nost' V. A. Fedorova v Pskove // *Vasiliovskie chtenija*. St. Petersburg, 2013. P. 42–51.

Francija ispagalas' vozvrashhenija geroya iz Rossii // *RIA Novosti*. 2021. 13 July. URL: <https://ria.ru/20210713/geroy-1740973755.html> (date of access: 20.09.2022).

Press-reliz. Konferencija “Ledovoe poboišhe. Vzgljad iz XXI veka” // *Ledovoe poboišhe*. 2018. 27 Oct. URL: <https://xn---btbbheccxu6abcbl8m.xn--p1ai/news-21-09-2018.html> (date of access: 20.09.2022).

Klejmenova T. V. Freski Dovmontova goroda: istorija otkrytija, restavracii i jekspirovanija // *Pskov v otechestvennoj istorii*. Pskov, 2010. P. 40–47.

Kononov V. A. Komu Sigizmund Zhigimont // *Sajt Vladislava Kononova*. 7 Sept. URL: <http://vkononov.ru/2016/09/komu-sigizmund-zhigimont/> (date of access: 20.09.2022).

Kurbatov V. *Begushhaja stroka*. Pskov, 2012.

Novgorod i Ganza: oknu v Evropu: katalog. Velikij Novgorod: Novgorodskij muzej-zapovednik, 2019.

Parc L. *V poiskah istinnoj Rossii. Provincija v sovremennom nacionalisticheskom diskurse*. Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press; Aletejja, 2022.

Razina N. A. *Pamjatniki Jaroslavova dvořishha*. Velikij Novgorod, 2017.

Razryv otnoshenij // *Prem'er*. 2012. 13 Nov. URL: <https://premier.region35.ru/archive/2012/11/np788/s35.html> (date of access: 20.09.2022).

Shulepova E. Den' Stojanija na Ugre mozhet stat' gosudarstvennoj pamjatnoj datoj // *Rossijskaja gazeta*. 2019. 14 July. URL: <https://rg.ru/2019/07/14/reg-cfo/den-stoianiia-na-ugre-mozhet-stat-gosudarstvennoj-pamiatnoj-datoj.html> (date of access: 20.09.2022).

Stenogramma tematicheskogo soveshhanija jekspertov // *Muzeefikacija fortifikacionnyh sooruzhenij: problemy i puti ih reshenija: Sb. materialov Mezhdunarodnogo nauch-prakt. seminar-konferencii* / Sost. S. A. Piljak. Smolensk, 2021.

Vladimirskie veterany i gosti iz Germanii navestili Dub družby // *Bez formata*. 2016. 23 June. URL: <https://vladimir.bezformata.com/listnews/germanii-navestili-dub-druzhbi/47991622> (date of access: 20.09.2022).

МАРИЯ-КРИСТИНА ГАЛЬМАРИНИ: «СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЖИЗНЬ ПРИВЕЛА МЕНЯ В РОССИЮ И ПРИОБРЕТЕННЫЙ ТАМ ОПЫТ И ОСОБЕННО ЛИЧНЫЕ СВЯЗИ ПРОЧНО ПРИВЯЗАЛИ МЕНЯ К НЕЙ»

Аннотация: Профессор Гальмарини рассказывает о своей семейной памяти, о своем опыте изучения русского языка и культуры, о своих исследованиях, посвященных истории людей с особыми потребностями в СССР и их положении в современной России, а также о нынешнем проекте издания переписки итальянского военнопленного времен Второй мировой войны с советской медсестрой.

Ключевые слова: Италия, семейная память, русский язык и русская культура, люди с особыми потребностями, Вторая мировая война, письма как исторический источник.

Сведения об авторе: Мария-Кристина Гальмарини, ассоциированный профессор Департамента истории имени Харрисона Раффина Тайлера в Колледже Уильяма и Мэри (Виргиния). Email: mgalmarinikaba@wm.edu.

MARIA CRISTINA GALMARINI : "LIFE HAD BROUGHT ME TO RUSSIA AND THE EXPERIENCES I HAD THERE, ESPECIALLY THE PERSONAL CONNECTION, KEPT ME TIED TO IT"

Abstract: Professor Galmarini talks about her family memory, her experience of studying Russian language and culture, her research on the history of disabled people in the USSR and the problems of their everyday life in contemporary Russia, and her current project of publishing the correspondence of a former Italian prisoner of war from the Second World War with a Soviet nurse.

Keywords: Italy, family memory, Russian language and Russian culture, disabled people, World War II, letters as a historical source.

Corresponding author: Maria Cristina Galmarini, Associate Professor, The Harrison Ruffin Tyler Department of History in the College of William&Mary in Virginia. Email: mgalmarinikaba@wm.edu.

Мария-Кристина Гальмарини автор книг: *The Right to Be Helped: Entitlement, Deviance, and the Soviet Moral Order*. Northern Illinois University Press, 2016; *Ambassadors of Social Progress. A History of International Blind Activism in the Cold War*. Cornell University Press; Northern Illinois University Press, 2024.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Дорогая Кристина, наш журнал специализируется на исследованиях памяти. Поэтому в ходе интервью мы проверяем гипотезу Яна Ассманна о том, что коммуникативная (семейная) память современных людей ограничена тремя поколениями (промежутком 80–100 лет). Как глубока ваша семейная память?

М.-К.Г.: Семейная память, по моему мнению, определяется такими факторами как класс, местожительство (город или село), образование и гендер. Я происхожу из семьи наемных сельскохозяйственных работников (farm hands) из Северной Италии, из региона, где закон об обязательном начальном образовании начал исполняться, да и то не в полной мере, только после Второй мировой войны. Поэтому грамотность не входила в число важнейших ценностей моих предков, которые были поглощены материальными заботами. В этой культуре нищенского существования было принято знать всех односельчан, но, похоже, не было свободного времени и сил, чтобы вспоминать прошлое. Моя личная память не простирается дальше бабки и деда с материнской стороны. А моя семей-

ная память достигает только двух предшествующих поколений и при этом она постоянно претерпевает изменения, так как не опирается на письменные документы.

С.Э.: Семейная память большинства современных людей включает трагические события Второй мировой войны. Как они отразились в вашей семейной памяти?

М.-К.Г.: В моей семье передается история об отце моей матери Джузеппе. Согласно этой истории *дедушка* (поппо) Джузеппе был в плену на территории Австрии и был спасен от пребывания в трудовом лагере семьей местного мясника, которая нуждалась в помощнике. У этой супружеской пары не было детей, поэтому они обратились к администрации лагеря в поисках работника. Мой дед умел забивать скотину и поэтому был выбран ими для работы. Я уже говорила, что никаких документов, подтверждающих эту историю, не сохранилось. Существуют лишь смутные воспоминания моей матери и ее братьев и сестер, что их отец ругался на немецком, когда сердился, и что в первые годы после войны на их адрес на Рождество приходили посылки с колбасой.

С. Э.: Славистические исследования не особенно популярны среди западных ученых. Почему вы выбрали это направление? Может у вас есть предки из Восточной Европы?

М.-К. Г.: У меня нет восточноевропейских предков. Русский язык я учила во время учебы в колледже в Милане. В 1998 я впервые посетила Санкт-Петербург и в 2001 провела некоторое время в Москве. Меня сильно влекло к русскому языку, вашей культуре и людям. Поэтому я стремилась лучше изучить историю страны, сложными и на первый взгляд парадоксальными процессами которой я была очарована смолоду. Разумеется, мое интеллектуальное любопытство могло обратиться к другим историческим сюжетам (разве существуют страны, история которых не была бы сложной и парадоксальной?), но случилось, что жизнь привела меня в Россию, и приобретенный там опыт и особенно личные связи прочно привязали меня к ней.

С. Э.: Вы свободно говорите на русском и ваше произношение очень близко к речи носителей языка. Как вам удалось добиться этого?

М.-К. Г.: Итальянская фонетическая система не сильно отличается от русской. При этом мелодика наших языков во многом не совпадает, поэтому даже двадцать лет спустя я говорю на русском с итальянскими интонациями. А беглости речи мне удалось добиться, благодаря годам, проведенным в России, частым поездкам туда впоследствии и нынешнему ежедневному общению с русскоговорящими друзьями.

С. Э.: Ваши книги и статьи преимущественно посвящены истории людей с особыми потребностями в Советском Союзе. Почему вы избрали эту тему?

М.-К. Г.: Я взялась за нее, когда начала работать над первой книгой «Право на помощь». Меня заинтересовало каким образом в послереволюционный период и в сталинском СССР понятие «помощь» эволюционировало вместе с правом на ее получение. Для рассмотрения этого вопроса я решила выявить в советском обществе группы людей, которые нуждались в помощи более других. Таким образом я пришла к исследованию истории Всесоюзных обществ слепых (ВОС) и глухих (ВОГ). Я посвятила много лет изучению деятельности этих организаций, особенно ВОС, и расширила рамки исследования, включив другие социалистические страны. Я старалась выяснить существовали ли какие-либо возможности для защиты прав слепых в восточноевропейских социалистических странах и когда обнаружила свидетельства их существования, то решила выяснить каким образом действия в поддержку людей с особыми потребностями в этих странах отличались от привычного для американского общества протестно-ориентированного активизма в этой сфере.

С. Э.: В советское время и даже сейчас в России быть «инвалидом» — это своего рода стигма. Возможно, причиной являются первобытные предрассудки, основанные на симпатической магии («подобное подобным»), но большинство наших граждан не только избегают контактировать с людьми с особыми

потребностями, но даже не хотят их замечать, поэтому в российском публичном пространстве так мало пандусов и других приспособлений, позволяющих данным категориям передвигаться. Как бы вы объяснили этот дефицит сочувствия? Это действительно результат «архаического наследия», до сих пор не изжитого по причине насильственной, слишком стремительной и потому поверхностной модернизации советских людей или существуют другие причины?

М.-К.Г.: Я бы не сказала, что стигма порождена недостатком сочувствия и не согласна, что это исключительно советский феномен. Существует множество причин стигматизации людей с особыми потребностями и природа стигмы менялась как в историческом времени, так и в географическом пространстве. Говоря о сегодняшней России, хочу отметить, что отношение к человеческому разнообразию, включая телесные особенности, стало гораздо более терпимым, хотя стигматизация все еще в значительной степени распространяется на людей с интеллектуальными так называемыми «дефектами». Разумеется, тут предстоит еще многое сделать, но когда я наблюдаю инициативы в этом направлении, продвигаемые, например, музеем Гараж в Москве, то вижу зерна позитивных изменений, по меньшей мере, в сферах культуры и представления. Другое дело, как сделать общественную жизнь для этих категорий более доступной: здесь необходимо спросить, почему правительство не выделяет достаточных средств для преобразования инфраструктуры, почему, когда средства все-таки вы-

деляются, преобразования в этой сфере ведутся столь некачественно и неэффективно. Что за инженеры планируют пандусы, которые упираются в стены? Это не шутка, но реальность, которую каждый может наблюдать в российских городах, если обратит внимание на вопросы доступности.

С.Э.: Могли бы рассказать о вашем новом проекте по подготовке публикации переписки между бывшим итальянским военнослужащим, попавшим в плен на Восточном фронте в 1942, и русской медсестрой?

М.-К.Г.: Сейчас я работаю над двумя проектами, относящимися к истории итальянского военнопленного, который провел три года в советском военном госпитале в Мордовии, пока не был репатриирован осенью 1945. Первый проект — это научная публикация на русском его переписки с бывшей советской медсестрой, которая во время войны служила в том же госпитале. Благодаря счастливой случайности, они нашли друг друга в феврале 1992 и сразу начали вести интенсивную переписку, которая продлилась до 1999. В их письмах воспоминания о прошлом чередуются с размышлениями по поводу настоящего. Ценность данной переписки состоит в том, что наряду с памятью и ностальгией они представляют свидетельства о восприятии старости, состояния здоровья, семейных отношений в столь разных странах как Россия и Италия 1990-х. Второй проект представляет реконструкцию жизни того же итальянского военнопленного, начиная с его увлечения фашистскими идеями в довоенной молодости, до непростой адаптации

к мирной жизни в послевоенной Италии. Этот проект основан на неопубликованных мемуарах итальянского участника названной переписки. Я буду писать об этом на английском

для американских студентов и историков, интересующихся русской историей.

С. Э.: Спасибо за интервью!

КАРЛ ШЛЁГЕЛЬ: «СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ — ЭТО ПОЛНОСТЬЮ НЕБЫВАЛОЕ ЯВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ТРЕБУЕТ НОВЫХ ПОДХОДОВ И, ВОЗМОЖНО, НОВЫХ ОТВЕТОВ»

Аннотация: Профессор Шлёгель рассказывает о своей семейной памяти, о причинах занятия советской историей, отвечает на вопросы Алексея Голубева по поводу различных аспектов своей новой книги «Советский век: Археология потерянной цивилизации».

Ключевые слова: Германия, СССР, семейная память, восточноевропейские исследования в ситуации вторжения в Украину, влияние советского прошлого на современную Россию

Сведения об авторе: Карл Шлёгель, историк, эссеист, почетный профессор Европейского университета Виадрина (Франкфурт на Одере, Германия). Email: karl.schloegel@web.de.

KARL SCHLÖGEL: "THE DISSOLUTION OF THE SOVIET EMPIRE IS ENTIRELY NEW AND DEMANDS NEW APPROACHES AND PROBABLY ANSWERS"

Abstract: Professor Schlögel talks about his family memory, the reasons of his involvement in Soviet studies, answers to questions of Alexei Golubev regarding various aspects of his new book *The Soviet Century. Archeology of a Lost Civilization*.

Keywords: Germany, USSR, family memory, East European studies in the situation of the invasion of Ukraine, influence of the Soviet past on contemporary Russia

Corresponding author: Karl Schlögel is a historian, essayist, and professor emeritus at Europa-Universität Viadrina Frankfurt (Oder), Germany. Email: karl.schloegel@web.de.

Карл Шлёгель автор книг: Moskau lesen, Berlin 1984, (transl. English, French, Russian); Jenseits des großen Oktober. Petersburg 1909–1921. Das Laboratorium der Moderne, Berlin 1988; Das Wunder von Nishnij oder die Rückkehr der Städte. Berichte und Essays, Frankfurt am Main 1991 (transl. Italian, Dutch); Berlin Ostbahnhof Europas. Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert, Berlin 1998 (transl. Russian, French); Promenade in Jalta und andere

Städtebilder, München/Wien (transl. French, Dutch, Polish); Moscow 1937, Cambridge 2012 (transl. Russian, Lithuanian, Spanish, Italian, Polish, Swedish, Dutch 2012); Ukraine – Nation on the Borderlands, London 2016 (transl. Ukrainian, Russian, Swedish, Spanish); To Read Time in Space. History of Civilization and Geopolitics, Chicago 2016 (transl. Italian, Spanish, Polish); The Scent of Empires. Chanel No.5 and Krasnaya Moskva, London 2022 (transl. in many languages); The Soviet Century. Archeology of a Lost Civilization, Princeton 2023 (transl. Italian, Spanish)

С. Э.: Дорогой профессор Шлёгель, я признателен за согласие дать интервью нашему журналу, который после начала путинской агрессии против Украины переместился в Молдавию. Первый вопрос традиционный, так как наш журнал специализируется на исследованиях памяти. Ян Ассман утверждает, что семейная (коммуникативная) память современных людей охватывает три поколения или промежутков не более чем 80–100 лет. Как глубока ваша семейная память? Пытались ли вы найти архивные документы о своих предках?

К. Ш.: Я происхожу из крестьянской семьи из Южной Германии. История усадьбы, где я вырос, восходит к войне 1520-х и к Тридцатилетней войне (1618–1646). На кладбище у нашей церкви воздвигнуты памятники на могилах солдат, погибших в ходе Франко-прусской войны (1870–1871), Первой мировой войны и большое пространство занимают могилы погибших на Восточном фронте в 1939–1945. Я рос уже после войны, и в нашей семье возник типичный конфликт поколений 1968 года, так как мой отец — участник войны, большую часть времени провел на Восточном фронте.

С. Э.: Советские исследования не очень популярны в западной науке. Что привлекло вас к этой теме? Может у вас есть русские предки?

Как я уже сказал у меня нет семейных связей с Россией. Но свою жену я встретил во время учебы в Москве и моя дочь там выросла. Существуют биографические обстоятельства, которые способствовали моему интересу к Восточной Европе и России. В нашем селе после войны проживали т. н. «перемещенные лица», т. е. те, кто бежали с Востока. В католической гимназии, где я учился, нам преподавали русский язык, поскольку один из учителей был родом из Белостока. Я посетил Прагу в довольно раннем возрасте, так как увлекся Кафкой. В 1966 в нашей школе была организована автобусная экскурсия в Москву с посещением Киева. Это были сильные впечатления. Я всегда чувствовал себя комфортно и среди рядовых ветеранов войны, и среди диссидентов, как на московских кухнях, так и в их парижском изгнании. Я много путешествовал по просторам бывшей империи.

С. Э.: Повлияет ли путинская агрессия против Украины на восточноевропейские исследования?

К. Ш.: Решительным образом. В конце 1980-х начале 1990-х у нас была группа студентов-энтузиастов, ездивших в Польшу и Россию, которые изучали языки. У нас у всех были тогда планы научных проектов, путешествий и сотрудничества. Мы ездили на конференции

и в совместные экспедиции по Волге, на Беломор-канал, на Соловки. Мы многому научились у *соратников* из Мемориала, многие из которых сейчас вынуждены покинуть Россию.

Сейчас возможности для путешествий, работы в архивах и организации конференций в России практически отсутствуют. В какой-то степени сохраняются контакты с друзьями. Но каким образом мы можем обеспечить поддержку новой диаспоры — это сложная задача. Я хорошо представляю это, поскольку много сил потратил на изучение истории Русского Берлина и немецких изгнанников в Америке.

Должен последовать полный «перезапуск» — переосмысление, пересмотр — российских исследований. То же самое должно быть сделано в области украинской истории, о которой большинство исследователей Восточной Европы до 2014 знали очень мало или вообще ничего. Необходимо осмыслить, что такое путинизм, каковы глубинные исторические предпосылки войны, каковы длинные циклы (*longue durée*) русской истории.

Параллельно с книгой о Советском столетии я только что закончил книгу об Американском столетии. Она будет опубликована этой осенью. Обе книги представляют параллельные истории, так как я путешествовал по США в то же время, что и по России. Я закончил мою российскую историю на Волге, так как мне не удалось ее завершить из-за оккупации Крыма Путиным. Следовательно, Волга должна подождать,

но она продолжит течь, когда Путин уйдет.

С.Э.: Я попросил моего коллегу Алексея Голубева, который является доцентом (*associate professor*) истории в Университете Хьюстона, задать вопросы по поводу вашего фундаментального исследования.

А.Г.: Я рад представленной возможности прочитать вашу замечательную книгу «Советский век: Археология потерянного мира». В моей недавно опубликованной монографии «Вещная жизнь: Материальность позднего социализма» (основанной на моей докторской диссертации 2016 г.) обсуждаются некоторые из тех же самых пространств и объектов позднего социализма, включая подьезды и коллекции музеев, поэтому мне было особенно интересно прочитать ваши рассуждения на тему советских материальных, визуальных, литературных и символических предметов, пусть даже в конечном итоге мы исходим из разных исследовательских целей. Разумеется, я бы предпочел дискуссию *вживую* — наш текущий формат напоминает мне шахматы по переписке, правда, с важным дополнением: вы получаете все мои «ходы» одновременно. В любом случае, я с удовольствием прочитаю ваши ответы.

К.Ш.: В ходе независимого изучения мира разными исследователями всегда возникают сходные мысли. В определенный момент они каким-то чудесным образом неизбежно встречаются. Так происходят смены парадигмы, которые Томас Кун называл научной революцией.

А. Г.: Ключевая метафора книги органистична: Советский Союз как «жизненная форма с ее собственной историей, зрелостью, упадком и смертью». Более того, эта жизненная форма уже стала окаменелостью, отсюда подзаголовок вашей книги: «Археология потерянной цивилизации». *Какого рода эвристическая и аналитическая ценность заключается в концептуализации СССР как навеки утраченного места и события (хронотопа)?* Способствует ли это «остранению» советского исторического опыта? Является ли это попыткой вырваться из редукционистской тоталитарной концепции?

К. Ш.: У меня нет систематической теории, нет особого метода для выработки плана, я следую своему интуитивному подходу. Я свободно иду за материалом (веществом?) даже если это именуется эклектикой. Моим идеалом является хорошо обученный, всем вокруг интересующийся фланер с феноменологически настроенным глазом. Он прибегает ко всем дисциплинам, он сторонник «эклектики» и дилетант. Согласно моему разумению и опыту пространство и место недооцениваются, настоящая история России возникнет только когда будет освоено пространственное измерение и пространственно-временные отношения. После овладения этой проблемой возникнут новые формы рассказа, новые режимы наррации, но это мы сможем обсудить либо в Хьюстоне, либо в другом месте.

А. Г.: В продолжение предыдущего вопроса: *каковы потенциальные риски подобного понимания совет-*

ского исторического опыта в терминах потерянного мира, ждущего своих археологических раскопок?

Комментарий к данному вопросу: когда археологи открывают или откапывают объекты и помещают их в реальные (или виртуальные) выставки, это всегда операция деконтекстуализации: зрителям предлагается воспринимать и потреблять эти предметы как любопытные знаки прошлого, которые совсем не важны для нас здесь и сейчас. Мы не идем на выставку о Помпеях для того, чтобы лучше понять, как преодолеть расовую сегрегацию и насилие в современных США; мы идем на эту выставку ради зрелища о «древнем прошлом» человеческой цивилизации. Если взять в качестве примера Ленина: его работы об империализме и праве наций на самоопределение были определены частью «советского века», однако в вашей книге гораздо больше внимания уделяется его болезни и мумификации. Или другой пример: «Краткий курс истории ВКП(б)» занимает в вашей книге важное место, которого совсем не нашлось для критики российского переселенческого колониализма и эпистемического насилия российской имперской историографии (Ключевский и Ко), сложившейся в трудах Михаила Покровского и опередившей постколониальный поворот в западной науке как минимум на полвека. Согласитесь ли вы или нет, что ваша ключевая метафора, в принципе, определяет выбор тем в книге?

К. Ш.: Возможно, я не совсем понял вашу мысль. Деконтекстуализация —

это только первый шаг по разборке, изучению составных частей и новой сборке (de-composing, ana-lysing, and re-composing), в результате чего обнаруженный «золотой слиток» становится способным включить в себя вселенную своего времени. Вместить в одной точке весь мир или ситуацию в виде кристалла — это сложнейшая задача. Можно назвать это анекдотическим подходом или способом продемонстрировать всеобъемлющую природу истории (l'histoire total) в одном моменте или в одном объекте. Для этого надо найти материал особого типа. На поиск подходящего объекта приходится, согласно моему опыту, 80% исследования, остальное — это усердие и тяжелая работа с найденным материалом.

А. Г.: Последний вопрос, касающийся общей рамки книги: *правильно ли я понимаю, что вы написали «Советский век» как историю исторической исключительности?*

Был лишь один уникальный Советский Союз; его следы можно раскопать либо через материальные объекты в беньяминовской манере, либо через текстологический анализ а-ля Фуко, или через анализ изображений, как это предлагает Ролан Барт в «Camera Lucida». Причиной, почему меня интересует этот вопрос и ваш ответ, является то, что советский век можно интерпретировать и как часть глобального XX в. Барахолка в Измайловском парке напоминает мне блошинный рынок в Билефельде, куда я часто заходил во время стажировки в местном университете и где я купил книгу для домохозяйек-нацисток с наклейкой о нюрнбергерских расовых законах. Прожив в Хьюстоне шесть лет,

я вижу много общего между «русской глубиной» (глава 38) и деревнями в луизианских и тexasских болотах. Мне очень понравилось Ваша отсылка к СССР как к «империи музеев», однако я не могу не думать о том, что советские коллекции возникли так же, как и многие коллекции в европейских музеях: через отъем собственности у ее законных владельцев. Все региональные и многие местные музеи в России обладают богатыми коллекциями православных икон, которые были экспропрированы в местных приходах — примерно таким же насильственным образом англичане отбирали по всему миру предметы, которые оказались в прекрасном Британском музее. Вы говорите о «западном музее» как отличающемся от своих советских аналогов (с. 21) — однако если мы добавим эту (пост-)колониальную перспективу, будут ли они настолько различными?

К. Ш.: Ваши наблюдения и комментарии в целом верны. Я с ними согласен, но это поставит перед нами далеко идущий вопрос о функции музеев, выходящей за рамки отношений между посетителем и музейной экспозицией (muzeality, muzealization). Я тут только рекомендовал бы книгу Питера Миллера о материальной культуре (Miller, Peter N. *History and Its Objects. Antiquarianism and Material Culture since 1500*. Cornell University Press, 2017). Материальные объекты как реализация и включение социальной, культурной и т. д. жизни, т. е. веберовский поиск и построение теории. Предметы и артефакты читаются как воплощение социальных структур, ценностей и т. д.

А. Г.: Ваша книга показательна внимательна к социальным отношениям в советском обществе: например, вы показываете, как, несмотря на провозглашенное еще при Сталине бесклассовое общество, класс все-таки имел значение (например, глава о подъездах). В свете этой внимательности к комплексному, иерархическому и разнородному социальному ландшафту СССР, в том числе в его последние десятилетия, *что вы думаете о концепции «советского человека» Юрия Левады и Льва Гудкова?*

К. Ш.: Я являюсь поклонником Юрия Левады, с которым имел счастье встречаться, и я в полной мере восхищаюсь мощью работ его учеников, исследователей которых он обучал и формировал. Я осознаю формативную энергию Советской системы, которая соблазняет порассуждать по поводу генезиса особого антропологического типа, полностью новой личности, но я в это не верю. Я предпочитаю немного мень-

ше Макса Вебера и немного больше Георга Зиммеля.

А. Г.: Если бы вам пришлось писать эту книгу сейчас, когда продолжается война между Россией и Украиной, *занял бы в ней империализм более заметное место?* Если да — как бы вы объяснили его преемственность от поздней Российской империи через «советский век» до путинской России? Были ли это разные империализмы, или между ними существует генеалогическое родство?

К. Ш.: Ситуация распада такой огромной формации как континентальная империя слишком уникальна. Мы можем многое понять на примерах разрушения других империй — Британской, Испанской и т. д., но Советская империя это полностью небывалое явление, которое требует новых подходов и, возможно, новых ответов.

Спасибо за интервью!

Катриона Келли

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ [УТРАЧЕННОЙ] РУССКОЙ ЖИЗНИ

Рец.: Karl Schlögel, *The Soviet Century: Archaeology of a Lost World*, trans. Rodney Livingstone (Oxford and Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023)

Аннотация: В рецензии на энциклопедический компендиум Карла Шлөгеля, посвященный советской материальной культуре, доказывается, что книга дает представление о теме, но далеко не исчерпывает ее. Так большинство материалов относятся к РСФСР и организованы скорее ассоциативным способом, чем путем строгой классификации. В то время как ряд сюжетов составлены, скорее, «по долгу службы», чем благодаря заинтересованности автора, большая часть книги представляет виртуозные эссе, при этом профессиональные исследователи могут упрекнуть автора как в отсутствии строгой аналитики, так и в недостаточном внимании к исследовательской литературе.

Ключевые слова: Советская история, сталинизм, материальная культура, изобразительное искусство, урбанистические исследования.

Сведения об авторе: Катриона Келли, ведущий научный сотрудник, в области российских исследований, Тринити колледж, Кембридж, Великобритания, почетный профессор российских исследований университета Кембриджа. Email: ck616@cam.ac.uk

Catriona Kelly

'ENCYCLOPAEDIA OF [LOST] RUSSIAN LIFE.'

Rev.: Karl Schlögel, *The Soviet Century: Archaeology of a Lost World*, trans. Rodney Livingstone (Oxford and Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023).

Abstract: This review of Karl Schlögel's encyclopaedic compendium on Soviet material culture argues that the book is representative rather than exhaustive — for example, most of the material relates to Russian Soviet culture specifically -- and organised in a way that depends on associative, rather than strictly rigorous classifications. While a few entries seem to have been composed more out of duty than real engagement, overall, the book is an essayistic tour de force, even

if academic readers may miss a strong analytical drive, and detailed attention to recent secondary literature.

Keywords: Soviet history; Stalinism; material culture; visual arts; urban studies

Corresponding author: Catriona Kelly, Senior Research Fellow in Russian, Trinity College, Cambridge, UK Honorary Professor of Russian, University of Cambridge, UK. Email: ck616@cam.ac.uk

Похоже, что эта огромная книга задумана как попытка представить всеобъемлющую панораму советских (точнее российских советского времени) исторических реалий: от городских пространств, в которых происходила Октябрьская революция до «московских кухонь», где представители оппозиционной интеллигенции вели свои «подпольные» контркультурные дискуссии. Организация книги избегает четких принципов классификации, где бы, например, противопоставлялись: внешние пространства — внутренним, сельские реалии — городским, развлечения — работе вкупе с домашними хлопотами. Так, часть VI посвящена жилым пространствам, а часть VII — «публичному пространству», при этом дача, рассмотрение которой было бы уместным в части VI, появляется в «Оазисах свободы» (24-я глава, часть V), а огромные «жилмассивы», возникшие в результате интенсивной программы жилищного строительства конца 1950-х — начала 1980-х, фигурируют в 37-й главе (часть VII). Понятно, что ни одна тема не вписывается полностью в рамки ограничивающих ее понятий и «границей», разумеется, является не только пространство «ритуалов» (часть IX, глава 41), но также и «публичное пространство», а к 1991, как это описывает Владислав Зубок в своей недавней книге об эпохе Горбачева «Коллапс: падение Советского

Союза» (Zubok 2021), все «границы» в равной степени могли быть отнесены к части I «Осколки империи», как это было, например, в Шереметьеве в канун Нового 1991 года, когда ни один пограничник не присутствовал на паспортном контроле. Тем не менее, возникает ощущение, что «неклассифицируемость» порождена Шлэгелем умышленно.

Такое намеренное своенравие является неотъемлемой чертой книги и не случайно издательская аннотация отмечает, что это в большей степени «музей» и «путеводитель», чем академическое исследование. Не трудно привести список сюжетов, отсутствующих в этой «энциклопедии [утраченной] русской жизни», написанной из перспективы второго десятилетия двадцать первого века. Так поездкам и вокзалам посвящена часть XVI «Железные дороги империи», но отдельной главы об авиасообщении, которое стало обыденностью в позднесоветский период, нет. Несколько мини-эссе рассказывают о лагерях и тюрьмах, но ничего не говорится о больницах как противоположности санаториям, и о школах как противоположности неформальным интеллектуальным собраниям взрослых. В этих «умолчаниях» не просматривается какой-либо системы. Но в рассуждениях о дачах больше внимания уделяется роскошным загородным жилищам сталинского

периода (вроде той дачи, что была запечатлена в фильме Никиты Михалкова «Утомленные солнцем», 1994), чем *садоводствам*. Подобным же образом автор в большей степени фокусируется на коммунальных квартирах, чем на *хрущевках* и их безымянных брежневских аналогах. Все это свидетельствует, что Шлэгеля не особо, за исключением диссидентов, интересует поздний советский период. Также примечательно стремление «следовать литературе»: если обсуждение еды в основном ограничено «флагманом» — «Книгой о вкусной и здоровой пище» и обзором столовых, кафе, а также гренков и салата Оливье, что подавали на «московских кухнях», то это, вероятно, объясняется наличием обширной литературы по этой теме (на самом деле она гораздо внушительней той, что приводится автором в сносках), хотя другие аспекты культуры питания еще изучены в недостаточной степени (при этом работа Эрика Скота «Съедобная этничность: Как грузинская кухня завоевала советский стол» (Scott 2012), которая представляет важный вклад в тему и была опубликована за несколько лет до немецкого издания, могла бы направить Шлэгеля в «другую кроличью нору», если бы он этого захотел).

Эта зависимость от существующей историографии не означает, что в обращении Шлэгеля с материалом отсутствуют инициатива и оригинальность. Если приготовление пищи рассматривается им в большей степени «по необходимости», чем как результат искреннего интереса, то в других случаях явно ощущается его личная вовлеченность. Так, «Магнитогорск, пирамиды

двадцатого века» (часть II, глава 7) сочетает личные впечатления от поездки в этот город в 1993 с историей его строительства, основанной на книге Стивена Коткина «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация» (Kotkin 1995). При этом личным вкладом Шлэгеля в тему является сюжет о «специфической красоте индустриальных и созданных по плану пейзажей» (р. 144) и его воспоминания о «руинах мегамашины, простершейся по всей стране» (р. 154). Несколько глав являются виртуозными эссе (*essayistic tours de force*): «Днепр-прогэс: Америка на Днепре» (часть II, глава 6), или «Оберточная бумага: упаковка» (часть IV, глава 16), или же такие разделы других глав, как фарфоровые украшения и пианино. Особенно впечатляет «ария», посвященная «туалетам (имеются в виду ватерклозеты) как цивилизирующему пространству», показанными вместе с отталкивающими и отвратительными чертами этого «удобства», которое до недавних пор являлось роскошью (чего Шлэгель не отмечает) для многих русских.

Феноменологический подход Шлэгеля уделяет внимание таким недооцененным явлениям как диорамы, а также, хорошо известным, благодаря художественной литературе, журналистике и историческим исследованиям, сюжетам: очередям, коммунистическим парадом, «спецхранам» запрещенных книг в крупных библиотеках. Похоже, что неудачи подстерегают его только там, где материал ускользает от непосредственного контакта с автором. Таков неудачный раздел о провинциальной жизни «Русская глубинка — мир за пределами больших городов» (часть

VII, глава 38), сочетающий «жвачку» из впечатлений других людей с собственными наблюдениями из окна автобуса. Но даже в данном сюжете недочеты компенсируются способностью к эффектной фразеологии: неизвестно одобряют ли такое описание политические географы, но сравнение современных российских агрохолдингов с «латифундиями» (р. 447), несомненно, врезается в память.

С одной стороны панорама СССР, представленная Шлэгелем, ограничена преимущественно территорией РСФСР. Главные, к сожалению неоднозначные в современном контексте, исключения — это Донбасс и Крым. С другой стороны обзор пространства и территориального разнообразия в сочетании с множеством исторических событий — чрезвычайно амбициозен. Такой подход «широкой кистью» неизбежно смазывает детали. Одно дело ограниченный набор источников. Так описывая духи «Красная Москва», Шлэгель больше полагается на ретроспективные воспоминания, чем на технологии советских химиков и предписания Госстандарта (некоторые из которых можно найти, не вставая с рабочего места, в Интернете). Другое дело — общий тон. Для Шлэгеля характерно использование «риффов», импровизированных фрагментов, наполненных энтузиазмом, порой несколько чрезмерным. Все мы можем согласиться с тем, что качество цветных иллюстраций в «Книге о вкусной и здоровой пище» 1952 года было «поразительным», но не все будут придавать этому слову тот положительный смысл, который ему придает автор.

Иногда его просто «заносит». Забавным примером может служить выбор Хабибуллы Галиуллина «неграмотной татарской женщины [sic!], которая научилась строить доменные печи», в качестве иллюстрации идеи, что в 1930-е «молодая женщина, ставшая ударницей труда, больше не жила исключительно мечтой о хорошем женихе». Этот «ляп» особенно странен в связи с тем, что возник в ходе пространственных рассуждений Шлэгеля о Магнитогорске и статусе Хабибуллы как «местночтимого» героя, т.е. отнюдь не героини. Гораздо чаще оговорки возникают в результате обыкновенной небрежности: «конец коммунальных квартир», разумеется, не совпал с «концом Советского союза» (р. 325), а утверждение, что «не было дома без книг или где бы книги из домашней библиотеки не были прочитаны» (р. 167) восходит скорее к мифу о «самом читающем народе в мире», чем к непосредственным свидетельствам библиотекарей. Специалисты по русской истории могли бы также поворчать относительно довольно ограниченного круга использованной исследовательской литературы. Достоинством книги является наличие ссылок на литературу на русском. В то же время Примечания и Список литературы из 47 книг, рекомендованных для дальнейшего чтения, полностью повторяют немецкое издание¹. Это не позволило добавить к 18 книгам, доступным только на немецком, сопоставимые источники на английском, а также отразить публикации на различных языках, вышедшие после 2018 года.

Было бы печально, если бы мелкие недочеты подобного рода отвлекли

¹ Karl Schlögel. Das sowjetische Jahrhundert. München: Karl Beck, 2018.

внимание от достижений всеобъемлющей «археологии утраченного мира», представленной Шлэгелем. Заставляющая задуматься и написанная изысканным стилем (автору в данном случае повезло с переводчиком Родни Ливингстоном) книга читается с удовольствием. Может, другие работы и дают больше информации о том, как и почему составные части феноменологии Шлэгеля возникли именно в том или ином виде, а также об их существовании вне определенного «моментального снимка», они также могут точнее передать смысл того, что было специфически «советским» в явлениях прошлого. Но мало кто может похвастаться той силой воображения и нарративного размаха, которыми Шлэгель распоряжается наилучшим образом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Kotkin 1995 — Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*.

Princeton, NJ and London: Princeton University Press, 1995.

Scott 2012 — Scott E. Edible Ethnicity: How Georgian Cuisine Conquered the Soviet Table' // *Kritika*. Vol. 13, no. 4. 2012, pp. 831–58

Zubok 2021 — Zubok V. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven and London: Yale University Press, 2021.

REFERENCES

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Princeton, NJ and London: Princeton University Press, 1995.

Scott E. Edible Ethnicity: How Georgian Cuisine Conquered the Soviet Table' // *Kritika*. Vol. 13, no. 4. 2012, pp. 831–58

Zubok V. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven and London: Yale University Press, 2021.

В. С. Груздинская, А. С. Стыкалин

«ЭТО НА РЕДКОСТЬ ТЯГУЧЕЕ И ТЯЖЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ». ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1956 г. ГЛАЗАМИ МОСКОВСКОГО ПРОФЕССОРА-ИСТОРИКА

Аннотация: Директор института истории АН СССР А. Л. Сидоров, приехав в командировку в Будапешт для обсуждения планов сотрудничества с венгерскими коллегами, стал непосредственным свидетелем драматических событий, оставивших неизгладимый след в послевоенной истории Восточной Европы, и ярко запечатлел их в своем дневнике, который готовится к публикации.

Ключевые слова: А. Л. Сидоров, советская историческая наука 1950-х годов, международные связи советских историков, Венгрия, советский блок, венгерские события 1956 г., внешняя политика СССР, советская дипломатия

Сведения об авторах: Груздинская Виктория Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Email: vik11910314@yandex.ru;

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Email: zhurslav@gmail.com

V. S. Gruzinskaya, A. S. Stykalin

"THIS IS AN UNUSUALLY LONG AND ARDUOUS JOURNEY." THE HUNGARIAN REVOLUTION OF 1956 VIEWED BY A MOSCOW HISTORIAN

Abstract: Director of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences A. L. Sidorov, having arrived on a trip to Budapest to discuss plans for cooperation with Hungarian colleagues, became a direct witness to the dramatic events that left an indelible mark on the post-war history of Eastern Europe, and vividly captured them in his diary, which is being prepared for publication.

Keywords: A. L. Sidorov, Soviet historical science of the 1950s, international relations of Soviet historians, Hungary, Soviet bloc, Hungarian events of 1956, USSR foreign policy, Soviet diplomacy

© В. С. Груздинская, А. С. Стыкалин, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-3-52-61

Corresponding authors: Gruzinskaya Viktoria Sergueievna. PhD (candidat istoricheskikh nauk), senior researcher, Institute of Russian History, RAS. Email: vik11910314@yandex.ru; Stykalin Alexander Sergueievich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, RAS. Email: zhurslav@gmail.com

Венгерская революция 1956 года, к которой с первого дня было приковано внимание во всем мире, застала в Венгрии не так уж мало свидетелей из других стран, зафиксировавших свои впечатления на бумаге, в фотографиях и кадрах кинохроники. Некоторые устремились сюда в силу своих профессиональных обязанностей репортеров, как, например, лучший фотокорреспондент журнала «Париматч» Жан-Пьер Педрацини, получивший смертельное ранение во время трагического инцидента на площади Республики 30 октября. Другие — в поисках политических идеалов, как, например, польский публицист Виктор Ворошильский, в то время коммунист-реформатор, оставивший свой известный «Венгерский дневник», переведенный на многие иностранные языки. А известный сербский писатель Добрица Чосич был командирован в Будапешт Иосипом Брозом Тито, чтобы, увидев происходящее своими глазами, помочь руководству Югославии разобраться, а что же, собственно говоря, происходит у ближайших соседей.

Однако наряду с людьми, приехавшими в Венгрию с началом восстания целенаправленно, было немало и нечаянных свидетелей, оказавшихся 23 октября в этой стране волею случая и увидевших своими глазами одно из самых значительных событий европейской истории второй половины XX века.

Начало революции застало в Венгрии не десятки и сотни, а тысячи

советских граждан, находившихся там на долгосрочной основе. Большинство из них составляли военнослужащие дислоцированного здесь Особого корпуса Советской армии. Были также дипломаты, сотрудники внешторга, многочисленные советники, прикомандированные к различным венгерским структурам, работники совместных предприятий, включая уранодобывающее производство в горах Мечек. Все они жили в Венгрии с семьями. В момент событий в стране оказалась также не одна сотня советских людей, выехавших краткосрочно. Большая туристическая группа (в 60 человек) проживала в двух гостиницах в центре Будапешта, став свидетелем сопротивления повстанцев в районе Большого кольца. В стране находилось несколько советских делегаций, в том числе от научных учреждений, в частности, расположенного в Ленинграде Всесоюзного института растениеводства имени Н. И. Вавилова.

В числе свидетелей событий оказался и директор Института истории АН СССР и заведующий кафедрой истфака МГУ Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966)), приехавший в Будапешт 15 октября для ознакомления с положением дел в венгерской исторической науке и обсуждения планов сотрудничества с венгерскими историками. Скупой, на пару страничек, отчет А.Л. Сидорова для вышестоящих инстанций был введен в научный оборот венгерским историком Аттилой Шерешем в 2018 г.

Однако неизвестным оставался довольно пространственный дневник, который Сидоров вел изо дня в день, сидя в гостинице на острове Маргит и фиксируя в записной книжке новые впечатления. Выявленный в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки, он готовится в настоящее время к публикации.

На первую неделю пребывания советского историка в городе пришлось его интенсивное общение с коллегами — посещение университета, институтов истории, истории партии и военной истории, госархива, в субботу 20 октября — «чудесный день», по его собственному признанию, на Балатоне с дегустацией лучших вин, а в воскресенье поездка в Вишеград и Эстергом, вечерами — спектакли в театрах и футбольный матч на Непштадионе. Всё внезапно изменилось во вторник 23 октября. Утром Сидоров с венгерским коллегой Йожефом Перени побывал в историческом музее в Будайской крепости, оттуда они поехали посмотреть археологические раскопки в Аквинкуме. После полудня, возвращаясь в центр города, Сидоров становится свидетелем спонтанного народного выступления, зафиксировав это и последующие события по возвращении в гостиницу в дневнике: «На обратном пути демонстрация студентов и народа — “Долой сталинизм!”, “Свобода и независимость[!]”... Накануне было выдвинуто 15 требований студентов. По городу всюду развешаны листовки на машинке, вокруг которых толпится толпа народа. Полиция регулирует: то задерживает демонстрантов, то их пропускает. Идут к парламенту и Зданию ЦК».

Программа, предварительно намеченная на 23 октября, не завершилась с посещением Аквинкума. На 5 часов вечера в здании Академии наук был назначен прием по случаю приезда Сидорова. К Академии, преодолевая движение толпы, пока еще смогли с трудом подъехать. Конечно, общественное брожение было заметно Сидорову с первых дней его пребывания в стране, ведь он не только много общался с венгерскими коллегами, но и был проинструктирован посетившим его 18 октября советским дипломатом. Однако столь быстрое восхождение событий на новую ступень было все же для него неожиданным: вчера «говорили о настроении студенчества и партийных организаций с требованием открытого суда над Фаркашем, вслед за которым будет требование суда над Ракоши», однако о массовых демонстрациях вчера упоминали только в гипотетическом плане, «а сегодня эти демонстрации факт. Весь город облеплен студенческими прокламациями, перед которыми собираются толпы народа, а около 2-х часов — по городу пошли со студенческими демонстрациями... Лозунги — свобода и независимость... Долой сталинизм». Требуют и вывода советских войск. «В 5 ч., когда я приехал в Академию наук, за окнами шли кучки демонстрантов, выкрикивавшие лозунги, и так продолжалось в течение двух часов. Когда я ехал, пришлось избрать окружную дорогу, так как весь мост через Дунай был загружен и забит автобусами, и машинами — движение остановилось».

На приеме не обошлось без споров. Историк Жигмонд Пал Пах, будущий академик, был довольно откровенен:

«советские историки должны иметь смелость заявить, что политика коллективизации в Советском Союзе сопровождалась насилием, а посему надо сказать, что она неправильная». Его поддержали и некоторые другие собеседники, обратившись при этом и к собственным венгерским реалиям: прежде всего «важно восстановить доверие к исторической науке», доверие студентов к профессорам. Советский функционер от исторической науки А.Л. Сидоров, представляя накануне венгерским коллегам новый советский учебник истории, говорил о злоупотреблениях Сталина властью, вызвавших проблемы для всего советского общества. Однако он не был готов к слишком радикальным переоценкам: да, отметил он потом в дневнике, видно, что «основной огонь ведется против сталинистов», но требовать, чтоб «не все охаивалось» — по его мнению, это не значит быть сталинистом и противником любых перемен: «Я заявил Жигмунду, что в критике Советской политики надо исходить из учета места и времени, из признания правильности генеральной линии партии. Если для Вас это условие необязательно, то мы останемся при разных мнениях и на разных позициях».

Настроения, господствовавшие в венгерском обществе, Сидорову были очевидны: добравшись вечером с трудом до гостиницы и взявшись за перо (это было в те самые часы, когда у здания радио прозвучали первые выстрелы, а вблизи парка негодующая молодежь снесла памятник Сталину), он резюмировал: «Последние три дня я являлся свидетелем событий, которые поразили меня». «Так как я вчера был в Университете, а сегодня видел

студенческие демонстрации, слушал выступления ученых людей», «для меня стало ясно, что подавляющее большинство коммунистов настроено против руководства, и собственно, с радостью поддерживает суд над Ракоши». «Профессура, — продолжал он, — за некоторым исключением, на стороне студентов, открыто не вмешиваясь, а по существу одобряя все, что делает молодежь». «Тревожное настроение. Авторитет партии в народе упал... Усилились антирусские настроения... Критика вышла из берегов». Даже присутствовавший на встрече работник партаппарата, учившийся в Москве, в целом защищал линию на публикацию в прессе острых материалов («только самые крайние антисоветские и антимарксистские статьи выбрасываются»), критиковал и характер освещения советской печатью процесса либерализации в Польше. Вопрос о назначении Имре Надя главой правительства он называл абсолютно решенным.

Сидоров понимал, что особое раздражение в обществе вызывали люди, приехавшие из Москвы, представители венгерской коммунистической эмиграции, по окончании войны командированные в Венгрию, чтобы строить социализм по советским рецептам: «Насколько я могу судить, первые удары обрушатся на москвичей». Советскому функционеру это не очень нравилось. Он полагал, что многие из тех, кого причисляют к сталинцам, тоже «понимают допущенные ошибки», но это закаленные коммунисты, которые «постараются дать хоть какой-нибудь отпор разбушевавшейся мелкобуржуазной стихии». «Создается впечатление, что

ни правительство, ни ЦК не руководят страной, ей руководят интеллигенция, студенты, журналисты». Для человека плоть от плоти советской системы, сформировавшегося в 1920-е — 1930-е годы, бывшего кадрового партийного работника, довольно ортодоксального и зашоренного в своих большевистских убеждениях, отказ от руководящей роли партии был неприемлем, ассоциировался с падением устоев режима, с которым он безоговорочно связывал будущее Венгрии, страны, пошедшей по пути социализма вслед за СССР. Недовольство масс имеет свои объективные причины, признал он честным взглядом историка, но вместе с тем «перехлестывание и антисоветская направленность демонстрации — налицо», ведь советскому опыту противопоставляют иные пути к социализму — польский, югославский, китайский. Стремление выбрать путь к социализму, отвечающий собственным условиям, было вполне понятным, однако пренебрежение советским опытом казалось Сидорову неправильным: «Все хотят социализма, но хотят получать больше, а работать меньше, не иметь коллективизации и высмеивают индустриализацию».

По окончании приема до гостиницы на Маргите Сидоров добрался в сопровождении венгерского коллеги — в обход площади Кошута, где к этому времени было огромное скопление людей. Запланированная на следующее утро встреча в институте истории партии там же, на площади Кошута (должны были обсуждать перспективы издания в СССР и Венгрии наследия Белы Куна, за полгода до этого реабилитированного), по

понятным причинам не могла состояться. На 5 дней А. Л. Сидоров оказался запертым на острове Маргит и дабы скоротать время — взялся за перо («Мы на острове — в буквальном и переносном смысле... Записывать свои впечатления стал от нечего делать, от избытка времени, от того, чтобы немного отвлечься от того, что происходит за окном»).

24 октября: «С утра — сильный туман. Невидно на 50 метров. Первые студенческие демонстрации. 8-30 — сильная стрельба». Впрочем, как замечает далее Сидоров (участник второй мировой войны, дважды раненный фронтовой политработник, знавший не понаслышке военное дело), пулеметные очереди звучали и раньше: «Самые худшие подозрения оправдались. Город во власти повстанцев... Советские танки повсюду. Заняты мосты. Броневики и автомобили с войсками проезжают по Пешту. Мост Сталина [*так тогда назывался мост Арпада*] — свыше полдюжины танков. Орудия направлены на город. Центр восстания направо к Парламенту от Моста Сталина. Слышна стрельба — автоматная и орудийная из танков. Изредка глухие взрывы гранат. Над городом патрулируют самолеты. Вот пролетела девятка [*истребитель У-9*]. Изредка выстрелы на другой стороне Дуная — ближе к нашему отелю. Нет газет, телеграф не работает. Из радио выяснилось, что Надь — премьер».

Попытки выбраться в город, впрочем, предпринимались, не в одиночку, а в компании с кем-то из поляков, остановившихся в той же гостинице. Ближе к вечеру 24-го «я с тремя по-

ляками отправился к мосту... Под выстрелами добрались до моста. Свистят пули. Видел танки... Мятежникам давали два срока сложить оружие — сперва в 2 ч., потом в 6 ч. Но и после этого слышны выстрелы». От затеи выбраться с острова в Пешт пришлось отказаться.

25 октября: «стрельба ближе к нам». Впрочем, несколько позже выстрелы на время прекратились и, воспользовавшись этим, из Академии наук «приходили две девушки, одна — ко мне, другая — к полякам. Они пробрались, чтобы узнать, как живут их подопечные. От них мы узнали новости». Девушка по имени Иолан упомянула и о речи Гере вечером 23 октября, крайне не понравившейся собравшимся на площади Кошута. Сидоров отметил это в дневнике, сделав также предположение, что в свою очередь Имре Надь «вначале подогревал националистические чувства демонстрантов». Момент ухода молодой сотрудницы Академии, очевидно, совпал с расстрелом мирных людей на площади Кошута: «Я пошел проводить ее до моста. Но минуты через 3 после выхода начался беглый пулеметный и артиллерийский обстрел. Причем были слышны глубокие глухие удары тяжелой артиллерии. Мы дошли почти до моста. Было слышно и видно, хотя был туман — что обстрел пулеметный и артиллерийский идет в конце моста на Пешт, видимо в большие здания, окаймлявшие выход из моста. Встретился человек, который шел с моста, и заявил, что проход воспрещен. Мы вернулись и пошли обратно мимо отеля к мосту Сталина. Я проводил спутницу до самого моста и возвратился домой».

«В 1ч. дня еще раздавались тяжелые удары — взрывы артиллерии больших калибров. Но так как пасмурно, то в воздухе нет самолетов. Скрежет танков и механизмов режет ухо. Передают разные слухи — будто где-то русские передали оружие венграм, где-то были танковые схватки с венгерскими частями, откуда-то идут горняки к городу... Работают ли рабочие? На этот вопрос [все собеседники в гостинице] отвечают скептически. Впрочем, по Дунаю прошел один грузовой пароход. Вчера — этого не было. Говорят, что всеобщая стачка и что в городе вновь формируется демонстрация протеста против Гере».

«2 ч. 15. Один за другим сильные взрывы или от выстрелов тяжелой артиллерии, или от авиационной бомбежки. Возможно, что первое, так как погода туманная и видимость неважная. Очень сильный взрыв, как будто что-то рушится потом, минные взрывы. Пешт, против моста правее. От 5 до 6 ч. говорили [по радио] Кадар и Надь, и вечером все стихло». «Думали, что все кончилось», замечает он в дневнике, однако 26-го «утром не было обычных гудков на работу, но слышу уханье тяжелых выстрелов». После полудня вновь ходил к мосту, «дорогой слышен сильный артиллерийский обстрел, какого еще не было за все три дня. Стреляют часто, где-то в центре города. Бьет порядочная артиллерия в каком-то одном месте, видимо, расстреливая здание. Я насчитал: за 3 мин. было 55–60 выстрелов, кроме более легких из пулеметов. Стреляют не по-партизански, а очень направленно», что свидетельствовало, по мнению опытного Сидорова, об

организованном военном командовании или, во всяком случае, о присутствии в рядах повстанцев людей с богатым боевым опытом.

Продолжаем листать записную книжку Сидорова: «Каждый выстрел вызывает дребезжание стекол», «за прошедшие 15 мин. артиллерийская канонада усилилась, вот гремят пулеметы». «Артиллерия все ухаёт. Плохая видимость не позволяет пустить авиацию». Вновь и вновь приходила надежда на прекращение стрельбы, утром 27-го следует запись: «сегодня суббота и, надо думать, за сегодня-завтра всё уложится». Правда, в этот самый момент раздались залпы артиллерии и пулеметные очереди. «Очевидно, речь идет о выкорчевывании последних узлов сопротивления», хотел верить Сидоров, но каждый раз ему приходилось убеждаться в неоправданности чрезмерного оптимизма: «Кажется, окончательно все утряслось. Полная тишина и настроение маленькой нашей колонии лучше»; «Наступила священная тишина. Будет ли так? Однако опять раздалось уханье».

Несколько раз автоматные очереди слышались и на самом острове, иногда совсем перед окнами отеля. Пальба «продолжалась с перерывами минут 5–7. Я решил не одеваться и не выходить, так как разбитых стекол не было. Из этого я заключил, что стреляли не по отелю, постепенно все успокоилось. Было несколько выстрелов из танков. Шум в отеле замер, и отель заснул». На следующий день «стрельба много ближе, чем вчера, и все воспринимается более остро и непосредственно. Жалюзи не прикрываю».

28 октября. Воскресенье. «Дождь. Вчерашние надежды пока мало оправдываются. Дважды работала артиллерия: первый раз в 5 ч. утра напротив нас бухал танк, а сейчас — 8 ч. 20 мин. — после нескольких выстрелов заработал пулемет в районе моста Сталина. Слышу работает лифт, поднял жалюзи, в коридоре ходят. Вставать не хотелось, чтобы день не был так долог. Слышен шум танков на другой стороне Дуная у моста. Очень шумно от массы танков... Все идут и идут танки. Не уходят ли они из города?» Сидоров оказался прав, начался вывод советских танков из города, они расположились на военных базах в непосредственной близости от венгерской столицы, чтобы в ночь на 4 ноября принять непосредственное участие в решающей советской военной акции, направленной на свержение правительства Имре Надя.

Не оказался днем перелома, вопреки ожиданиям («По-видимому, завтра все восстановится — начнется рабочий ритм»), и понедельник 29 октября, хотя выстрелы в тот день на Маргите и не были слышны.

Экстраординарные обстоятельства не мешали общению собравшихся в гостинице. Люди слушали западные радиоголоса (Сидоров неплохо владел немецким), играли в шахматы, обменивались мнениями о происходящем как в Венгрии, так и вокруг нее. «Слухи, разговоры толпы у радиопередатчика, бесконечные комментарии непроверенных слухов. Все обитатели разбились по группам... Нам никто ничем неприятным на нашем острове не был». Там было немало гостей из социалистических

стран, включая руководителя союза писателей Румынии Михая Беньюка и вышеупомянутого Добрицу Чосича, не без иронии рассказывавшего, как при посещении в качестве гостя второго съезда писателей СССР в Москве его советские собеседники в конце концов перестали называть его господином, но и товарищем называть не решались: шел декабрь 1954 года и процесс примирения двух коммунистических режимов только начался. Из венгерских писателей к коллегам из других стран заходил Тамаш Ацел, лауреат сталинской премии по литературе, позже ставший активистом движения за творческие свободы. Познакомившись с Сидоровым, он не упустил случая высказаться в защиту народной революции и за венгерский нейтралитет по образцу югославского, что предполагало вывод советских войск. Беседа с Ацелом лишь укрепила советского историка в его представлениях об иницилирующей роли в событиях интеллигенции, все еще чуждой тем идеалам, которым верен был Сидоров: «Когда я думаю о происшедшем один, то помимо вины “сталинистов” — очень и очень повинна и интеллигенция, которая не наша в смысле мировоззрения. Это не новая советская интеллигенция, а старая буржуазная»: поскольку «политическое воспитание не было развернуто» и борьбы с чуждой идеологией не велось, многие венгры «развращены национализмом» и не только «заражены идеей собственного пути к социализму», но и от необходимых социалистических мероприятий «не в восторге», «идейный уровень многих коммунистов не возвышается над массой обывателей. Нужна огромная работа по сплаци-

ванию партии», и многие из тех, кого называют сталинистами, поняв свои ошибки, окажутся наверно полезнее тех, кто под лозунгами демократии пытается восстановить «буржуазные порядки». Впрочем, как и подобало убежденному коммунисту сталинского призыва, Сидоров не терял веры как в партию, так и в конечное торжество своих идеалов: «Я думаю, что из этого опыта они извлекут кое-что разумное, если партия сможет разъяснить народу...»

В гостинице на Маргите было немало и тех, кто жил у себя дома и предпочитал далее жить в соответствии с неприемлемыми для Сидорова «буржуазными порядками». Некоторые сумели выбраться на машинах в Вену, и в тот же день в 8 вечера оставшиеся могли слушать по радио их выступления, в которых реальные впечатления переплетались с фантастикой. Довольно активно Сидоров общался с делегацией левых американских экспертов-аграрников: «разговор с американцами интересен», заметил он в дневнике. Он обратил в ней внимание на человека, безукоризненно говорившего по-русски и по-чешски. То был Валерий Терещенко, из кубанских казаков, 20-летним парнем выехавший с армией Врангеля в Константинополь. Получив хорошее образование и долго проработав в Праге, затем переселился за океан, где стал американским профессором и консультантом ряда фирм (в 1960 г. вернулся в СССР и до конца своей долгой жизни успешно работал в институтах Киева). В США через неделю, в первый вторник ноября, должны были состояться президентские выборы, где Д. Эйзенхауэру предстояло

баллотироваться на второй срок. Будущий советский гражданин Терещенко довольно уважительно отзывался о действующем американском президенте: «его внешняя политика достаточно миролюбивая и осторожная». Сидоров не возражал, хотя, по всей вероятности, думал иначе.

Отъезд в посольство состоялся утром 30-го без помощи посольства. Сидоров не жалеет красок, критикуя советских дипломатов: «Надо отметить недопустимое равнодушие наших дипломатических работников к судьбе своих сограждан. Никто не приехал, не позвонил» (по контрасту, кстати сказать, с отношением польских дипломатов к своим соотечественникам). По приезде на улицу Байза увидел растерянность дипломатов («боятся, как бы не было ввода американских войск» по приглашению нового венгерского правительства, но в то же время ожидают прилета маршала И. С. Конева).

Коммунистическая диктатура со всей очевидностью пала, но ожидался (не только в посольстве, но и Сидоровым) также довольно радикальный сдвиг вправо: «Оплакиваем Социалистическую республику. Кончилась, пропала и демократическая республика». В посольстве долго шел разговор о том, как Сидорову и еще нескольким советским гражданам, небольшой делегации, остановившейся на Маргите, выехать в аэропорт. Надо при этом сказать, что в Москве у тех, кто черпал информацию только из советской прессы, совсем не было адекватного восприятия происходившего. С Сидоровым был один инженер, также стремившийся выехать в аэропорт.

«Он разговаривал по телефону с Москвой, откуда начальство разносило его за то, что он не едет на место службы. Когда он говорил, что не может, ему заявляли, что в Москве читают газеты и лучше знают, что может и чего нет». Комментарии наверно излишни.

Выезд состоялся около 8 часов утра 31 октября. Колонну грузовых машин с советскими гражданами сопровождали танк и 3 бронетранспортера. А туристическая группа из 60 человек была переправлена в Чехословакию речным транспортом, оттуда на поезде в украинский Чоп.

Как свидетель исторических событий и сам профессиональный историк Сидоров за долгие часы сидения на Маргите имел время задуматься над происходящим. Человек, посвятивший жизнь изучению индустриального развития последних лет царской России, он знал на основе множества источников, что такое российский рабочий класс и насколько расходилось его реальное состояние с ожиданиями марксистов. Вместе с тем как историк-марксист и функционер идеологического фронта он не переставал жить давно сложившимися стереотипами, в том числе и о том, что венгерские рабочие неизбежно должны дать отпор зачинщикам «контрреволюционного действия». «Единственно ободряющее — это заявление, что рабочие проявляют индифферентизм и не участвуют в демонстрации», — заметил он в дневнике, придя в гостиницу вечером 23 октября. В последующие дни, однако, ему пришлось убедиться в том, что и венгерский рабочий класс в массе своей поддерживает развернувшееся движение — хотя бы своим

участием в массовых забастовках под лозунгами вывода советских войск и проведения свободных выборов. На арену борьбы со сталинистской диктатурой выступил весомо, грубо и зримо реальный рабочий класс, к которому, по словам независимого левого французского политолога Эдгара Морена, большинство коммунистических партаппаратчиков питало ненависть уже потому, что он «порочил» своими «неправильными» действиями тот идеальный пролетариат, который должен всегда и при любых обстоятельствах всецело подчинить себя направляющей воле правящей компартии. Вкладывая в начале 1950-х годов большие средства в военную подготовку молодежи, тоталитарная коммунистическая власть по иронии истории сама готовила себе могильщика. Сотни молодых венгров, в том числе и рабочих, получивших в условиях антиюгославской истерии начала 1950-х годов блестящие профессиональные навыки воинского дела, прекрасно проявили в драматические дни «будапештской осени» свое умение на практике: но не в мифической войне с «цепным псом империализма» маршалом Тито, а в ходе реального восстания против собственной сталинистской диктатуры.

Размышляя в гостинице над будущим сотрудничества советских и венгерских историков, Сидоров, не питавший здесь слишком большого оптимизма, отметил в дневнике: «Если они не усвоят “наш” дух в смысле ми-

ровоззрения, то нам трудно будет сотрудничать с ними. Сотрудничать не формально, а по существу». Поскольку после всего произошедшего «идеи национализма — укрепятся, а интернационализм — должен будет с боем прокладывать себе дорогу». Вместе с тем перед отъездом в посольство он оставил записку для Жигмонда Паха с выражением надежды, что «мы сохраним добрые отношения с венгерскими историками». А по возвращении в Москву вернулся к рабочим будням. Ему пришлось на время «приютить», т.е. взять в штат своего института кое-кого из людей команды Ракоши, бежавших в Москву от народного возмездия. Но поездка не стала лишней прежде всего потому, что помогла довольно быстро установить регулярные связи советских и венгерских историков по линии межакадемического обмена. Уже осенью 1957 г. в Будапешт были командированы историки новой генерации Тофик Исламов и Андрей Пушкаш, впоследствии ставшие ведущими советскими специалистами по венгерской истории. Их поездки и полученные впечатления способны, однако, стать предметом другой статьи.

Работа по подготовке дневника к публикации выполняется при поддержке РФФИ, проект № 21-59-23002 РЯИК_а «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945 — 1991)»

ДИПЛОМАТИЯ КАТАСТРОФ: ВЛИЯНИЕ ДВУХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ (1999, 2023) НА ГРЕКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация: Одним из аспектов современной гуманитарной дипломатии является оказание помощи другим странам во время бедствий, вооруженных конфликтов и т. д. В связи с этим в 2000-е годы было введено в научный оборот понятие «дипломатия катастроф». Исследование дипломатии катастроф подразумевает поиск ответа на вопрос, способствуют ли совместные усилия, направленные на снижение риска и устранение последствий стихийных бедствий, улучшению отношений между странами, находящимися в состоянии конфликта, в дальнейшей перспективе. «Классическим» кейсом дипломатии катастроф является развитие греко-турецких отношений после землетрясений 1999 г. Землетрясение в Турции, произошедшее в 2023 г., и реакция на него Греции — еще один, на данный момент практически не изученный, пример использования дипломатии катастроф.

Дипломатия катастроф ни после 1999, ни в текущем 2023 году не решила главные противоречия греко-турецких отношений. Тем не менее в обоих случаях она позволила сформировать новую концепцию отношений между странами, в рамках которой происходило налаживание сотрудничества. Потепление в отношениях происходило не только на политическом, но и на общественном уровнях, поскольку катастрофы позволили увидеть грекам турок, а туркам — греков как готового прийти на помощь соседа, а не как врага, образ которого существовал веками. В силу этого с преодолением катастроф связаны происходящие глубокие метаморфозы исторической памяти соседних народов. В 1999 г. произошло сближение Турции и Греции на европейском направлении их внешней политики, в 2023 г. — прекращение провокаций в Эгейском море, что является шансом для двух стран продвинуться в решении эгейского спора. Эти достижения дают надежду на постепенное разрушение господствующего у обоих народов, в том числе среди политических элит, мифа о взаимной непримиримости.

Ключевые слова: греко-турецкие отношения, метаморфозы исторической памяти, преодоление травматического опыта и образа врага, дипломатия катастроф, дипломатия землетрясений, землетрясение в Турции и Греции (1999), землетрясение в Турции и Сирии (2023), евроинтеграция, эгейский спор.

Сведения об авторе: Александрова Анна Константиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. Email: anna.k.aleksandrova@gmail.com

A. K. Aleksandrova

DISASTER DIPLOMACY: THE INFLUENCE OF THE 1999 AND 2023 EARTHQUAKES ON GREEK-TURKISH RELATIONS

Abstract: One of the aspects of contemporary humanitarian diplomacy is cooperation and assistance after natural and man-made disasters, sometimes referred to as “disaster diplomacy”. While inevitably associated with tragic events and loss of lives, disaster diplomacy can be an important factor in alleviating international tensions. A classic example of disaster diplomacy was the development of Greek-Turkish relations after the earthquakes of 1999. International cooperation in the aftermath of the 2023 earthquake is another case, so far almost completely unexplored by scholars.

Neither in 1999 nor in 2023 disaster was able to solve the key issues in Greek-Turkish relations. But in both cases, it did establish a new framework for bilateral relations in which cooperation became at least a possibility. Its influence was not limited to the political institutions but had a significant impact on society as a whole, since the post-disaster cooperation allowed the Greek and Turkish people to see each other as neighbors ready to assist in a dire situation rather than an historic enemy, and the long-established image of the enemy was substantially amended. Because of this, the ongoing deep metamorphoses of the historical memory of neighboring peoples are associated with overcoming disasters. In 1999 Greek and Turkey became closer aligned in terms of European politics. In 2023, as part of the post-disaster cooperation, the provocations in the Aegean Sea ceased, hinting at the possibility of solving the Aegean issue. In both cases, the persistent myth of impossibility of cooperation and fruitful coexistence is gradually being dismantled.

Keywords: Greek-Turkish relations, metamorphoses of historical memory, overcoming traumatic experience and the image of enemy, disaster diplomacy, earthquake diplomacy, earthquake in Turkey and Greece (1999), earthquake in Turkey and Syria (2023), European integration, Aegean dispute.

Corresponding author: Aleksandrova Anna Konstantinovna, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Senior researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. Email: anna.k.aleksandrova@gmail.com

ВВЕДЕНИЕ

Одним из аспектов современной гуманитарной дипломатии является оказание помощи другим странам во время бедствий, вооруженных конфликтов и т. д. В связи с этим в 2000-е годы бы-

ло введено в научный оборот понятие «дипломатия катастроф» (“disaster diplomacy”) (Ker-Lindsay 2000; Kelman 2006); впоследствии разностороннее изучение этого феномена международных отношений не утратило акту-

альности (Comfort 2000; Nelson 2010; Akcinaroglu, DiCicco, Radziszewski 2008; Streich, Mislan 2014; Sevin, Jayasinghe 2018; Duda, Kelman 2023). Исследование дипломатии катастроф подразумевает поиск ответа на вопрос, способствуют ли совместные усилия, направленные на снижение риска и устранение последствий стихийных бедствий, улучшению дипломатических отношений между странами, находящимися в состоянии конфликта, в дальнейшей перспективе (Kelman 2006; Kelman 2016). В качестве примеров действия (успешного или неуспешного) дипломатии катастроф можно привести сотрудничество США и Кубы по вопросам прогнозирования и устранения последствий бедствий, связанных с экстремальными погодными и климатическими явлениями; международное сотрудничество в Южной Африке в сфере борьбы с засухой; сближение Индии и Пакистана после землетрясения 26 января 2001 г.; помощь Ирану со стороны США после землетрясения в Баме 26 декабря 2003 г.; развитие ряда региональных конфликтов под влиянием цунами 2004 г. в Индийском океане, и др. (Kelman 2012).

«Классическим» кейсом для изучения дипломатии катастроф является развитие (традиционно конфликтных) греко-турецких отношений после землетрясений 1999 г. (Keridis 2006; Ganapati, Kelman, Koukis 2010; Mavrogenis, Kelman 2013; Koukis, Kelman, Ganapati 2016; Mavrogenis, Kelman 2018). Первая научная публикация на эту тему — статья Дж. Кер-Линдси в *Cambridge review*

of international affairs (Ker-Lindsay 2000) — появилась уже в 2000 г., став одной из первых работ, посвященных дипломатии катастроф в целом. Землетрясение в Турции, произошедшее в 2023 г., и реакция на него Греции — еще один, на данный момент практически не изученный, случай применения на практике дипломатии катастроф. Цель данной работы — сопоставить характер взаимоотношений между Грецией и Турцией после землетрясений 1999 и 2023 годов. С учетом того, что последнее землетрясение произошло совсем недавно, выводы имеют предварительный характер и в дальнейшем могут быть пересмотрены.

Национальная идентичность современных греков и турок в значительной степени сформировалась в многовековой борьбе друг с другом, постоянной и неоднократно приобретающей форму вооруженных конфликтов, и строится на взаимном противостоянии. В исторической памяти обоих народов в отношении друг друга сложился устойчивый образ врага, «другого» — ненадежного и опасного соседа, с которым нельзя сотрудничать. Это взаимное недоверие сильно влияло и влияет на характер греко-турецких отношений с момента обретения Грецией независимости от Турции почти два столетия назад и вплоть до настоящего времени. Предпринимавшиеся попытки сближения каждый раз проваливались в силу нежелания одной из сторон идти на компромисс (стремление правительств к компромиссам, как правило, не вызывало и общественной поддержки), страны часто оказывались на грани войны и несколько раз воевали¹

¹ В турецком нарративе о греках, который разделяет и «официальная» историография, и широкая общественность, акценты несколько смещены: за внешней враждебностью скрываются

(*Macrogenis, Kelman* 2013: 78–80; *Koukis, Kelman, Ganapati* 2016: 3–4).

Очередное незначительное потепление греко-турецких отношений началось во второй половине 1990-х годов. Оно было обусловлено активизировавшимся тогда в Греции в связи с углублением ее интеграции в ЕС процессом «европеизации» внешней политики и внутренними реформами (*Economides* 2005); Турция в этот период также стремилась к членству в Евросоюзе. В частности, весной 1999 г., во время косовского конфликта, несмотря на разные позиции по данному вопросу, Греция и Турция наладили каналы связи, посредством которых координировали предоставление помощи беженцам. Косовский кризис показал, что греческая и турецкая стороны готовы к совместному решению общих проблем, несмотря на существующие разногласия. Однако греко-турецкое сближение, наметившееся также и в других сферах взаимодействия, касалось в основном второстепенных аспектов международных отношений, но такие ключевые проблемы, как эгейский спор или кипрский вопрос, оказывались за рамками диалога (*Macrogenis, Kelman* 2013: 80–81, 94).

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1999 Г.

17 августа 1999 г. в турецком городе Измит произошло землетрясение, унесшее более 17 тыс. жизней. Турция обратилась к Греции за помощью в устранении последствий

катастрофы, и ответ последовал незамедлительно: греческий министр иностранных дел Г. Папандреу позвонил со словами соболезнования и поддержки своему турецкому коллеге И. Джемю спустя полчаса после землетрясения — раньше представителей всех других стран; греческие медики, сейсмологи и поисково-спасательная команда прилетели в Турцию в считанные часы после землетрясения. Спустя три недели, 7 сентября 1999 г., произошло землетрясение в Афинах, жертвами которого стали 143 человека. Турция тоже первой отреагировала на бедствие и, руководствуясь теми же принципами добрососедства, сразу предоставила ответную помощь Греции.

В обоих случаях дело не ограничилось поддержкой, инициированной государством, — отправкой в зоны землетрясения медицинских и поисково-спасательных команд, а также гуманитарной помощи. После катастроф граждане Греции и Турции выстраивались в очередь, чтобы передать пострадавшим деньги, предметы первой необходимости и донорскую кровь (*Koukis, Kelman, Ganapati* 2016: 28). В Греции в сборе средств для пострадавших приняла участие даже Элладская православная церковь, традиционно выступавшая оплотом противостояния Турции (*Ker-Lindsay* 2000: 221).

Работу поисково-спасательных команд в каждом случае широко освещали греческие и турецкие СМИ,

воспоминания о четырехсотлетнем мирном сосуществовании двух народов под властью Османской империи; то есть образ врага в лице греков сложился относительно недавно, уже в XIX–XX веках (и развивается в XXI веке), в период, когда между получившей независимость Грецией и Османской империей, а затем Турецкой республикой постоянно возникали территориальные споры и другие внешнеполитические, зачастую кровопролитные, конфликты.

и это находило отклик со стороны граждан обеих стран. После того, как греческая поисково-спасательная бригада ЕМАК вытаскала из-под завалов в Турции ребенка, турецкая газета «Миллиет» («Milliyet») написала 19 августа, что представления греков и турок друг о друге отныне изменились. На следующий день, 20 августа, греческая «Та Неа» («Та Νέα») ответила: «Мы все турки», а 21 августа турецкое издание «Хюрриет» («Hürriyet») отреагировало на это написанным по-гречески заголовком: «Спасибо, сосед». Когда турецкая команда АКУТ, в свою очередь, спасла в Афинах ребенка, турецкие газеты опубликовали на греческом и турецком языках фразу: «Выздоровлявай, сосед» (*Koukis, Kelman, Ganapati* 2016: 28; *Akcinaroglu, DiCicco, Radziszewski* 2008: 23–24). СМИ и впоследствии сыграли немалую роль в процессе греко-турецкого сближения (в том числе и на дипломатическом уровне), способствуя распространению среди двух народов чувства взаимной благодарности (*Koukoudakis* 2013: 161; *Kelman* 2014: 3; *Mavrogenis, Kelman* 2013: 94).

Учитывая нерешенные международные споры и исторически сложившуюся вражду между Турцией и Грецией, искренняя помощь и сопереживание друг другу после землетрясений казались парадоксальными. Исследователи объясняют это тем, что в предшествующий довольно продолжительный период (после кипрского конфликта 1974 г.) между греками и турками, несмотря на постоянную напряженность в отношениях, не происходило открытых противостояний, и в воспоминаниях переживших катастрофу 1999 г. людей

не хранились образы недавнего насилия, тем более в отношении мирного населения (*Akcinaroglu, DiCicco, Radziszewski* 2008: 23–24). А поскольку и Греция, и Турция находятся в сейсмоопасном районе, и землетрясения оставили глубокие следы в памяти обоих народов, давняя вражда уступила место состраданию и взаимной поддержке пред лицом вновь постигшей их общей беды. И греки, и турки постарались избавиться от стереотипов прошлого и сформировать новый взгляд друг на друга.

В данном случае важно, что землетрясения, хотя и отличающиеся по масштабу последствий, случились в обеих странах почти одновременно: Турция, получив помощь, почти сразу получила возможность отплатить Греции добром за добро, и благодаря этому взаимному обмену страны смогли продолжить диалог, находясь на равных позициях (*Mavrogenis, Kelman* 2013: 82, 98).

Процесс общественного примирения между Грецией и Турцией не остановился после устранения последствий землетрясений. Началось укрепление сотрудничества между местными органами власти, неправительственными организациями, университетами, различными аналитическими центрами, а также участились контакты на личном уровне (*Mavrogenis, Kelman* 2013: 82, 88–89). Согласно опросам общественного мнения, в 2001 г. 29% турок считали Грецию главным врагом своей страны, в 2004 г. этот показатель снизился до 16,9%. Соответственно, в Греции в 2000 г. считали главным врагом Турцию 72,3% граждан, а уже в 2001 г. — 64,1% (*Koukoudakis* 2013: 161–162).

Если в предшествующие годы все попытки греко-турецкого сближения на правительственном уровне проваливались в отсутствие общественной поддержки, то после землетрясений 1999 г. потепление отношений, наоборот, активно поддерживалось снизу, широкими массами населения обеих стран. Дипломатия катастроф оказалась возможностью для политических элит вывести греко-турецкие отношения на новый уровень, и ее главным внешнеполитическим достижением стало получение Турцией спустя всего несколько месяцев после землетрясений, в декабре 1999 г., на саммите Европейского союза в Хельсинки статуса кандидата в члены ЕС. Для этого требовалось согласие Греции, что в предшествующий период являлось камнем преткновения на пути европейской интеграции Турции. Евросоюз, в свою очередь, мог стать площадкой для решения основных проблем греко-турецких отношений и был готов предоставить для этого соответствующие инструменты. Следует отметить при этом, что начало переговоров относительно вступления Турции в ЕС предшествовало землетрясениям 1999 г., а взаимная помощь Турции и Греции в устранении последствий катастрофы лишь ускорила уже запущенный процесс (*Macrogenis, Kelman* 2013: 82, 88–89, 94–95, 98–99; *Koukoudakis* 2013: 162–163).

Был предпринят и ряд других, менее значимых, международных инициатив, свидетельствующих о потеплении отношений между Афинами и Анкарой, например, в сфере туризма, защиты окружающей среды, борь-

бы с нелегальной иммиграцией, организованной преступностью и терроризмом и т. д. Некоторые из них были начаты до землетрясений; важно, что дипломатия катастроф дала им новый импульс, и они, в отличие от предшествующего периода, были продолжены и даже в некоторых случаях доведены до завершения. В 2000-е годы в несколько раз увеличился объем торговли между Грецией и Турцией, увеличился поток взаимных инвестиций, страны участвовали в совместных энергетических проектах. Греция и Турция последовательно избегали острой конфронтации при возникновении кризисных ситуаций, как, например, в апреле 2004 г., после провала на Кипре референдума по вопросу об объединении острова (*Koukis, Kelman, Ganapati* 2016).

Сближение Афин и Анкары воспринималось политическими элитами обеих стран как составляющая процесса их европеизации, начавшегося до землетрясения и усилившегося после него благодаря дипломатии катастроф. Стремление Греции стать частью «ядра» Евросоюза, а Турции — вступить в него стало основой для примирения двух традиционно конфликтующих стран. Тем не менее ключевые противоречия между Грецией и Турцией, в том числе вопрос Кипра и эгейский спор, так и не были разрешены. Равным образом и процесс евроинтеграции Турции оказался замороженным после смены внешнеполитического курса страны, а инерция дипломатии катастроф почти прекратилась в 2010-е годы². Таким образом, дипломатия ката-

² Дипломатия катастроф в контексте греко-турецких отношений имеет своей основой взаимопомощь не только при землетрясениях, но и, например, при лесных пожарах (так, в 2009 году Турция

строф, сыгравшая заметную роль в развитии греко-турецких отношений после землетрясений 1999 г., стала катализатором ранее начавшегося сближения между странами, но не являлась его первопричиной. Она не смогла устранить главные проблемы греко-турецких отношений, но позволила в краткосрочной перспективе продвинуться в урегулировании ряда второстепенных задач, опираясь на стремление обеих стран к евроинтеграции (*Ker-Lindsay* 2000; *Kelman* 2006; *Mavrogenis, Kelman* 2013: 75–76, 95; *Kelman* 2014; *Koukis, Kelman, Ganapati* 2016).

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 2023 Г.

6 февраля 2023 г. в Турции и Сирии произошло землетрясение, в результате которого погибло около 59 тыс. человек (в Турции — свыше 50 тыс. человек). 90 стран направили в Турцию спасательные бригады, их общая численность составила 11,5 тыс. человек. Среди них также была и Греция, снова, как и в 1999 г., в первые же часы после случившейся катастрофы предложившая свою помощь. Греция отправила в Турцию группу спасателей, а также гуманитарную помощь.

В тот же день, когда случилось землетрясение, на высшем уровне состоялся телефонный разговор между премьер-министром Греции К. Мицотакисом и президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, в ходе которого турецкой стороне были выражены под-

держка и соболезнования греческого правительства и народа в связи с гибелью людей. К. Мицотакис подтвердил готовность Греции предоставить помощь в ликвидации последствий землетрясения (на момент телефонного разговора греческая команда спасателей уже была отправлена в район бедствия). В свою очередь, Р.Т. Эрдоган поблагодарил К. Мицотакиса за немедленно оказанное содействие (*Τηλεφωνική επικοινωνία* 06.02.2023). На сайте греческого МИД было опубликовано соответствующее заявление с выражением соболезнований и словами поддержки семьям погибших, раненым и спасателям (*Ανακοίνωση* 06.02.2023). Таким образом, Греция была одним из первых государств, предложивших Турции помощь после землетрясения, и в данном случае особо отмечалось, что Греция имеет опыт в устранении последствий таких катастроф, поскольку тоже переживала подобное (*Ενημερωτικό σημείωμα* 06.02.2023; Встреча 12.02.2023).

8 февраля заместитель министра иностранных дел Греции М. Варвициотис от имени правительства своей страны сделал запись в книге соболезнований посольства Турции в Афинах. Послание завершалось фразой, написанной по-турецки: «Скорейшего выздоровления, Турция!» («Geçmiş Olsun Türkiye!»). В ответ посол Турции в Афинах Ч. Эрджиес тепло поблагодарил Грецию за солидарность и поддержку (*Υπογραφή βιβλίου συλλογητήριων* 08.02.2023).

предложила Греции помощь в борьбе с лесными пожарами) или наводнениях. Как правило, эти виды дипломатии катастроф реализуются лишь на локальном уровне и не приводят к ощутимым внешнеполитическим последствиям, но при этом сотрудничество имеет не краткосрочную (как в случае масштабных, но одновременных бедствий, как, например, землетрясений), а долгосрочную перспективу (*Koukis, Kelman, Ganapati* 2016).

12 февраля глава МИД Греции Н. Дендиас — первым из европейских министров иностранных дел³ — посетил зону землетрясения в Турции и встретился со своим турецким коллегой М. Чавушоглу, которого в дни после катастрофы неоднократно называл «своим другом» (Встреча 12.02.2023; Δήλωση 12.02.2023; Επίσκεψη 12.02.2023). Вероятно, этого не было сделано ранее в связи с тем, что во время и в первые дни после землетрясения Н. Дендиас находился в рабочей поездке по шести странам Латинской и Центральной Америки; следует отметить, что едва ли не в каждом заявлении, сделанном в ходе ее, глава греческого МИД упоминал Турцию со словами сочувствия и поддержки (Δήλωση 08.02.2023; Δηλώσεις 08.02.2023; Δηλώσεις 09.02.2023; Ομιλία 09.02.2023).

Как и в 1999 г., на уровне общества волна солидарности с турецким народом поднялась в Греции после землетрясения 6 февраля 2023 г. мгновенно. Об этом можно судить не только по сообщениям в соцсетях (Συνέντευξη 18.02.2023) и публикациям в СМИ, но и по масштабам гуманитарной помощи, переданной Грецией в пострадавшие от землетрясения регионы Турции и Сирии. Помимо муниципалитетов, участие в этом принимали в том числе частные организации и отдельные люди, а МИД Греции взял на себя координацию сбора и отправки собранной помощи непосредственно в районы бедствия (Ανακοίνωση 09.02.2023; Επίσκεψη 12.02.2023; Τηλεφωνική επικοινωνία 13.02.2023;

Ανακοίνωση 17.02.2023; Δηλώσεις 09.03.2023). Гуманитарные грузы отправлялись несколькими траншами, начиная с первого дня после землетрясения. Для их перевозки по морю потребовалось несколько судов; также помощь в Турцию отправлялась автотранспортом; общий размер ее достигал сотен тонн (Ανακοίνωση 15.02.2023; Νέα αποστολή 21.02.2023). Греция перечислила в пользу пострадавших от землетрясения в Турции 4 млн евро и в Сирии — 1 млн евро (Χαίρετισμός 21.04.2023).

По несчастливому стечению обстоятельств менее чем через месяц после землетрясения, 28 февраля 2023 г., в Греции произошла крупнейшая в истории страны железнодорожная катастрофа — лобовое столкновение двух поездов в муниципалитете Темби, повлекшее за собой гибель по меньшей мере нескольких десятков человек (точное число погибших до сих пор неизвестно). Турция на следующий день выразила соболезнования родственникам погибших, а также народу и правительству Греции и пожелала скорейшего выздоровления пострадавшим (Пресс-релиз 62 01.03.2023). М. Чавушоглу был первым, кто позвонил Н. Дендиасу со словами сочувствия по поводу произошедшей катастрофы. С его личного согласия на родину разрешили выехать заключенному греку, отбывающему срок в турецкой тюрьме, чтобы дать ему возможность похоронить сына — машиниста одного из столкнувшихся поездов (Δήλωση 20.03.2023).

³ Первым министром иностранных дел другого государства, прибывшим в район землетрясения, был глава МИД Азербайджана Дж. Байрамов. Поездка состоялась 11 февраля — на день раньше поездки греческого министра иностранных дел (Bakan Çavuşoğlu 11.02.2023).

5 марта, в Неделю Торжества Православия, Н. Дендиас отправился в Стамбул (в Греции по-прежнему называют этот город Константинополем — даже на сайте МИД страны), где присутствовал на Божественной литургии, которую совершил патриарх Варфоломей. После литургии состоялась панихида — одновременно по жертвам и крушения поезда в Темби, и землетрясений в Турции и Сирии (Μετάβαση 05.03.2023). Как и два с лишним десятилетия назад, «трагические события в Греции и Турции объединили... два общества» этих стран (Δηλώσεις 09.03.2023).

Уже спустя несколько дней после землетрясения журналисты и политики начали говорить о действии дипломатии катастроф, отмечая, что помощь Греции в устранении последствий землетрясения в Турции помогла в положительном ключе «изменить атмосферу между двумя народами» (Σημεία συνέντευξης 13.02.2023). Соответственно, в условиях «повторного⁴ сближения обществ» греческому и турецкому правительствам было гораздо легче проводить внешнюю политику, направленную на возобновление диалога (Συνέντευξη 23.02.2023). Открытым оставался лишь вопрос, поможет ли эта волна солидарности создать реальные условия для улучшения греко-турецких отношений (Δήλωση 08.02.2023; Συνέντευξη 12.02.2023; Συνέντευξη 13.02.2023), и главы МИД двух стран соглашались, что в целом для этого не следовало бы ждать стихийных бедствий (Δήλωση 12.02.2023).

⁴ В данном случае очевидна отсылка к потеплению отношений между Грецией и Турцией после землетрясений 1999 года.

Если после землетрясения 2023 г. в греко-турецких отношениях вновь удалось создать основу для дипломатии катастроф, то помощь, оказанная Грецией (и другими странами) Сирии, не повлекла за собой сколько-нибудь заметных внешнеполитических изменений ввиду действия режима санкций в отношении этой страны. Греция не могла вести переговоры непосредственно с сирийским правительством, поэтому гуманитарная помощь пострадавшим от землетрясения в этой стране предоставлялась другими доступными способами — при посредничестве Антиохийского патриархата, а также через структуры ООН. Греки подчеркивали, что помощь сирийцам была оказана исключительно из гуманистических соображений (поскольку санкции не имеют никакого отношения к человеческим страданиям) и что это никак не скажется на внешней политике Греции в отношении Сирии (Δήλωση 08.02.2023; Συνέντευξη 13.02.2023; Δηλώσεις 21.02.2023; Συνέντευξη 23.02.2023). Впрочем, и в отношении Турции делались заявления, что проявленная греками солидарность никак не была связана с геополитической повесткой (Δηλώσεις 31.03.2023; Σημεία Συνέντευξης 05.04.2023; Δηλώσεις 11.04.2023) (что логично, поскольку дипломатия катастроф подразумевает взаимное стремление стран наладить диалог, и на этапе отправки помощи в зону бедствия Греция могла лишь предполагать, на какие ответные шаги будет готова Турция).

19 февраля М. Чавушоглу представил Греции предложения по улуч-

шению двусторонних отношений, состоящие из шести пунктов, среди которых были, например, демилитаризация островов восточной части Эгейского моря и начало совместной разведки для обнаружения и добычи углеводородов в нем. Греция, несмотря на продемонстрированное после землетрясения стремление к сближению, дала острожный и неопределенный ответ на данные предложения, смысл которого заключался в готовности их рассмотреть и приветствии любых шагов Турции по нормализации отношений и разрешению противоречий между странами (Σημεία συνέντευξης 04.03.2023).

Турция поддержала кандидатуру Греции в непостоянные члены Совета безопасности ООН на двухлетний период 2025–2026 годов. Символизм этого шага сложно переоценить, учитывая то, что Греция и Турция за последние годы несколь-

ко раз оказывались на грани войны⁵. В свою очередь, Греция поддержала кандидатуру Турции на пост Генерального секретаря Международной морской организации (ИМО) (Δήλωση 20.03.2023; Σημεία συνέντευξης 23.04.2023), что было не менее символично ввиду того, что Греция имеет самый большой торговый флот в мире. Критика данного решения Греции заключается в том, что Анкара не признает международное морское право и закрыла свои порты для судов, плавающих под флагом Республики Кипр; соответственно, возникал вопрос, превышает ли потенциальный риск возможную пользу от такого решения. Тем не менее Греция пошла на данную уступку, надеясь на дальнейшее потепление греко-турецких отношений, но с оговоркой, что многое зависит от действий турецкой стороны (Σημεία συνέντευξης 25.03.2023). К тому же, поддерживая турецкую кандидатуру на должность

⁵ Греко-турецкое противостояние особенно усилилось на рубеже 2010–2020-х годов и во многом было связано с претензиями Турции на лидерство в Восточном Средиземноморье. Серьезным вызовом для Греции стала сделка между Россией и Турцией по передаче последней в 2019 г. зенитных ракетных систем С-400 «Триумф». Размещение С-400 в Турции Греция восприняла как угрозу своей национальной безопасности, поскольку оно позволило Анкаре контролировать воздушное пространство над Эгейским морем. В целях защиты от возможной турецкой агрессии Греция начала усиливать военно-техническое сотрудничество с США, подписав в октябре 2019 г. соглашение об открытии новых американских военных баз на своей территории. В начале 2020 г., после очередного обострения конфликта в Сирии и решения Р. Т. Эрдогана открыть границы с Грецией для сирийских беженцев, над Европой нависла угроза нового миграционного кризиса, устранение которой потребовало значительных усилий. Затем летом 2020 г. огромный резонанс в Греции вызвало решение турецкого правительства вернуть статус мечети собору Святой Софии в Стамбуле, который прежде в течение 86 лет функционировал как музей. В августе 2020 г. произошла очередная эскалация эгейского спора, когда турецкое исследовательское судно «Орудж Рейс» («Oruç Reis») отправилось к о. Кастелоризо для разведки и бурения нефтяных и газовых месторождений в греческих территориальных водах. Несмотря на то, что обе страны входят в НАТО, и Турция, и Греция начали оказывать давление друг на друга путем демонстрации военной силы, в частности, проводили военно-морские учения в районах Эгейского моря, принадлежность которых вызывала спор. Кризис завершился лишь 13 сентября, когда судно вернулось в порт Анталы. В дальнейшем Греция и Турция продолжили балансировать на грани военного конфликта. Греция в нарушение международного права начала милитаризацию островов восточной части Эгейского моря. Инциденты в Эгейском море с участием военных происходили на регулярной основе (например, только 23 августа 2022 г. турецкие истребители 78 раз нарушили греческое воздушное пространство, а ежегодно происходили тысячи таких инцидентов). Стороны неоднократно предупреждали ЕС, США и НАТО об угрозе войны. Ситуация изменилась лишь после землетрясения 6 февраля 2023 г.

Генерального секретаря ИМО, Афины понимали, что речь идет о должности в организации, в которой Греция играет ведущую роль (Σημεία συνέντευξης 09.04.2023).

Активизировалось взаимодействие между странами по менее значимым вопросам. 22 марта в Анкаре в рамках диалога «Позитивная повестка дня», созданного в целях укрепления торгово-экономического сотрудничества двух стран (всего в рамках диалога обсуждаются 25 тем двустороннего сотрудничества), между Турцией и Грецией состоялась четвертая рабочая встреча, в ходе которой обсуждалось развитие двусторонних отношений в области торговли, экономики, энергетики, транспорта, образования, здравоохранения, окружающей среды и др. Был отмечен прогресс в обсуждении ряда вопросов — вплоть до окончательного решения некоторых из них. Данная инициатива была запущена задолго до землетрясения — в апреле 2021 г., первые три встречи прошли 28–29 мая 2021 г. (Кавала), 16 июня 2021 г. (Анталья) и 21 февраля 2022 г. (Афины), но впоследствии диалог оказался фактически замороженным. Активизация сотрудничества сразу после землетрясения соответствует тенденциям дипломатии катастроф (при этом торгово-экономическое сотрудничество Греции и Турции в целом в последние годы поддерживается на сравнительно высоком уровне). Острых проблем двусторонних отношений Греции и Турции «Позитивная повестка дня» не касалась, поскольку концентрировалась только на вопросах «малой политики» (Пресс-релиз 81 21.03.2023; Встреча 22.03.2023; Επίσκεψη εργασίας 22.03.2023; Κοινή Δήλωση 22.03.2023).

Обе стороны готовы были использовать дипломатию катастроф в том числе и для поиска решения главных противоречий греко-турецких отношений. Так, М. Варвициотис заявил: «Мы протянем руку помощи для восстановления Турции, потому что хотим, чтобы Турция плыла по спокойным водам», намекнув, что Греция стремится к решению эгейского спора. В свою очередь, Турция фактически перешла от слов к делу: после землетрясения и соответствующих действий Греции «турецкая агрессия... превратилась в нечто несуществующее» (Σημεία συνέντευξης 25.03.2023): полностью исчезли провокации (нарушения Турцией воздушного пространства Греции) в Эгейском море, более того, Турция прекратила полеты над ним, пропали нелицеприятные высказывания турецких политиков и представителей СМИ о Греции и т.д. Диаметрально изменение риторики Турции в отношении Греции — а такого затишья не было с 1974 г. — несомненно, является решением, принятым высшими правительственными кругами Турции, несмотря на их молчание по данному поводу (Σημεία συνέντευξης 21.04.2023). В марте 2023 г. стороны достигли неформального соглашения об ограничении военных учений в Эгейском море до абсолютного минимума — по крайней мере до завершения электорального цикла в обеих странах. Поскольку положение в Эгейском море было для греков «барометром» греко-турецких отношений в целом, все это способствовало резкому снижению уровня напряженности в отношениях между странами и дало потенциальную возможность начать переговоры по комплексу вопросов,

связанных с Эгейским морем (ранее они были невозможны, согласно позиции греков, из-за постоянных провокаций Турции) (Σημεία συνέντευξης 06.04.2023). Таким образом, Турция заявила о готовности изменить характер греко-турецких двусторонних отношений, выразив надежду на разрешение разногласий путем диалога, и греки со сдержанным оптимизмом поддержали возможность отказа от сложившейся напряженности в отношениях между странами в пользу создания атмосферы добрососедства (Συνάντηση 15.02.2023; Συνέντευξη 18.02.2023). Αδ

Тем не менее готовность к диалогу и разрешению давних конфликтов не подразумевала мгновенного начала этого процесса. В Греции с большой осторожностью говорили о возможности реальных подвижек в разрешении ключевых греко-турецких противоречий, таких как эгейский спор или кипрский вопрос, прагматично разделяя общечеловеческое сопереживание трагедии и, соответственно, помощь в устранении ее последствий и вероятность того, что вследствие этого геополитическая ситуация изменится и отношения между странами начнут теплеть (Συνέντευξη 13.02.2023; Δήλωση 15.02.2023; Δηλώσεις 09.03.2023; Σημεία συνέντευξης 25.03.2023). Иначе говоря, не было уверенности, что атмосфера добрососедства и солидарности, возникшая между двумя народами после землетрясения, приблизит страны к разрешению проблем на политическом уровне. Например, Греция не готова была к каким-либо изменениям своей позиции в эгейском споре, напротив, ожидая уступок от Турции (Σημεία συνέντευξης 17.02.2023).

Положение осложняло и уходящее вглубь веков взаимное недоверие между Грецией и Турцией, и наивно было бы ожидать, что ситуация изменится в одночасье (Σημεία Συνέντευξης 05.04.2023; Δηλώσεις 31.03.2023; Δηλώσεις 11.04.2023).

В конце весны 2023 г. в обеих странах завершаются электоральные циклы: в Турции 14 мая пройдут президентские выборы, в Греции 21 мая — парламентские. От исхода выборов во многом зависит дальнейшее развитие греко-турецких отношений, а в данный момент задача обеих стран — сохранить ту позитивную атмосферу добрососедства, которая сформировалась после землетрясения 6 февраля 2023 г., для будущих правительств Греции и Турции, не допустить принесения ее в жертву на алтарь предвыборных гонок и конъюнктуры (Σημεία Συνέντευξης 15.04.2023). Соответственно, задачей правительств, которые в скором времени придут к власти, будет уже поиск решения двусторонних споров (Σημεία συνέντευξης 06.04.2023).

На официальном сайте МИД Греции представлено заявление, что Греция поддерживает европейскую перспективу Турции, поскольку ЕС является гарантом стабильности и развития региона, и вступление Турции в Евросоюз будет выгодно самой Турции, ее соседям и Европе в целом (Ζητήματα). Как и в 1999 г., Греция не исключала варианта достижения взаимоприемлемых соглашений с Турцией при помощи инструментов Европейского союза, несмотря на фактическую заморозку в последние годы процесса евроинтеграции Турции из-за смены ее внешнеполитического курса. Например,

после землетрясения Н. Дендиас от имени правительства своей страны заверил М. Чавушоглу, что Греция сделает все возможное для поддержки Турции «в это трудное время» либо на двусторонней основе, либо в рамках взаимодействия двух стран с ЕС (Δήλωση 12.02.2023). Таким образом, дипломатия катастроф рассматривалась как способ улучшить не только греко-турецкие отношения, но и отношения Турции с Европой. Вопрос вызывало то, что именно потребует Европа (и, при других сценариях, США) от Турции в обмен на помощь в восстановлении пострадавших от землетрясения регионов (обсуждались варианты снятия вето по вопросу расширения НАТО, согласие на введение санкций в отношении России, более тесное и «сговорчивое» сотрудничество в урегулировании проблемы беженцев и т.д.) (Σημεία συνέντευξης 17.02.2023).

Ключевое отличие кейсов 1999 и 2023 годов — динамика развития отношений между Грецией и Турцией в предшествующий катастрофам период. Перед землетрясением 1999 г. наблюдалось потепление отношений, что во многом объяснялось стремлением Турции к евроинтеграции. Напротив, в конце 2010-х — начале 2020-х годов напряженность в греко-турецких отношениях неуклонно возрастала, и проявлялось это также на уровне и межобщественных отношений, и СМИ. Как отмечали представители греческого МИД, во многом охлаждению межобщественных отношений между Турцией и Грецией в предшествующий землетрясению период способствовала турецкая государственная пропаганда, представлявшая греков

как врагов. Соответственно, появление в разрушенных землетрясением турецких провинциях греческих спасателей и гуманитарной помощи разрушило формировавшийся стереотип (Σημεία συνέντευξης 16.02.2023).

С другой стороны, хотя за последние годы страны несколько раз находились едва ли не на грани войны, конфронтация не доходила до стадии вооруженного конфликта, и отсутствие кровопролития предопределило возможность греко-турецкого сближения после землетрясения. Процесс интеграции Турции в Евросоюз также лишь остановился, однако правительство Р. Т. Эрдогана так и не отказалось от него окончательно, и страна по-прежнему имеет статус кандидата в члены ЕС. Греция и Турция являются союзниками по блоку НАТО, расположены по соседству и декларируют общие демократические ценности западного мира. Нельзя обесценивать и «инерцию» дипломатии катастроф, возникшую два с лишним десятилетия назад: согласно позиции турецкого МИД, со второй половины 1999 г. (эта дата явно отсылает к случившимся тогда землетрясениям) в отношениях между Турцией и Грецией началась новая эра, отмеченная созданием различных механизмов двустороннего диалога (Relations). Как показал опыт 2023 г., эти механизмы приостановили свою работу, но отнюдь не в каждом случае оказались безнадежно сломанными. Наконец, почвой для развития дипломатии катастроф в 2023 г. стал предвыборный период в Греции и Турции и, следовательно, стремление сторон не допустить эскалации конфликта на данном этапе (а ее не произошло, несмотря на усиливавшуюся в по-

следние годы враждебность между странами). Возникновение в греко-турецких отношениях после землетрясения дружественной, добрососедской атмосферы сделало намного ниже вероятность возникновения острых ситуаций на этапе завершения электоральных циклов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как отметил М. Чавушоглу, находясь 12 февраля вместе с Н. Дендиасом в разрушенной землетрясением провинции Хатай, «добрососедство проявляется в трудные времена» (Встреча 12.02.2023). Стихийные бедствия могут значительно повлиять на процесс примирения конфликтующих государств, однако для этого необходимы предпосылки, в том числе политическая воля к налаживанию отношений, а сама по себе дипломатия катастроф не может создать принципиально иную международную обстановку (*Kelman 2006*). Как правило, действие дипломатии катастроф ограничено во времени и прекращается в отсутствие других факторов сближения сторон (*Mavrogenis, Kelman 2013: 77*), но в краткосрочной перспективе она позволяет создать дружественную атмосферу, необходимую для создания продуктивного диалога, нацеленного на решение самого широкого спектра вопросов — от малозначимых до ключевых.

Дипломатия катастроф ни в 1999, ни в 2023 г. (по крайней мере, на момент публикации статьи) не решила главные противоречия греко-турецких отношений. Тем не менее в обоих случаях она позволила осуществить «перезагрузку» и сформировать но-

вую концепцию отношений между странами (Συνέντευξη 18.02.2023; Συνέντευξη 23.02.2023), в рамках которой происходило налаживание сотрудничества — как отмечал Н. Дендиас, Греция «обязана пройти через дверь, которую открыла Турция» (Σημεία συνέντευξης 25.03.2023). Потепление в отношениях происходило не только на политическом, но и на общественном уровнях, поскольку катастрофы позволили увидеть грекам турок, а туркам — греков как готового прийти на помощь соседа, а не как врага, образ которого существовал веками. В 1999 г. произошло сближение Турции и Греции на европейском направлении внешней политики, в 2023 г. прекращение провокаций в Эгейском море становится шансом для двух стран продвинуться в решении эгейского спора — возможно, эти скромные достижения будут постепенно разрушать господствующий у обоих народов, в том числе среди политических элит, миф о взаимной непримиримости.

Таким образом, после землетрясения 2023 г. греко-турецкие отношения обрели «совершенно иную реальность» (Σημεία συνέντευξης 25.03.2023), и в этой реальности проявляются контуры будущего урегулирования давних споров между Грецией и Турцией. Задача текущих правительств обеих стран — сохранить позитивную повестку дня до начала следующего электорального цикла.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Встреча 12.02.2023 — Встреча Министра иностранных дел Турецкой Республики Мевлюта Чавушоглу с Министром иностранных дел Греции Никосом

Дендиасом, 12 февраля 2023 года, Хатай // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. URL: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimiz-in-yunanistan-disisleri-bakani-nikos-dendias-ile-gorusmesi--12-subat-2023--hatayu.ru.mfa> (02.05.2023).

Встреча 22.03.2023 — Встреча Министра иностранных дел Турецкой Республики Мевлюта Чавушоглу с Заместителем министра иностранных дел Греции Костасом Фрагояннисом, Анкара, 22 марта 2023 года // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. URL: <https://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimiz-in-yunanistan-disisleri-bakan-yardimcisi-kostas-fragoyiannis-legorusmesi--ankara--22-mart-2023.ru.mfa> (02.05.2023).

Пресс-релиз 62 01.03.2023 — No: 62, 1 марта 2023 г., Пресс-релиз по поводу крушения поезда в Греции // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-62_-yunanistan-da-meydana-gelentren-kazasi-hk.ru.mfa (02.05.2023).

Пресс-релиз 81 21.03.2023 — No: 81, 21 марта 2023 г., Пресс-релиз по поводу рабочей встречи Заместителя министра иностранных дел Посла Бурака Акчапара с Заместителем министра иностранных дел Греции Константиносом Фрагкогианнисом // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_-81_-bakan-yardimcisi-buyukelci-burak-akcapar-in-yunanistan-disisleri-bakan-yardimcisi-konstantinos-fragkogiannis-ile-gerceklestirecegi-calisma-toplantisi-hk.ru.mfa (02.05.2023).

Bakan Çavuşoğlu 11.02.2023 — Bakan Çavuşoğlu, Azerbaycan Dışişleri Bakanı Bayramov ile açıklamalarda bulundu // Milliyet. 11.02.2023. URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/bakan-cavusoglu-azerbaycan-disisleri-bakani-bayramov-ile-aciklamalarda-bulundu-6902186> (20.04.2023).

Relations — Relations between Türkiye and Greece // Republic of Türkiye. Minis-

try of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/sub.en.mfa?e6757b17-acba-4863-bac3-b2ea77d083ad> (02.05.2023).

Ανακοίνωση 06.02.2023 — Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών για τον σεισμό σε Τουρκία και Συρία (06.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/anakoinose-upourgeiou-exoterikon-giaton-seismo-se-tourkia-kai-suria-06022023.html> (02.05.2023).

Ανακοίνωση 09.02.2023 — Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών για παροχή ανθρωπιστικής βοήθειας από την Ελλάδα προς την Τουρκία και τη Συρία (Αθήνα, 9.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/anakoinose-upourgeiou-exoterikon-giaparokhe-anthropistikikes-boetheias-apo-ten-ellada-pros-ten-tourkia-kai-te-suria-athe-na-922023.html> (02.05.2023).

Ανακοίνωση 15.02.2023 — Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών σχετικά με την αποστολή ανθρωπιστικής βοήθειας στην Τουρκία (15.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/anakoinose-skhetika-me-ten-apostole-anthropistikikes-boetheias-sten-tourkia-1522023.html> (02.05.2023).

Ανακοίνωση 17.02.2023 — Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών σχετικά με νέα αποστολή ανθρωπιστικής βοήθειας στην Τουρκία (17.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/anakoinose-upourgeiou-exoterikon-skhetika-me-neapostole-anthropistikikes-boetheias-sten-tourkia-1722023.html> (02.05.2023).

Δηλώσεις 08.02.2023 — Δηλώσεις Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, μετά το πέρας της συνάντησής του με τον Υπουργό Εξωτερικών της Αργεντινής, Santiago Andrés Cafiero (Μπουένος Άιρες, 08.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/deloseis-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-metou-upourgo-exoterikon-tes-argentines>

santiago-andres-cafiero-mprouenos-aires-08022023.html (02.05.2023).

Δηλώσεις 09.02.2023 — Δηλώσεις Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια μετά το πέρας της συνάντησής του με τον Υπουργό Εξωτερικών της Παραγουάης, Julio César Arriola (Asunción 09.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/deloseis-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-me-ton-upourgo-exoterikon-tes-paragouaes-julio-cesar-arriola-asuncion-09022023.html> (02.05.2023).

Δηλώσεις 21.02.2023 — Δηλώσεις Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια μετά το πέρας της συνάντησής του με τον Υπουργό Εξωτερικών των ΗΠΑ Antony Blinken (Αθήνα, 21.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/deloseis-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-me-ton-upourgo-exoterikon-ton-epa-antony-blinken-athena-21022023.html> (02.05.2023).

Δηλώσεις 09.03.2023 — Δηλώσεις Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια μετά το πέρας της συνάντησής του με τον Υπουργό Εξωτερικών της Κυπριακής Δημοκρατίας, Κωνσταντίνο Κόμπο (Αθήνα, 09.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/deloseis-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-me-ton-upourgo-exoterikon-tes-kypriakes-demokratias-konstantino-kompo-athena-09032023.html> (02.05.2023).

Δηλώσεις 31.03.2023 — Δηλώσεις του Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια μετά το πέρας της Τριμερούς Συνάντησης Υπουργών Εξωτερικών Κύπρου — Ελλάδα — Ισραήλ (Λευκωσία, 31.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/deloseis-tou-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-trimerous-sunanteses-upourgon-exoterikon-kyprou-elladas-israel-leukosia-31032023.html> (02.05.2023).

Δηλώσεις 11.04.2023 — Δηλώσεις του Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, μετά το πέρας

της συνάντησής του με τον Αιγύπτιο ομόλογό του Sameh Shoukry (Αθήνα, 11.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/deloseis-tou-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-me-ton-aiguptio-omologo-tou-sameh-shoukry-athena-11042023.html> (02.05.2023).

Δήλωση 08.02.2023 — Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια σε δημοσιογράφους κατά την έναρξη της επίσκεψής του στην Αργεντινή (Μπουένος Άιρες, 08.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/diloseis-omilies/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-se-demosiographous-kata-ten-enarxe-tes-episkepses-tou-sten-argentine-mprouenos-aires-08022023.html> (02.05.2023).

Δήλωση 12.02.2023 — Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, σε δημοσιογράφους κατά τη διάρκεια της επίσκεψής του στην Τουρκία (Αντιόχεια, 12.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: [https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-se-demosiographous-kata-te-diarkeia-tes-episkepses-tou-sten-tourkia-antiokheia-12022023.html](https://www.mfa.gr/epikairoitita/proto-thema/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-se-demosiographous-kata-te-diarkeia-tes-episkepsis-tou-sten-tourkia-antiokheia-12022023.html) (02.05.2023).

Δήλωση 15.02.2023 — Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, κατά την επίσκεψή του στο Υπουργείο Εσωτερικών (Τομέας Μακεδονίας Θράκης) (Θεσσαλονίκη, 15.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/diloseis-omilies/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-kata-ten-episkepse-tou-sto-upourgeio-esoterikon-tomeas-makedonias-thrakes-thessalonike-15022023.html> (02.05.2023).

Δήλωση 20.03.2023 — Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια μετά το πέρας της συνάντησής του με τον Υπουργό Εξωτερικών της Τουρκίας, Mevlüt Çavuşoğlu, στο περιθώριο της Διεθνούς Διάσκεψης Δωρητών για την Τουρκία και τη Συρία (Βρυξέλλες, 20.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoitita/diloseis-omilies/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunantesis-tou-me-ton-upourgo-exoterikon-tis-tourkias-mevlut-cavusoglu-sto-perithorio-tis-diesous-diaskepsis-dwriton-gia-tin-tourkia-kai-ti-syria-bryxelles-20032023.html> (02.05.2023).

www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-me-ton-upourgo-exoterikon-tes-tourkias-mevlut-cavusoglu-sto-perithorio-tes-die-thnous-diaskepses-doreton-gia-ten-tourkia-kai-te-suria-bruxelles-20032023.html (02.05.2023).

Ενημερωτικό σημείωμα 06.02.2023 — Ενημερωτικό σημείωμα για την τηλεδιάσκεψη υπό τον Πρωθυπουργό Κυριάκο Μητσοτάκη για την εξέλιξη της κακοκαιρίας «Μπάμπαρα» και τον σεισμό στην Τουρκία και τη Συρία. 6 Φεβρουαρίου 2023 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://primeminister.gr/2023/02/06/31211> (02.05.2023).

Επίσκεψη 12.02.2023 — Επίσκεψη Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην Τουρκία (12.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/episkepse-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-tourkia-12022023-2.html> (02.05.2023).

Επίσκεψη εργασίας 22.03.2023 — Επίσκεψη εργασίας Υφυπουργού Εξωτερικών Κώστα Φραγκογιάννη στην Άγκυρα για την πραγματοποίηση της 4ης συνάντησης για τα θέματα της Θετικής Ατζέντας (22.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/episkepse-ergasias-uphupourgou-exoterikon-kosta-phragkogianne-sten-agkura-gia-ten-pragmatopoiese-tes-4es-sunanteses-gia-ta-themata-tes-thetikes-atzentas-22032023.html> (02.05.2023).

Ζητήματα — Ζητήματα Ελληνοτουρκικών Σχέσεων // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/zitimata-ellinotourkikon-sheseon/> (02.05.2023).

Κοινή Δήλωση 22.03.2023 — Κοινή Δήλωση Ελλάδας-Τουρκίας μετά την 4η Συνάντηση Θετικής Ατζέντας (Άγκυρα, 22.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/koine-delose-elladas-tourkias-meta-ten-4e-sunantese-thetikes-atzentas-agkura-22032023.html> (02.05.2023).

Μετάβαση 05.03.2023 — Μετάβαση Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια στην Κωνσταντινού-

πολη (05.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/metabase-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-konstantinoupole-05032023.html> (02.05.2023).

Νέα αποστολή 21.02.2023 — Νέα αποστολή ανθρωπιστικής βοήθειας στην Τουρκία (21.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/nea-apostole-anthropistikes-boetheias-sten-tourkia-2122023.html> (02.05.2023).

Ομιλία 09.02.2023 — Ομιλία Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια στη Διπλωματική Ακαδημία της Παραγωγής με θέμα “Η εξωτερική πολιτική της Ελλάδας στη γειτονιά της και πέραν αυτής: η περίπτωση της Παραγωγής” (Ασunción, 09.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/omilia-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-diplomatike-akademia-tes-paragouaes-methema-exoterike-politike-tes-elladas-ste-geitonia-tes-kai-peran-autes-periptose-tes-paragouaes-asuncion-09022023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 13.02.2023 — Σημεία συνέντευξης Αναπληρωτή Υπουργού Εξωτερικών Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη στον ρ/σ REAL FM και τη δημοσιογράφο Κάτια Μακρή (13.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/semεια-sunenteuxes-anaplerote-upourgou-exoterikon-miltiade-barbitsiote-ston-rs-real-fm-kai-te-demosiographo-katia-makre-13022023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 16.02.2023 — Σημεία συνέντευξης Αναπληρωτή Υπουργού Εξωτερικών Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη στο ρ/σ «Real FM 97.8» και τους δημ/φους Νίκο Χατζηνικολάου και Αντώνη Δελλατόλα (Αθήνα, 16.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: [https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/semεια-sunenteuxes-anaplerote-upourgou-exoterikon-miltiade-barbitsiote-sto-rs-real-fm-978-kai-tous-demphous-niko-khatzenikolaou-kai-](https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/semεια-sunenteuxes-anaplerote-upourgou-exoterikon-miltiade-barbitsiote-sto-rs-real-fm-978-kai-tous-demphous-niko-khatzenikolaou-kai)

antone-dellatola-athena-1622023.html (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 17.02.2023 — Σημεία συνέντευξης Αναπληρωτή Υπουργού Εξωτερικών Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη στον τ/σ «Action 24» και στον δημοσιογράφο Σεραφείμ Κοτρώτσο (17.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/ semeia-sunenteuxes-anaplerote-upourgou-exoterikon-miltiade-barbitsiote-ston-ts-action-24-kai-ston-demosiographo-serapheim-kotrotso-1722023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 04.03.2023 — Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια στην ε/φ «Παραπολιτικά» και στον δ/φο Κώστα Παπαχλιμίντζο (04.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-eph-parapolitika-kai-ston-dpho-kosta-papakhlimintzo-432023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 25.03.2023 — Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην εφημερίδα «Πρώτο Θέμα» και στον δημοσιογράφο Μάκη Πολλάτο (25.03.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-ephemerida-proto-thema-kai-ston-demosiographo-make-pollato-25032023.html> (02.05.2023).

Σημεία Συνέντευξης 05.04.2023 — Σημεία Συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Ν. Δένδια στο κεντρικό δελτίο ειδήσεων του τ/σ Action 24 (05.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-dendia-sto-kentriko-deltio-eideseon-tou-ts-action-24-05042023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 06.04.2023 — Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στον ρ/σ «ΣΚΑΪ 100,3» και τους δημοσιογράφους Βασίλη Χιώτη και Νότη Παπαδόπουλο (06.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο

Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-ston-ts-skai-1003-kai-tous-demosiographous-basile-khiote-kai-note-papadopoulos-06042023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 09.04.2023 — Σημεία συνέντευξης του Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην εφημερίδα «Απογευματινή της Κυριακής» και τη δημοσιογράφο Κατερίνα Τσαμούρη (09.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-tou-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-ephemerida-apogeumatine-tes-kuriakes-kai-te-demosiographo-katerina-tsamoure-09042023.html> (02.05.2023).

Σημεία Συνέντευξης 15.04.2023 — Σημεία Συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην ε/φ «Μακεδονία της Κυριακής» και στον δ/φο Νίκο Οικονομού (15.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-eph-makedonia-tes-kuriakes-kai-ston-dpho-niko-oikonomou-15042023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 21.04.2023 — Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στο κεντρικό δελτίο του τ/σ «STAR» και τη δημοσιογράφο Μάρα Ζαχαρέα (21.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sto-kentriko-deltio-tou-ts-star-kai-te-demosiographo-mara-zacharea-21042023.html> (02.05.2023).

Σημεία συνέντευξης 23.04.2023 — Σημεία συνέντευξης Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην εφημερίδα «ΤΟ ΒΗΜΑ ΤΗΣ ΚΥΡΙΑΚΗΣ» και τη δημοσιογράφο Αλεξάνδρα Φωτάκη (23.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-ephemerida-to-bema>

tes-kuriakes-kai-te-demosiographo-alexandra-photake-23042023.html (02.05.2023).

Συνάντηση 15.02.2023 — Συνάντηση Αναπληρωτή Υπουργού Εξωτερικών Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη με τον Υφυπουργό Εξωτερικών της Πολωνίας αρμόδιο για Ευρωπαϊκές Σχέσεις Arkadiusz Mularczyk (Αθήνα, 15.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/sunantese-anaplerote-upourgou-exoterikon-miltiade-barbitsiote-meton-uphupourgo-exoterikon-tes-polonias-armodio-gia-europaikes-skheseis-arkadiusz-mularczyk-athena-15022023.html> (02.05.2023).

Συνέντευξη 12.02.2023 — Συνέντευξη Αναπληρωτή Υπουργού Εξωτερικών Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη στην εφημερίδα «Απογευματινή της Κυριακής» και τη δημοσιογράφο Κατερίνα Τσαμούρη (12.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/sunenteuxe-anaplerote-upourgou-exoterikon-miltiade-barbitsiote-sten-ephemerida-apogeumatine-tes-kuriakes-kai-te-demosiographo-katerina-tsamoure-1222023.html> (02.05.2023).

Συνέντευξη 13.02.2023 — Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στον τ/σ STAR και τη δημοσιογράφο Μάρα Ζαχαρέα (13.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-ston-ts-star-kai-te-demosiographo-mara-zakhar-aea-13022023.html> (02.05.2023).

Συνέντευξη 18.02.2023 — Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στην εφημερίδα «Τα Νέα Σαββατοκύριακο» και στη δημοσιογράφο Αλεξάνδρα Φωτάκη (18.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sten-ephemerida-ta-nea-sabbatokuriako-kai-ste-demosiographo-alexandra-photake-18022023.html> (02.05.2023).

Συνέντευξη 23.02.2023 — Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, στο κεντρικό δελτίο ειδήσεων του τ/σ «ΣΚΑΪ» με τη δημοσιογράφο Σία Κοσιώνη (23.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-sto-kentriko-deltio-eideseon-tou-ts-skai-me-te-demosiographo-sia-kosione-23022023.html> (02.05.2023).

Τηλεφωνική επικοινωνία 06.02.2023 — Τηλεφωνική επικοινωνία του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη με τον Πρόεδρο της Τουρκίας Recep Tayyip Erdoğan. 6 Φεβρουαρίου 2023 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://primeminister.gr/2023/02/06/31214> (02.05.2023).

Τηλεφωνική επικοινωνία 13.02.2023 — Τηλεφωνική επικοινωνία Υφυπουργού Εξωτερικών, Ανδρέα Κατσανιώτη, με τον Πρόεδρο της Τουρκίας (13.02.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/telephonike-epikoinonia-uphupourgou-exoterikon-andrea-katsaniote-meton-presbetes-tourkias-1322023.html> (02.05.2023).

Υπογραφή βιβλίου συλλυπητηρίων 08.02.2023 — Υπογραφή βιβλίου συλλυπητηρίων στην Πρεσβεία της Τουρκίας, στην Αθήνα, από τον Αναπληρωτή Υπουργό Εξωτερικών Μιλτιάδη Βαρβιτσιώτη (Αθήνα, 8.2.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/upographe-bibliou-sulupeterion-sten-presbeia-tes-tourkias-sten-athena-822023.html> (02.05.2023).

Χαιρετισμός 21.04.2023 — Χαιρετισμός Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια κατά την έναρξη της Ατυπής Συνάντησης (Retreat) για τη Συρία (Αθήνα, 21.04.2023) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/khairitismos-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-kata-ten-enarxe-tes-atupes-sunanteses-retreat-gia-te-suria-athena-21042023.html> (02.05.2023).

REFERENCES

- Akcinaroglu S., DiCicco J.M., Radziszewski E.* Avalanches and Olive Branches: Natural Disasters and Peacemaking between Interstate Rivals. A 2008 update of a paper prepared for the Annual Meeting of the International Studies Association, February 27 – March 3, 2007 in Chicago, Illinois. 2008. URL: <http://www.disasterdiplomacy.org/pb/akcinarogluetal.2008.pdf> (01.04.2023).
- Comfort L.K.* Disaster: Agent of diplomacy or change in international affairs? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2000. Vol. 14. N 1. P. 277–294. DOI: 10.1080/09557570008400342
- Duda P.I., Kelman I.* Informal Disaster Diplomacy // *Societies*. 2023. Vol. 13. N 8. DOI: 10.3390/soc13010008
- Economides S.* The Europeanisation of Greek Foreign Policy // *West European Politics*. 2005. Vol. 28. N 2. P. 471–491. DOI: 10.1080/01402380500060528
- Ganapati N.E., Kelman I., Koukis T.* Analysing Greek-Turkish disaster-related cooperation: A disaster diplomacy perspective // *Cooperation and Conflict*. 2010. Vol. 45. N 2. P. 162–185. DOI: 10.1177/0010836709347216
- Kelman I.* Acting on Disaster Diplomacy // *Journal of International Affairs*. 2006. N 59(2). P. 215–240.
- Kelman I.* Catastrophe and Conflict: Disaster Diplomacy and Its Foreign Policy Implications / *Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy*. 2016. 76 p. DOI: 10.1163/24056006-12340001
- Kelman I.* Does Disaster Diplomacy Improve Inter-State Relations? // *E-International Relations*. 2014. URL: <https://www.e-ir.info/2014/11/04/does-disaster-diplomacy-improve-inter-state-relations/> (01.04.2023).
- Kelman I.* Disaster Diplomacy: How Disasters Affect Peace and Conflict. London; New York: Routledge, 2012.
- Keridis D.* “Earthquakes, Diplomacy, and New Thinking in Foreign Policy” // *The Fletcher Forum of World Affairs*. 2006. Vol. 30. N 1. P. 207–214.
- Ker-Lindsay J.* Greek-Turkish Rapprochement: The impact of “Disaster diplomacy”? // *Cambridge review of international affairs*. 2000. Vol. XIV. N 1. P. 215–232.
- Koukis Th., Kelman I., Ganapati N.E.* Greece – Turkey disaster diplomacy from disaster risk reduction // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2016. No 17. P. 24–32. DOI: 10.1016/j.ij-drr.2016.03.004
- Koukoudakis G.* Greek-Turkish Rapprochement and Turkey’s EU Membership Quest: Turning Rhetoric into Reality // *Turkish Policy Quarterly*. 2013. Vol. 12. N 2. P. 157–165.
- Mavrogenis S., Kelman I.* Disaster diplomacy and disaster governance from a Balkan perspective: Post-earthquake rapprochement in Greece – Turkey // *Governance of Risk, Hazards and Disasters: Trends in Theory and Practice* / Ed. by G. Forino, S. Bonati, L.M. Calandra. London: Routledge, 2018. DOI: 10.4324/9781315463896
- Mavrogenis S., Kelman I.* Perceptions of Greece-Turkey Disaster Diplomacy: Europeanization and the Underdog Culture // *Balkanistica*. 2013. N 26. P. 73–104.
- Nelson T.* When disaster strikes: on the relationship between natural disaster and interstate conflict // *Global Change, Peace & Security*. 2010. Vol. 22. N 2. P. 155–174. DOI: 10.1080/14781151003770788
- Sevin E., Jayasinghe N.* Disaster “Public” Diplomacy: Understanding the role of disasters in international relations through the case of Turco-Greek Relations // *International Journal of Business Perspectives & Social Sciences Information*. 2018. Vol. 2. N 1. P. 17–46.
- Streich Ph.A., Mislan D.B.* What follows the storm? Research on the effect of disasters on conflict and cooperation // *Global Change, Peace & Security*. 2014. Vol. 26. N 1. P. 55–70. DOI: 10.1080/14781158.2013.837040

Б. Л. Хавкин

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В КУРСКОЙ БИТВЕ. РУДОЛЬФ РЁССЛЕР

Аннотация: Статья профессора Б. Л. Хавкина «Советская разведка в Курской битве. Рудольф Рёсслер» посвящена деятельности ценного агента советской разведки Рудольфа Рёсслера, представителя консервативного крыла германского антигитлеровского Сопротивления. Покинув Германию, после прихода Гитлера к власти, и поселившись в Швейцарии, Рёсслер, ведя деятельность оппозиционного к нацистам книгоиздателя, сотрудничал со швейцарской разведкой как аналитик и координатор агентов «Чёрной капеллы» — противников гитлеровского режима из христианско-консервативных и националистических кругов, в том числе военных и дипломатов. В ходе войны Рёсслер стал важным информатором британской разведки. С лета 1942 г. Рёсслер, выйдя на советскую агентуру, возглавлявшуюся Шандором Радо, начал под псевдонимом Люци поставлять ей информацию о военных планах и политическом положении Германии. Сведения, полученные от Рёсслера, внесли, в частности, существенный вклад в подготовку Красной Армии к обороне на Курской дуге и провал гитлеровской операции «Цитадель».

Ключевые слова: Вторая мировая война, Курская битва, нацистская Германия, советская разведка, Рудольф Рёсслер, «Красная капелла», Шандор Радо.

Сведения об авторе: Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор ИАИ РГГУ. Email: novistor@mail.ru.

B. L. Khavkin

SOVIET INTELLIGENCE IN THE BATTLE OF KURSK. RUDOLF RÖSSLER

Abstract. The subject is the activities of Rudolf Rössler, a representative of the conservative wing of the German anti-Hitler Resistance and an agent of Soviet intelligence. After Hitler came to power, Rössler left Germany and settled in

Switzerland, as a book publisher. He cooperated with Swiss intelligence as an analyst and coordinator of “Black Chapel,” the organization of opponents of Hitler’s regime from Christian-conservative and nationalist circles, including military officers and diplomats. During the war, Rössler became an important informant for British intelligence. Since the summer of 1942, Rössler, having come into contact with the Soviet agents led by Sándor Rado, and under the pseudonym Lucy began to supply them with information about German military plans and political situation. The information received from Rössler made a significant contribution to the preparation of the Red Army for the the Kursk Battle and to the failure of Hitler’s military Operation Citadel.

Keywords: World War II, Battle of Kursk, Nazi Germany, Soviet intelligence, Rudolf Rössler, “Black Chapel”, Sándor Rado.

Corresponding author: Khavkin Boris Lvovich, PhD (doctor istoricheskikh nauk), Professor of IAI RSUH. Email: novistor@mail.ru.

В ходе Курского сражения Третий рейх рассчитывал взять реванш за поражение вермахта под Сталинградом и вернуть себе стратегическую инициативу. План германского летнего наступления на Восточном фронте под кодовым названием «Цитадель» готовился в обстановке строгой секретности. К проведению операции германское командование привлекло группу армий «Центр» под командованием Г. фон Клюге (9-я и 2-я армии) и группу армий «Юг», которой командовал Э. фон Манштейн (4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф»). На Курском направлении противник сосредоточил 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных), 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий, авиацию 6-го воздушного флота (свыше 1000 самолетов, базировавшихся на аэродромах орловского выступа) и 4-го воздушного флота (более 1000 самолетов, находившихся в районах Харькова и Полтавы) (*История Второй мировой войны, т. 7* 1976: 143). 15 апреля 1943 г. Гитлер подписал оперативный приказ, утверждавший план наступательной операции «Ци-

тадель» в районе Орел — Курск — Белгород — Харьков.

Информация о готовящемся наступлении немцев была добыта советской разведкой менее чем через месяц (*Христофоров* 2011: 212). Бывший начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Альфред Йодль на Нюрнбергском процессе в 1946 г. признал, что сведения о германских операциях появлялись в Москве раньше, чем у него на письменном столе.

Йодлю вторит бывший нацистский пропагандист оберштурмбанфюрер СС П.К. Шмидт, известный также как историк Пауль Карелл, по его мнению, даже поверхностный анализ данных радиоперехвата показывал, что часть переданной информации могла быть получена только из высших немецких военных кругов, создавалось такое впечатление, что советским агентам в Швейцарии диктовали на ключ прямо из Ставки фюрера (*Карелл* 2005).

Сведения о планах германского командования поступали в Москву

из резидентур внешней разведки в Лондоне, Женеве, Стокгольме, Нью-Йорке, Анкаре и Берлине. Материалы о передислокации частей и соединений германской армии на линию Орел — Курск — Белгород, активизации деятельности германских разведывательных служб в районе Курского выступа приходили из оперативных групп НКГБ СССР, действовавших на оккупированных территориях.

В книге «Записки командующего фронтом 1943–1945» И. С. Конев писал: «Уже весной 1943 г. советское Верховное Главнокомандование располагало данными о готовящемся летнем наступлении немецко-фашистских войск в районе Курской дуги. Данные разведки поступали с исключительной быстротой и точностью. Было точно определено и направление главного удара противника» (Конев 1989: 8).

Ценную политическую и военную информацию советская разведка получала из Великобритании. Это было связано с тем, что британские спецслужбы еще в 1938 г. смогли расшифровать немецкие коды, чем обеспечили доступ к секретной переписке по радиоканалам германского Верховного командования со штабами групп войск, армий и других соединений и частей. В этой переписке содержались планы боевых операций германских войск в Африке и на Восточном фронте. Агенты советской внешней разведки, входившие в «Кембриджскую пятерку» (К. Филби, Дж. Кернкросс, Д. Маклин, Э. Блант, Г. Бёрджесс) (Модин 1997), сумели получить доступ ко многим ценным материалам

британского внешнеполитического ведомства и разведки (еженедельным сводкам, оперативным приказам германского командования, содержанию радиোগрам, в которых раскрывалась осведомленность германского командования о состоянии войск Красной Армии). Офицер британской разведки Кернкросс, хорошо знавший немецкий язык и обладавший аналитическими способностями, с помощью аналога немецкой шифровальной машины «Энигма» расшифровывал немецкие секретные радиোগраммы. От Кернкросса и Филби в резидентуру НКГБ в Лондоне поступали сведения о планировании немецкого наступления под Курском (*Очерки истории российской внешней разведки*, т. 4 1999: 246–247).

Данные о подготовке операции «Цитадель» шли из Швейцарии от резидента советской военной разведки Ш. Радо, который передавал в «Центр» информацию, добытую Р. Рёсслером (Радо 1988: 201, 227–238, 253–265).

А. Даллес, руководитель резидентуры Управления стратегических служб США, действовавшей во время Второй мировой войны в Швейцарии, писал: «Советские люди использовали фантастический источник, находящийся в Швейцарии, по имени Рудольф Рёсслер, который имел псевдоним „Люци“. С помощью источников, которые до сих пор не удалось раскрыть, Рёсслеру удалось получить в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое командование в Берлине, с непрерывной регулярностью, часто менее чем через 24 часа после того, как принимались ежедневные реше-

ния по вопросам Восточного фронта». Бывший британский разведчик Л. Фараго утверждал, что Рёсслер был лучшим советским агентом в Европе (*Дамаскин 2007: 238*).

Что мы знаем об этом человеке? Документы о нём сохранились в швейцарских архивах (*Archiv für Zeitgeschichte der Eidgenössischen Technischen Hochschule Zürich, Staatsarchiv Luzern*, см. Источники и материалы).

Рудольф Рёсслер родился 22 ноября 1897 г. в городе Кауфбойрен, Германская империя, в семье чиновника лесного ведомства. Окончил народную школу и в 1916 г. гимназию в Аугсбурге, Бавария. Солдатом-добровольцем ушел на Первую мировую войну.

После войны Рёсслер активно занимался журналистикой и издательской деятельностью. Среди его друзей были известные литераторы, в частности, писатель Томас Манн. В отличие от многих разочарованных и озлобленных поражением в Первой мировой войне ветеранов, Рёсслер никогда не разделял реваншистских взглядов и активно выступал против нацизма. Он печатался в газетах, основал Аугсбургское литературное общество, редактировал журнал «Форма и содержание», руководил Народным театральным союзом в Берлине и издавал журнал «Национальный театр».

После прихода Гитлера к власти профессиональная деятельность для Рёсслера в Германии стала невозможна. В 1934 г. Рёсслер, человек христианско-консервативных взглядов, немецкий националист и в то же



время идейный противник нацизма, покинул родину и вместе с женой Ольгой Хофман поселился в нейтральной Швейцарии.

В Люцерне Рёсслер основал и возглавил литературное издательство «Вита Нова». Он издавал произведения писателей, которые были запрещены в нацистской Германии: Рауля Клауделя, Стенли Болдуина, Николая Бердяева, Федора Степуна, Вальтера Шубарта, Вальдемара Гуриана. В 1937 г. Рёсслер лишился гражданства Германии. Его деятельность как разведчика, вероятно, началась в 1938/39 гг. в связи с обострением ситуации вокруг Чехословакии и последовавшей нацистской оккупацией этой страны.

Британский политик Уинстон Черчилль в воспоминаниях отмечает, что уже в 1938 г., перед нападением на Чехословакию, был заговор против Гитлера, в котором участвовали генералы Гальдер, Бек, Штюльпнагель, Вицлебен (командующий берлинским гарнизоном), Томас (заведующий вооружением), Брокдорф (командующий потсдамским гарнизоном) и граф Гельдорф, стоявший во главе берлинской полиции. Главнокомандующий генерал фон Браухич был осведомлен о заговоре и одобрил. Напомним, что летом 1938 г. Бек покинул свой пост начальника Генштаба сухопутных сил в знак протеста против агрессивных планов Гитлера в отношении Чехословакии, а Гальдер стал преемником Бека на этом посту; генерал Штюльпнагель был оберквартирмейстером (заместителем начальника) Генштаба.

Заговорщики, рассчитывая на поддержку Лондона, собирались свергнуть Гитлера 14 сентября 1938 г. Однако британский премьер-министр Невилл Чемберлен трижды летал в Германию на переговоры с Гитлером, что нарушало планы заговорщиков. Поэтому реализация «Берлинского путча» была сначала отложена, а потом, когда стало известно, что Чемберлен вылетает в Мюнхен для подписания соглашения с Гитлером, и вовсе отменена. 29 сентября 1938 г. состоялся так называемый «Мюнхенский сговор». Таким образом, Англия и Франция в 1938 г. не только отдали Гитлеру часть Чехословакии, но и спасли его самого. Однако о подготовке свержения Гитлера никто из генералов не проговорился: Гитлер о заговоре не узнал, а генералы стали искать другого случая «устранения»

своего фюрера и Верховного главнокомандующего.

Для швейцарской разведки Рёсслер был счастливой находкой: он имел в Германии и Швейцарии надежных информаторов, готовых вести тайную борьбу против Третьего рейха. Летом 1942 г. Рёсслер по собственной инициативе через посредников — Кристиана Шнайдера («Тейлор») и Рашель Дюбендорфер («Сиси») — начал передавать свои материалы нелегальной резидентуре советской военной разведки под руководством Шандора Радо («Дора»), а с осени 1942 г. тесно сотрудничал с ней.

«Люци» поставил перед Радо единственное условие: не пытаться узнать, откуда и от кого он получает информацию. В литературе встречается утверждение, что «Люци» через Радо отправлял в Москву результаты британского радиоперехвата, полученного путем расшифровки немецких радиোগрам. Об этом писал генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, занимавший во время Великой Отечественной войны должность начальника IV (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ. Анализ сообщений Радо и материалов, поступавших из Лондона (*Очерки истории российской внешней разведки, т. 4* 1999: 246–253), свидетельствует об их «разительном совпадении». Однако, как отмечал Судоплатов, «информация из Лондона от кембриджской группы была более полной, а от группы „Люци“ явно отредактированной. Ясно было, что информация „Люци“ дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами» (Судоплатов 1996:

169–170.). А Сталин, как известно, не очень доверял своему «злейшему союзнику» Черчиллю.

Тем не менее, информация «Люци» способствовала победе Красной Армии под Сталинградом. 22.01.1943 г. Центр радировал Радо: «Выразите Люци нашу благодарность за хорошую работу. Сведения вашей группы о Центральном участке фронта весьма существенны» (Алексеев, Колтакиди, Кочик. 2012: 650–651.). За ценные сведения «Директор» щедро платил «Люци»: «12 марта 1943 г. Директор — Доре. Согласен. План Восточного вала покупаем за 3000 франков. Что известно Люци о подлинности и достоверности этих документов? Срочно узнайте, какие еще документы может достать Люци» (*Rote Kapelle* 1953). (Восточный вал — стратегический оборонительный рубеж немецких войск на советско-германском фронте, построенный к осени 1943 г.).

Информация, полученная от «Люци», сыграла важную роль в разгроме вермахта под Курском в 1943 г. В Москву были переданы дополнительные данные о планах противника, о новых танках «Тигр» и «Пантера», о другом вооружении и боевой технике (Радо 1988: 201, 227–229, 235–239).

Предоставленные сведения касались также, как отмечал Радо, «политических и дипломатических маневров правителей гитлеровской Германии и ее сателлитов», а также заговора немецких военных против Гитлера. В радиোগрамме в Центр от 20 апреля 1943 г. говорилось, что «группа генералов, которая еще в январе хотела

устранить Гитлера, теперь исполнена решимости ликвидировать не только Гитлера, но и поддерживающие его круги» (Радо 1988: 188).

Информация советской разведки оперативно доходила до Верховного Главнокомандующего и членов Государственного комитета обороны (ГКО). По воспоминаниям члена ГКО А.И. Микояна, ещё 27 марта 1943 г. Сталин сообщил ему «в общих деталях» о немецких планах (Микоян 1999: Гл. 37).

Накануне, 26 марта 1943 г. в Москву пришло сообщение Радо, содержащее основные сведения о предстоящем немецком наступлении. 8 апреля тот же источник сообщил, что операция перенесена на начало мая. 20 апреля наступление было отсрочено до 12 июня, а затем — чуть ли не отменено вообще (Безыменский 2003: 37–39). В итоге немцы начали «Цитадель» лишь 5 июля. Но их уже ждали: на изгоготовившиеся к наступлению войска противника обрушился всеокрушающий огонь советской артиллерии.

В мае 1944 г. Рёсслер был арестован швейцарской контрразведкой в связи с делом «Доры». Это было сделано, чтобы в тюрьме спасти его от гестаповцев. Спустя четыре месяца Рёсслер был освобожден (Лурье, Кочик 2002: 523).

В 1947–1953 гг. Рёсслер сотрудничал с чехословацкой разведкой, вновь был арестован 9 марта 1953 г., предстал перед судом 2 ноября 1953 г. и был приговорен к одному году тюремного заключения. После освобождения из-за финансовых трудностей он вынужден был расстаться со

своим издательством. Умер он 11 декабря 1958 г. в городе Криенс, Швейцария (Алексеев, Колтакиди, Кочик 2012: 650–651). На надгробном памятнике надпись: "Рудольф Рёсслер 1897–1958".

Как и откуда Рёсслер узнавал военные секреты Третьего рейха?

Главные информаторы «Люци» были в Германии. Звали их Вертер, Ольга, Тедди, Штефан, Фанни, Фердинанд и Билл. Они фигурировали как источники в сообщениях «Доры». Эти псевдонимы были шифрами для обозначения Главнокомандования вермахта (Вертер), Главнокомандования люфтваффе (Ольга), Главнокомандования сухопутных войск (Тедди), группы атташе в имперском министерстве авиации (Штефан), Министерства иностранных дел (Фанни), командующего резервной армии (Фердинанд) и управления вооружений сухопутных войск (Билл).

У «Люци» был и швейцарский канал — секретный филиал швейцарской разведки «Бюро Ха» майора Хауземанна, по которому поступали сообщения, исходившие из штаба резервной армии рейха, которой командовал генерал-полковник Фридрих Фромм. Информация, вероятно, исходила от офицера штаба Фромма капитана Германа Кайзера, который был связным между лидером «штатского сектора» германского консервативного Сопротивления Карлом Гёрделером и военными участниками заговора против Гитлера (Bundesarchiv, Freiburg).

Рёсслер, обладая острым аналитическим умом, умел добывать информа-

цию из открытых источников — прежде всего, из прессы. У него дома был газетный архив с тысячами заметок.

Однако главный поток информации «Люци» шел из Германии. Друзья Рёсслера передавали секретные сведения прямо из центра связи Верховного командования вермахта (ОКВ), расположенного в военном лагере Майбах в Цоссене, под Берлином. Никакой радиопеленгатор не смог бы выявить подозрительные телеграммы в огромной массе радиошифровок, которая непрерывно извергалась в эфир из главного узла связи ОКВ. Таким образом, между ОКВ и Рёсслером будто бы существовал неуязвимый радиомост.

Бернд Руланд — немецкий офицер, в годы Второй мировой войны служивший в центре связи ОКВ, в книге «Глаза Москвы» рассказал о том, каким образом секретнейшие документы высшего гитлеровского командования попадали к «Люци»: две вольнонаемные связистки из центра связи ОКВ, рискуя жизнью, снимали копии со строго секретных документов. Всего они скопировали 7 050 секретных директив ОКВ. Снятые копии женщины передавали Руланду, а он — офицеру общего управления вермахта капитану фон Кемперу. Для доставки информации в Швейцарию Кемпер использовал дипломатических курьеров министерства иностранных дел. Причем Кемпер был не только передаточным звеном данных из центра связи ОКВ, но и сам собирал разведанные через своих многочисленных друзей в разных кругах Германии (Ruland 1974.).

В литературе встречается также утверждение, что источником информации для Рёсслера был один из руководителей берлинской группы «Красной капеллы» обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен, служивший в министерстве авиации и пользовавшийся покровительством рейхсмаршала Германа Геринга (*Schramm 1967; Huber, 2004: 91*).

Весной 1941 г. в издательстве Рёсслера была издана 84-х страничная брошюра «Театры военных действий и условия ведения войны». Автор, подписавшийся псевдонимом Роберт Александр Гермес, анализировал геополитическую ситуацию в 1941 г., приводил обширную информацию стратегического характера. Гермес приходил к выводу, что Германия готовится к развязыванию мировой войны, которая кончится для нее поражением и революционной катастрофой (*Hermes 1941*).

Кто скрывался за псевдонимом Гермес? Это вымышленное имя могло принадлежать сразу двум лицам: Шульце-Бойзену и Рёсслеру (*Бояджи 2003: 104*). 15 карт, которыми была иллюстрирована брошюра Гермеса, были выполнены Радо в его агентстве «Геопресс». Однако прямых доказательств, что обер-лейтенант снабжал разведывательной информацией «Люци», нет. К тому же Шульце-Бойзен был арестован 31 августа 1942 г. и казнен 22 декабря того же года, в то время как именно во второй половине 1942 г. разведывательная деятельность «Люци» приобретала широкий размах. С берлинской группой Шульце-Бойзена — Харнака Рёсслер, очевидно, не контактировал, однако это не значит,

что он не сотрудничал с «Красной капеллой».

Термином «Красная капелла» («Красный оркестр») принято обозначать все радиостанции, выходившие в эфир во время Второй мировой войны с территорий Германии, Италии, Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и работавшие на советскую разведку. Рёсслер был непосредственно связан со швейцарской резидентурой Радо, которую нацистские спецслужбы рассматривали как часть «Красного оркестра».

В декабре 1942 г. шеф гестапо группенфюрер СС Генрих Мюллер подписал секретный отчет о «Красной капелле», текст которого сохранился в архивах ФРГ (*Niedersächsisches Hauptstaatsarchiv Hannover, Lüneburg, Bundesarchiv*).

В 1979 г. был опубликован пространственный доклад ЦРУ США «Красная капелла. История советской разведывательно-шпионской сети в Западной Европе. 1936–1945». В этом документе к материалам Главного управления имперской безопасности (РСХА) по «Красной капелле» прибавились донесения американской и британской разведок (*U.S. Central Intelligence Agency. The Rote Kapelle... 1979*).

В 1991 г. историк из ФРГ Юрген Даниель обнаружил в Национальном архиве США в Вашингтоне копию 90-страничного доклада гестаповской зондеркоманды «Красная капелла» под названием «Большевистские организации изменников Родины, действовавшие в Рейхе и в Западной Европе (Красная

капелла)», рассекреченного в 1950 г., но лишь в 1989 г. ставшего доступным исследователям (*Tuchel J.* 1994: 152.).

В 1994 г. Хансом Коппи, Юрием Зорей и мной были опубликованы российские источники по «Красной капелле» (*Chawkin, Coppi, Zorja.* 1994: 104–144). Анализ документов позволяет сделать вывод, что «Люци» был скорее связан не с «Красной», а с «Черной капеллой» — группой германского консервативного Сопротивления, во главе которой стоял бывший обер-бургомистр Лейпцига и рейхскомиссар по ценам Карл Гёрделер. Рёсслер, по-видимому, ставил Гёрделера на первое место среди своих источников, поскольку знал его лично. Гёрделер считался основным кандидатом на пост рейхсканцлера в послегитлеровском правительстве Германии. Источники Рёсслера следует искать в окружении Гёрделера — среди участников заговора против Гитлера. Кроме Гёрделера, основными информаторами Рёсслера были Ханс Остер, Йозеф Вирт и Ханс-Бернд Гизевиус.

Полковник (с 1941 г. — генерал-майор) Остер был начальником штаба германской военной разведки и контрразведки (абвера) и заместителем шефа абвера адмирала Вильгельма Канариса.

В силу своего положения Остер был очень хорошо информирован. Ему были известны многие государственные тайны рейха, даже те, которые охранялись конкурентами абвера из Главного управления имперской безопасности — гестапо и СД (службой безопасности). Остер играл важную

роль среди офицеров, которые намеревались отстранить Гитлера от власти. Зимой 1939–1940 гг. он информировал голландское и норвежское правительства о том, что Гитлер планирует совершить агрессию против этих стран. После того, как вермахт летом 1940 г. нанес поражение западным державам, объектом пристального внимания Остера стала Швейцария. Опасная игра Остера была прервана в апреле 1943 г.: он был отстранен от должности, а год спустя уволен из армии. После провала заговора 20 июля 1944 г. Остер был арестован и казнен вместе с адмиралом Канарисом в концлагере Флоссенбург 9 апреля 1945 г.

Историк Герхард Риттер (ФРГ) считает одним из источников Рёсслера бывшего канцлера Веймарской республики Йозефа Вирта, жившего в эмиграции в Швейцарии. Вирт получил от англичан предложение выступить посредником между ними и участниками немецкой оппозиции. В середине февраля 1940 г. два представителя британского «Форин Оффиса», Йозеф Вирт и третье лицо, хорошо известное в Лондоне, жившее в Люцерне и поддерживавшее связи со своими английскими друзьями, встретились в замке Уши. Этим господином из Люцерна и мог быть «Люци», лично знавший Вирта (*Ritter* 1956).

Имя Вирта упоминается в шифровках, которыми обменивались «Директор» и «Дора». 14 января 1943 г. «Директор» направил «Доре» радиogramму: «Просим сообщить о точном содержании переговоров между Лонгом (Жоржем Блэном, французским журналистом и важным инфор-

матором «Доры» — Б.Х.) и Виртом. Прежде всего, нас интересует содержание переговоров между Виртом и англосаксами и их отношение к переговорам с СССР. Какие практические меры он намерен принять, чтобы наладить контакт с нами?» (Кузнецов 2008: 151–152).

Чиновник гестапо, а с 1939 г. офицер абвера Ханс-Бернд Гизевиус был одним из руководителей антигитлеровского заговора. В 1940–1944 гг. он под именем зондерфюрера д-ра Шлиха занимал должность вице-консула в Генеральном консульстве Германии в Цюрихе. В Швейцарии Гизевиус по заданию Остера занимался контрразведкой для абвера и поиском контактов со странами антигитлеровской коалиции (в частности, с США), а также с лицами, представлявшими интерес для германского консервативного Сопротивления. Среди них был и Рёсслер, которого также интересовал Гизевиус. В оставшихся после смерти Рёсслера бумагах сохранилось досье Гизевиуса.

Информация «Люци», проходившая по каналу Гизевиуса, исходила от Ханса Остера, поддерживавшего тесную связь с другими противниками гитлеровского режима: генералом Георгом Томасом (управление вооружения и экономики в Верховном командовании вермахта) и генералом Фридрихом Ольбрихтом (начальником Общего управления сухопутных войск и заместителем командующего резервной армии). В книге воспоминаний «До трагического конца» Гизевиус отмечает: «У нас были информаторы повсюду — в военном ведомстве, на полицейских участках, в МВД и, прежде

всего, в МИД. Все нити шли к Остеру» (Gisevius 1947: 142).

20 апреля 1943 г. Дора (Радо) отправил в Центр следующее донесение: «От Рота. Через генерального директора... бургомистра Герделера. С Бендлерштрассе (ОКВ)... Генеральный штаб считает, что наступление может начаться, самое раннее, в конце апреля и должно произвести эффект снежного кома. Так называемый второй комплект генералов, которые уже в январе намеревались выступить против Гитлера, решил ликвидировать Гитлера и всех, кто его поддерживает. Более ранняя попытка не удалась, т.к. Гитлер был предупрежден о ней Манштейном» (Кузнецов 2008: 152–153).

На основании этой радиограммы и данных о деятельности Гизевиуса в Швейцарии можно предположить, что именно он скрывался под условным именем «Рот» («Красный»). Гизевиус был знаком с Рёсслером, знал Вирта, чья связь с участниками заговора 20 июля 1944 г. была подтверждена генералами Беком и Остером.

Если Гёрделер и большинство его сторонников ориентировались на США и Великобританию, то некоторые участники заговора, в частности, Гизевиус, Клаус граф фон Штауффенберг, Адам фон Тротт цу Зольц, Фридрих Вернер граф фон Шуленбург рассчитывали на послевоенное сотрудничество Германии с Советским Союзом (Хавкин 2011, 2012, 2013).

Чтобы разведывательные сообщения из нейтральной Швейцарии уходили в Советский Союз, с которым у Швейцарской Конфедерации тогда не было дипломатических отноше-

ний, швейцарским спецслужбам, как и немецким друзьям «Люци», нужен был «посредник не швейцарец». Эту роль играл Рудольф Рёсслер. Через него поддерживалась связь не только между немецкой консервативной оппозицией и Лондоном, но и между немецким Сопротивлением, Лондоном и Москвой.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Archiv für Zeitgeschichte der Eidgenössischen Technischen Hochschule Zürich (Nachlass: Strafprozesse, Dok.); Staatsarchiv Luzern (PA 215: Zeitung Artikel in der „Freien Innerschweiz“; PA Nachlass Xaver Schnieper; A 1044/12269: Handelsregisterbelege Vita Nova Verlag).

Bundesarchiv, Freiburg. Nachlass: Kaiser, Hermann.

Niedersächsisches Hauptstaatsarchiv Hannover, Nds, 721, Lüneburg, Acc.69/67. Bd.6, Bl.816 ff; Фотокопия: Bundesarchiv, R 58/1131, fol.37 ff.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев, Колтакиди, Кочик 2012 — *Алексеев М.А., Колтакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 650–651.

Безыменский 2003 — *Безыменский Л.А.* Курский сигнал // Новое время, 2003, № 18/19. С. 37–39.

Бояджи 2003 — *Бояджи Э.* История шпионажа. В 2-х т. Т. 2, М., 2003. С. 104.

Дамаскин 2007 — *Дамаскин И.А.* 100 великих разведчиков. М., 2007. С. 238.

История Второй мировой войны. Т. 7 1976 — История Второй мировой войны. В 12 тт. Т. 7. Завершение коренного перелома в войне. М., 1976. С. 143.

Карелл 2005 — *Карелл П.* Восточный фронт. Книга 2. Выжженная земля. 1943–1944. М., 2005.

Конев 1989 — *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М., 1989. С. 8.

Кузнецов 2008 — *Кузнецов В.В.* НКВД против гестапо. М., 2008. С. 151–152.

Лурье, Кочик 2002 — *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. М., 2002. С. 523.

Микоян 1999 — *Микоян А.И.* Так было. М., 1999.

Модин 1997 — *Модин Ю.И.* Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1997.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4 1999 — Очерки истории российской внешней разведки. В 6 тт. Т. 4. М., 1999. С. 246–253.

Радо 1988 — *Радо Ш.* Под псевдонимом Дора. М., 1988. С. 188, 201, 227–238, 253–265.

Судоплатов 1996 — *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 169–170.

Хавкин 2011 — *Хавкин Б.Л.* Граф Шуленбург: «Сообщите господину Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество» // Родина. 2011. № 1

Хавкин 2012 — *Хавкин Б.Л.* Германское консервативное Сопротивление и Россия // Копелевские чтения 2012. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2012.

Хавкин 2013 — Сопротивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. 2013. № 1.

Христофоров 2011 — *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 212.

Chawokin B., Coppi H., Zorja 1994 — *Chawokin B., Coppi H., Zorja J.* Russische Quellen zur Roten Kapelle // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994. S. 104–144.

Huber 2004 — *Huber P.* Sowjetische und parteikommunistische Nachrichtenkanäle in der Schweiz (1937–1944) // Krieg im

Äther. Widerstand und Spionage im Zweiten Weltkrieg. Wien, 2004. S. 91.

Rote Kapelle 1953 — Rote Kapelle. Finale in Luzern // Der Spiegel. 1953. № 16.

Gisevius 1947 — *Gisevius H. B.* To the Bitter End. New York. 1947. P. 142. Русск. перев.: *Гизевийус Г.* До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002.

Hermes 1941 — *Hermes R. A.* Die Kriegsschauplatze und die Bedingungen der Kriegführung. Luzern, 1941.

Ritter 1956 — *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1956.

Ruland 1974 — *Ruland B.* Die Augen Moskaus. Fernschreibzentrale der Wehrmacht in Berlin. Zwei Mädchen gegen Hitler. Zürich, 1974.

Schramm 1967 — *Schramm W.* Verrat im Zweiten Weltkrieg. Vom Kampf der Geheimdienste in Europa. Düsseldorf, 1967;

Tuchel 1994 — *Tuchel J.* Die Gestapo-Sonderkommission „Rote Kapelle“ // Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994. S. 152.

U.S. Central Intelligence Agency. The Rote Kapelle... 1979 — U. S. Central Intelligence Agency. The Rote Kapelle: The CIA's History of Soviet Intelligence and Espionage Networks in Western Europe. 1936–1945. Washington DC, 1979.

REFERENCES

Alexeyev M. A., Kolpakidi A. I., Kochik V. Ya. *Entsiklopedia voyennoy razvedki. 1918–1945.* M., 2012. S. 650–651.

Bezymensky L. A. Kursky signal // *Novoye vremya.* 2003. N 18/19. S. 37–39.

Boyadzi E. *Istoriya shpionazha.* [In 2 volumes]. V. 2, M., 2003. S. 104.

Chawkin B., Coppi H., Zorja J. Russische Quellen zur Roten Kapelle // *Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus.* Berlin, 1994. S. 104–144.

Damaskin I. A. *100 velikikh razvedchikov.* M., 2007. S. 238.

Hermes R. A. *Die Kriegsschauplatze und die Bedingungen der Kriegführung.* Luzern, 1941.

Huber P. Sowjetische und parteikommunistische Nachrichtenkanäle in der Schweiz (1937–1944) // *Krieg im Äther. Widerstand und Spionage im Zweiten Weltkrieg.* Wien, 2004. S. 91.

Gisevius H. B. *To the Bitter End.* New York, 1947. P. 142. In Russian: Gisevius G. *Do gor'kogo kontsa. Zapiski zagovorshchika.* Smolensk, 2002.

Istoriya Vtoroy mirovoy voyny. [In 12 volumes]. V. 7. Zaversheniye korennoy pereloma v voyne. M., 1976. S. 143.

Karell P. *Vostochnyy front. Book 2. Vyzhzhennaya zemlya. 1943–1944.* M., 2005.

Khavkin B. L. Graf Schulenburg: "Soobshchite gospodinu Molotovu, chto ya umer... za sovetско-germanskoye sotrudnichestvo" // *Rodina.* 2011. N 1.

Khavkin B. L. Germanskoye konservativnoye Soprotivleniye i Rossiya // *Kopelevskiy chteniye* 2012. Rossiya i Germaniya: dialog kultur. Lipetsk, 2012.

Khavkin B. L. Soprotivleniye v ryadakh vermakhta na Vostochnom fronte i general H. von Treskow // *Novaya i noveyshaya istoriya.* 2013. N 1.

Khristoforov V. S. *Organy gosbezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* M., 2011. S. 212.

Konev I. S. *Zapiski komanduyushchego frontom 1943–1945.* M., 1989. S. 8.

Kuznetsov V. V. NKVD protiv gestapo. M., 2008. S. 151–152.

Lurye V. M., Kochik V. Ya. *GRU: dela i ludi.* M., 2002. S. 523.

Mikoyan A. I. *Tak bylo. Ch. 37. Sozdaniye Rezervnogo (Stepnogo) fronta v 1943 g.* M., 1999.

Modin Yu. I. *Sud'by razvedchikov. Moi kembridzhskiyе друз'ya.* M., 1997.

Ocherki istorii rossiyskoy vneshney razvedki. [In 6 volumes.] V. 4. M., 1999. P. 246–253.

Pado Sh. *Pod psevdonimom Dora*. M., 1988. P. 188, 201, 227–238, 253–265.

Ritter G. *Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*. Stuttgart, 1956.

Rote Kapelle. Finale in Luzern // *Der Spiegel*. 1953. N 16.

Ruland B. *Die Augen Moskaus. Fernschreibzentrale der Wehrmacht in Berlin. Zwei Mädchen gegen Hitler*. Zürich, 1974.

Schramm W. *Verrat im Zweiten Weltkrieg. Vom Kampf der Geheimdienste in Europa*. Düsseldorf, 1967.

Sudoplatov P. A. *Razvedka i Kreml'. Zapiski nezhelatel'nogo svidetelya*. M., 1996. S. 169–170.

Tuchel J. Die Gestapo-Sonderkommission „Rote Kapelle“ // *Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. Berlin, 1994, S. 152.

U. S. Central Intelligence Agency. *The Rote Kapelle: The CIA's History of Soviet Intelligence and Espionage Networks in Western Europe. 1936–1945*. Washington DC, 1979.

ДМИТРИЙ СТРАТИЕВСКИЙ: «КУРСКАЯ БИТВА: ГЕРМАНСКИЕ ИСТОРИКИ СТАВЯТ ВО ГЛАВУ УГЛА НЕ ОТДЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ, А ГОД, СТАВШИЙ ПОВОРОТНЫМ В ВОЙНЕ»

Аннотация: В беседе рассматривается восприятие Курской битвы июля 1943 г. в современной германской историографии. Затронуты вопросы значения сражения для дальнейшего хода войны, возможностей у Германии восстановить свой наступательный потенциал, ценность для исследователя германских мемуаров и других источников личного происхождения, а также степени влияния итогов Курской битвы на планы участников заговора против Гитлера

Ключевые слова: Курская битва, германская историография, германские военные мемуары, заговор против Гитлера

Сведения об авторе: Стратиевский Дмитрий Валерьевич, доктор истории, научный сотрудник Германского исторического института Фонда Макса Вебера. Email: Dmitri.Stratievski@mws-osteuras.de

DMITRI STRATIEVSKI: "THE BATTLE OF KURSK: GERMAN HISTORIANS PRIORITIZE NOT A SINGLE BATTLE, BUT THE YEAR THAT BECAME A TURNING POINT IN THE WAR"

Abstract: The interview deals with the perception of the Battle of Kursk (July 1943) in the modern German historiography. The questions touched upon are the significance of the battle for the further course of the war, the possibilities for Germany to restore its attacking potential, the value for the researcher memoirs and other sources of personal origin, as well as the extent to which the outcome of the Battle of Kursk influenced the plans of the participants in the conspiracy against Hitler

Key words: Battle of Kursk, German historiography, German war memoirs, conspiracy against Hitler

Corresponding author: Stratievsky, Dmitry Valerievich, PhD (Doctor in History), Research Fellow at the German Historical Institute of the Max Weber Foundation. Email: Dmitri.Stratievski@mws-osteuras.de

В советской, да и в посткоммунистической российской историографии о Курской битве говорят как о событии, завершившем «коренной перелом» во Второй мировой войне: именно после нее стало очевидным поражение нацистской Германии. Какое внимание уделяют этому событию современные германские военные историки и как оценивают его значение? Существует ли мнение, что и после этого поражения у Германии была возможность восстановить свой военный потенциал и добиться определенных успехов на восточном фронте?

Можно сказать, что Курская битва продолжает представлять интерес для германской исторической науки, хотя ее нельзя назвать центральной темой исследований. Начнем с того, что в германской историографии традиционно не приветствуются «звонкие» определения, в том числе и применительно к действительно значимым событиям. Помню, как на истфаке университета в Берлине преподаватели рекомендовали студентам из стран СНГ не употреблять в курсовых и иных работах словосочетания вроде «великий писатель» или «известный историк». Достаточно указывать лишь профессию, без эпитетов. А читатель самостоятельно оценит степень известности или величия упоминаемого человека. Похожее отношение присутствует и к историческим событиям. В связи с тем, что в Германии нет «официальной историографии» как таковой, то с некой «превалирующей» оценкой можно ознакомиться в онлайн-презентации Германского исторического музея, главного профильного музейного учреждения страны.

Цитирую об итогах Курского сражения: «Инициатива окончательно перешла к Красной Армии. Обе стороны понесли в битве под Курском значительные потери. Но, в отличие от немцев, для советской стороны потери в виде погибших и попавших в плен солдат и уничтоженных танков имели меньшее значение для дальнейшего течения войны». Как видим, авторы онлайн-презентации называют победителей, но избегают говорить о переломе.

Германские историки воспринимают Курскую битву (да и не только ее) в рамках современной изменившейся научной парадигмы. Если в 50–80-ых гг. XX в. в ФРГ в фокусе внимания находились отдельные сражения Второй мировой и, в частности, советско-германской войны 1941–1945 гг., скрупулёзно перечислялись силы сторон, начало, течение и окончание каждой конкретной битвы, то в 90-ых наметилась иная тенденция, в полной мере проявившаяся уже в XXI в. Теперь специалисты изучают скорее временные периоды, принимают во внимание отдельные сражения преимущественно в общем историческом контексте, то есть в привязке к предыдущим событиям, и, главное, с учетом их влияния на события последующие. Кристиан Хартманн, научный сотрудник Института современной истории в Мюнхене, назвал один из разделов своей монографии «Операция Барбаросса. Германская война на востоке 1941–1945» вполне однозначно: «1943: военный поворот». В этом разделе речь идет, в том числе, и о провале операции «Цитадель». Однако, во главу угла ставится не отдельное сражение, а год, ставший поворотным в войне.

Хартманн пишет об итогах Курска: «Цели немцев были ограничены, привлеченные человеческие и материальные ресурсы, напротив, были огромными. Но даже таким способом им не удалось переломить ситуацию на Востоке. Германское руководство снова утратило все то, что накопило на этот год: резервы, материальную базу, в первую очередь, тяжелые танки, время и, что имело ключевое значение, инициативу. Танковое сражение завершилось не взятием Курска, а освобождением Красной Армией Харькова и Орла. После этого уже не было возможности удержать Южный фронт германских войск, равно как частично и центральную часть фронта».¹ Роман Теппель (кстати, один из авторов научных комментариев к современному нашумевшему переизданию «Майн Кампф») занимается проблематикой Курской битвы со студенческой скамьи. Его магистерская работа была посвящена операции «Цитадель». В 2017 г. вышло второе издание его объемной монографии «Курск 1943. Крупнейшее сражение Второй мировой войны»², опубликованная годом позднее и на английском языке. Теппель идет почти тем же путем, что и Хартманн. Но и в специализированной публикации он использует контекстный подход. 1943 г. был провальным для вермахта и удачным для Антигитлеровской коалиции. Поражения под Сталинградом и в Северной Африке, события, оказавшие решающее, фатальное влияние на стратегическое положение «Третьего Рейха», под-

талкивали Гитлера к осуществлению «операции престижа», если не совсем локального, то и не глобального характера. Такой операцией, по мнению Теппеля, и должна была стать «Цитадель», преследовавшая цель лишить Красную Армию наступательных возможностей и убедить мир в боеспособности вермахта. Автор подчеркивает важный факт: не «дилетант» Гитлер предложил такой план, а «профессионал» Рудольф Шмидт, командующий 2 танковой армией. Идею поддержали оба главнокомандующих привлечённых групп армий. По этой причине «Цитадель» нельзя считать неким «произволом сумасшедшего диктатора», это был продукт германской военной мысли. Теппель более критичен, чем Хартманн в вопросе потерь с советской стороны, значительно более высоких, чем у вермахта, но его основные выводы близки к умозаключениям коллеги: для Красной Армии высокие потери были неприятны, но компенсируемы. Более того, советские войска смогли осуществить дальнейшие наступательные действия на двух и даже трех направлениях, если считать Донбасс. Для Теппеля весь комплекс событий 1943 г., включая Курскую битву, стал стратегической поворотной точкой во Второй мировой войне. В целом, работу Теппеля я могу назвать единственной крупной монографией на немецком языке по данному вопросу за последнее время. В англоязычном пространстве за прошедшие 10–15 лет вышло гораздо больше книг,

¹ Christian Hartmann, Unternehmen Barbarossa: Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945, Verlag C. H. Beck, München 2011, S.99-101.

² Roman Töppel, Kursk 1943: Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. 2. Auflage. Verlag Ferdinand Schöningh, Paderborn 2017.

посвященных Курской битве, причем как научно-популярного, так и строго научного толка.

Я не встречал в современной германской историографии мнения о том, что у вермахта после Курска были какие-то шансы на победу, которые стоит рассматривать всерьез. Как говорил выше, существует консенсус в отношении оценки 1943 г. в качестве переломного, точки невозврата, после которого «Рейх» уже не был в состоянии завершить войну на поле боя с приемлемым для себя результатом, да и, в целом, проводить крупные наступательные операции в советско-германской войне. Вермахт был еще в состоянии локально контратаковать, удерживать фронт (напомню, что полный коллапс группы армий «Центр» наступил только почти год спустя, в ходе советской операции «Багратион» в июне 1944 г.), но ресурсы Германии были подорваны безвозвратно.

Вводились ли в научный оборот источники личного происхождения (мемуары, дневники участников Курской битвы с германской стороны), какой образ тех событий они создают, имеют ли они определенную ценность для исследователей?

В Германии довольно внимательно изучались военные дневники отдельных соединений. Их тоже в какой-то мере можно назвать источниками личного происхождения, т.к. их заполнение доверялось определенному офицеру, который имел довольно широкие полномочия. Пример, свидетельствующий о том, насколько осторожно нужно относиться не только к свидетельствам очевидцев,

но и, казалось бы, к «классическим» первоисточникам. В научных кругах Германии весьма известны военные дневники АОК 9 (Верховного армейского командования Девятой армии). Ряд историков, к примеру Марсель Штайн, призывает относиться с изрядной долей скепсиса даже к таким ключевым для ученых документам. Он обращает внимание на излишнюю, показную эмоциональность записей от 20 июня 1943 г. (дата доведения до сведения высшего командования армии решения Гитлера об осуществлении «Цитадели»), употребление слов «воодушевление» и «облегчение», не свойственных военному делопроизводству. Такие записи были скорее созвучны текущим приказам низового уровня для подразделений, ставившим своей целью повысить мотивацию солдат. Мнение историка разделяет в своих воспоминаниях и Гюнтер Рейхсхельм, занимавший в Девятой армии с января 1943 г. важнейшую должность первого штабного офицера (на тогдашнем военном жаргоне «I a») в чине полковника. С августа 1943 г. он пребывал в той же должности в 12 танковой дивизии. Рейхсхельм, по долгу службы находившийся в самой гуще событий, утверждает, что военный дневник АОК 9 вел офицер, известный своими ограниченными способностями. Будучи убежденным нацистом, он позволял себе несколько «изменять тональность» изложения и включать в текст откровенную пропаганду.

Что касается мемуарной литературы раннего послевоенного периода, например воспоминаний Эриха фон Манштейна, впервые выпущенных в 1955 г. и многократно переизда-

вавшийся, в последний раз в 2011 г., то их ценность в плоскости научных исследований признается еще более низкой. Да, Манштейн в должности командующего группой армий «Юг» был непосредственным участником Курского сражения. Без сомнения, для науки интересны сведения о передвижении войск, взаимодействии соединений и степени реализации тех или иных планов. Сложнее дело обстоит с выводами автора. Мемуары носят название «Утерянные победы». Одной из таких «утраченных побед» (в оригинале также присутствует словосочетание «подаренная победа») автор считает и Курское сражение. Утверждения Манштейна можно разделить на две группы. Первая — это предположения, как могли бы развиваться события (в данном случае, в пользу вермахта), если бы подразделения Манштейна либо иных германских военачальников действовали на поле боя иначе. На мой взгляд, такие рассуждения подходят скорее для художественного жанра альтернативной истории и не нуждаются в рассмотрении. Одним из существенных составляющих полководческого искусства является умение разгадать стратегические и тактические намерения противника на стадии планирования операции, в крайнем случае, уже на поле боя. Умозаключения постфактум, когда действия сторон и итог сражения известны, малоинтересны. Манштейну об этом прекрасно было известно. Другая — это недовольство решением Гитлера остановить «Цитадель», якобы в связи с высадкой союзников на Сицилии, хотя, по мнению Манштейна, победа германских войск была близка. Эта версия более интересна, но она была вниматель-

но рассмотрена и признана в современной германской историографии неверной. Гитлер отдал приказ остановить операцию не по причине начала боевых действий в Италии (германское командование их ожидало и было готово, в крайнем случае, воевать на юге Европы в одиночку), а в связи с невозможностью достижения целей «Цитадели» и угрозами, возникшими для группы армий «Центр». В пользу данного вывода историков говорит и хронология событий. Операция «Хаски» началась на Сицилии 10 июля 1943 г., а приказ Гитлера об остановке операции последовал лишь 13 июля. Не было и краткосрочной переброски германских дивизий в Италию. Данное предположение базируется, кроме мемуаров Манштейна, на высказываниях Иоганна фон Кильмансегга, в 1943 г. полковника, офицера оперативного управления ОКВ. Слова Кильмансегга были опровергнуты Фридрихом Хоссбахом, в тот период генерал-лейтенант, командир пехотной дивизии в районе Орла, то есть участник событий. Он лаконично назвал эту версию «легендой».

Версия Манштейна-Кильмансегга опровергается также записями Курта Цейтцлера, генерал-полковника, начальника штаба сухопутных войск (ОКХ) и, тем самым, свидетеля планирования и осуществления операции «Цитадель». Цейтцлер присутствовал на совещании в штаб-квартире «фюрера» относительно дальнейших действий в рамках «Цитадели». Генерал отмечал, что решение остановить бои на Курской дуге было вынужденным и продиктованным новыми угрозами в зоне боестолкновений с Красной Армией,

а не на далекой Сицилии. Такое предложение внес фельдмаршал Гюнтер фон Клоге, аргументируя его началом советского контрнаступления. Первая реакция Гитлера была очень бурной и крайне отрицательной. Данный отчет был подготовлен Цейтлером для армии США сразу после войны. Это заслуживающий научного внимания источник. По причине его сложной структуры он до сих пор не опубликован в рамках отдельного издания, хотя им пользуются историки.

В германоязычном пространстве едва ли можно найти воспоминания рядовых участников битвы с германской стороны (солдат, младшего и среднего командного состава), которые можно рассматривать в качестве научных источников. В 2021 г. в одном из праворадикальных изданий вышли мемуары унтерштурмфюрера СС Курта Пфетча, воевавшего под Курском в составе лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». В июле 1943 г. Пфетч вел дневник во время двухнедельных боев с целью «срезать» один из советских выступов Курской дуги. Патетическое название «Курский ад» говорит само за себя. Такая литература не представляет историографического интереса и скорее поддерживает миф о «простых солдатах», которые в тяжелейших условиях «лишь выполняли приказ».

Можно ли говорить о том, что Курская битва была тем событием, которое сильно повлияло на настроения в среде генералитета и офицерства вермахта, заставило задуматься над тем, что поражение Третьего Рейха неминуемо? Не восходят ли своими истоками именно к лету — осени

1943 г. планы смещения Гитлера, покушения на него, осуществления государственного переворота? Планы, которые, как мы знаем, так и не удалось осуществить.

Первый вопрос, который может возникнуть в этой связи: как давно существовали планы устранить Гитлера и тем самым коренным образом изменить политику Германии? Такие планы существовали задолго до 1943 г. Наиболее хорошо изучена попытка заговора в сентябре 1938 г. Недавно назначенный на свою должность начальник генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер, опасаясь угрозы войны за Судеты, начал вести подобные разговоры с рядом высокопоставленных военных и дипломатов. Среди них были и участники будущего заговора 1944 г., например адмирал Вильгельм Канарис. Путч был довольно подробно распланирован, и, по мнению историков, имел высокие шансы на успех. Но, во-первых, к нему не проявило интерес британское правительство, с которым заговорщики установили контакт, а, во-вторых, история, как известно, распорядилась иначе. Лондон предпочел пойти по пути уступок Берлину. Гитлер приобрел ореол «бескровного победителя», что выбивало у недовольных почву из-под ног. Вторая попытка заговора датирована 1939–1940 гг. А уже после нападения Германии на СССР в рядах генералитета ОКВ, ОКХ и группы армий «Центр» периодически возникали серьезные разговоры о возможной насильственной смене власти в стране. К ним подключались влиятельные чиновники из МИД, которые весьма открыто говорили о своем несогла-

сии с политикой массового уничтожения, практикуемой СС и вермахтом. Серьезным препятствием на пути углубленной разработки этих планов стало решение союзников в Касабланке в январе 1943 г., зафиксировавшее требование безоговорочной капитуляции Германии, без всякого «почетного мира». Наконец, весной и летом 1943 г. сформировалась группа активных офицеров вокруг подполковника Клауса фон Штауфенберга и полковника Хеннинга фон Трескова, которые впоследствии и стали локомотивами заговора июля 1944 г.

Второй вопрос касается непосредственного влияния итогов Курской битвы на дальнейшее планирование переворота. Можно сказать, что к моменту окончания сражения определенные процессы шли своим чередом. Как упомянул выше, требование безоговорочной капитуляции «Рейха», с которым были согласны не все потенциальные заговорщики, несколько замедлило подготовку путча, ведь без мира с Антигитлеровской коалицией, по крайней мере, с западной ее частью, любой план не имел смысла. Некоторым военным и гражданским чиновникам нужно было осознать безвыходность положения. В целом, я бы, в унисон с коллегами, говорил обо всем 1943 годе, который поставил крест на любой возможности для Германии победоносно закончить войну или хотя бы найти более-менее приемлемый выход из нее. Любой мало-маль-

ски политически сведущий человек в германской элите, не являвшийся слепым фанатиком, понимал, что война проиграна, и речь теперь идет о цене поражения и его последствиях. Отстранение от власти Гитлера и ликвидация институтов НСДАП, СС и гестапо, позволяли, по мнению заговорщиков, избежать наиболее болезненных последствий. И все же я не преуменьшал бы степень влияния итогов Курской битвы на эти процессы, хотя и не назвал бы исключительно их окончательным толчком к осуществлению планов. Заговорщики не могли оставить без внимания факт провала, по существу, последней наступательной операции вермахта, уничтожения значительных материальных и людских ресурсов, последующей за этим потери обширных оккупированных территорий РСФСР и УССР, включая такие важные города как Харьков, Орел, Белгород, Брянск, Мариуполь и Новороссийск, перехват Красной Армией стратегической инициативы. Но, конечно, эта цепочка событий наверняка воспринималась ими в сочетании с другими неудачами Германии на фронте в 1943 г.: капитуляция Шестой армии под Сталинградом в феврале, победа союзников в Североафриканской кампании в мае, начало и подавление Варшавского восстания в апреле-мае и, наконец, высадка союзных войск на Сицилии в июле, а затем и в континентальной Италии в сентябре. Все это понуждало заговорщиков к действию.

К. Ю. Ерусалимский

ДРЕМУЧИЙ АНТИНОРМАНИЗМ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Аннотация: В своем выступлении 20 апреля 2022 г. В. В. Путин обратился к версии нескандинавского (славянского) происхождения Рюрика и российской государственности. Норманнский вопрос возник в России благодаря трудам имперского дипломата Сигизмунда Герберштейна и польского хрониста Мацея Стрыйковского, чьи труды были усвоены М. В. Ломоносовым и его последователями в ходе борьбы с так называемым норманнским вопросом. Возрождение антинорманизма в СССР и России наших дней происходит под влиянием имперско-шовинистического поворота в историографии и лоббируется далекими от науки пропагандистами.

Ключевые слова: Антинорманизм, Сигизмунд Герберштейн, Матвей Стрыйковский, М. В. Ломоносов, В. В. Путин, историческая политика, bullshit-studies

Об авторе: Константин Юрьевич Ерусалимский, д.и.н., доц., проф. Европейского университета в Санкт-Петербурге. Email: keralimski@mail.ru

K. Yu. Erusalimskiy

MR. PRESIDENT VLADIMIR PUTIN'S PREPOSTEROUS ANTINORMANISM

Abstract: 20 April 2022 in his talk Mr. President Vladimir Putin declared his allegiance to the version of the founder of Russian princely dynasty Rurik's non-Scandinavian (Slavic) origins, as well as Slavic roots of the Russian statehood. The so-called Norman theory emerged in Russia thanks to the works by Sigismund Herberstein and Maciej Strykowski, whose ideas and conceptions borrowed M. V. Lomonosov and his followers. Revival of the antinormanism in the Soviet Union and up-to-date Russia was preconditioned by the Imperial and Chauvinistic turn, it is maintained by the propagandists who seek to usurp academic history.

© К. Ю. Ерусалимский, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-3-102-115

Keywords: Antinormanism, Sigismund Herberstein, Maciej Strykowski, M. V. Lomonosov, V. V. Putin, historical politics, bullshit-studies

Corresponding author: Erusalimskiy Konstantin Yurevich, PhD (doctor istoricheskikh nauk), Docent, Professor at the European University at Saint Petersburg. Email: kerusalimski@mail.ru

20 апреля 2022 г. Президент РФ В.В. Путин высказался в очередной раз на историческую тему. На сей раз выбор политика пал на предысторию России. В непринужденном диалоге с школьником — финалистом конкурса «Большая перемена» прозвучало два тезиса, касающихся происхождения основоположника русской правящей династии князя Рюрика, норманнской теории и возникновения государства и государственности на Руси и в России:

Тезис 1: «...есть мнение, что у него [Рюрика] то ли мама была славянка, [то ли] что-то в этом роде, и не случайно Рюрик оказался в конечном итоге в Новгороде, его призвали на служение туда не случайно, он имел какое-то отношение или его родственники имели определенное отношение к славянам, к славянским землям, к Новгороду и так далее» (Терещенко 2022)¹.

Тезис 2: «Но то, что [Рюрик] с дружиной пришел откуда-то из Скандинавии, это совсем не значит, что верна эта норманнская теория образования Русского государства... Его же призвали! Кто-то же его призвал на служение, он же не сам туда заявился, ничего там не покорял. А если его кто-то призвал,

то значит квазигосударственные и протогосударственные структуры уже существовали на этой территории» (Там же).

По словам Путина, от решения этих вопросов зависит наше понимание того, на каком фундаменте «строилось Российское государство». Школьник — лауреат конкурса не должен обманываться внушительным тоном и величием сановного историка, а отнестись к его словам, как и к прошлому своей страны, с достаточной мерой критицизма, которому все лучше учат в российских школах. Концепций славянского происхождения Рюрика и русской государственности до прихода варягов на Русь (поскольку до них не было и такого «местного» названия какой-либо группы населения на территории Восточной Европы) — в науке нет. Ее нет ни как научной концепции, ни как мнения историка, который бы привел проверяемые, подтвержденные аргументы в пользу подобной концепции. Захватившее воображение В.В. Путина учение, в похожих формулировках и с таким же уровнем источниковой основы, выдвинуто впервые (то есть: впервые в целом, а не, например, впервые на основе неведомых древних сказаний или археологических данных) польским

¹ Слова В.В. Путина приводятся по публикации ТАСС. Конъектуры здесь и далее в тексте в квадратных скобках принадлежат также данной публикации.

хронистом, ренессансным ученым Мацеєм (Матеем) Стрыйковским².

Ряд предположений на тему «автохтонного» происхождения варягов выдвинули европейские ученые еще до Стрыйковского — среди них были польские хронисты Бернард Ваповский и Марцин Бельский и имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн. Их труды были известны Матею Стрыйковскому, который и довел идею до совершенства. От Стрыйковского эту концепцию унаследовал (в самом прямом смысле — со ссылками и далеко идущими дополнениями) известный российский историк-дилетант М.В. Ломоносов, который, как и многие современники Ломоносова благодаря «Синописису» и подобным ему ученым трактатам, восходящим к тому же Стрыйковскому, — М.В. Ломоносов считал его альфой, хотя и не считал его омегой, а додумал его сам и довел его вымыслы до цветистой развесистой клюквы, с которой российская наука (т.е. наука, а не названные здесь ниже, не считая В.В. Путина) уже давно не борется за неимением смысла это делать и полным пониманием того, с какими целями учение о славянстве варягов изобрел или додумал М. Стрыйковский и с какими целями это делали все, кто его доктрину считал камнем преткновения.

Воин-герой Улы и Витебска (Путин бы удивился, на чьей стороне его невольный авторитет, создатель из-

ложенной Путиным версии воевал в так называемой Ливонской войне) создал свою собственную панславянскую доктрину, учение о всеславянском единстве, был «славянским космополитом» (А.С. Мыльников), доказывал неотъемлемость русской истории от славянской (А.И. Рогов, А.А. Семянчук), в ранней версии своей «Хроники» допускал главенство Москвы над Русью и Руси над остальными славянами (Ю. Бардах), хотя в более поздних версиях от этой идеи отказался (В. Големан)³.

Стрыйковский опирался на фантастическую идею своих современников о том, что прародителем всех «сарматских, славянских, русских, а притом и литовских» народов (особым путем или среди названных — еще и московитов, но также и, согласно этому автору, булгаров) был библейский патриарх и «патриарх славянский» по имени Мосох-Москва, вымышленный сын библейского патриарха Иафета. Первенство Руси в славянском этногенезе казалось весьма вероятным еще и потому, что в Новгородской земле жили «словене», а недалеко от Новгорода располагается «озеро Словеное», название которого также казалось связанным с этнонимами «словаки» и «славяне». Русских Стрыйковский тоже выводил из Новгородской земли — здесь мог жить брат мифических предков поляков и чехов Леха и Чеха по имени Рус (возможно опять же, в XVI в. это обсуждалось рядом

² О нем в российской науке исследований недостаточно, а его труды в полном виде не переведены на русский язык наших дней, но уже в конце XVI — XVII в. были известны на русских языках России и Речи Посполитой и оказали немалое влияние на российскую историческую мысль того времени.

³ Дискуссия о возникновении и развитии концепции М. Стрыйковского: (Jurkiewicz 2007; Карпачев 2009: 159–166; Ерусалимский 2014; Wojtkowiak 2015).

авторов, у этого мифического Руса и его потомков волосы были русыми), оставив по себе след в названии города Русса. Версии о цвете волос и Руссе как источнике имени Руса хронист считал вздорными, но это не препятствовало его общей идее: панславянская и русофильская доктрина наносила удар одновременно по идеям польской и литовской обособленности, подчеркивала важность Новгородской земли и Московского государства для воссоздания искомого славянского единства. Стремясь к обоснованию самостоятельности и величия Руси, русских и москвитов, невольно Стрыйковский закладывал и еще ряд совершенно мифических отождествлений: князей Аскольда и Дира он счел потомками Кия, тем самым наметив древнее родословие первых киевских князей, а Ольгу — правнучкой Гостомысла (Свердлов 2011: 483–484, 565–566). Это была типичная для его труда и хронистов его времени выдумка, не требовавшая никаких дополнительных источников, кроме собственной фантазии. Характерно, что поборнику М. Стрыйковского в российской культуре М. В. Ломоносову эти домыслы пришлось как нельзя кстати в ходе его дискуссии с «немцами».

Матей Стрыйковский одобрительно отзывался и об имперских вселенских претензиях России. По его словам, в России считают название своей страны древнейшим и связывают с тем, что российский народ «рассеян», то есть расселен по всему миру. К этому вымыслу невозможно было относиться серьезно, и он не отразился ни в каких официальных, посольских или иных доктринальных текстах и артефактах в самой России

XVI в. Московиты вряд ли забыли, что «рассеянность по миру» была еще в сказании об испытании вер Владимиром Крестителем отличительной чертой не россиян, а иудеев. Версию греко-иудейского происхождения российских славян М. В. Ломоносов будет использовать позднее в полемике с «немцами» только для того, чтобы высмеять своих оппонентов.

Летописные источники о древних народах Стрыйковского изучены — среди них нет ни одного ныне неизвестного памятника. Вряд ли они содержались и в доступных ему, но не дошедших до наших дней русских и польских хрониках о более поздних временах. Нет оснований полагать, что в распоряжении Стрыйковского были какие-то древнейшие известия о Руси, мимо которых прошли его современники и продолжатели. Это у него мы встречаем уместное в рамках его учения свидетельство: варяги — это славянский народ «вандалитов» (славяне-вандалы). Нечто подобное высказывал хорошо известный Стрыйковскому и испытавший также влияние польских хронистов (особенно Мацея Меховского и Бернарда Ваповского) имперский писатель-дипломат Сигизмунд Герберштейн, рассуждавший о возникновении названия «Варяжское море» от вандальского города Вагрии, а следовательно, по логике австрийского ученого, море варягов было одновременно и руссо-славянским: «...так как, более того, вандалы (или венды) тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров,

иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком» (*Герберштейн* 2008. Т. 1: 42–45; Т. 2: 298–299. Прим. 77). Стрыйковский неоднократно ссылается на Герберштейна и пишет о происхождении славян вслед за его «Записками»: «Представляется, дело было таким образом, что в то время из тех же вагров или варягов и вандалитов в своем славянском народе Русь выбрала себе князей и вручила им управление над Русским государством» (перевод см.: *Свердлов* 2011: 84, см. также с. 257, 456, 523, 556). Заметим, что один из основоположников «норманнской» теории образования Русского государства Готлиб-Зигфрид Байер видел свою задачу в том, чтобы опровергнуть домыслы Герберштейна (*Мыльников* 1999: 53 и сл.; *Петрухин* 2001: 297–303; *Пчёллов* 2012: 68–114). При этом варяжскую династию Рюрика и его потомков ни Герберштейн, ни Стрыйковский славянской не считали. Со ссылкой на московские источники последний доказывал ее римское происхождение. За ссылками на претензии «нынешнего Ивана Васильевича» (т.е. Ивана Грозного) таилась распространенная в Москве в XVI в. идея о происхождении Рюрика от императора Августа или его мифического брата Пруса. Против последней версии Стрыйковский будет горячо бороться в «Хронике», но уже после того, как польско-литовская дипломатия выступит против нее во всеулышание в 1578–1579 гг. До этого идея римского происхождения вовсе не резала слух польским авторам и звучала в духе сходных легенд — например, о мифическом предке литвинов римском князе

Палемоне или Публии Либоне. Таким образом, у Стрыйковского еще нет представления о том, что Рюрик был славянин, но уже есть созданный в его время и при его участии вымысел о том, что славянами (вандалами) были варяги.

Дальнейшее развитие доктрины — результат гипертрофированного культа М.В. Ломоносова в российской и, прежде всего, советской исторической науке. Этот культ имел вполне прозрачные идеологические истоки и повлек за собой принятие множественных конвенций, которые весьма далеки от науки о древности уже потому, что опираются на преемственность идей Герберштейна-Стрыйковского и Ломоносова. Каждый из них стремился навязать определенный ход мысли, не имея на то указаний в источниках, но руководствуясь своими доктринальными предчувствиями. Но если имперский дипломат и польские хронисты XVI в. «договорились» до руссо-славянства варягов, то Ломоносов этим не ограничился. Его противниками были влиятельные «немецкие академики», которым ученый противостоял, не предпринимая при этом разысканий новых источников, а концентрируясь на выводах самих же «немцев» о норманнских или шведских истоках русской государственности. «Возражениями на диссертацию Миллера» (1749 г.) и последующими диспутами по диссертации Герарда-Фридриха Миллера (Мюллера) “De origine gentis russicae” (в переводе XVIII в. — «Происхождение народа и имени российского») была открыта череда взаимных обвинений, ненаучных и околонуточных «избиений младенцев» и «чисток». Норманнский

вопрос сразу и навсегда, вплоть до наших дней, оказался вопросом национальной гордости, веры в истоки и корпоративных предписаний (*Данилевский 2021*).

В недавней своей книге скончавшийся в эти дни М. Б. Свердлов подробно рассмотрел оценки, высказанные в российской исторической науке в адрес диссертации Г.-Ф. Миллера. Очевидно, что наиболее одиозные и бесцеремонные из них прозвучали в трудах советских историков после Второй Мировой войны (В. В. Мавродин, В. Р. Свирская, С. Л. Пештич) и в наши дни — от борцов с «фальсификаторами», все больше напоминающими вымышленных пропагандой «врагов государства» (*Свердлов 2011: 548–595*). По мнению ученого, провал диссертации Миллера связан как раз со смелостью его суждений и их несоответствием этикету публичного собрания Академии наук: «Все участники обсуждения должны были следовать императорской идеологической политике. К тому же во время обсуждения “речей” участников торжественного собрания, вероятно, все более очевидным становилось значение смены императорских фаворитов, вследствие чего для президента Академии и его помощников ошибка была недопустима» (*Свердлов 2011: 555*). При этом главной мишенью Миллера был тот самый «Синописис», который наследовал ренессансным хронистам и выстраивал польско-имперский образ древнерусского величия. На смену одной «немецкой» научной концепции грозила прийти другая.

Согласно М. В. Ломоносову, основную идею своей диссертации

Г.-Ф. Миллер украл у Г.-З. Байера, а цель диссертанта ограничивалась тем, чтобы доказать исконную бедность и подлость «народа российско-го». В наши дни такой экспертизы было бы достаточно, чтобы отклонить диссертацию еще на стадии ее предварительного рассмотрения. Однако и в XVIII в. реприманды адъюнкт-химика профессора Ломоносова были направлены не на достижение научной истины, а на осаживание выскочки и удаление его из Академии наук, что и удалось сделать в результате ниспровержения основных положений диссертации российско-германского ученого и «норманнского вопроса» как такового. Защита диссертации выродилась в погром.

Заложенный в рецензии Ломоносова на диссертацию Миллера патологический ход мысли, преследующий науку и звучащий до сих пор из уст политических лидеров, состоит из нескольких взаимосвязанных домыслов. Одно из начальных звеньев в этой цепочке заключается в том, что будто бы до прихода варяжских князей славяне тяготели к единству, формировали раннегосударственные объединения, которые прямо предшествовали Русскому государству, и совместными силами теснили своих врагов. Этот вывод был необходим, чтобы настаивать на славянской природе Русского государства. Он не следует ни из летописной заметки о призвании варяжских князей, ни из множества разрозненных сообщений о предполагаемых и действительных славянских племенах и их соседях. В наши дни в науке принято говорить об объединении (а также о федерации или конфедерации)

северных племен, которое пригласило князя Рюрика и его спутников к себе на правление (не говоря уже здесь о том, как именно понималось это «правление» и насколько само по себе является государственной формой), при этом летописный рассказ о «призвании» содержит все элементы позднего устного предания о призвании «трех первых князей» из другого мира (потустороннего, с чужбины), которое в аналогичных формах известно в ряде регионов Европы (обзоры научных точек зрения см.: Франклин, Шепард 2000; Шавелёв 2007; Толочко 2015).

Тут внимание Ломоносова переключалось на византийских авторов, славяне жили независимо от европейских народов и за столетия до прихода Рюрика, Синеуса и Трувора в Новгород упоминались как особые племена, а значит, полагал ученый XVIII в., имели свою особую государственность. Иначе как бы они просуществовали так долго до призвания к ним варяжских князей? В римских и византийских источниках упоминаются какие-то роксоланы и русы: «А после осьмого веку в девятом, на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался... Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика» (Ломоносов 1952. Т. 6: 27–28). Логика этого вывода далека от предметной не только в XXI веке, но и в XVIII-м: какой именно народ был российским до Рюрика? был ли он славянским? осознавал ли он себя в качестве российского народа? Соображение о роксоланах как предшественниках Руси также звучало уже в польской науке XVI в.

и не вызывало доверия уже тогда. Ломоносову оно понадобилось, потому что преемственность позволяла углубить древность «народа российского». Созвучие между этнонимами *росс* и *роксолан* ничем не отличалось в категориях Михаила Васильевича от смехотворного совпадения имени одного из его оппонентов *Байер* и русского слова *бурлак*.

Российский народ Ломоносов выводит прямо из тех славянских и балтских племен, которые так еще не назывались, и в одно племя, согласно всем известным и Ломоносову, и ныне данным, не объединялись. К славянам Ломоносов присоединял и балтийские племена (жмудь, литву, пруссов и др.), и пафлагонцев, мидян и амазонок, искал славян и в армиях готов, вандалов, лангобардов или ругов. И следовало ли из критической эскапады в адрес Миллера, что государственность славян и их князей идентична той, которую принесли с собой варяги, — было неясно. Но тут вступал в силу аргумент, обнаруженный Ломоносовым в «Синописе» и заимствованный его составителем Иннокентием Гизелем еще в 1670-е гг. как раз у Стрыйковского (Свердлов 2011: 101–105): варяги делились на скандинавов и славян-русь, и вся схема Ломоносова получала блистательное завершение благодаря еще одному домыслу: «Полагает господин Миллер, что варяги, из которых был Рурик с братьями, не были колена и языка славенского, как о том автор Синописа Киевского объявляет, но хочет доказать, что они были скандинавы, то есть шведы... Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские; однако

из того отнюдь не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски?» (*Ломоносов* 1952. Т. 6: 31, 544. Примеч. 3)⁴. Здесь же, чтобы доказать беспочвенность скандинавских этимологий, Ломоносов язвительно выводит имя своего оппонента Байера «от российского *бурлак*».

Здесь уже один шаг до предположения, переворачивающего всю картину российского прошлого «немецких» академиков, тем более что для выводов о российском происхождении варягов почва была создана уже в «Записках о Московии» Герберштейна и в хрониках его польских современников и хорошо известна слушателям Ломоносова по «Синопису»: «...варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних роксолан или россос и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною [...] варяги-русь жили в восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе... И самое звание пруссы (*Bo russi*) или порусы показывает, что пруссы жили по руссам или подле руссов» (*Ломоносов* 1952. Т. 6: 33–34)⁵.

Славянское происхождение варягов здесь — от «Синописа» и М. Стрый-

ковского. Славяно-росское происхождение Рюрика и его рода (которые будто бы «отнюдь не из Скандинавии») — потребовалось, чтобы при помощи очередного вымысла смести «норманнский» подход к русской государственности. Возведение варягов-руси к реке Руси — почти точное воспроизведение польской доктрины XVI в., унаследованной также от Стрыйковского. Этимология слова «пруссы» от «поруссы» также восходит к хроникам XVI в. и дополнена нелепым, но необходимым Ломоносову суждением — чтобы убедить во вторичности пруссов по отношению к руси, за которой пруссы будто бы селились. Пруссия в данном случае возникает неслучайно. Летописные источники ничего не говорят ни о каком прусском происхождении Рюрика и его спутников, но эта идея получила распространение в XVI в., когда и великокняжеская семья опиралась на нее в «Сказании о князьях владимирских», и многие боярские и дворянские роды придумывали себе корни «из Пруссии». К истории создания государственности у славян ни схемы имперских родословий московского XVI в., ни доктрина Стрыйковского не имели отношения. В руках Ломоносова это также были лишь козыри в борьбе с учеными «немцами».

Как известно, М.В. Ломоносов одержал верх над Г.-Ф. Миллером. И это была во всех смыслах Пиррова победа, показавшая пример подобным дискуссиям на будущее,

⁴ В распоряжении М. В. Ломоносова могли быть академические издания этой книги 1735 и 1746 гг.

⁵ М.В. Ломоносов имел доступ к «Хронике» М. Стрыйковского, однако прямое влияние его труда следует проверять сравнением с другими источниками, поскольку «Хроника» была популярна и цитировалась многими авторами, к трудам которых Ломоносов имел доступ (*Мусеева* 1971: 72–73).

аргументация Ломоносова даже для своего времени была крайне архаичной, а в ряде положений просто-таки невежественной. Из ошибок «Бейеро-Миллеровых догадок» не следовало, что путь опровержения их трудов пролегает вблизи той магистрали, которая ведет от имперских и польских ренессансных мыслителей через «Синописис» к М.В. Ломоносову. Востребованность в этой магистрали слабо ощущалась в XIX и начале XX в., когда произошло несколько диспутов на сходную тему, но, в целом, профессиональная историография не видела остроты проблемы в политических заимствованиях, межкультурных контактах, нерусском происхождении русских институтов и т. д.

Новый заказ на учение М.В. Ломоносова образовался в 1930-е гг., когда советская историческая наука предприняла усилия для соединения

органической теории происхождения государства с теорией классовой борьбы.

Впрочем, органические построения, восходящие к фантастическим нагромождениям домыслов, прижились в столь же беспочвенных благоглупостях, каковыми наполнились страницы популярной и учебной литературы. Похвалы в адрес М.В. Ломоносова как открывателя национальной школы истории в России не отменяют очевидной любому специалисту научной ничтожности его «Возражений». Доктрину — не концепцию, не теорию, а учение — Стрыйковского-Ломоносова до Путина и во время оно развивали в советской науке фашиствующий вместе с линией партии А.Г. Кузьмин⁶, невежественные пост-сталинисты А.С. Орлов и его соавторы⁷, душитель российской исторической науки А.Н. Сахаров (*Сахаров 2002*)⁸,

⁶ См., например, о вторичности и нелепости «русо-кельтских» построений А.Г. Кузьмина дискусию: (*Данилевский 1998*: 62). Плачевный итог осмысления наследия А.Г. Кузьмина, свидетельствующий о торжестве апологетики над научной аргументацией, см.: (*Земля 2020*). Антисемитские взгляды и имперский шовинизм А.Г. Кузьмина неоднократно отмечали его коллеги и невольные ученики. См., например: (*Кобрин 1992*).

⁷ В различных версиях учебника под редакцией А.С. Орлова, разошедшихся уже в миллионах экземплярах и опубликованных онлайн, звучат слова: «Под *варягами* обычно понимают норманнских, скандинавских воинов, нанятых на службу и давших клятву византийскому императору. Ряд историков, наоборот, считает варягов русским племенем, жившим на южном берегу Балтийского моря и на острове Рюген» (*Основы 2010*: 32). Это утверждение карикатурно в обеих его частях (см. также: *Ерусалимский 2016*).

⁸ В многотиражном издании АСТ А.Н. Сахаров решителен, и из его туманных рассуждений выстраивается образ варягов как западных славян. В ряде мест автор явно отрицает их восточнославянское происхождение, но «так называемую норманнскую теорию» крушит при помощи учения об этнической близости варяжских князей со славянами: «Варяги воевали с восточными славянами в районе озера Ильмень... Норманнисты продолжают настаивать на том, что варяги были скандинавами, основываясь на свидетельствах разветвленных связей Руси со Скандинавией, на упоминании имен, трактуемых ими как скандинавские, в составе русской правящей верхушки. Однако подобная версия полностью противоречит данным летописи, помещающей варягов на южных берегах Балтийского моря и четко отделяющих их в IX в. от скандинавов... Выбор пал на варяжских князей. Почему именно на них? Во-первых, рядом не было другой организованной военной силы. Во-вторых, варяги, являвшиеся, видимо, либо балтами, либо славянами с южного побережья Балтики, были близки ильменским словенам по языку, обычаям, религии» (*История 2022*: 48–49, 53–54. Пропускаем отступы, абзацы и разделы этого текста. Сохраняем грамматические

невежественная и не имеющая никакого отношения ни к исторической, ни к науке протее Сахарова Л. Грот⁹ и далекий от науки ученик А. Г. Кузьмина историограф В. В. Фомин¹⁰.

Путин — близкий друг Сахарова и мог слышать все, что теперь публично вещает несчастным школьникам, прямо от своих друзей¹¹. Эта банда разжилась благодаря возрождению той же линии партии, которую отстаивали Кузьмин или Орлов, еще когда она была генеральной. Многие были свидетелями хамского нахрапа этих фриков на конференции в Калининграде 2001 г., когда СМИ процвели Фоминым и ему подобными неучами, их показывали по телевидению в прайм-тайме, а точку зрения Е. А. Мельниковой представляли как «альтернативную». Это безумие увенчалось изгнанием Мель-

никовой и многих ее замечательных коллег по центру В. Т. Пашуто из ИРИ РАН и другими безобразиями, а также публикацией антинаучной статьи Л. Грот в академическом журнале «Российская история».

Возрождение «антинорманизма» в публичном дискурсе — вопрос, далекий от задач науки, а относящийся в полной мере к научной атмосфере Путинской России.

Путин изрек свою безделицу, просто потому что он в благостном настроении. Он рассуждает об истории, когда ему кажется, что дела идут отменно. Он позволяет себе играть мускулами, накачанными прошлым, угрожать соседям и всему миру вымышленным возмездием, имперским реваншем или историческими правами. В непринужденном полшутливом

особенности текста без изменений. — К. Е.). Все эти концептуальные потуги — конечно, не точка зрения, а полная белиберда. И ею в изобилии фарширует свою «Историю России» не исследователь, а мистификатор и пропагандист. Об этом многократно говорилось в рецензиях и выступлениях на другие труды А. Н. Сахарова, который упорно придерживался своих взглядов по соображениям, далеким от науки, навязывал эти взгляды в учебниках и учебных пособиях, обобщающих трудах и книгах для чтения. Тем проще было вмешиваться в экспертизу, что с 2004 г. А. Н. Сахаров был заместителем председателя Экспертной комиссии по анализу и оценке научного содержания ФГОС и учебной литературы для начальной, средней и высшей школы, а также одним из разработчиков системы анализа и оценки учебников, принимал активное участие в 2009 г. в создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, а позднее — в защите диссертации, а по сути, в продвижении к министерскому посту псевдоисторика В. Р. Мединского.

⁹ О ее работе полно сказано в статье В. А. Кучкина, после чего научное обсуждение подобных «мнений» (за пределами социологии науки) лишено почвы: (Кучкин 2010).

¹⁰ В. В. Фомин инициировал серию сборников под общим названием «Изгнание норманнов из русской истории». За 2010–2015 гг. в издательстве «Русская панорама» вышло 5 выпусков этой серии, из них первые два (в 2010 г.) — под грифом Института Российской истории РАН. Инициативы А. Н. Сахарова в защите диссертации В. В. Фомина и продвижении его работ увенчаны закономерным успехом. Однако это мало что говорит о состоянии науки — разве что о том мрачном захолустье, в которое А. Н. Сахаров превращал возглавляемый им научный институт. См., например: (Клейн 2013).

¹¹ О неформальных дружеских отношениях между В. В. Путиным и А. Н. Сахаровым известно из устных источников. О них можно судить и по доступным в СМИ фотографиям личного общения между ними. См. одну из фотографий (от марта 2002 г.) по ссылке: (В Москве 2019). См. также прямые свидетельства о том, что А. Н. Сахаров реализует в своих исследованиях те установки, которые близки В. В. Путину и восходят к доктринам советских партийных элит и КГБ: (Ферретти 2004; Болотина 2009).

высказывании талантливый школьник вряд ли услышал ноту угрозы в адрес стран Балтии или устремившихся в НАТО Швеции и Финляндии, вряд ли почувствовал тревогу Президента за Калининградскую область и ненависть к извечным, с некоторых пор, русофобам и агрессорам в лице Дании и Польши. С историей Путин запанибрата, он похлопывает Клио по плечу и с легким жаргоном изрекает свои запоминающиеся бесстыжие формулы. Его заявление о «норманнском вопросе» — это один из примеров панибратства с елейными для «его избирателя» элементами линии партии. Это русский имперский фашизм в духе А. Г. Кузьмина и его сторонников, И. Я. Фроянова и его «школы», или Б. А. Рыбакова с его растиражированными выпадами в духе «антинорманизма», как правило, замешанного на ксенофобии и поздней коммунистической идеологии, выродившейся в имперский национал-коммунизм в 1990-е гг. (об этом см.: *Петрухин* 2003; *Клейн* 2004; *Карпов* 2014: 278–301; *Судьбы* 2015). Но особенно — в духе исторической политики А. Н. Сахарова (*Каштанов, Мельникова* 2000; *Хорошкевич* 2001; *Шмидт* 2008; *Иванов* 2008). Причастность В. В. Путина к А. Н. Сахарову и его приверженцам очевидна, и апрельское выступление Путина — тому прямая улика. Впрочем, никаких сомнений в этом и не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Болотина 2009 — *Болотина С.* Обратное провидение // *Грани.ру.* 19 мая 2009 г. URL: <https://grani.ru/Society/History/m.151274.html> (дата обращения — 27.04.2022).

В Москве 2019 — В Москве скончался ученый, историк, экс-директор РАН Андрей Сахаров // Издательство «Русское слово»: Развиваем, сохраняя традиции... Новости. 28 июня 2019 г. URL: <https://xn---dtbhtpdpbkket.xn--p1ai/articles/60466/> (дата обращения — 27.04.2022).

Герберштейн 2008. Т. 1, 2 — *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. М., 2008; Т. 2: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М., 2008.

Данилевский 1998 — *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков: (IX–XII вв.): курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов. М., 1998.

Данилевский 2021 — *Данилевский И. Н.* Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе. Учебное пособие. М., 2021.

Ерусалимский 2014 — *Ерусалимский К. Ю.* Res Rossica et Moscovitica: заметки об исследованиях Д. В. Карнаухова // Исторический вестник. М., 2014. Т. 9 (156). С. 294–317.

Ерусалимский 2016 — *Ерусалимский К. Ю.* Прошлое в популярных пособиях: «Основы курса истории России» и «Истории России» А. С. Орлова (глава 4.3) // Дорогой друг! Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов: (историко-педагогическое исследование). Коллективная монография / под ред. В. Г. Безрогова и др. М., 2016. С. 383–418.

Земля 2020 — *Земля и Власть в истории России: сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А. Г. Кузьмина, В. Г. Тюкавкина и Э. М. Шагина.* Москва, МПГУ, 11–12 декабря 2018 г. / под общ. ред. А. В. Лубкова. М., 2020.

Иванов 2008 — *Иванов С. А.* Дело не в Сахарове // *Полит.ру.* 29 декабря 2008. URL:

<https://polit.ru/article/2008/12/29/sakharov/> (дата обращения — 27.04.2022).

История 2022 — История России. С древнейших времен до наших дней / А. Н. Боханов, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин, А. Н. Сахаров, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. М., 2022.

Карнаухов 2009 — *Карнаухов Д. В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. / науч. ред. А. Л. Посадсков. Новосибирск, 2009.

Картов 2014 — *Картов А. Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014.

Каиштанов, Мельникова 2000 — *Каиштанов С. М., Мельникова Е. А.* Феодальный ресурс: либерализм как метод управления исторической наукой // ИГ-Наука. 20 декабря 2000. С. 3.

Клейн 2004 — *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн 2013 — *Клейн Л. С.* Фо па антинорманиста (Рец. на кн.: Фомин В. В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм, 2013. 320 с.) // Российский археологический ежегодник / под ред. Л. Б. Вишняцкого. 2014. № 4. С. 649–659.

Кобрин 1992 — *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992.

Кучкин 2010 — *Кучкин В. А.* Был ли Русский Север Варягией в праиндоевропейское время? // ИИ. 2010. № 4. С. 192–207.

Ломоносов 1952. Т. 6 — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л., 1952.

Моисеева 1971 — *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

Мыльников 1999 — *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1999.

Основы 2010 — Основы курса истории России: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов, А. Ю. Полунов, Ю. Я. Терещенко. М., 2010.

Петрухин 2001 — *Петрухин В. Я.* Легенда о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой / под ред. Т. Н. Джаксон и др. М., 2001. С. 297–303.

Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я. Е. В.* Аничков и язычество Древней Руси // Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003. С. 387–399.

Пчёллов 2012 — *Пчёллов Е. В.* Рюрик. М., 2012.

Сахаров 2002 — *Сахаров А. Н.* Рюрик был русичем // Российская газета. 27 сентября 2002.

Свердлов 2011 — *Свердлов М. Б. М. В.* Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.

Судьбы 2015 — Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015.

Терещенко 2022 — *Терещенко М.* Путин выступил против норманнской теории, отметив, что Рюрик пришел не завоевателем // ТАСС. 20 апреля 2022 г. URL: https://tass.ru/obschestvo/14424537?utm_source=m.47news.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=m.47news.ru&utm_referrer=m.47news.ru (дата обращения — 22.04.2022).

Толочко 2015 — *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015.

Ферретти 2004 — *Ферретти М.* Обретенная идентичность. Новая «официальная история» путинской России // Полит.ру. 27 сентября 2004 г. URL: <https://polit.ru/article/2004/09/27/ferretti/> (дата обращения — 27.04.2022).

Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750 — 1200 / пер. с англ. Д. М. Буланина, Н. Л. Луговой; под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2000.

Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А.Л. Кто занимается «кланнированием» // НГ-Наука. 24 января 2001. С. 3.

Шмидт 2008 — Шмидт С.О. наши тревоги были вполне обоснованными // Русский журнал. 26 декабря 2008 (беседа с Натальей Демченко). URL: <http://russ.ru/Мировая-повестка/Nashi-trevogi-byli-vpolne-obosnovannymi> (дата обращения — 27.04.2022).

Щавелёв 2007 — Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Jurkiewicz 2007 — Jurkiewicz J. Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa 'Sarmatiae Europae Descriptio' (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93.

Wojtkowiak 2015 — Wojtkowiak Z. Aleksander Gwagnin i Maciej Strykowski: dwaj autorzy jednego dzieła. Poznań, 2015.

REFERENCES

Bolotina S. Obratnoe providenie // *Grani.ru*. 19 maya 2009 g. URL: <https://graniru.org/Society/History/m.151274.html> (data obrasheniya — 27.04.2022).

Danilevskij I.N. *Drevnyaya Rus glazami sovremennikov i potomkov: (IX-XII vv.): kurs lekcij*: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M., 1998.

Danilevskij I.N. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i rol varyagov v etom processe*. Uchebnoe posobie. Moscow, 2021.

Ерусалимский К.Ю. Res Rossica et Moscovitica: zametki ob issledovaniyah D. V. Karnauhova // *Istoricheskij vestnik*. Moscow, 2014. T. 9 (156). S. 294–317.

Ерусалимский К.Ю. Proshloe v populyarnyh posobiyah: «Osnovy kursa istorii Rossii» i «Istorii Rossii» A. S. Orlova (glava 4.3) // *Dorogoj drug! Socialnye modeli i normy v uchebnoj literature 1900–2000 godov: (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie)*. Kollektivnaya monografiya / pod red. V. G. Bezrogoва i dr. M., 2016. S. 383–418.

Ferretti M. Obretennaya identichnost. Novaya «oficialnaya istoriya» putinskoj Rossii // *Polit.ru*. 27 sentyabrya 2004 g. URL: <https://polit.ru/article/2004/09/27/ferretti/> (data obrasheniya — 27.04.2022).

Franklin S., Shepard D. *Nachalo Rusi: 750 — 1200* / per. s angl. D. M. Bulanina, N. L. Luzheckoj; pod red. D. M. Bulanina. St. Petersburg, 2000.

Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii*: V 2 t. / pod red. A. L. Horoshkevich. T. 1: Latinskij i nemeckij teksty, russkie perevody s latinskogo A. I. Maleina i A. V. Nazarenko, s ranenovoverhnenemeckogo A. V. Nazarenko. M., 2008; T. 2: Stati, kommentarij, prilozheniya, ukazateli, karty. M., 2008.

Horoshkevich A. L. Kto zanimaetsya «klannirovaniem» // *NG-Nauka*. 24 yanvarya 2001. S. 3.

Istoriya Rossii. *S drevnejshih vremen do nashih dnei* / A. N. Bohanov, L. E. Morozova, M. A. Rahmatullin, A. N. Saharov, V. A. Shestakov; pod red. A. N. Saharova. Moscow, 2022.

Ivanov S. A. Delo ne v Saharove // *Polit.ru*. 29 dekabrya 2008. URL: <https://polit.ru/article/2008/12/29/sakharov/> (data obrasheniya — 27.04.2022).

Jurkiewicz J. Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa 'Sarmatiae Europae Descriptio' (1578) // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2007. S. 67–93.

Karnauhov D. V. *Istoriya russkih zemel v polskoj hronografii konca XV — nachala XVII v.* / nauch. red. A. L. Posadskov. Novosibirsk, 2009.

Karpov A. Yu. *Issledovaniya po istorii domongolskoj Rusi*. Moscow, 2014.

Kashtanov S. M., Melnikova E. A. Feodalnyj resurs: liberalizm kak metod upravleniya istoricheskoy naukoj // *NG-Nauka*. 20 dekabrya 2000. S. 3.

Klejn L. S. *Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vostochnoslavyanskogo yazychestva*. St. Petersburg, 2004.

Klejn L. S. Fo pa antinormanista (Rec. na kn.: Fomin V. V. Golyj konung. Normanizm kak diagnoz. M.: Algoritm, 2013. 320 s.) // *Rossijskij arheologičeskij ezhegodnik* / pod red. L. B. Vishnyackogo. 2014. № 4. S. 649–659.

Kobrin V. B. *Komu ty opasen, istorik?* Moscow, 1992.

Kuchkin V. A. Byl li Russkij Sever Varyagiej v praindoevropejskoe vremya? // *Rossiyskaya Istorija*. 2010. № 4. S. 192–207.

Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochine-nij*. T. 6: *Trudy russkoj istorii, obshestvenno-ekonomičeskim voposam i geografii. 1747–1765 gg.* Moscow; Leningrad, 1952.

Moiseeva G. N. *Lomonosov i drevnerusskaya literatura*. Leningrad, 1971.

Mylnikov A. S. *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostočnoj Evropy*. St. Petersburg, 1999.

Osnovy kursa istorii Rossii: uceb. 2-e izd., pererab. i dop. / A. S. Orlov, A. Yu. Polunov, Yu. Ya. Tereshenko. Moscow, 2010.

Pchylolov E. V. *Ryurik*. Moscow, 2012.

Petruhin V. Ya. Legenda o prizvanii varyagov v srednevekovej knizhnosti i diplomatii // *Norna u istočnika Sudby*. Sbornik statej v chest Eleny Aleksandrovny Melnikovoj / pod red. T. N. Dzhakson i dr. Moscow, 2001. S. 297–303.

Petruhin V. Ya. E. V. Anichkov i yazychestvo Drevnej Rusi // Anichkov E. V. *Yazychestvo i Drevnyaya Rus*. Moscow, 2003. S. 387–399.

Saharov A. N. Ryurik byl rusichem // *Rossiyskaya gazeta*. 27 sentyabrya 2002.

Shaveljov A. S. *Slavyanskije legendy o pervyh knyazyah: Sravnitelno-istoriče-*

skoe issledovanie modelej vlasti u slavyan. Moscow, 2007.

Shmidt S. O. nashi trevogi byli vpolne obosnovannymi // *Russkij zhurnal*. 26 dekabrya 2008 (beseda s Natalej Demchenko). URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Nashi-trevogi-byli-vpolne-obosnovannymi> (data obrasheniya — 27.04.2022).

Sudby tvorcheskogo naslediya otechestvennyh istorikov vtoroj poloviny XX veka / sost. A. L. Horoshkevich. Moscow, 2015.

Sverdlov M. B. M. V. *Lomonosov i stanovlenie istoričeskaj nauki v Rossii*. St. Petersburg, 2011.

Tereshenko M. Putin vystupil protiv normannskoj teorii, otmetiv, čto Ryurik prišel ne zavoevatelem // *TASS*. 20 aprelya 2022 g. URL: https://tass.ru/obschestvo/14424537?utm_source=m.47news.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=m.47news.ru&utm_referrer=m.47news.ru (data obrasheniya — 22.04.2022).

Tolochko A. P. *Očerki nachalnoj Rusi*. Kyiv; St. Petersburg, 2015.

V Moskve skončalsya učenij, istorik, eks-direktor RAN Andrej Saharov // *Izdatelstvo «Russkoe slovo»: Razvivaem, sohranyaya tradicii...* Novosti. 28 iyunya 2019 g. URL: <https://xn----dtbhtpdkbkaet.xn--p1ai/articles/60466/> (data obrasheniya — 27.04.2022).

Wojtkowiak Z. *Aleksander Gwagnin i Maciej Strykowski: dwa autorzy jednego dzieła*. Poznań, 2015.

Zemlya i Vlast v istorii Rossii: sbornik nauchnyh statej uchastnikov Vserossijskoj nauchnoj konferencii pamyati professora A. G. Kuzmina, V. G. Tyukavkina i E. M. Shagina. Moskva, MPGU, 11–12 dekabrya 2018 g. / pod obsh. red. A. V. Lubkova. Moscow, 2020.

М. Н. Копица

КОЛОНИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Аннотация: В статье рассматривается отражение колониальных сюжетов в действующих российских учебниках истории, особенности репрезентации колониальной истории Российской империи в учебных текстах для средней школы. Показан основной посыл школьного курса истории России как апологетики расширения границ и колониальных захватов. При этом, колониальные сюжеты в учебниках носят селективный характер: некоторые события замалчиваются или искажаются в угоду текущим идеологическим потребностям.

Ключевые слова: школьный курс истории, государственная политика в образовании, колониализм, государство, нации, расширение границ, колониальные войны.

Об авторе: Копица М. Н., учитель истории в школе Adriatic Novi (Montenegro, Herceg Novi). Соавтор региональных учебников истории «История Архангельского Севера» (Архангельская область). Email: kopitsam@gmail.com

M. N. Kopitsa

COLONIAL PLOTS ON THE PAGES OF RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS

Abstract: The article deals with the reflection of colonial plots in existing Russian history textbooks, and the features of the representation of the colonial history of the Russian Empire in educational texts for secondary schools. The main message of the school course in the history of Russia as an apology for the expansion of borders and colonial conquests is shown. At the same time, colonial plots in textbooks are selective: some events are hushed up or distorted to suit current ideological needs.

© М. Н. Копица, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-3-116-123

Keywords: school history course, state policy in education, colonialism, state, nations, expansion of borders, colonial wars.

About the author: Kopitsa M.N., history teacher at the Adriatic Novi school (Montenegro, Herceg Novi). Co-author of regional history textbooks “History of the Arkhangelsk North” (Arkhangelsk region). Email: kopitsam@gmail.com

Вхождение нерусских народов в состав Российской империи и расширение территории имело значительное влияние как на политический и социальный статус покоренных народов и территорий, так и на процессы внутри империи. Завоевание и принудительные присоединения вызывало сопротивление и влекло за собой конфликты. Насаждение русской культуры вело к постепенной утрате традиций, языков и обычаев нерусских народов. Некоторые народы сопротивлялись ассимиляции, имели место вооруженные выступления и национально — освободительные движения. Все это составляет значительную часть официального нарратива описывающего историю России. Этот нарратив представлен в школьных учебниках, содержание которых контролируется государством. Для удобства мы будем называть факты присоединения народов, расширения территории, ассимиляции и сопротивления колониальными сюжетами.

Под колониальными сюжетами мы будем понимать группу нарративных и дискурсивных репрезентаций событий, имеющих отношение к колониальной тематике, отраженных в учебных текстах. Эти репрезентации представлены в российских учебниках довольно широко, проблема в том, что они не выглядят как колониальные. И сейчас мы попробуем с этим разобраться.

Мы будем исходить из того, что колониализм — система господства группы развитых государств и стран (метрополий), не исключая Россию, над остальным миром в XV—XX веках. С этим понятием тесно связана колониальная политика — политика завоевания и зачастую эксплуатации военными, политическими и экономическими методами народов, стран и территорий преимущественно с инонациональным населением, как правило, экономически менее развитых (БРЭ 2004).

Особенность России в том, что некоторые территории на западе империи, по факту — колонии, с внешним управлением зачастую были более развиты, чем метрополия, а колонизация затрагивала саму метрополию. Понятие внутренней колонизации оказалось очень продуктивным для понимания имперской динамики России концептом.

В учебниках, на уровне репрезентации событий, колонизация предстает как в понимании В.О. Ключевского — «Россия есть страна, которая колонизируется» (Ключевский 1995: 76), так и в понимании А.М. Эткина, как самоколонизация (Эткин 2022).

Для анализа нами был взят самый массовый школьный учебник — линия учебников издательства «Промсвещение» 6–9 класс, охватывающая период до 1914 года:

История России 6 класс Часть 1, 2. Просвещение, 2016 – 2021.

Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Стефанович П. С. и др. (ред. Торкунов А. В.). История России 7 класс Часть 1, 2. Просвещение, 2016–2021.

Арсентьев Н. М. Данилов А. А. Стефанович П. С. и др. (ред. Торкунов А. В.).

История России 8 класс Часть 1, 2. Просвещение, 2016–2021.

Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Курюкин И. В., Токарева А. Я. (ред. Торкунов А. В.). История России 9 класс Часть 1, 2. Просвещение, 2016–2021.

Количество сюжетов, имеющих отношение к внутренней и внешней колонизации – 89, они распределены по 136 параграфам и текстам для самостоятельного изучения. Количество сюжетов в текстах для самостоятельного изучения – 32, в основном это внешняя колонизация. Есть несколько особенностей, выделяющих колониальные сюжеты из общей среды исторических сюжетов в учебниках. Значительная часть колониальных сюжетов вынесена в тексты для самостоятельного изучения неслучайно. Российская школьная история не хочет говорить о колониальном характере российского государства. Поэтому учебник не говорит, а проговаривается. Избежать колониальных сюжетов он не может, поскольку весь школьный нарратив построен на «расширении территорий», «присоединении земель», т. е. на пространственной экспансии. Но и признавать, что Россия – это колониальная империя, значит проти-

воречить официальной позиции. Это первая особенность репрезентации колониальных сюжетов в структуре транслируемого учебниками нарратива. Поэтому слова «колонизация» в учебниках нет. А вполне колониальные по своему содержанию сюжеты характеризуется крайне невинно, как расширение территорий. При этом главный герой российской школьной истории – государство. Как заметил автор телеграм-канала *scheme of things*, кандидат исторических наук Павел Пучков: «Современный школьный исторический нарратив наследует Истории государства Российского Николая Карамзина, но наследование происходило не по прямой линии. Первый имперский единый учебник для гимназий держал в фокусе “триединую русскую народность”, советская версия школьной истории – классы и партию. Монополизация всего исторического пространства государственнической тематикой произошла только в последние два десятилетия, когда иных “скреп”, кроме этатистских, в арсенале власти не осталось. Так школа вернулась к карамзинскому нарративу. Школьный курс истории довольно явственно проводит мысль, что индивидуальное и коллективное бытие россиян всегда зависело от самочувствия государства» (Пучков 2023). Это вторая особенность колониальных сюжетов в школьных учебниках.

Основной массив колониальных сюжетов занимает примерно четверть от всего объема фактологического материала в учебных текстах, опущены только совсем одиозные события вроде войн с чукчами, указа «Об истреблении немирных чукоч» Ели-

заветы Петровны (фактически, указ о геноциде), поиски Земли Жоана де Гама, войны в Аляске, Калифорнии, попытки захвата Гавайев и др. Об этих сюжетах есть публикации кандидата исторических наук Дмитрия Левчика (*Левчик 2023*). Их нет в учебниках, потому что Россия потерпела поражение, не достигла или не сразу и не в полной мере достигла своих целей — присоединения территорий. В учебниках есть только победы. Это третья особенность репрезентации колониальных сюжетов в структуре учебников средней школы.

Вопрос об исходной точке российской имперскости (а значит, об исходной точке русского колониализма) не имеет однозначного решения и является предметом споров. Мы будем исходить из точки зрения Нэнси Коллманн, которая считает, что элементы колониализма можно проследить с середины XV века (*Коллманн 2023*).

К колониальным сюжетам в учебнике 6 класса можно отнести систему кормлений, командирование в подчиненные Москве территории представителей центральной власти, которые содержатся местным населением, закрепощение крестьян до 1649 года, целая серия ограничений свободы крестьян в Московской Руси в пункте «Ограничение свободы крестьян» (материал для самостоятельной работы и проектной деятельности в учебнике для 6 класса).

В 7 классе есть сведения о государственности народов, позже включенных в состав России (крымские татары, сибирские татары, астраханские татары, ногайцы) в пункте Го-

сударства Поволжья, Северного причерноморья, Сибири в сер. XVI века (материалы для самостоятельной работы и проектной деятельности в учебнике для 7 класса). Подробно описано присоединения Поволжья при Иване Грозном, дальнейшая колонизация Сибири и Поволжья, миссионерская деятельность РПЦ (в пункте «Проблема (!) вероисповедания на присоединенных землях»). Вообще, деятельность церкви, ее роль в расширении, освоении (т.е. колонизации) расписана довольно подробно. Церковь всегда плечом к плечу с государством. Присоединение Украины описано в параграфе под названием «Под рукой российского государя. Вхождение Украины в состав России» (позже, в издании 2020 года, он называется иначе — название Украина заменено: «Вхождение состав России земель Войска Запорожского»). Украинцы описаны как один из народов, вошедших в состав России. Народы Поволжья, Кавказ и сибирские народы описаны в этнографическом ключе (быт, технологии, верование и т.п.), украинцы описаны в основном в аспекте борьбы с Речью Посполитой второй половины XVII века по вопросу о русском подданстве. Первопроходцы (завоеватели Сибири и Дальнего востока) описаны как конкистадоры (наделяются в тексте смелостью, жестокостью и честолюбием), но слово «колонизаторы» под запретом, его нет. Особо подчеркивается чуть ли не мирный характер включения сибирских народов в имперскую парадигму. Утверждается, что в отличие от европейских колонистов, русские казаки и поселенцы не вытесняли и не уничтожали аборигенов, а местные племена сохраняли охотничьи

и рыболовные угодья и были поставщиками ясака. При этом упоминается практика аманатов (заложников из числа местного населения). Особо отмечено, что русские защищали от набегов кочевников, прекращали внутренние усобицы, Упор делается на мирное сосуществование местных и русских переселенцев, т.к. места много, хватало всем. Сам параграф называется «Русские путешественники и первопроходцы XVII века».

8 класс. Период реформ Петра Первого включает описание сопротивления реформам. Параграф «Социальные, национальные движения. Оппозиция реформам». В причинах упомянуты налоги, насильственное распространение европейских порядков, многонациональное население Астрахани, упомянуто обращение Петра Первого к калмыцкому хану Аюке и помощь, оказанная Аюкой при подавлении восстания. Башкирское восстание описано достаточно подробно. Приведены примеры явных злоупотреблений российских властей в отношении башкир. В параграфе «Национальная и религиозная политика 1721–1762 гг.» бегло описываются особый статус Прибалтики со времен Петра Первого, перемены в правлении Украины (упразднение/восстановление гетманства (Анна Иоанновна и Елизавета Петровна), Башкирские восстания 1735–1740 и 1755 (про «жалование женами, дочерьми и имением» башкир казахов (разделяй и властвуй)). Упоминается присяга буддийских лам и монахов, регулирование их деятельности, определение штатного количества лам. Массовые крещения в Поволжье, преследование старообрядцев (вторая волна са-

мосожжений). Текст для самостоятельного изучения «Народы России. Национальная и религиозная политика Екатерины Второй» сообщает об унификации управления империей: в Украине (ликвидация Магдебургского права, установлении крепостничества, окончательная ликвидация гетманства и т.п.). Описывается ликвидация привилегий Прибалтики, унификация органов управления Смоленска и Новгорода. Упоминается Кубанское казачество (созданное принудительно, в результате переселения запорожских казаков), отмечены и иностранные колонисты в Поволжье (это, пожалуй, единственно употребление слова производного от «колониализм»). Есть в тексте и массовые насильственные крещения в среде поволжских народов и особый контроль за башкирами (Магометанское управление и т.п.). Рассматривается черта оседлости для евреев. После периода правления Екатерины Второй название «Украина» полностью исчезает из учебника. Колонизации Новороссии и Крыма посвящен целый параграф и рассматривается этот процесс очень подробно. Подчеркивается позитивное значение присоединения и «освоения» (слово используется как эвфемизм колонизации). С 2014 года, после аннексии Крыма, этим событиям в Российских учебниках уделяют большое внимание. В параграфе о внешней политике подробно разобраны разделы Польши, подчеркивается, что Россия не претендовала на собственно польские земли.

В учебнике для 9 класса в разделы, посвященные национальной политике, включается Финляндия, но

исчезает Сибирь (с периода после 1861 года). В тексте для самостоятельного чтения «Национальная и религиозная политика Николая Первого. Этнокультурный облик страны» рассмотрено состояние Польши, Прибалтики (не исключая национальное движение в Литве и Эстонии), Западный край (так теперь именуют Украину, не исключая историю Кирилло-Мефодиевского общества и репрессии в отношении Т. Шевченко), положение евреев, подчинение казахов. Рассмотрены: Кавказская война (покорение Кавказа выставлено как неизбежное и прогрессивное, всемерно подчеркивается то, что в советских учебниках формулировалось как «прогрессивное значение» (прекращение междоусобных войн, ликвидация рабства, экономическое развитие и т. п.)), Восточный вопрос (с упором на кризис Османской империи).

Если включать в колониальные сюжеты внутреннюю колонизацию, то есть, конечно, и отмена крепостного права, и крестьянская община, являвшаяся инструментом колониального по своей сути, взаимодействия государства и крестьянства.

В параграфах «Внешняя политика Александра Второго» и «Внешняя политика Александра Третьего» описано присоединение Средней Азии как прогрессивное в том же ключе, что и покорение Кавказа. Русификация периода правления Александра Третьего в учебнике подается двояко, точно в духе советской парадигмы, когда она указывается как причина роста антиимперских настроений в Польше (и причина роста революционного движения), в тоже

время, она указана как позитивное изменение для народов средней Азии и Кавказа. Наличие в остаточном виде советских концептов — еще одна особенность описания колониальных сюжетов.

Русско-японская война 1904–1905 гг. описывается с помощью концепта империалистическая война, с явной негативной коннотацией, и это тоже следы советской «диалектической» трактовки.

В целом, в учебных текстах мы видим три различия трактовки колониальных сюжетов применительно к славянским/неславянским народам/территориям, западным/азиатским народам/территориям и к Сибири/Дальнему востоку. Славянские народы, белорусы и украинцы, рассматриваются как часть русского народа (включение в состав империи как освобожденные от гнета и т. п.), их включение в имперскую парадигму описывается как «воссоединение», национальная идентичность признается из славян в составе российской империи только за поляками (еще за великороссами, но они исключены из колониального нарратива). Покорение неславянских народов, таких как финны, народов Сибири, Средней Азии и Кавказа, трактуется как «прогрессивное» (дарование автономии финнам, ликвидация работорговли, железнодорожное строительство, ликвидация пережитков феодализма и т.). Схожим образом описываются народы Сибири — их включение в состав империи рассматривается как безболезненное и «прогрессивное» (в методической оснастке учебников встречаются вопросы о том, почему колонизация («освоение») Сибири

носила мирный характер со стороны русских колонизаторов («переселенцев», «первопроходцев»). Народы Дальнего востока в учебниках не просто лишены субъектности, они почти полностью отсутствуют в учебных текстах. Айны, алеуты, коряки, нанайцы, нивхи, эскимосы, юкагиры не упоминаются вовсе (якуты и чукчи упомянуты).

Колонизация представлена в школьных учебниках очень широко. Но она не репрезентируется как колонизация. Это расширение территорий, укрепление власти (всегда позитивные в оценке учебника явления). Чего нет, так это деколонизации. Национальный аспект революционных движений если и не игнорируются полностью, то остается в тени.

Текст учебника и задания к нему не предполагают рефлексии имперского прошлого. Это объясняется политическим заказом, травмой распада СССР и проецируемой в качестве сверхценности территориальной целостности. При этом, как отмечает уже упоминаемый мной выше Павел Пучков (Пучков 2023), в постсоветском курсе истории преобладает «русская оптика», которая игнорирует национальные интенции украинцев и белорусов, что способствует восприятию постсоветских государств как исторического недоразумения. Они воспринимаются как «временно утраченные территории». Логика этого взгляда чрезвычайно проста: именно русские собирали («присоединяли», «осваивали») эти земли на протяжении многих веков, поэтому русским они и принадлежат. Несмотря на обилие колониальных сюжетов в линии учебников, все

они рассматриваются исключительно с позиций колонизатора.

Ответить на вопрос, кто эти колонизаторы, прочитав учебник, можно: это служилые люди, монастыри, «первопроходцы» (что бы это слово ни означало в контексте курса русской истории), крестьяне, казаки, иностранные колонисты, исследователи, государственные чиновники и офицеры, каторжане (участвовавшие в колонизации недобровольно). Но вопрос о бенефициарах процесса колонизации («присоединений», вхождений в состав, «освоений») в учебниках не артикулируется.

В реальности выгодополучателями могли быть разные категории населения, социальные слои, отдельные семьи или личности, но в учебниках это никак не акцентируется. Логично предположить, что таким субъектом — выгодополучателем является государство. Но не государство как бюрократическая машина. Настоящим бенефициаром предстает государство, как некая раз появившаяся и претендующая на вневременное бытие сущность. Вечный, возрождающийся, бессмертный Левиафан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Стефанович П.С. и др. (ред. Торкунов А.В.) История России 6 класс Часть 1, 2.М., Просвещение, 2016–2021

Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Стефанович П.С. и др. (ред. Торкунов А.В.) История России 7 класс Часть 1, 2. М., Просвещение, 2016–2021.

Арсентьев Н.М., Данилов., Курукин И.В.,Токарева А.Я. (ред. Торкунов А.В.)

История России 8 класс Часть 1, 2. М., Просвещение, 2016–2021.

Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Левандовский А.А., Токарева А.Я. и др. (ред. Торкунов А.В.) История России 9 класс Часть 1, 2. М., Просвещение, 2016–2021.

БРЭ 2004 — Большая российская энциклопедия. Россия/ Науч.-ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) [и др.]; Отв. ред. С.Л. Кравец; Рос. акад. наук. — М., Большая Рос. энцикл., 2004.

Ключевский 1995 — Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., Мысль, 1995.

Коллманн 2023 — Коллманн Н.Ш. Россия и ее империя. 1450–1801. СПб., Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

Левчик 2023 — Левчик Д. URL: <https://discours.io/> <https://discours.io/levchik> (дата обращения 31.07.2023).

Пучков 2023 — Пучков П. URL: <https://t.me/schemeofthings> (дата обращения 31.07.2023).

Эткинд 2022 — Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., Новое литературное обозрение, 2022.

REFERENCES

Arsentiev N.M., Danilov A.A., Stefanovitch P.S. i dr. (red. Torkhunov A.V.) *Isto-*

rija Rossii 6 klass. Chast 1, 2. М., Prosveshenie, 2016–2021.

Arsentiev N.M., Danilov A.A., Stefanovitch P.S. i dr. (red. Torkhunov A.V.) *Istorija Rossii 7 klass. Chast 1, 2.* М., Prosveshenie, 2016–2021.

Arsentiev N.M., Danilov A.A., Kurukhin I.V., Tokareva A.J. (red. Torkhunov A.V.) *Istorija Rossii 8 klass. Chast 1, 2.* М., Prosveshenie, 2016–2021.

Arsentiev N.M., Danilov A.A., Levandovski A.A., Tokareva A.J. (red. Torkhunov A.V.) *Istorija Rossii 9 klass. Chast 1, 2.* М., Prosveshenie, 2016–2021.

Bolshaja rossiiskaja enciklopedia. Rossia/ Nauch. -red. совет: S.J. Osipov (pred.) [i dr.]; Отв. ред. S.L. Kravets; Рос. акад. наук. М., Bolshaja rossiiskaja enciklopedia, 2004.

Etkind A.M. *Vnutrennaja kolonizatsija. Imperskij opyt Rossii.* М., Novoe literaturoe obozrenie, 2022.

Kluchevski V.O. *Russkaja istorija. Polnyi kurs lekciij v trekh knigah.* М., Mysl, 1995

Kollmann N. Sh. *Rossija i ey imperia/ 1450–1801.* SPb, Academic Studies Press /Bibliorossica, 2023.

Levchik D. <https://discours.io/levchik>

Puchkov P. <https://t.me/schemeofthings>

АЛЛА МОРОЗОВА: «УСЛОВИЕМ ЧЛЕНСТВА В НАШЕЙ АССОЦИАЦИИ ЯВЛЯЕТСЯ НАЛИЧИЕ У ЧЕЛОВЕКА ЧЕТКО ВЫРАЖЕННОЙ АНТИВОЕННОЙ ПОЗИЦИИ»

Аннотация: В своем интервью профессор Морозова рассказывает о создании организации «Академическая солидарность», объединяющей исследователей, вынужденных покинуть Россию после того как Путин развязал полномасштабную войну против Украины. Говорится о причинах создания «Академической солидарности», о ее задачах, структуре, сотрудничестве с другими неправительственными организациями.

Ключевые слова: Академическая солидарность, русские ученые-эмигранты, интеграция в международные академические структуры

Сведения об авторе: Алла Юрьевна Морозова, кандидат исторических наук, профессор Свободного университета/Briva Universitate (Riga), приглашенный исследователь в Scuola Normale Superiore (Pisa), сотрудник мемориальной программы «История борьбы антиавторитарных сил в России и Зарубежье. 1918–1965 гг.», автор и ведущая цикла встреч-бесед «Женщины в борьбе за права и свободы личности и общества: История и современность». Email: allamorozova1992@gmail.com

ALLA MOROZOVA: "THE CONDITION FOR MEMBERSHIP IN OUR ASSOCIATION IS THAT A PERSON HAS A CLEARLY EXPRESSED ANTI-WAR POSITION"

Abstract: In her interview Prof. Morozova tells about the establishment of the "Academic Solidarity", the NGO which unites researchers who were forced to leave Russia after Putin unleashed a full-scale war against Ukraine. She dis-

cusses the reasons for the establishment of Academic Solidarity, its objectives and structure, and the plans of cooperation with other non-governmental organisations.

Keywords: Academic solidarity, Russian emigrant scientists, integration into international academic structures

Corresponding author: Morozova Alla Yurievna, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Professor at the Free University/Briva Universitate (Riga), visiting researcher at the Scuola Normale Superiore (Pisa), member of the programme "History of the Struggle of Anti-Authoritarian Forces in Russia and Abroad. 1918–1965" (Memorial NGO), author and moderator of the series of meetings and talks "Women in the Struggle for the Rights and Freedoms of Individuals and Society: History and Modernity". Email: allamorozova1992@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: Поскольку в России принято плясать от личностей, то первый вопрос: кто вошел в состав учредителей Ассоциации российских ученых и преподавателей за границей «Академическая солидарность»? Когда организация была создана и каков ее формальный статус (NGO или другая форма)?

А. М.: Идея создания объединения преподавателей, находящихся вне России — своего рода профсоюза в изгнании — родилась еще летом прошлого года у членов профсоюза «Университетская солидарность» и профессоров Свободного университета Андроника Арутюнова и Константина Морозова. Постепенно эта идея трансформировалась в более широкую, и было решено создать ассоциацию, целями которой будет не только защита трудовых прав ее членов и взаимопомощь (чем обычно занимаются профсоюзы). Учредителями и членами Оргкомитета Ассоциации стали профессиональные ученые и преподаватели, покинувшие Россию, люди, приверженные идее свободного развития науки и образования в России — Игорь Данилевский (София), доктор исторических на-

ук, профессор Свободного университета/Briva Universitate (Riga); Дмитрий Дубровский (Прага), кандидат исторических наук, научный сотрудник факультета социальных наук Карлова университета, Центра независимых социологических исследований, профессор Свободного университета; Константин Морозов (Париж), доктор исторических наук, приглашенный исследователь ENESS/CERCEC, почетный член ЦС профсоюза «Университетская солидарность», профессор и член УС Свободного университета, зам. председателя Совета НИПЦ «Мемориал»; Алла Морозова (Париж), кандидат исторических наук, профессор Свободного университета/Briva Universitate (Riga), приглашенный исследователь в Scuola Normale Superiore (Pisa), сотрудник мемориальной программы «История борьбы антиавторитарных сил в России и Зарубежье. 1918–1965 гг.», автор и ведущая цикла встреч-бесед «Женщины в борьбе за права и свободы личности и общества: История и современность»; Алексей Сосинский (Страсбург), кандидат физико-математических наук; Илья Щуров (Неймеген), кандидат физико-мате-

матических наук, постдок, Radboud Universiteit Nijmegen. Поскольку эта организация учреждена и действует за границей и ее членами будут ученые и преподаватели, находящиеся за пределами России, в состав учредителей не вошел один из инициаторов ее создания сопредседатель профсоюза «Университетская солидарность» Андроник Арутюнов. Наша Ассоциация — это общественная организация, не имеющая юридического лица и действующая исключительно на волонтерских началах.

С.Э.: Учитывался ли при разработке проекта опыт российских организаций «Университетская солидарность», «Вольное историческое общество» и, возможно, других? Чтобы вы хотели заимствовать из их достижений, каких их ошибок будете стараться избежать?

А.М.: Конечно, мы старались использовать все значимые наработки наших предшественников и партнерских организаций, в том числе профсоюза «Университетская солидарность» и Вольного исторического общества, но, разумеется, с учетом специфики сегодняшнего дня. В отличие от профсоюза, главной целью которого является объединение работников в борьбе с работодателями за свои права, наша Ассоциация ставит перед собой, прежде всего, цель поиска таких работодателей или грантодателей для своих членов. Принципиально важно также отметить, что в отличие от корпоративной организации преподавателей/студентов/исследователей, которая образуется по формальному признаку принадлежности к той или иной категории работников, условием членства в нашей Ассоциа-

ции является наличие у человека четко выраженной антивоенной позиции и приверженность идеям прав и свобод человека и общества.

В отличие от Вольного исторического общества в состав учредителей Ассоциации вошли исследователи и преподаватели разных научных специализаций, и это отражает наше желание стать организацией, включающей в себя и «физиков», и «лириков», покинувших Россию и объединенных общей гражданской позицией.

С.Э.: Чем вызвана необходимость создания Ассоциации, каковы ее цели, принципы и структура?

А.М.: По имеющимся данным, после начала войны Россию покинуло от пяти до десяти процентов ученых и преподавателей, причем, наиболее активных, деятельных и инициативных. Все они оказались рассеяны по разным странам, где столкнулись с общими проблемами — получения виз, поиска стипендий, грантов, мест работы, жилья, устройства детей в школы и т.п. Необходимость объединения усилий для решения этих проблем была одной из причин создания организации. Но, как я уже говорила, довольно быстро мы пришли к пониманию того, что наши цели и задачи гораздо шире, что необходимы консолидация сообщества российских ученых и преподавателей в Европе на основе норм профессиональной деятельности и этики, налаживание взаимосвязи, помощь в установлении контактов с европейскими академическими и университетскими структурами, создание инструментов взаимопомощи.

Ассоциация предполагает объединение усилий эмигрантов, но это совсем не значит, что мы намерены сосредоточиться на решении своих внутренних проблем. Напротив, мы планируем оказывать посильное содействие коллегам, оставшимся в России, которые продолжают бороться с авторитарным режимом. Кроме того, нам кажется очень важным оказывать содействие гражданскому обществу в России в борьбе с манипуляциями научным знанием и исторической памятью.

В Положении об Ассоциации провозглашается, что это содружество свободных преподавателей, исследователей, аспирантов и студентов, работающих и учащихся в Европе, стоящих на антивоенных позициях и считающих необходимым установление в России политических свобод и правового государства. Одной из наших целей является защита свободы научного исследования и академических свобод.

Подробно о структуре Ассоциации говорить еще рано, так как мы совсем еще юная организация, можно сказать, новорожденная. Но на данный момент она нам видится следующим образом. Организация основана на принципе индивидуального членства. Высшим руководящим органом Ассоциации является Общее собрание, которое проводится не реже одного раза в полтора года (в онлайн режиме). Для координации деятельности Ассоциации в период между Общими собраниями избирается коллегиальный руководящий орган — Совет Ассоциации. На срок до проведения первого Общего собрания членов Ассоциации Совет

был сформирован учредителями. Во главе Совета стоят три сопредседателя, которые будут избраны на первом общем собрании Ассоциации. Мы сознательно разработали Положение, основанное на максимально демократических принципах, чтобы, с одной стороны, обезопасить организацию от проблем, могущих возникнуть при излишней концентрации полномочий в руках одного человека, с другой — подобное распределение полномочий и обязанностей, как нам кажется, позволит не допустить провалов в работе в том случае, если кто-то из руководства по каким-либо причинам не сможет уделять должного времени делам Ассоциации.

С.Э.: Чем будет заниматься Ассоциация? Будет ли она в соответствии со словом «солидарность» выполнять функции профсоюза (помогать обустройству ученых-эмигрантов) или ее главное направление — координация научной активности (конференции, круглые столы и т. д.)?

А.М.: Мы планируем уделять внимание обоим направлениям деятельности. Но тут важно отметить, что речь не идет только об организации «кассы взаимопомощи», тем более, что членство в Ассоциации не предполагает уплаты членских взносов. Одна из первых наших задач — собрать информацию о том, кто из ученых-эмигрантов где находится, какие у них проблемы, что они готовы делать в рамках деятельности Ассоциации. Основная помощь обустройству наших коллег будет заключаться в обмене информацией, в налаживании взаимосвязей,

нетворкинга, содействии поиску стажировок и стипендий для коллег, особенно, оказавшихся в трудном финансовом положении. Мы хотим создать полноценную площадку для общения эмигрантов (как недавних, так и тех ученых и преподавателей, кто уже успел инкорпорироваться в европейскую академическую и университетскую среду), с помощью которой можно было решать, в том числе, и задачи взаимопомощи, понимаемой в широком смысле. Ведь покинувшие Россию после начала войны ученые и преподаватели оказались в очень тяжелом положении не только финансово, но и психологически. С одной стороны, у большинства из них есть лишь кратковременные гранты и стипендии, а значит — необходимость срочного поиска средств существования. С другой — большинство из них впервые сталкивается с реалиями жизни в другой стране, где все непривычно, все устроено по-другому (предыдущие кратковременные туристические поездки не в счет, они дают совершенно другой опыт, лишь до некоторой степени полезный при обустройстве жизни в эмиграции). С третьей — перед эмигрантами стоит задача в большей или меньшей степени инкорпорироваться в европейскую академическую среду, что довольно сложно, особенно — как это ни парадоксально — для ученых, находящихся на более высоких ступенях карьеры. Студенты могут пойти учиться в местные университеты, поступить в магистратуру или на PhD, более молодые могут претендовать на Postdoc-позиции. Встроиться же в академическую иерархию чужой для тебя страны «сбоку», не пройдя в ней путь от первых ступенек,

чрезвычайно сложно. И вот тут-то и могут помочь профессиональные связи коллег.

С другой стороны, хотя мы будем способствовать инкорпорации наших коллег в европейскую научную и университетскую среду, мы также считаем необходимым сохранять русский язык в качестве языка научного общения и верим в то, что многие из нас смогут вернуться на родину, чтобы участвовать в демократизации России и развитии в ней свободных науки и образования. Мы планируем проведение публичных мероприятий самого разного плана и жанровой принадлежности — круглых столов, семинаров, дискуссий — прежде всего, в онлайн-формате, предназначенных для русскоязычной аудитории как за границей, так и в России. Мы не считаем правильным стремиться к полной инкорпорации в европейскую академическую среду (даже если это было бы возможным) и отказываться от использования русского языка в научных дискуссиях и преподавании. Мы не хотим отдавать русский язык российской государственной пропаганде и лишать людей, живущих в России, возможности слушать свободные научные дискуссии, в том числе на острые современные темы, ведущиеся на русском языке без оглядки на цензуру и возможность репрессий.

Многие из нас планируют вернуться в Россию, когда в ней станут возможны глубокие демократические и институциональные преобразования, и наша сегодняшняя, на первый взгляд, незаметная работа — это вклад в будущую свободную Россию.

С.Э.: С какими научными, учебными и политическими структурами вы собираетесь сотрудничать?

А.М.: Среди учредителей нашей Ассоциации есть профессора Свободного университета, члены профсоюза «Университетская солидарность» и Вольного исторического общества. Идеи и ценности этих организаций нам близки, и мы будем рады стать партнерами тех из них, которые сочтут это возможным в сегодняшней непростой ситуации. Мы также будем налаживать контакты с другими, близкими нам по духу и задачам, организациями, уже существующими и возникающими, в том числе, в эмигрантской среде.

Нам хотелось бы наладить связи с европейскими академическими и университетскими структурами, и мы надеемся, что в этом нам помогут уже имеющиеся связи наших коллег. Кроме того, мы надеемся наладить институциональное сотрудничество с европейскими структурами, которые сейчас проявляют интерес к российским ученым и преподавателям, вынужденным покинуть Россию. Так, недавно несколько членов нашей Ассоциации приняли участие в деловой поездке в Брюссель, где в составе группы коллег, представлявших российских ученых, преподавателей, просветителей, вынужденных покинуть Россию и живущих сейчас в Европе, участвовали во встречах с представителями Еврокомиссии, различных европейских фондов и университетов. Речь шла о взаимодействии европейской академической и университетской среды с российскими учеными, о политике европейских структур в этом вопросе

и о многом другом. Возможность получить информацию «из первых рук» имела для нас большое значение.

Если попробовать собрать вместе все высказывания о политике общеевропейских структур по отношению к российским ученым и возможностям взаимодействия с ними, то в целом получается следующее:

— Абсолютно запрещены и прерваны контакты с российскими государственными структурами и организациями, находящимися под контролем государства.

— Возможны личные контакты с учеными без указания российской аффилиации.

— Невозможно сотрудничество с кем-либо, поддерживающим или оправдывающим войну.

— Возможны совместные публикации и публикации российских ученых без аффилиации в европейских журналах (на практике мы видим, что в этом вопросе все не так просто, и известны случаи, когда редакции журналов отказывают в публикации уже принятых ранее статей российских ученых, в том числе, покинувших Россию).

С участием в конференциях тоже все сложно. Коллеги говорили об участии в европейских конференциях (по зуму) ученых, остающихся в России, но в личном качестве, то есть без указания аффилиации. Как справедливо отмечали коллеги, есть норма и есть реальные практики. Норма касается только государственных институтов, все остальное находится

в «серой зоне» и зависит от толкования национальных государств и отдельных университетов и ученых. Важнее всего репутация конкретного ученого и кредитоспособность его научной сети.

Большое значение для нас всех имела и возможность рассказать европейским функционерам и ученым о наших проблемах и особенностях нашего положения в Европе. В ходе многочисленных встреч и круглых столов — а рабочий график был очень плотный — было высказано немало идей и соображений, которые могут лечь в основу дальнейшего сотрудничества и взаимодействия. В частности, говорилось о важности долгосрочных программ поддержки российских ученых-эмигрантов. И в этом контексте многие вспоминали знаменитую Акцию русской помощи Т. Масарика, столетие которой отмечалось в прошлом году. Говорили и о необходимости выработки новых параметров подачи заявок на гранты, стипендии, стажировки и т. п., в которых учитывались бы те реальные условия, в которых находятся ученые-эмигранты (проблема получения виз, невозможность долго ждать решения о выделении гранта, отсутствие постоянной аффилиации в связи с вынужденным переездом в другую страну и т. п.). Все эти вопросы обсуждались в контексте необходимости и одновременно сложности инкорпорации в европейскую академическую и научную среду.

Очень важно для нас было также установить контакты, начать налаживать взаимодействие, в том числе и между собой, так как до этой по-

ездки не все мы были знакомы друг с другом, а многие были знакомы лишь виртуально. В контексте разговора о необходимости самоорганизации российских ученых-эмигрантов было рассказано о создании Ассоциации российских ученых и преподавателей в Европе «Академическая солидарность» как содружестве свободных преподавателей, исследователей, аспирантов и студентов, работающих и учащихся в Европе, стоящих на антивоенных позициях и считающих необходимым установление в России политических свобод и правового государства, о ее целях и задачах.

Поскольку разговор с европейскими структурами планируется продолжать уже в рабочем порядке, мы хотели бы собрать своего рода банк данных о позициях различных европейских академических и университетских структур по отношению к российским ученым — как уехавшим из России, так и остающимся в ней. Присылайте нам сведения о конкретных случаях приема или отказа в приеме статей, докладов на конференции, совместных публикаций и т. п. Дело не в названии того или иного вуза или исследовательского центра, а именно в позиции по отношению к сотрудничеству с российскими учеными. Такие сведения важны для составления, по мере возможности, общей картины взаимоотношений, основываясь на которой мы могли бы формулировать свои предложения европейским структурам, которые вырабатывают общую политику в этом вопросе.

С. Э.: Как вступить в «Академическую солидарность»?

А.М.: Новые члены принимаются в Ассоциацию по решению Совета Ассоциации, принятому простым большинством голосов, на основании личного заявления и рекомендации о вступлении как минимум от одного, а желательно от двух действующих членов Ассоциации и/или их коллег (в том числе, находящихся в России), пользующихся авторитетом и доверием. Для вступления в Ассоциацию необходимо отправить по электронной почте на адрес academsol2023@gmail.com заявление в форме свободного мотивационного письма с указанием фамилий одного или двух рекомендателей. Рекомендации должны быть присланы на этот же адрес непосредственно от рекомендателей. Мы сочли необходимым установить такой своего рода «входной контроль», чтобы обезопасить организацию от случайных людей, с одной стороны, не разделяющих наши общие взгляды, с другой — не готовых что-либо делать, а заинтересованных лишь в получении помощи.

С документами Ассоциации — Декларацией и Проектом Положения — можно ознакомиться на сайте <https://academsol.info/>. Кстати, там же через форму обратной связи можно подать заявление о вступлении в Ассоциацию.

И еще одно важное замечание. Уже учредив нашу Ассоциацию, мы поняли: будет неправильно замыкаться в европейских границах, ведь в условиях вынужденной мобильности и общей нестабильности практически никто из нас не может со стопроцентной уверенностью сказать, в какой стране он может оказаться через год, и будет ли это европейская страна. С другой стороны, довольно большое число ученых, преподавателей и студентов, не имевших виз, а то и загранпаспортов, выехав из России, оказались в Армении, Грузии, Казахстане, странах Средней Азии, Турции; кто-то сумел получить грант или стипендию в США... Но все это в большинстве случаев временно. Поэтому мы решили, что географический принцип не будет для нас определяющим, и в члены нашей Ассоциации может подать заявление человек, находящийся сейчас за пределами Европы, но планирующий или не исключаящий для себя переезд в этот регион в обозримом будущем.

В заключение я хочу призвать всех неравнодушных и деятельных исследователей, преподавателей, студентов и аспирантов вступать в нашу Ассоциацию. Наша сила — в нашей солидарности!

ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ: «ЖИЗНЬ В РЕЖИМЕ КАТАСТРОФЫ»

Аннотация: Василий Жарков рассказывает о семейной памяти, о том, почему решил стать историком, о своей работе в Московской высшей школе социальных и экономических наук, о том, что российские университеты, фактически отказавшиеся от выбора ректоров и деканов еще в 1990-х, внесли с начала 2000-х значительный вклад в формирование авторитарного режима в России, о проблемах с которыми встречается русский ученый в эмиграции.

Ключевые слова: семейная память, Московская высшая школа социальных и экономических наук, академические свободы, русский университет как рассадник путинского авторитарного режима

Сведения об авторе: Жарков Василий Павлович — кандидат исторических наук, приглашенный лектор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе. Email: vasily.zharkov@ehu.lt

VASILY ZHARKOV: "LIVING IN DISASTER MODE"

Abstract: Vasily Zharkov talks about his family memory and why he decided to become a historian, about his work at the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, about the fact that Russian universities, which in the 1990s actually rejected the rights of academic freedom for elections of university dignitaries, have made a significant contribution to the formation of an authoritarian regime in Russia since the early 2000s, and about the problems, which Russian academic emigrants encounters.

Keywords: family memory, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, academic freedom, Russian universities as "hotbed" of the Putin's authoritarian regime

Corresponding author: Zharkov Vasily Pavlovitch, PhD (candidat istorichrskih nauk), Guest lecturer at the European Humanities University in Vilnius. Email: vasily.zharkov@ehu.lt

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: Первый вопрос — традиционный. Так как наш журнал специализируется на исследованиях памяти, то мы в каждом интервью проверяем гипотезу Яна Асманна о том,

что у современных людей семейная память уходит вглубь только на три поколения. Расскажите, пожалуйста, о глубине вашей памяти, что вам известно о ваших предках?

В. Ж.: Моя семейная память простирается глубже, чем на три поколения. Я застал живыми дедушку и двух бабушек и из разговоров с ними почерпнул сведения о более ранних предках. По линии отца я знаю о моем прапрадедушке — дедушке моей бабушки. Он носил фамилию Воробьев и был городским головой Уфы. В нашем семейном фотоальбоме сохранился его портрет с царскими орденами и большой окладистой бородой. По другим линиям тоже есть некоторые сведения. Например, дед моей бабушки по материнской линии, торговавший тканями купец первой гильдии, был двоюродным братом художника Ивана Шишкина. Мне известно о прадеде по отцовской линии, который в годы гражданской войны был уполномоченным ВСНХ по Ставропольскому краю. А по материнской линии я знаю, что отец и дед моего деда были эсерами. Более того, дед и брат отца этого деда даже оказались на каторге за участие в революции 1905 года. Дядя дедушки в 1920-е годы был одним из руководителей общества политкаторжан. То есть моя семейная память простирается до уровня моих прапрадедов.

С. Э.: Получается пять поколений.

В. Ж.: Да, мне даже известны некоторые сведения об их занятиях — мелкопоместные дворяне, купцы, коммерческие и железнодорожные служащие. В основном они принадлежали к средним слоям, хотя прапрадед, который был уфимским городским головой, построил там здание дворянского собрания. Во время своей короткой поездки в Уфу я искал его, но мне никто не смог в этом помочь. Шел 1994 год. На следующее

лето я случайно прочитал в одной из газет, что на рок-концерте металлисты разгромили некий ДК имени Урицкого, в прошлом — Дворянское собрание. Якобы они повредили старинное освещение и элементы декора, выполненные в стиле модерн. Вот и все.

Скорее я считаю себя ленивым человеком и не могу сказать, что достаточно досконально изучал историю своей семьи. Просто фиксировал в памяти, что мне рассказывали бабушки и дедушки. Ну и совсем немного семейного архива — о том, что мой прадед был уполномоченным ВСНХ, я знаю из сохранных копий автобиографии его сына (моего дедушки). Так что у меня есть и белые, и красные в роду, большевики и эсеры. Получается, что бабушки у меня были из семей белогвардейских, а дедушки — из красных. Таким образом мы можем проследить, как в раннем СССР дворянские дочки или купеческие внуки выходили за детей революционеров.

Оба моих деда были инженерами и членами партии, и прошли типичный путь советского человека. Один закончил карьеру начальником конструкторского бюро на крупном машиностроительном заводе, другой был завсектором, а после инфаркта экспертом в Государственном комитете по науке и технике при Совете министров СССР. То есть и после революции наша семья по-прежнему принадлежала к условному среднему классу, никаких особо выдающихся и заслуженных людей у нас не было. Зоя Тулубьева, двоюродная сестра моего дедушки по отцовской линии, участвовала в артистическом

движении «Синяя блуза», а позднее сняла документальный фильм о Большом театре. Ее родная сестра Аннета дослужилась до заслуженной артистки РСФСР в театре Станиславского. Вот они и художник Шишкин — все «великие» среди дальних родственников.

С.Э.: Сейчас в моде слово «травма». Наша история с 1917 по 1953 — сплошная травма: гражданская война, голод, репрессии, раскулачивания. А вашу семью затронули сталинские репрессии?

В.Ж.: Да, конечно. У бабушки по материнской линии отец был жандармским приставом в городе Людинове Калужской области. Говорили, что он якобы посылал своих людей предупредить революционеров, если были сведения, что за ними должны прийти. Победу большевиков в октябре 1917 года он встретил управляющим завода в Песочне — пригороде Людинова, в ту пору — промышленного центра. Был он из польских смоленских дворян, Александр Матвеевич Пучков. Так вот, у нас в домашнем архиве не сохранилось ни одной его фотографии, потому что в какой-то момент он просто исчез. Может, ушел в Польшу, может погиб. Пропал без вести.

Есть и другой пример, касающийся предков-эсеров. По материнской линии мой прадед Георгий Григорьев с семьей жили в Харькове. До Первой мировой войны прадед был банковским служащим и после революции работал в Госбанке Украины. И даже, по некоторым сведениям, дослужился там до достаточно высокой должности. Естественно, в таком

положении он попал под репрессии в 1937 году. В тот момент он находился в разводе с прабабушкой и, тем не менее, мой дед с ним виделся. В 1938 году по бериевской амнистии прадеда выпустили. Дед долго молчал, и я узнал об этом от него только, когда закончилась советская власть примерно в 1991–1992 годах. После того, как прадеда выпустили, он встретился с сыном, моим дедушкой, который специально приехал в Харьков. Он не узнал своего отца, так сильно тот изменился после года пребывания в тюрьме. Тогда вышедший из заключения отец сказал ему главное: никогда не занимайся политикой. Мой дед этому совету последовал, и когда, например, ему предложили работать в ЦК в 50-е годы уже после смерти Сталина — отказался. После сталинского террора он усвоил, что политикой заниматься опасно. Конечно, сказывался и опыт его отца и деда, тех самых эсеров. Более того, дядя моего деда с 20-х годов жил в Москве и занимал видную позицию в обществе политкаторжан. Его расстреляли по приговору «тройки» в годы Большого террора.

А вот прадед по отцовской линии (уполномоченный ВСНХ) просто рано умер в 1923 году, не дожив до чисток. Тем не менее моего дедушку по отцовской линии забрали на Лубянку в 1939 году. Продержали, правда, недолго. Есть версия, что якобы моя бабушка ходила с просьбой к Ворошилову. У меня есть догадка на этот счет. Мой прадед поставлял изъятые по продразверстке продовольствие на царицынский фронт, то есть как раз непосредственно Ворошилову и Сталину. И, вероятно, бабушка могла напомнить об этом наркомку. Возможно

поэтому деда отпустили спустя две недели. По семейным легендам на него написал донос бывший однокурсник по Тимирязевский академии. Они втроем жили в одной комнате. Одного — немца Горальда Зейца — посадили, и он погиб на лесоповале. Деда взяли, но вскоре отпустили. Третий, поповский сын, сделал большую академическую карьеру, украв диссертацию того самого Зейца.

Другая примечательная история приключилась с семьей по линии бабушки, которая жила в Уфе. Бабушка родилась в 1909 году и была самой младшей из шести детей в большой семье. В 1917 году ей предстояло идти в гимназию. Но в первый день занятий на пороге ее встретили классные дамы и сказали, что гимназия закрыта. Ее старшие сестры успели выйти замуж за белых офицеров. Одного из них — егеря, призванного в колчаковскую армию, расстреляли в присутствии жены (сестры моей бабушки). Убили его уже на границе с Китаем те самые приморские партизаны из «Разгрома» Фадеева. У двух других сестер мужья-офицеры тоже либо погибли, либо куда-то исчезли. Однажды в июле 1991 года в свои 17 лет я услышал разговор бабушки и ее сестры 1904 года рождения. В саду дачи поселка Верховного Совета в Снегирях они вдруг начали вспоминать, как «Лизин первый муж уехал в первую эвакуацию, а потом во вторую...». «О каких эвакуациях идет речь?» — спросил я с недоумением, полагая, что речь идет о Второй мировой войне. Оказалось, что это про события Гражданской войны.

в московской коммунальной квартире, где они поселились с бабушкой. Однажды в 1937 году к ним заглянул сантехник или газовщик, а соседка выйди на кухню, да и скажи: «Я думала, это за вашим мужем пришли». Дом принадлежал Наркомату тяжелой промышленности, из жильцов трех подъездов во время террора 1937–1938 годов там уцелели только две семьи. Бабушка за словом в карман не полезла, ответив: «С таким же успехом могли прийти за вами и за вашим мужем». Вот такая яркая деталь того времени.

Еще одна маленькая деталь: мой бабушка по материнской линии несмотря на то, что был членом компартии, каждый вечер слушал «Голос Америки» и радио «Свобода». Западные голоса тогда глушили, но он ходил по даче с приемником ВЭФ, ловил радиоволны и слушал. Меня он к этим сеансам радиосвязи особенно не подпускал. Однако однажды я услышал нечто удивительное для себя. Шел, наверное, 1984 год, и вдруг по радио отчетливо прозвучала фраза: «...это и другие преступления Сталина». Я удивился, о каких преступлениях идет речь. Дед ответил, что потом когда-нибудь расскажет. Прошло два года и все средства массовой информации в СССР начали говорить об этом открыто.

С.Э.: К сожалению, эта непроработанная травма. Многие молодые сталинисты часто не знают, что их прадедушки были репрессированы. Об этом, как правило, в семьях боялись говорить.

В.Ж.: Абсолютно согласен с этим. И ведь, понимаете, я отлично помню,

В 30-е годы с урожденной в Уфе бабушкой произошел другой эпизод

этот мой дедушка 1912 года рождения, дожив до 96 лет, до последнего продолжал слушать радио «Свобода». Когда в его старом приемнике что-то случалось со звуком, он говорил, что опять глушат волну. Шел 2007 год, я посмеялся над ним. Но он уверенно возразил: «Ты не понимаешь, все снова идет туда».

С.Э.: К сожалению, он оказался прав. Мой второй вопрос, тоже традиционный. В 1992 вы поступили на исторический факультет Московского педагогического института. В это время профессия историка уже утратила социальный престиж. Почему вы выбрали историю?

В.Ж.: Во-первых, я определился раньше — между 1988 и 1990 годами. В тот период история была самой популярной дисциплиной. К тому же мой дед по отцовской линии в детстве и молодости очень хотел заниматься историей. Приехав в Москву из Астрахани в 1921 году, он поступил в Тимирязевскую академию на инженерный факультет. Дедушка понимал, что в те годы историей заниматься стало уже небезопасно. И когда моему отцу пришлось время выбирать профессию, он посоветовал ему техническую специальность, предположив, что только его внук все-таки сможет стать историком. Будучи одним из ведущих экспертов легендарного ГНТК — Госкомитета по науке и технике, наверное, он уже тогда в конце 50-х годов кое-что понимал про перспективы советского строя. Об этом разговоре я узнал от отца уже после того, как поступил на истфак.

Если посмотреть на гуманитарную сферу в 1988–1990 годах, то тогда

существовали свои сложности с выбором. Философия — это ещё в основном исторический материализм и необходимость быть активным комсомольцем (а я комсомол не любил). Социология только вышла из тени и первый социологический факультет, открывшийся в МГУ, особого доверия не вызывал. В сторону филологии я не смотрел, так как у меня тогда были проблемы с русской орфографией. История, особенно медиевистика, в тот момент представлялась мне наименее идеологизированной дисциплиной. Она позволяла изучить весь curriculum vitae нашего общества. И я выбрал историю, хотя родители хотели, чтобы я стал юристом. Последние два года школы я учился в специальном гуманитарном классе при педагогическом институте — МГПИ имени Ленина. Кстати, моя бабушка, когда я поступил в этот класс, предположила, что в пединституте мне будет проще защитить диссертацию. Так моя карьера и встала на рельсы, стратегическая цель была определена после девятого класса. У нас в школе выпускные экзамены были одновременно вступительными в институт, тогда же преобразованный в педагогический университет — МПГУ. Я сдал их и уже имел, так сказать, подстраховку. Однако по воле родителей, которые нашли для меня дорогих репетиторов, я все-таки пошел на юрфак. Но не добрал проходного балла.

На самом деле не хотел там учиться. Мне не нравился контингент, вместе с которым я готовился на юрфак МГУ. Это были довольно недалекие и циничные люди. Они хотели стать юристами, чтобы обходить за-

кон ради личного обогащения. Это был первый год гайдаровских реформ, и многие вокруг словно с ума посходили из-за жажды наживы. Такой подход к праву мне казался чудовищным. Этих молодых людей не интересовало ничего кроме денег и примитивных развлечений. Один такой товарищ хвастался, как они пили пиво и справляли малую нужду у кремлевской стены в Александровском саду. А я подумал, что там рядом вообще-то могила неизвестного солдата. Мне было неприятно находиться в такой компании.

С теми же, кто шел на истфак, общаться было гораздо интереснее. В этом кругу больше говорили о книгах, истории и философии. Поскольку учеба все-таки это не только про получение знаний, но и про общение, я окончательно выбрал историю. Родители как-то в итоге с этим смирились. Тем более, что в 90-е годы материальных проблем у нашей семьи не было. К тому же отец вовремя вспомнил семейную легенду о бабушкиной мечте стать историком, а я в какой-то степени воспринимался как его двойник.

С. Э.: Кто из преподавателей оказал на вас наибольшее влияние?

В. Ж.: Там были очень разные люди. К сожалению, я уже не застал Владимира Борисовича Кобрин, хотя, когда поступал, то думал, что он там работает. Когда я стал студентом, выяснилось, что он уже умер и, более того, он ушел из пединститута, в том числе и потому, что у него были очень сложные отношения с коллегами по кафедре истории СССР. Половину кафедры оккупировали Аполлон

Кузьмин со своими учениками — такие, знаете, дремучие национал-патриоты, антисемиты и державники. Ресентимент и шпиономания в их среде царили уже тогда. Позднее на предзащите они устроили мне разнос за то, что я написал в своей диссертации «присоединение Украины к России» вместо принятого в сталинской историографии «воссоединения» и объяснял политику Московского царства в отношении Польши в середине XVII века желанием взять реванш за прежние поражения. Мне сказали, что к реваншу стремился только Гитлер и нацисты. Это события 2000 года, когда Путин только пришел к власти. Тогда эта история едва не стоила мне ученой степени.

Конечно, на истфаке МПГУ тогда работало еще немало неординарных ученых и преподавателей, которые оказали сильное влияние на меня. Среди них наш преподаватель философии Юрий Алексеевич Муравьев, а также нынешний профессор Высшей школы экономики Игорь Николаевич Данилевский, который вел у нас вспомогательные исторические дисциплины. В их числе несомненно находится и мой научный руководитель — Галина Александра Леонтьева. Мурат Магомедович Куриев был блестящим лектором по новой истории, позднее он ушел работать на телевидение, а сейчас снова вернулся в профессию и пишет замечательные книги по истории наполеоновских войн. Его неподражаемую манеру чтения лекций я не забуду никогда. Очень достойными членами нашей кафедры были историк декабристского движения Нина Васильевна Минаева и специалист по XVIII веку, сын священника Ростислав

Михайлович Введенский. У нас преподавала и Наталья Ардалионовна Проскуракова, которая в последние годы жизни также работала в НИУ ВШЭ. Большой подвижницей своего дела была Елена Федоровна Жупикова, которая несмотря на свою слепоту почти каждое воскресенье возила нас по Подмоскovie в поисках следов советских писателей. Так, в селе Измалково рядом с Переделкино мы однажды нашли дом, в котором снимала дачу Ольга Ивинская, и даже пообщались с выросшим к тому времени хозяйским сыном, который её прекрасно помнил.

Галина Александровна Леонтьева — человек из старого Московского университета. Под ее научным руководством я проработал в общей сложности восемь лет. Она из тех, кто видел настоящих историков. Вы ведь знаете, что наши историки делятся на три категории: тех, кто был настоящим историком, вроде Бахрушина, Базилевича, Колесниченко, тех, кто видел настоящих историков, и тех, кто видел тех, кто видел настоящих историков. Ну вот я учился у той, кто видела настоящих историков.

С.Э.: Чему была посвящена ваша диссертация?

В.Ж.: Я ещё до поступления в институт увлекся XVII веком. Мне казалось, это было время, когда у России возникла некая альтернатива развития. Понятно, что Петр I продолжил один из векторов развития, а мне было интересно, что этому предшествовало. Согласно известной фразе историка Сергея Соловьева, эпоха петровских преобразований была подготовлена всем предшествую-

щим столетием. Мне было интересно узнать, что такого происходило в XVII веке, что определило путь развития России. Интересно было понять, как она в этот период постепенно приближалась к своему выбору в пользу присыпанной европейской пудрой жестокой крепостнической империи. Как проявляли себя эти новые тенденции? Как сталкивались они со старыми установками и традициями?

Например, крепостное право не было однозначно predetermined. Элита, крупные землевладельцы, не были в нем сильно заинтересованы. За отмену урочных лет ратовало, как ни странно, мелкопоместное дворянство, средние слои общества. Самодержавие во многом опиралось на поддержку с одной стороны дворянства, с другой стороны, так называемых черных слобод, горожан. Аристократия в то время была наиболее европеизированной частью общества. В крупных вотчинах частично использовался труд наемных работников, там не было проблем с рабочими руками, поэтому богатые вотчинники не нуждались в крепостном праве. В течение еще довольно долгого времени после отмены урочных лет сыска беглых, механизма этого сыска так и не было придумано. Первый сыщик появляется только в конце 1650-х годов, то есть примерно через 10 лет после отмены урочных лет.

Исследование этой эпохи очень много мне дало для понимания процессов, происходящих в современной России. Я писал свою дипломную работу в 1996–1997 годах. Помню, как я выяснял влияние боярина Морозова, отстраненного после Соля-

ного бунта от всех должностей. Считалось, что его политическая роль на этом закончилось. Но я взял Дворцовые разряды, такие журналы с записями всех придворных событий. И благодаря им выяснил, что после 1648 года Морозов благополучно вернулся в Москву, в Кремль и ещё лет десять, пока позволяло здоровье, участвовал практически во всех царских мероприятиях (приемах послов, походах на богомолье, посещениях бань и т.п.). То есть близость к царю сохранялась, а значит, сохранялось и политическое влияние. К чему я это рассказываю? В 1996 году вышла книга Коржакова о его взаимоотношениях с Ельциным. И что я увидел, когда ее прочитал? Что проходят века российской истории, сменяются политические векторы развития, а принципы, по которым работает власть и ее окружение, остаются неизменными. И близость к фигуре царя имеет решающее значение. Пирь, бани, поездки по стране с правителем определяют значение той или иной приближенной к нему политической фигуры.

Получается, что в 90-е годы не происходило никакой вестернизации России, а, напротив, ускоренными темпами шла её архаизация. Под имитацией европейских институтов скрывалась старая посконная Московия. И мы видим сейчас плоды этого всего воочию.

С.Э.: В каком году вы защитили диссертацию? И куда вы потом пошли работать?

В.Ж.: Я защитился в 2001 году, а затем пошел работать в Высшую школу экономики. К тому момен-

ту я успел посотрудничать с тремя сетевыми изданиями, в том числе главным редактором. В 2001 году я защищался на кафедре, где хозяином себя чувствовал Аполлон Кузьмин, но мне удалось обставить его оголтелых сторонников. Они не подзревали, но в момент защиты я занимал должность главного редактора Jewish.ru (Глобального еврейского онлайн центра). Представьте их лица, когда после защиты ко мне на банкет приехал представитель ФЕОР с личным поздравлением от Берла Лазара. Все прошло замечательно и стало звонкой пощечиной партии наших факультетских национал-патриотов.

После этого я принял участие в создании нового факультета журналистики (позднее переросшего в Медиа-школу НИУ ВШЭ). Потом я работал у филантропа Александра Львовича Погорельского в его Фонде «Территория будущего». Знаете, был такой важный издательский проект «Университетская библиотека Александра Погорельского». Вот этим мы и занимались тогда, в частности выпускали журнал «Прогнозис». Под моим непосредственным руководством выходил информационно-аналитический сайт, который имел тогда аудиторию, сопоставимую с «Русским журналом» Глеба Павловского и интернет-изданием «Агентство политических новостей» Станислава Белковского. Этим я и занимался до 2008 года. Потом была еще пара проектов, а с 2010 года я стал работать в Московской высшей школе социальных и экономических наук (известной как Шанинка), возглавив там направление политической науки. До 2018 года

я был заведующим шанинской кафедрой политологии, а потом деканом факультета политических наук.

С.Э.: Когда вы покинули России, как сейчас говорят, релоцировались?

В.Ж.: В марте 2022-го, ровно год назад. Так сложились обстоятельства, что я попал в список сотрудников Шанинки, на которых в марте поступил запрос из органов в связи с возможной причастностью к громкому делу нашего ректора Зуева. По странному стечению обстоятельств большинство участников этого списка отметились публичными выступлениями с осуждением войны в Украине. Я подумал, что доказать мою связь с «делом Раковой» они могут только при помощи очень длинной швабры, и решил не рисковать. Как и большинство фигурантов этого списка, о котором в апреле 2022 года написала газета «Коммерсант» (<https://www.kommersant.ru/doc/5292227>), я спешно выехал из страны. В прошлом сентябре решением Ученого Совета Шанинки наш факультет политических наук был упразднен, а с ноября началось мое сотрудничество с Европейским гуманитарным университетом в Вильнюсе. Здесь состоялось еще одно важное знакомство в моей жизни. Я очень рад возможности работать в семинаре Анатолия Арсеньевича Михайлова, основателя ЕГУ, философа европейского масштаба из числа наших современников. Надеюсь, это некий новый этап моей жизни после случившейся со мной катастрофы. Между прочим, Хосе Ортега-и-Гассет сравнивал человеческую жизнь с катастрофой. Для тех, кто родился

в России, это так — совершенно точно!

С.Э.: Мне еще хотелось бы поговорить об университетской автономии, которой вы посвятили свою недавнюю блестящую лекцию для проекта «Академические мосты» (https://www.youtube.com/watch?v=dJicuEfr3I&ab_channel=%D0%90%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%9C%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8B). **Каким образом либеральная российская профессура продала «первородство» академических свобод?**

В.Ж.: Мой тезис состоит в следующем: университет, будучи прообразом республики, во многом создал параметры того режима, который сейчас существует в России. Что я имею в виду? Если посмотреть на периодичность смены руководителей Московского университета в XIX веке, то мы увидим, что средняя продолжительность правления одного ректора составляла четыре года. В советское время — шесть лет. Однако со второй половины XX века происходит увеличение срока, когда ректоры могли править от 15 до 22 лет. И вот 1992 год. Беспрецедентная история: в Московском университете избирают ректора, который остается в этой должности 31 год вплоть до сегодняшнего дня. Это абсолютный рекорд!

Это касается не только МГУ, но и МГИМО, Высшей школы экономики, где ректор Ярослав Кузьминов был фактически с основания — сначала директором-организатором

ром, потом в 1994 году его избрали ректором, и он оставался на этом месте до 2021 года. Срок длинный даже по советским меркам. Даже в РГГУ, если учесть, что Юрий Афанасьев в 1985 году стал ректором Историко-архивного института и ушел в 2003 году, получается немалый срок у нашего «прораба перестройки».

Так и сформировался специфический феодализм в условиях постсоветского университета, когда вуз фактически превратился в вотчину ректора, а все сотрудники и профессора и преподаватели — в его подданных. Теперь, когда ректор уходит, начинается плач: «На кого ты нас покинул?» Почему в дореволюционной России не было никакой трагедии в смене ректора? Этот феномен очень показателен. Мне кажется, что причин здесь несколько. Во-первых, худо-бедно, но в советское время в вузах существовала система внутреннего контроля — партийного, профсоюзного, народного. Туда, в частности, можно было пожаловаться на преподавателя-абыюзера. Эти институты советского контроля были в одночасье ликвидированы.

Ректор стал практически бесконтрольно распоряжаться всеми ресурсами университета. Что это за ресурсы? Это огромные помещения, которые можно сдавать в аренду. Это бюджетные деньги, которые поступают на счет университета и можно на руки преподавателю платить одну зарплату, а по документам проводить другие деньги. Такие вещи происходили сплошь и рядом. Можно доплатить кому-то в конверте или сделать персональные надбавки избранным

сотрудникам в обмен на личную преданность. Так закончилась свобода университетов. Это случилось в 90-е годы, и мы на это совершенно не обратили внимания. Особенно пострадало гуманитарное направление, ведь здесь возникла очень острая конкуренция вследствие перепроизводства кадров в стране, где в силу ускорившейся архаизации они были не нужны. И в этих условиях университеты фактически оказались в положении своеобразных крепостных латифундий. Те, кому посчастливилось остаться на кафедре после защиты, держались за свое место любыми способами. Но главным способом, конечно, стало беспрекословное подчинение вышестоящему начальству. Преподаватели вузов оказались настолько незащищенными, что даже не могли обсуждать размер своей заработной платы с работодателем. Молча получали, что дают, и выкручивались за счет дополнительных заработков, как умели.

При этом в университете происходит социализация наиболее политически активных групп населения. Выпускники престижных вузов участвуют в выработке и осуществлении ключевых политических решений. Соответственно, какая среда в университете — такая и в государстве.

Как известно, в 2004 году после трагедии в Беслане у нас отменили выборы губернаторов. Глав регионов стали назначать на свои должности в качестве исполняющих обязанности в обход предусмотренной конституцией процедуры выборов. Так вот, первыми подобный способ придумали в университетах. Вместо обязательных ранее выборов деканов их

стали назначать исполняющими обязанности на определенный срок. Точно так же произошло и с заведующими кафедрами. Назначенные таким образом деканы и заведующие кафедрами еще сильнее зависели от воли ректора. Только потом эта практика распространилась в государстве.

С. Э.: Я как-то прочел статью «Университеты» в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, где говорилось, что университет с самого начала возник как суверенная республика, с выборностью всех должностей и запретом полиции входить на территорию университета. Основная идея этой статьи состояла в том, что именно университет стал важнейшим прообразом европейской демократии. То, о чем вы говорите, доказывает, что постсоветский университет стал прообразом не демократии, но авторитаризма. Удивительным образом люди, считающие себя европейцами, не оказали заметного сопротивления авторитарным процессам в собственной среде. Я как-то стал свидетелем выступления Нины Владимировны Брагинской перед коллегами по РГГУ. Она рассказала, что получила разъяснение от руководства профсоюзов, согласно которому акция по переводу сотрудников на годовые контракты является незаконной и поэтому ни в коем случае не следует подписывать эти контракты. В этот момент преподаватели смотрели на нее с ненавистью. Потому что они уже все свои контракты подписали. Вы много лет работали в университете, были деканом, т. е. знаете ситуацию изнутри. Как получилось, что наш либеральный слой оказался не готовым к отстаиванию своих прав?

В. Ж.: Это очень хороший вопрос, на который я, к сожалению, сейчас не имею ясного ответа. Мне кажется, что здесь много всяких обстоятельств. С одной стороны, не стоит забывать, что наша интеллигенция тоже формировалась в условиях советского тоталитаризма. Наверное, ожидать от нее большего свободолюбия, чем у других слоев населения, было бы наивно. С другой стороны, нужно помнить особую роль турбулентности 90-х годов, когда университеты стали своеобразными сообществами выживания. А за возможность выжить нужно было поступиться очень многим, в том числе и личной свободой. Это еще один момент, связанный с влиянием нелиберальных реформ на наше бытие. Ведь людям сказали, что рынок всем управляет, а они должны в него «встроиться» и приспособиться ко всем заданным извне условиям. И каждый стал устраиваться, как мог. Мы отказались от идеи переустройства мира в пользу конформизма уже не идейного, а по отношению к самим условиям жизни. Особенно явственно это проявилось в среде гуманитарной интеллигенции, потому что ее материальное положение оказалось особенно тяжелым. В итоге мы получили такую неприглядную картину.

Однако при этом я должен сказать, что все равно университеты остаются в известной степени хранителями европейских ценностей и основ демократии. Пока сохраняется минимальная вариативность образовательных программ и продолжается преподавание критического мышления, пока существует доступ к современным знаниям, на уровне содержания у наших университетов есть еще

шанс. Я знаю, что студенты после завершения ими курса критического мышления запускают общественные проекты и пытаются ставить под контроль администрации своих университетов. В этом плане вся надежда на новое поколение, если его не уничтожат в войне.

Теперь возьмем университетскую автономию. В 90-е годы она понималась следующим образом: есть ректор, и он творит в своем университете, что хочет. Но на самом деле так университетская автономия выглядеть не может. Я не считаю, что она должна выражаться во всевластии ректора-суверена. Например, Шанинка, в которой я работал, не обладала полнотой суверенитета. Что я имею в виду? Наши программы согласовывались в Манчестере. Решения экзаменационных советов утверждались там же, как и наши преподаватели. Поэтому ректор не обладал абсолютной властью, а каждый руководитель программы имел свою долю в этой системе. Так сложился некий прообраз федеративного устройства, когда факультеты имели более широкие права, чем в обычном российском университете. Пусть это работало не идеально, но для России такой опыт очень редкий.

Вот почему очень важно добиться полиархии внутри университета, ограничить самодержавную власть ректора, он не должен быть владельцем феодального домена, с которым можно решать все вопросы в обход мнения других коллег. Ректор должен быть просто наемным управляющим. Нам необходимо много акторов внутри университетской политики: Ученый совет, профсоюзы

преподавателей и студентов, факультеты, плюс университетские СМИ и другие структуры. Все они должны иметь доступ к принятию решений. Чем больше у нас акторов внутри университета, тем лучше. Еще лучше иметь внешний контроль на уровне межвузовской корпорации. В таком случае у вас будут внешние экзаменаторы — представители другого университета, которые осуществляют аудит решений вашего экзаменационного совета и дают свои рекомендации по поводу вашей работы.

С.Э.: Вы приводили примеры многолетнего авторитарного правления в таких важнейших российских институтах как МГУ, МГИМО, РГГУ. Я попробую вас «уесть». Шанинка, в которой вы работали и которую никто не называет Московской высшей школой социальных и экономических наук, что тоже можно считать признаком «авторитаризма», долгое время управлялась ее основателем. В Википедии сообщается, что в 1993 Шанин совместно с Т.И. Заславской создал «Интерцентр», на базе которого в 1995 была учреждена МВШСН. Был ее ректором с 1995 по 2007, а с 2008 до смерти в 2020 был президентом. Как это согласуется с традициями академической «метрополии» Шанинки — Манчестерского университета?

В.Ж.: Теодор находился на посту ректора 12 лет с 1995 по 2007 год. Как я уже сказал, ректор Московской Школы никогда не обладал абсолютной властью. Все наши процедуры находились под контролем Университета Манчестера. Школа начала набор в 1995 году. До этого

существовал Междисциплинарный исследовательский центр «Интерцентр», который основали Теодор Шанин вместе с Татьяной Ивановной Заславской. Первые учебные программы появились позднее. После Шанина до 2011 года ректором был Анатолий Георгиевич Каспржак. Затем учредители избрали Сергея Эдуардовича Зуева, и он оставался ректором еще 12 лет. Правда, один год из них он провел в СИЗО. Теодор никогда не держался за власть и говорил мне, что очень удивлен русской манере превращать своего руководителя в несменяемого царя. Он ушел с поста ректора так рано, как российские реалии позволили ему это сделать. Первоначально, как он рассказывал сам, планировалось, что он будет ректором первые три года существования Школы. Однако так быстро его никто не отпустил.

В Шанинке сильными центрами власти до недавнего времени были деканы, так как они имели свой доступ к Манчестеру. Они держали свое слово на общем собрании. Эта система, к сожалению, сейчас перестала работать, и не понятно, что будет дальше. Думаю, что в Шанинке возникнет обычная схема: есть ректор, в его руках вся казна и власть. Ведь раньше, когда мы выдавали соросовские стипендии, их распределяли равномерно между факультетами. Нельзя было кому-то из факультетов их дать, а кому-то нет. В этой связи факультеты имели собственную относительно устойчивую позицию.

После ухода с ректорского поста Теодор Шанин стал президентом вуза, что произошло под влиянием возникшей в России практики. Ему

пришлось это учесть. Занимая позицию президента, он не имел всей полноты власти в университете, оставаясь одной из инстанций, к которой можно было апеллировать. И это было очень важно, поскольку его голос наряду с мнением деканов всегда уравновешивал позицию ректора. Любой ректор, как и вообще любая власть, стремится к абсолютизации, но в Шанинке на этом пути существовали препятствия. Одним из них был Теодор, вторым — деканы, третьим — Университет Манчестера. Так у нас худо-бедно работала своя система сдержек и противовесов.

С.Э.: Из того, что вы рассказали, можно сделать вывод, что не имеет смысла надеяться на нынешних профессоров, поскольку они, точнее мы, все тяжело травмированные люди. Надежда только на студентов?

В.Ж.: В свое время я хотел сделать так, чтобы в Шанинке появился свой профсоюз. Тем более, что у нас на факультете работал один из руководителей профсоюза «Университетская солидарность» Андрей Олейников, на тот момент глава его московского отделения. На соседнем факультете сотрудничал еще один из основателей профсоюза — историк Константин Морозов. К сожалению, я не успел осуществить задуманное.

С.Э.: Насколько я знаю, «Университетская солидарность» — хороший проект, но его ученые не поддержали. Он не стал массовым явлением.

В.Ж.: Нет, не стал. Мне кажется, что люди, травмированные советским

прошлым, к профсоюзам относятся как к чему-то очень кондовому. Но это неправильная позиция. Профсоюзы очень нужны. Я не настаиваю, что должен быть обязательно профсоюз «Университетской солидарности», есть и другие. Вообще-то, в современной Европе совершенно нормально, когда в рамках одного большого предприятия действует сразу несколько профсоюзов. Их могут быть десятки, главное, чтобы они оставались независимыми от администрации.

Кстати, в крупных российских корпорациях профсоюзы занимают довольно важную позицию. Например, есть такой Борис Кравченко, выпускник нашего исторического факультета в МГПИ. Его профсоюз «Конфедерация труда» тоже играл большую роль. Кстати, буквально сейчас в России происходит забастовка в Wildberries, что весьма показательно. Мы, вузовские профессора, должны учиться у этих людей. Ведь на самом деле наша позиция на рынке труда даже более уязвима, чем их.

С.Э.: Вы уже год, как уехали из России. Многие люди, в том числе и ученые, думают сейчас о т.н. «релокации». Могли бы вы дать какие-то советы на основе своего опыта?

В.Ж.: Знаете, я пока не готов никому ничего советовать. Потому что, если говорить об организации чего-то нового, то это происходит не за год, а за гораздо большее время. Сейчас идет строительство новой жизни на новом месте, но я не хотел бы говорить об этом слишком много.

Профессиональное обустройство в чужой стране с нуля — очень сложная задача. Я не могу сказать, что у меня есть нечто, что я мог бы сейчас предъявить как безусловный успех. Нет, это было бы преждевременно. Скакать со стипендии на стипендию очень сложно, особенно если вы уже немолодой человек и у вас есть проблемы со здоровьем. Когда вы молоды, то можете легко переезжать из страны в страну с одним ноутбуком. Но если вам ближе к 50, это уже сложнее. Хочется большей предсказуемости, но жизнь, как я уже сказал, постоянно оборачивается катастрофой.

С.Э.: Хотел спросить о «точках сборки российской науки». Вот есть «Свободный университет», появился проект «Ковчег». Вы где-то участвуете?

В.Ж.: Я участвую везде, где могу. Но сейчас не хотел бы об этом говорить, поскольку пока ситуация зыбкая и неопределенная. Вот, когда и если будет чем отчитаться о готовом проекте, тогда мы с вами об этом и поговорим.

С.Э.: Традиционный завершающий вопрос: расскажите о ваших творческих планах?

В.Ж.: Для начала я хотел бы более подробно изучить описанный выше феномен феодализма в постсоветском университете. Это животрепещущая тема. Российский университет прошел длинный путь с 1992 по 2022 год, и сейчас летит в пропасть вместе со всей страной. Как мы оказались в таком положении? Можно ли найти ответ на этот вопрос,

обратившись к истории российских университетов последних 30 лет? Мне кажется, стоит над этим порефлексировать. Как историку, мне интересно изучать уже завершённые процессы. Может быть, это станет одним из направлений моей работы.

С.Э.: В данном случае это не просто теоретический вопрос, а анализ проблемы с выходом на практические выводы.

В.Ж.: Да, безусловно, теория — это то, что позволяет нам хорошо описывать наблюдаемые практики. Думаю, что если мы найдем объяснение происшедшего, то это будет очень важно для будущего российских университетов и России как страны в целом.

С.Э.: Большое спасибо вам за интереснейшую беседу!

ВИКТОРИЯ МУСВИК: «У МЕНЯ СОЗДАЛОСЬ ОЩУЩЕНИЕ СООБЩЕСТВА, КОТОРОЕ, К СОЖАЛЕНИЮ, ИСКУССТВЕННЫМ ОБРАЗОМ СЕБЯ ИЗОЛИРОВАЛО, ПРИЧЕМ ВО МНОГОМ В ТОЙ ЖЕ ИМПЕРСКИ-ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ, С КОТОРОЙ БОРЕТСЯ»

Аннотация: В интервью рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью деиерархизации и тщательного осмысления того, как российский имперский опыт и политические действия влияют на структуру научного сообщества.

Ключевые слова: научное сообщество, иерархии, неравенство

Сведения об авторе: Мусвик Виктория Александровна, кандидат филологических наук, докторант Оксфордского университета. Email: victoria.musvik@pmb.ox.ac.uk

VICTORIA MUSVIK: "I SEE A COMMUNITY THAT ARTIFICIALLY ISOLATED ITSELF, MUCH IN ACCORDANCE THE SAME IMPERIAL-HIERARCHICAL MODEL THAT IT STRUGGLES WITH"

Abstract: The interview deals with specific issues inside Russian academia which are connected to Russia's imperialist experience and political actions. It calls on to reflect on hierarchies and inequality inside the community.

Keywords: academic communities, hierarchies, inequality

Corresponding author: Musvik Victoria Alexandrovna, PhD (candidat filologicheskikh nauk), a postgraduate student at Oxford University. Email: victoria.musvik@pmb.ox.ac.uk

Агрессия путинского режима против Украины вынуждает российских исследователей-гуманитариев напряженно обдумывать: когда

именно «что-то пошло не так»? «Релокация» большого числа коллег в западные университеты дает возможность взглянуть на наше

сообщество со стороны. Увы, это многое знание умножает скорбь. Раньше мы тешили себя иллюзией, что все беды порождены исключительно авторитарным правителем Путиным и, когда его сменит хороший президент Навальный, мы — либеральные профессора, избавившись от внешнего давления, сможем полностью реализовать свой демократический потенциал. Сейчас становится понятным, что вопреки нашему «европейскому» самоописанию, мы вместе с добрым, полезным, вечным активно сеем помимо воли зубы авторитарного дракона. Взгляд со стороны некомплиментарен, но может помочь проработке нашего корпоративного прошлого и настоящего, а также выработке эффективных программ будущих преобразований. Поэтому следует поблагодарить тех, кто взял на себя болезненную обязанность служить с того берега зеркалом для нас — остающихся.

Василий Жарков, глядя после 24 февраля 2022 из Литвы на родные академические пенаты, приводит заслуживающие внимания аргументы о том, что в отличие от средневекового европейского университета, ставшего к началу Нового времени одним из основных рассадников демократических идей, постсоветский российский университет уже в 90-е, вроде бы демократические годы, ока-

зался важной площадкой для внедрения авторитарных практик в общественное сознание.¹

Другая наша соотечественница — Виктория Мусвик, которая заканчивает сейчас диссертацию в Оксфорде, много пишет об авторитарных практиках, присущих сообществу российских ученых-гуманитариев. Недавно в социальных сетях появились ее «рецензии» на одну из лучших ежегодных российских конференций «Баннные чтения, 2023»². Наблюдения Мусвик привлекли внимание, потому что упор делается не на «содержание», а на «форму», привычную до такой степени, что мы воспринимаем ее как нечто само собой разумеющееся. Коллега взглянула на нашу академическую рутину со стороны, и осуществленное ею «остранение» заставляет встревожиться. Даже записной русский либерал, похоже, лелеет в себе гены пресловутой «командно-административной системы». Оговорюсь, что «Баннные чтения» — это в данном случае только яркий пример некоторой общей «архаичности» практик российского научного сообщества. Если так обстоят дела у лучших, то нам стоит призадуматься о состоянии нашей корпорации. Виктория любезно согласилась ответить на вопросы «Исторической Экспертизы».

¹ (<https://www.istorex.org/post/%D0%B2%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9-%D0%B6%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C-%D0%B2-%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D0%BC%D0%B5-%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%84%D1%8B-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E-%D1%81-%D0%B2-%D0%BF-%D0%B6%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%BC>)

² (<https://www.nlobooks.ru/events/konferentsii/xxix-mezhdunarodnaya-konferentsiya-bannnye-chteniya-neimperskaya-rossiya-obrazy-idei-prktiki/>)

С.Э.: Дорогая Виктория, одно из важных ваших замечаний состоит в том, что организаторы конференции «Банные чтения» не особо озаботились организацией обратной связи с «мэтрами», вещавшими по этой причине как бы сверху вниз. Я могу предположить, что «колбэки» были отключены намеренно. Так как звездные авторы докладов — люди, впитавшие советский эзопов волапок с молоком матери, безошибочно чувствуют, чего в условиях т.н. «спецоперации по денацификации» говорить категорически нельзя. Их даже можно было не предупреждать о необходимости соблюдать путинскую «политкорректность». Другое дело — научная «массовка». Запросто могли бы сболтнуть что-то подпадающее под статью о «дискредитации». В ситуации, когда расплодившиеся «помощники органов» бурно строчат доносы, это могло быть чревато. Но давайте абстрагируемся от нынешнего, как бы невоенного положения, ведь иерархическая вертикаль научной власти возникла задолго до «СВО». Могли бы вы рассказать об опыте западных конференций, каким образом там стараются перевести неизбежную «вертикаль» в более или менее горизонтальное положение?

В.М.: Мне неудобно, что мои импрессионистские заметки «на лету» оказались предметом внимания, хотя, наверное, они хороши как начало дискуссии. На Банных чтениях в этом году было много отличных докладчиков, а также интересная общая концепция «неимперской

России», причем ориентированная на будущее — что можно актуализировать в истории и на что опираться, строя иное, более гуманное и менее агрессивное общество. Соглашусь, что ограничения на непосредственное, «живое» участие аудитории могли быть отчасти связаны с безопасностью. Мы знаем, по каким странным поводам сейчас люди получают абсолютно несоразмерный ответ от разящего кулака государственной машины. И меньше всего мне бы хотелось, чтобы мои реплики выглядели как эмигрантские нападки на тех, кто сейчас находится в реальной опасности, и кто при этом продолжает свою работу, делая важные вещи.

И все же я думаю, что часть отсутствия обратной связи может быть связана с другими причинами, которые возникли и до 2022, и до 2014 годов. В записях на Фейсбуке, на которые вы ссылаетесь, я писала именно об этом. У меня создалось ощущение сообщества, которое, к сожалению, искусственным образом себя изолировало, причем во многом в той же имперски-иерархической модели, с которой борется. На конференции несколько моментов вместе создавали общее ощущение довольно узкого «кружка». Помимо допуска в зум я обратила внимание на то, что весь второй день, то есть смысловой центр конференции, делали доклады только мужчины — было несколько так называемых «манелей»³, над которыми сейчас принято смеяться. Кажется, среди докладчиков практически не было людей моложе 40. Не было почти никого из других стран экс-СССР. В общем, не было точки

³ Manel — группа мужчин, выступающих на мероприятии, конференции или другом форуме.

зрения субалтернов, а ведь, как кажется, именно разнообразие таких взглядов и могло бы показать новые возможности для построения «неимперского» общества.

Что касается «западного опыта». Да, у меня так совпало, что, когда я слушала доклады на Банных чтениях, я только что вернулась с конференции British Association for Slavonic & East European Studies (BASEES) в Глазго. Это итоговый ежегодный британский форум славистов и исследователей постсоциалистических обществ из самых разных государств и университетских традиций. И меня поразило отличие. Например, на BASEES было представлено множество разных сообществ и участников из всех, кажется, стран бывшего «социалистического лагеря». Из-за такого пересечения голосов и тем, сразу становилось видно, например, что какие-то проблемы, которые до этого казались «чисто российскими», есть и в других обществах. И сходство, и отличия тут становились важными, и из-за таких перекрещиваний взглядов очень сильно корректировалась оптика. Исчезало ощущение сосредоточенности только на себе.

Конечно, мне бы хотелось избежать поучающего тона. Тем более, что у части организаторов Банных чтений опыт работы вне России также есть. Чуть позже я еще скажу о необходимости ухода только от подражания западным моделям. В западных обществах (которые, конечно, довольно разные) есть масса своих проблем. Например, человеку из бывшего СССР могут показаться дикими некоторые классовые моменты и иерархии. Мы как-то не задумы-

ваемся, что у Февральской и Октябрьской революций 1917 года все же были завоевания в этой области, мы к ним настолько привыкли, что они кажутся естественными. Можно сказать и о проблемах доступа иного плана — многие конференции крупных ассоциаций платные, и если за вас не платит университет, оплата часто может быть довольно накладной (100–200 евро). Также у многих западных стран есть свое собственное колониальное прошлое. И упреки в том, что, когда говорят о деколонизации одних обществ, не обращают внимания на самих себя, бывают справедливыми.

Но все же основное отличие — я бы сказала, что за последние десятилетия во многих обществах была проведена работа рефлексии над тем, как именно исследования в области теории, социологии, истории, скажем, о неравенстве, дискриминации или тех же «неимперских» моделях перевести в сам дизайн мероприятий. То есть люди на этапе организации всерьез думают о таких вещах. Не только о том, как составить интересную программу. Неважно, это событие, которое открыто всем для участия, или же только по приглашению организаторов. И это не то, как иногда это пытаются представить у нас — якобы какие-то квоты для женщин, кто-то высчитывает проценты участников и так далее. Скорее, на этапах планирования начинают задаваться важные вопросы. А каков мой статус? Каковы мои привилегии? Может ли быть так, что у меня есть предвзятое отношение к некоторым группам? Если я приглашаю в основном мужчин, а на этом профессиональном поле много жен-

щин, то почему это так? И всё равно иногда получают странные мероприятия, на которых об опыте колонизируемых рассказывают только «белые благополучные профессора». Но я бы сказала, что это привлекает больше критики, чем в России — причем не столько уничтожающей, сколько направленной на осознание и позитивные перемены.

С. Э.: Второе ваше замечание — гендерный переко́с. Действительно, среди авторов докладов 24 — мужчины и только 5 — женщины. Кроме того вы отмечаете, что колониальный дискурс также повлиял на подбор участников: 17 из западных университетов, т. е. интеллектуальной метрополии русских либералов (6 из Европы и 11 из США), 11 из российских столиц (7 — из Санкт-Петербурга и 4 из Москвы). Бывшее постсоветское пространство, т. е. те самые, по мнению многих участников «Баннх чтений», постколониальные страны, представлены одним Олегом Андершановичем Лекмановым (Национальный университет им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан), назвать которого представителем Узбекистана было бы большой натяжкой. Такой «имперский» подбор участников конференции «Неимперская Россия», действительно, вызывает удивление. Могли бы вы рассказать, как на западных научных конференциях преодолевается традиционное засилье «пожилых белых мужчин» и как при этом удается поддерживать высокий научный уровень докладов?

В. М.: Мне показалось, что в вашем вопросе есть некоторая презумпция,

что все равно белые мужчины делают науку, а если их станет меньше, то не получится поддержать высокий научный уровень. Но во многих областях это давно не так. Например, есть Мадина Тлостанова — она большая величина в плане обсуждения «неимперских моделей». Хотя я понимаю, что слово «деколонизация» сейчас в России тоже может быть опасным — уже даже и не знаешь, что может показаться предосудительным когорте политиков, занявшей базовые посты в РФ. Но как минимум то, что она есть, заставляет задуматься, точно ли именно мужчины «делают науку». Конечно, есть области, где по каким-то причинам больше мужчин. Например, как кажется, у историков средневековой России. Тут, кстати, интересно было бы понять, а почему это поле устроено так? И что там у философов, где есть столько женщин-доцентов, которые часто тянут на себе основной груз преподавания, и есть красующиеся — простите, другого слова не могу подобрать — за их счет мужчины, всю рассуждающие, что «философия — неженское дело». Но если взять концепции, действительно ли это так? Или женщин вытесняют искусственными барьерами? Одной моей коллеге-философу в МГУ и ВШЭ прямо говорили «не умствовать», и что ее попытки строить философские теории — это «отсебятина».

Приведу пример из своего собственного опыта — и он, кстати, не западный. Как-то я была председательницей жюри на одном российском «нестоличном» фестивале фотографии. Мне надо было собрать жюри из 16 экспертов в 4 категориях. У меня был полный карт-бланш от организато-

ров, я могла позвать тех, кого я считала главными экспертами на поле. И вот я сделала первый список, посмотрела на него и изумилась. Почему-то там были только мужчины постарше, причем такие, знаете, с окладистой бородой — просто полное ощущение иконостаса из дореволюционного учебника или портретов на стенах советской школы. Патриархи патриархата. Я положила список перед собой и начала задавать вопросы. Например, действительно ли на вот этих 4 полях основные эксперты — это мужчины? Нет, это не так. Поколенческий вопрос? Но в области современного искусства, например, важно было иметь и мнения тех, кто в курсе динамично развивающихся областей, тем и технологий, а это обычно все-таки люди более новых поколений. В общем, я переделала список. Хорошо, что я это вовремя заметила! Думаю, мне помогло то, что мы с коллегами к тому времени уже активно обсуждали подобную тематику и даже то, что у меня есть опыт преодоления харассмента в своей жизни. А почему у меня получился такой странный первый список? Да потому, что фотография раньше была очень мужским занятием. Женщин были единицы. Сначала это было связано с громоздкостью техники, а потом — с инерцией. Я сама еще помню фестивали, где на 50 приехавших мужчин было 5 женщин. В общем, это были мои собственные дремучие рефлексии из прошлого.

И уж конечно, о «неимперскости» могут рассуждать вовсе не только россияне, нынешние или переехавшие в западные вузы! Я знаю несколько кластеров исследователей этой проблематики из стран, ко-

гда-то входивших в СССР в виде его республик. Кстати, если реально посмотреть на эти «школы» в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, некоторых других странах, то может стать стыдно. Потому что сделано там часто для осознания «имперскости» намного больше, но у многих в России все еще ощущение, что основная наука происходит только среди россиян. Скажем, в моей области исследовательницы из Беларуси и Литвы Анна Самарская и Антонина Стебур издали «Историю фотографии Беларуси» на совершенно новых теоретических основаниях. Они же пишут статьи про «двойное колониальное влияние» — и из советской Москвы, и с Запада в перестройку. Смотрят, как появилась концепция «Минской школы фотографии», пытаются показать, как вытеснялись из истории локальные фотогруппы. К сожалению, я не увидела учета их мнения в недавней статье Сергея Ушакина на тему Минской школы и постколониальной проблематики, хотя я его очень уважаю как исследователя. Мне не вполне понравился этот месседж — как будто российский ученый все начинает с нуля... Есть исследователи из Казахстана, например, политический социолог с интересом к постколониальной проблематике Диана Кудайбергенова (сейчас она в Кембридже, насколько я помню), Жанат Кундакбаева из университета имени аль-Фараби в Алматы, исследующая положение женщин и трансформацию традиционной культуры кочевых народов под влиянием советизации, Нариман Скаков, который сейчас работает в Гарварде, с его исследованиями преломлений авангарда и раннесоветской борьбы с империа-

лизмом в некоторых азиатских республиках СССР в 1920–30-е. Есть вышедший в Бишкеке том «Понятия о советском в Центральной Азии» группы Штаб, объединивший исследователей нескольких стран.

Я привела первые пришедшие в голову имена людей, чьи доклады я слушала недавно, читаю их книги, чьи работы оказываются важными в моей собственной деятельности, но конечно, можно было бы найти гораздо больше исследователей «неимперских моделей» извне российского контекста. Кстати, о некоторых из них я, конечно, узнала в Оксфорде. Это к вопросу о том, что можно взять у западной науки и структуры знания. Мне стыдно, но до Оксфорда я бы, наверное, что-то просто пролистнула, а тут возник живой интерес к культурам тех стран, которые раньше входили в СССР, но которые просто ушли за рамки внимания в России в последние десятилетия. А в Оксфорде так устроена среда, что ты можешь по интересной тебе проблематике ходить на семинары самых разных групп. Какие-то постоянные пересечения взглядов. На их рассылки можно подписаться и плюс к этому есть единый сайт «Oxford Talks». Мир открывается все больше — и уже сама начинаешь искать, а что вообще можно послушать и узнать и в других местах, не только в нашем университете. Кстати, именно желание преодолеть изоляцию и ригидность иерархий и было для меня одной из движущих сил, когда я решила написать еще одну диссертацию вне России в 2019 году.

Конечно, я хожу сейчас на серии семинаров исследователей из Украи-

ны и открыла для себя много имен, скажем, Олену Палко и ее работы об Украине 1920-х–1930-х, о двух конкурировавших моделях советской культуры. Кстати, очень много интересных украинских исследовательниц — именно женщин! Я пытаюсь понять не только, как российское вторжение влияет на Украину — хотя у меня просто сердце кровью обливалось недавно во время доклада Натальи Мамоновой о горящих полях и судьбах небольших украинских фермерских хозяйств. Но кстати, в нем было и много надежды, так как именно фермеры, крестьяне, сейчас выстаивают, дают приют горожанам, кормят людей, создают сети солидарности. Но я пытаюсь понять, чем именно наши культуры отличаются. И мне так странно, что кто-то может всерьез считать, что мы — словно какие-то близнецы, и на этом строить экспансионистскую политику. Совершенно разные общества. Кстати, никакого «кэнселлинга» как человек с российским гражданством я не чувствую, я бы даже сказала, наоборот, украинские коллеги иногда мягче ко мне относятся, чем ожидаешь, с учетом происходящего... Еще из интересных трендов — сотрудничество с креативными сферами вне университета, здесь есть об этом целые серии семинаров. Из последнего, что я слышала, очень интересной была лекция украино-британской кураторки Мирославы Хартмонд. А еще я ходила тут к политологам, и меня поразил курс о перестройке, который соединил вместе все страны, входившие в СССР. Конечно, это задает совсем другую перспективу. Конференция по 1990-м в России, скорее всего, была бы сосредоточена только на России.

Вообще же, мне хотелось бы выйти за рамки только российского, или только западного опыта — и их противопоставления. Мы бываем похожи в этом вытеснении опыта своих бывших колоний или просто чужого, иного, другого. Профессор университета Хьюстона Алексей Голубев недавно писал по поводу одного из мероприятий в Гарварде, что на нем много говорили о деколонизации славистики, но не было ученых из Индии, ЮАР, Алжира. То же самое я вижу не только в науке — скажем, фотографические школы Латинской Америки, Ближнего Востока, Индии развиваются очень интересно, и многое было бы релевантно для нас. Более релевантно, чем западный опыт.

С.Э.: Какие еще «родимые пятна» российской гуманитарной корпорации вы считаете необходимым отметить?

В.М.: Например, то, что я только что говорила о жестких иерархиях и изоляции, которые существуют уже много лет даже у очень «передовых» людей и организаций. Это очень удручает. Мы все время воспроизводили в России какие-то иерархии в рамках очень замкнутой и уже местами очень архаичной системы. Я помню, когда ясно это поняла — на конференции Международной ассоциации гуманитариев (МАГ), которую делали вместе ученые из Беларуси и Украины. Там было 4 рабочих языка, и я обратила внимание, насколько более горизонтально устроенным было само пространство, насколько более на равных все общались. Я представила себе такую конференцию в Москве, например, — и даже если бы туда были бы приглашены

исследователи из стран бывшего советского пространства, россияне совершенно точно незримо выстроили бы иерархию, в которой они были бы «старшие братья».

Другое «родимое пятно», очень важное, как мне кажется — это полное вытеснение левой мысли, практически во всех ее проявлениях, включая тот же «демократический социализм», который успешно стал частью демократии, например, в Италии, во Франции. Есть опыт и индийской левой мысли. О таком вытеснении «новых левых» сейчас активно пишут Элла Россман в соавторстве с Яном Сурманом и Илья Будрайтскис. На Банных чтениях, кстати, я обратила внимание, что среди «неимперских моделей» было мало осмысления советского опыта, особенно раннего. А ведь они боролись с «империализмом». По крайней мере, так провозглашалось. Возможно, результат этой борьбы исследователей не устраивает. Но это надо обсуждать. А то про дореволюционную Россию было как будто интереснее. Это напоминает мне ностальгический тезис, такой ресентимент 1990-х по поводу имперской «России, которую мы потеряли». И мы видим сейчас, к чему он в итоге привел.

О том, что на волне полного отрицания советского после 1985, тогда вполне понятного, вместе с водой выплеснули ребенка, пишут многие исследователи. Есть анализ разделения «демократов» конца 1980-х — начала 1990-х на группы Кароль Сигман, Владимира Гельмана. Аркадий Островский об этом пишет интересно, отчасти Марк Липовецкий. И есть, конечно, знаменитый уже текст Ека-

терины Деготь из выступления аж 2000 года в дискуссии журнала «Искусство кино» (она называлась «Интеллигенция — за социализм?»). Там она говорила о том, что левая идея — это не просто что-то советское или «социализм с человеческим лицом». Это особый тип критики. А в России его не происходит, и все скатывается в правые идеи без ограничений. По ее мнению, в 2000 не происходило рецепции 4 идей, которые помогли бы осознать важные вещи в российском контексте — мультикультурализма, постколониализма, феминизма и социализма. Знаете, вот во Франции когда-то была своя кровавая революция. И французы до сих пор в газетах ведут эту дискуссию — что надо оставить в прошлом (террор), а что — взять в настоящее (идеи о свободе, равенстве и братстве). Ведут систематически, глубоко. У нас нет такой же дискуссии ни о 1905, ни о 1917 годах.

Еще одна важная проблема — поколенческая. Разрыв между поколениями сейчас сильный, как мне кажется. Я вижу, например, как старшее поколение в России на моем поле, в изучении перестройки, активно занимается гейт-киперством⁴, как будто только человек с непосредственным опытом эпохи может о ней писать. И при этом в Санкт-Петербурге есть студенческая конференция о перестройке, регулярная уже, проходит два последних года. Но коллег я там в слушателях что-то особо не видела. И на это накладывается неприятие старшими поколениями популярности левых взглядов у молодежи, отчаянного желания новых поколений

защитить свои права. Например, когда речь идет о харассменте. Иногда я вижу тут полнейшее непонимание. Кстати, то, что в 40 с чем-то лет я стала «снова аспиранткой», оказывается тут удивительно плодотворным — намного лучше начинаешь понимать новые поколения студентов, 20, 30-летних людей. Я много сейчас с ними общаюсь.

Еще пример с последних Банных чтений на тему выпадения альтернативных голосов, особенно среднего и нового поколений исследователей. Уж простите, что столько критики, но просто это была очень интересная конференция. В общем, дискуссия после захватывающего доклада Ильи Калинина о российских моделях описания истории, доминирующих в оппозиционных СМИ и прочих массовых пространствах (история России Бориса Акунина, некоторые передачи Леонида Парфенова, школа «Возрождение»). А есть ли альтернативные имперскому нарративы? Это был вопрос из чата — кому-то удалось-таки прорваться — и сразу началось общее оживление! Калинин говорит: да, конечно, перечисляя группы — круг авторов журнала *Ab Imperio*; исследователи регионов и «периферии»; исследователи субкультур и социальных групп. Две последние категории — это же мы и есть! Это мириада разных сетей, неформальных и отчасти формализованных, рассеянных по миру групп, состоящих из уже известных ученых с активной публикационной деятельностью, аспирантов и докторантов, кураторов выставок, публичных интеллектуалов, критиков,

⁴ Gatekeeping — деятельность по контролю и обычно ограничению общего доступа к чему-либо.

журналистов. Огромный круг людей, которые уже активно делают эту работу «в поле», о необходимости которой заслуженные авторы только заговорили. И многим из них, как и мне, полагаю, могло показаться, что организаторы пытались прорваться в уже открытую дверь, романтизируя и мистифицируя как загадочные «роковые российские вопросы». На которые, замечу, уже активно даются ответы. И эти голоса надо включать в зацементировавшиеся российские организации, возникшие в 1990-х — начале 2000-х.

Вообще же, многие проблемы «гуманитарной корпорации», как мне кажется, сейчас общие с проблемами и разных других художественных, музейных и креативных сфер. Скажем, я читаю некоторые подзапочные записи в том же Фейсбуке у одного искусствоведа, там представлено российское музейное сообщество. И я поражаюсь ведущимся там диалогам! Эта автор несколько раз пыталась дать ссылки на статьи по поводу всяких бурно идущих сейчас процессах переопределения некоторых художников как украинских. Можно с этим не соглашаться, спорить с ними — но вы хотя бы попытайтесь представить их опыт сейчас, роль в этом своей страны, а также на каком фоне все это происходит именно в музейном мире (один вывоз из Украины музейных коллекций чего стоит!). Нет, не хотят — сразу же в штыки, они «невежественные», «идеологизированные», только мы, россияне, знаем, как правильно, и руки прочь даже от малейших попыток пересмотреть что-то в концепте «великой культуры»... Сейчас очень заметно, что на

месте украинца как равного партнера по дискуссии в культуре — зияние. Но оно часто и на месте других народов, и внутри, и вне России. Если это не Запад, конечно. Хотя сейчас уже и западная мысль не всех устраивает — как сказал мне один фотограф, с которым мы раньше много вместе обсуждали вытеснение локальных фотогрупп и ограниченность знаний только Москвой, «интерес из Британии в нынешней ситуации к нашей фотографии мне кажется странным». Такое милое усвоение властного курса противостояния.

Вот это, как мне кажется, должно постоянно рефлексироваться, потому что слиться с позицией властей в условиях жесткой пропаганды очень просто. Об этом, кстати, хорошо писали немецкие авторы после II мировой, особенно психоаналитики, занявшиеся анализом коллективных процессов в обществе — супруги Мичерлихи, Вернер Болебер. О том, как, даже при всем желании добиться позитивных перемен и избавиться от наследия нацизма, люди продолжали воспроизводить в самих структурах своих сообществ и семей все те же жесткие, ригидные иерархии, просто как будто убрав с поверхности лозунги национал-социализма, но не изменив сами его аффективные и политические структуры. И как с этим боролись некоторые исследователи. На то мы, в общем, и интеллектуалы, чтобы отстраняться от пропаганды и втягивающих, вбирающих в себя аффектов и глубоко перерабатывать этот опыт.

С.Э.: Вы как-то писали, что ряд российских ученых безапелляционно заявляют о превосходстве отечественной научной школы перед

западными гуманитариями. Что из достижений нашей академии могли бы, на ваш взгляд, использовать наши западные коллеги, а что из западного научного опыта стоило бы перенять российским ученым?

В. М.: Мне кажется, наша наука умеет ставить очень глубокие, экзистенциальные, философские вопросы, которые выходят за рамки разного рода «мод». Не секрет, что эти «моды» захватывают западную науку, временами и пробиться сквозь них может быть тяжело. Кроме того, у нас есть многолетний опыт неформальных групп, кружков, семинаров, которые делают что-то вне бюрократических ограничений. Сейчас он часто забыт, за пределами истории столичных диссидентов, надо его вернуть в исторический нарратив. Другая вещь — как ни странно, это некоторое особое равноправие на части кафедр. Например, я с удивлением сейчас вспоминаю, как на филологическом факультете МГУ во время моей первой аспирантуры подчеркнуто уважительное и горизонтальное отношение старших коллег кафедры Истории зарубежной литературы было огромным ресурсом поддержки. В британской традиции, как мне кажется, аспиранты иногда несколько больше инфантилизируются и ранжируются, и это не проблема конкретных отношений, скорее, традиция.

Что касается западной (конкретно британской, скорее) науки, я довольно много уже о ней сказала. Но главное, наверное, что меня бесконечно изумляет на фоне постсоветского опыта — это уровень ее самоуправляемости. Это начинается тут буквально со студенческого времени,

когда люди самостоятельно создают комитеты, которые в рамках студенческого самоуправления решают очень многие вопросы. И это продолжается потом. Но это, конечно, часть развитой демократии как системы репрезентации разных групп. Наверное, вот это было бы основным полезным опытом — хорошо бы понять, как работает эта система на самых разных уровнях.

С. Э.: **Вы много пишете в соцсетях о проблемах российской науки. Может это вылиться в серию статей или даже в книгу?**

В. М.: Знаете, я не уверена, что я для этого достаточно компетентна, или что я пишу именно о проблемах российской науки. Мне кажется, я все же описываю более широкий опыт российского общества, в котором я жила почти все последние годы — ведь даже после 2004, когда моя жизнь оказалась отчасти связанной с ЕГУ (Минск-Вильнюс), и после 2019, когда я поступила в Оксфорд, я как минимум половину времени проводила в России, в том числе не только в столице, но и в архивах не в Москве и Петербурге. Но я колебалась, давать интервью или отказаться, потому что кажусь себе самой какой-то выскочкой — на фоне тех, кто серьезно разрабатывает эту тему.

В этом интервью я все-таки представила какие-то свои заметки, даже импрессионистические наблюдения, причем не только над наукой. Наблюдения во многом и неофита, и идеалистки. Наверняка так покажется коллегам, которые в этом «варятся» годами. Ведь после защиты кандидатской диссертации в 2000

и попыток несколько лет найти себя в науке как корпорации в России, столкнувшись с некоторыми стеклянными потолками и, что там говорить, мизерными окладами (2020 рублей, насколько я помню, был оклад в МГУ тогда, но декан и ректор могли с барского плеча накинуть еще столько же или чуть больше), я ушла — в художественную критику, журналистику, кураторство и в преподавание вне России или в музейной среде, вне университетов. Хотя я и продолжала иногда что-то делать в российской науке — например, в 2013 году мы, благодаря Татьяне Левиной, сделали в ВШЭ межинститутскую и междисциплинарную конференцию «Гуманитарные науки: советская травма в постсоветскую эпоху» и потом опубликовали блок статей в журнале «Логос», предпослав ей наше предисловие «Наука травмы, травма науки». А еще раньше в журнале «Власть» я как журналистка писала статьи о работе науки как корпорации. Но я почти никак не вкладывалась в создание научной репутации, или в свой Хирш.

В общем, мой опыт российской науки довольно sporadicкий. Я уходила и возвращалась — и возможно, снова уйду больше в публицистику. Поэтому я не уверена, что могу что-то веское тут сказать как ученая, я слишком мало знаю сам контекст.

К тому же у меня есть мои темы, которыми я занимаюсь, их довольно много — и там просто непочатый край работы, потому что архивами в моей области (фотоклубы 1970-х и перестройки) особо никто не интересуется. Именно поэтому я и решила вернуться в университет и написать еще одну диссертацию. Но тут надо делать и научную монографию, и публиковать более массово доступные статьи и книги, интересные фотографам. Возможно, я напишу что-то более общее как публицистка. Я много думаю о такой книге сейчас — о том неясном ощущении предчувствия и угрозы, с которым я жила в последние годы, и из чего оно складывалось. Возможно, это будет полезнее, потому что не будет замкнуто только на аудитории внутри научной башни из слоновой кости. Я это чувствую и в Оксфорде — временами такая очарованная жизнь в этом старинном вузе очень приятна. Но все же я не могу перестать быть критиком и куратором, мне интересны не только фундированные исследования, хотя они и очень важны, но и непосредственный, актуальный опыт и его более быстрое и эмоциональное описание, чем это позволяет сделать наука. Мне нравится, что я могу соединять университет с областями вне него.

С. Э.: Спасибо за интервью!

М. Г. Павловец

СПАСТИ РЯДОВОГО Р...ЕКТОРА ОТ ПОЖИЗНЕННОГО.

Отклик на интервью Василия Жаркова

Аннотация: В своем отклике на интервью Василия Жаркова автор отмечает, что одним из последствий несменяемости руководителей научных подразделений является остановка социальных лифтов и уменьшение доли молодых исследователей, которые предпочитают ненаучные направления профессиональной карьеры. Долгое пребывание на административных должностях имеет другое негативное последствие: утрату руководителями своего научного потенциала. Автор предлагает вернуть республиканские традиции университета и установить короткие сроки пребывания на административных должностях.

Ключевые слова: Университет, остановка социальных лифтов, уход молодых исследователей из профессии, потеря квалификации научными администраторами, научная республика

Сведения об авторе: Павловец Михаил Георгиевич, доктор филологических наук, доцент Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва), Email: mpavlovets@hse.ru

M. G. Pavlovets

SAVING PRIVATE R...ECTOR FROM A LIFE SENTENCE. RESPONSE TO VASILY ZHARKOV'S INTERVIEW

Abstract: In his response to Vasily Zharkov's interview, the author notes that the irremovability of heads of scientific departments is resulted in the blocking of social mobility and decreasing of the share of young researchers who prefer non-academic careers. A long stay in administrative positions has another negative consequence, the loss of scientific potential of bosses of Academia. The author proposes to bring back the republican traditions of University and to establish short terms of tenure in administrative positions.

Keywords: University, blocking social elevators, young researchers leaving the profession, loss of qualification of scientific administrators, academic republic.

Corresponding author: Pavlovets Mikhail Georgievich, doctor of science, Associate Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow). Email: mpavlovets@hse.ru

В сетевом журнале «Историческая экспертиза» прочел интервью историка Василия Жаркова, в прошлом — декана политологического факультета Шанинки, а ныне — преподавателя Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе. Среди прочего, в интервью В. Жарков развивает свои наблюдения (с ними можно познакомиться также тут: <https://youtu.be/v35IdkSMgVs>), над положением в постсоветском высшем образовании, которое он определяет как «образовательный феодализм». Несколько упрощая, можно сказать, что источник многих бед академического сообщества коллега видит в установившемся еще в 1990-е годы всевластии Ректора как особой руководящей единицы в университетской иерархии. В случае, если, вопреки традициям Академии, такой Ректор долгое время не переизбирается, он посвящает свое затянувшееся правление сознательному или рефлекторному разрушению самих основ академической демократии и, замыкая всю полноту власти на себе, подминает Академический совет и другие коллегиальные органы управления, выборные должности тем или иным способом превращая в назначаемые (например, годами деканы или завкафедры носят приставку и.о. либо же факультеты становятся «институтами», а кафедры — «школами», в Уставе же руководители этого типа подразделений определяются как назначаемые). Независимые профсоюзы в университете под началом такого Ректора преследуются и подменяют-

ся лояльными псевдопрофсоюзами, негодные сотрудники маргинализируются или устраняются. Долгий срок пребывания руководителя на своей должности — почти всегда маркер большого неблагополучия в подведомственном ему учебном заведении. Так, можно вспомнить, как ректор нашей с В. Жарковым *alma mater* 26 лет сидел в своем кресле — так что освобождать его кресло для нового ректора (увы, присланного и назначенного «сверху» — министром образования) пришлось при помощи ОМОНа.

От себя добавлю: с размышлениями коллеги интересно стыкуется недавнее заявление 84-летнего ректора МГУ Садовниченко (который, заметим, 31 год руководит своим вузом), что за 10 лет число молодых ученых (до 30 лет) в РФ сократилось на 25%, а число молодых кандидатов наук — в 2,5 раза. Неудивительно: академическая среда стала довольно токсичной, и эта токсичность на моей памяти только увеличивается, как, впрочем, и в средней школе, почти невыносимые подчас условия труда начинающего ученого или преподавателя (соотношение объема выполняемой нагрузки к сумме оплаты) умножаются на довольно архаичные нравы закрытой корпоративной среды со всеми ее родовыми язвами: nepotism, бесконечными интригами, харрасментом и пр. Молодой же сотрудник сегодня — как канарейка в угольной шахте, и не готов жить и работать в условиях, которые привычны для ветеранов корпоративных битв.

Кроме того, не так давно говорил с одним заметным в прошлом ученым, уже много лет занимающим довольно обременительную административную должность, которая в итоге не только подорвала его здоровье, но и привела к тому, что у него за последние 5 лет не вышло, кажется, ни одной статьи! С такими показателями он должен бы был быть уволен согласно «эффективному контракту», но контракт продлевают именно потому, что мой коллега занимает не самую желанную административную должность. По этой же причине он боится оставить должность и махнул рукой на свои былые научные интересы.

Так что, размышляя о том, что заставляет ректоров держаться за свои кресла (кроме причин очевидных — и «человеческих, слишком человеческих») я считаю существенным, что административная работа роковым образом препятствует полноценной научной деятельности, вынуждая чиновников жертвовать ею ради сохранения руководящей должности. Для многих из них вернуться на исследовательскую или преподавательскую позицию — это оказаться в проигрышном положении по отношению к тем, кто все это время продолжал заниматься наукой. Знаю это по себе, так как в разные годы побывал в должностях замдекана, проректора (к счастью, крошечного вуза), завкафедрой, замначальника департамента, но за докторскую диссертацию всерьез смог сесть, только сбросив с себя все эти обременения. При этом мне было крайне тяжело догонять ушедший поезд (и еще не факт, что я его в итоге догнал). Конечно, есть и другие случаи: я наблюдал за рабо-

той выдающегося ученого на высокой административной должности, который очевидным образом страдал от нее: и администратор из него был так себе, отношение сотрудников к нему было больше опекающее — все понимали, что административные докуки отвлекают их начальника от того, что у него действительно получается, от науки. Известны мне примеры и довольно высокопоставленных управленцев, умудряющихся сохранять научную плодовитость (но вот в продуктивности их работы уже можно усомниться).

Очевидно, что простая дебюрократизация административной (научной, преподавательской) деятельности не принесет плодов, если университетскому администратору не вернуть его научной субъектности со всеми ее правами, но и обязанностями. Однако если к администраторам предъявлять такие же требования, что и к прочим сотрудникам Академии, это вряд ли принесет успехи в нынешних обстоятельствах: у руководителя всегда больше возможностей обходить самые жесткие запреты и формы контроля. Если, конечно, такой администратор не будет знать, что рано или поздно он неизбежно вернется в ряды не обремененных руководящими функциями коллег просто в силу строго обязательной управленческой ротации.

Так, мне по душе иная система: на не чуждой мне славистической кафедре одного небольшого германского университета — два заведующих: лингвист и литературовед. Они сменяют друг друга с периодичностью в полгода: пока один перебирает бумажки и занимается учебным процессом.

другой пишет статьи, выступает на конференциях и даже организует их. Конечно, сама академическая бюрократия должна быть устроена таким образом, чтобы легко можно было включаться в ее процессы и отключаться от них, и у этой системы наверняка есть свои недостатки... Но судя по публикациям обоих заведующих, описанная мною система все-таки позволяет ее агентам не оставлять науку и не держаться зубами за подлокотник своего руководящего кресла.

Так что, с каким тезисом коллеги В. Жаркова не могу не согласиться — это решение накопившихся проблем в регулярной ротации руководителей с постепенным восстановлением «республиканских» основ Ака-

демии: диверсификацией «центров власти» в Университете, усилением роли Академического совета и профсоюзов и пр. Впрочем, сам по себе такой Университет невозможен без ясно артикулированного запроса со стороны общества и государства на его существование и на продукт его деятельности. Пока есть ощущение, что главным продуктом ее считается лояльность. Без смены этого запроса, боюсь, любые перемены в академической среде будут, как и прежде, имитативны, и количество научных достижений, число молодых ученых в штате и выпускников, востребованных в соответствии с полученной ими специальностью, будет неуклонно снижаться под общий стон о гибели отечественной науки и образования.

В. А. Шнирельман

АМЕРИКАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОТНОШЕНИЕ К МЕНЬШИНСТВАМ.

Отклик на интервью Василия Жаркова и Виктории Мусвик

Аннотация: В своих заметках Виктор Шнирельман продолжает темы, недавно затронутые публикацией интервью с Василием Жарковым и Викторией Мусвик. Он рассказывает, как в американских университетах решается проблема ротации руководящих кадров, как в сфере высшего образования преодолевается наследие расовой сегрегации и гендерного неравенства. Автор отмечает важную роль коллективной памяти в этих процессах и рассказывает об организации музеев, посвященных коренным американцам и афроамериканцам.

Ключевые слова: американские университеты, ротация руководящих кадров, расовая сегрегация, гендерное неравенство, коллективная память меньшинств.

Сведения об авторе: Шнирельман Виктор Александрович, археолог, этнолог и антрополог, автор ряда изданий этно-политологической тематики. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Email: shnirv@mail.ru

V. A. Schnirelman

HIGHER EDUCATION IN THE UNITED STATES AND ATTITUDES TOWARDS MINORITIES

Abstract: In his notes Victor Schnirelman discusses the subjects recently raised in interviews with Vasily Zharkov and Victoria Musvik. He describes how American universities are dealing with the problem of University leadership turnover and how the legacy of racial segregation and gender inequality is being overcome in American universities. The author notes the important role of collective memory in these processes and describes museums dedicated to Native Americans and African Americans.

Keywords: American universities, leadership turnover, racial segregation, gender inequality, collective memory of minorities.

Corresponding author: Victor Shnirelman, archaeologist, ethnologist and anthropologist, author books regarding ethno-politological problems. PhD (doctor istoricheskikh nauk), Chief Scientific Associate of the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Email: shnirv@mail.ru

Виктория Мусвик проводит интересное сравнение между британской и российской наукой. Здесь, действительно, есть что обсудить. Расскажу о том, что меня больше всего поразило в американских университетах, с которыми я начал знакомство еще в 1990–1991 гг. Речь здесь пойдет не о сходствах, а о том, чего у нас встретить невозможно. Кроме того, я лучше всего знаком с тем, что касается культурной антропологии и археологии.

Известно, что ряд ведущих университетов и университеты штатов различаются как по уровню преподавания и престижу, так и по особенностям финансирования. Первые — частные: они живут на деньги богатых фондов, а также сами зарабатывают. А университеты штатов получают финансы от местной власти. Но и местные бизнесмены могут помогать. Помощь эта высоко ценится и сохраняет по себе память в виде названий зданий, статуй благотворителей, посвященных им памятных досок и пр. Поэтому богатые люди считают это высокой честью и стремятся заниматься такой филантропией, заботясь о том, чтобы оставить память о себе.

В университетах приняты авторские курсы, т. е. каждый профессор читает курс по той проблематике, которой сам занимается, или по родственным проблемам. Перед началом нового курса надо устраивать его презентацию для студентов. Они приходят,

чтобы оценить, насколько это им нужно и интересно. Затем те, кому это понравилось, записываются на курс. Им полагается рекомендовать литературу по курсу, причем ту, которая будет реально использоваться и обсуждаться. И они обязаны купить эти книги. По ним и следует давать задания.

При этом надо раз в два года менять свой курс, а для этого требуется постоянно знакомиться с новейшей литературой и следить за движением научной мысли. По той же причине в каждом университете выпускаются свои собственные учебники. Все это создает определенное разнообразие, и у студентов всегда есть выбор, где и у кого учиться. Поэтому студент может прослушать какой-то курс в одном университете у понравившегося ему преподавателя, а затем — другой курс в другом у другого преподавателя. Здесь имеет значение и специализация, и автор курса. Для окончания обучения требуется набрать определенное число разных курсов. В результате выпускники обладают уникальным набором знаний и навыков, что позволяет им прокладывать свой собственный путь в науке.

Примечательно, что на защитах диссертаций (PhD) оппонентами выступают аспиранты. Они-то и ведут профессиональные (хотя порой и весьма жесткие) споры с диссертантом. Тем самым у них развиваются навыки публичной полемики. А профессора

внимательно все это слушают, а затем удаляются и тайно выносят решение.

Университет заботится о выработке у студентов умения подавать заявки на гранты. Для этого в штате всегда есть должность менеджера, который и помогает им в этом. А на больших научных конференциях всегда организуется отсек, где в перерывах между заседаниями ведущие ученые принимают желающих, обсуждают с ними проблемы и дают советы, скажем, какой темой и как заняться, в какой университет поступить, к какому именно специалисту, где и как искать работу и пр.

Что касается гендера, то в США имеются специальные женские колледжи, где учатся только девушки. Несколько таких колледжей расположены под Бостоном. Но учебные программы там мало чем отличаются от стандартных университетских программ. И среди преподавателей встречаются как женщины, так и мужчины.

Выпускник университета не может получить там работу. Поэтому он неизбежно ищет ее в каком-то другом университете. Кроме того, в университетах не допускается семейственность: муж и жена не могут работать в одном университете. Все это, с одной стороны, создает большое разнообразие специалистов, а с другой, несколько смягчает разрыв между центрами и периферией. К этому добавляется еще один фактор. Если кто-то выпускает заслуживающую внимание книгу, то его приглашают в разные университеты, где устраивают дискуссии. И это тоже помогает

следить за новинками и продвигает науку вперед. Вспоминаю, что, когда я работал в Гарварде, там каждый день происходило по несколько различных дискуссий по самым актуальным темам. И всегда был трудный выбор: либо заниматься своими исследованиями, либо участвовать в таких дискуссиях. Вот почему американская наука отличается высокой динамикой. Этому способствуют разнообразие, установка на самостоятельный выбор и индивидуальное творчество в условиях высокой конкуренции, постоянные открытые дискуссии, стимулирование бесконечных инноваций, перетекание специалистов из одних мест в другие.

Руководство департаментом подлечит ротации: каждый из сотрудников раз в два-три года может стать его руководителем. Поэтому, кроме преподавания и научной работы, у каждого есть некоторые административные обязанности и административный опыт. Все это, разумеется, отвлекает от научной деятельности. Фактически ею можно заниматься только, получив годовой отпуск (саббатикл), что бывает раз в несколько лет.

Фактически самым плодотворным бывает аспирантское время, когда молодой специалист имеет возможность поехать на год в тот регион мира, которым он занимается, и пожить в какой-либо местной общине. Так он интегрируется в местную культуру и имеет возможность не только в полном смысле слова заниматься включенным наблюдением, но и активно участвовать в жизни данной общины, овладевая очень важным культурным и социальным опытом. За это время он имеет возможность

набрать достаточно материала, которого ему хватает на много лет плодотворной научной работы. В дальнейшем он может лишь изредка ненадолго навещать этот регион, дополняя собранные данные. На этой основе он создает свою концепцию, выработывает курс лекций, пишет статьи или монографию.

Следует сказать и о библиотеках, которые в ведущих университетах поражают необычайной полнотой. Там не надо выписывать книги и часами ждать. Можно самому отправиться в хранилище, подойти к полкам и найти нужную книгу, что также помогает узнать о других книгах по интересующей теме, которые стоят на той же полке. Библиотеки нередко работают всю ночь, и там есть удобные мягкие кресла, где можно и поспать.

У нас нередко любят напоминать о колониальном прошлом, истребительных войнах и рабстве в США. Американцы все это помнят и всеми силами постепенно преодолевают это печальное наследие. В начале 1990-х гг. музеи начали возвращать индейцам *вампумы*¹ и другие важные изъятые у них в прошлом вещи, особенно ритуальные. Иногда между индейцами и музеями заключается договор, позволяющий им брать некоторые ритуальные вещи для использования их в церемониях с условием, что они затем их возвращают назад в музей. В университетах и колледжах разрабатываются специальные программы обучения для коренного населения. Например,

такое обучение ведется в Дартмут-колледже, расположенном в тех самых лесах, о которых когда-то писал Фенимор Купер. Там разработана специальная программа для обучения индейцев, и я встречал индейцев, получавших университетское образование. А университеты и колледжи для афроамериканцев появились в США еще в XIX в. Благодаря им, а также реформам конца 1960-х гг., во второй половине XX в. у них появился свой средний класс, который по образу жизни мало чем отличается от белых американцев, принадлежащих к среднему классу.

В США также имеется сеть музеев, посвященных афроамериканцам. Их особенно много в южных штатах. А 30 лет назад появилось даже особое направление американской археологии, изучающее плантационное рабство. В начале 2000-х гг. на моле (центральной аллее) в Вашингтоне был создан Музей американского индейца, причем в организации его экспозиции принимали участие как специалисты из Смитсоновского института, так и представители индейских племен. Именно последние принимали решение о том, как именно их современный образ жизни и культурное наследие их племен должны быть представлены в экспозиции. Под наследием понимались в основном религиозные представления, а никаких отсылок к истории там давать не захотели.

Наконец, вспоминаю один курьезный случай, произошедший на

¹ Вампумы — нанизанные на шнуры цилиндрические бусины из раковин моллюсков, служившие североамериканским индейцам для различных целей: они были украшением одежды, служили валютной единицей, а главное — с их помощью передавались разные важные сообщения.

Международном конгрессе антропологических и этнологических наук в Загребе в 1988 г. Там на одном симпозиуме решили позволить всем выступающим говорить на своих языках. Собравшиеся там специалисты были в недоумении. Они ничего не поняли и скоро стали покидать зал. Оказалось, что языковая свобо-

да не всегда способствует научному взаимопониманию. Все-таки ученым нужен единый язык для свободного обмена информацией. Когда-то таковым была латынь, а в последние десятилетия таковым стал английский. Не думаю, что китайский сможет его вытеснить.

С. Е. Эрлих

ВНУТРЕННЯЯ ЭМИГРАЦИЯ БЕЗ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА. РУССКИЙ ПРОФЕССОР ЭПОХИ СВО СКВОЗЬ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация: Данная заметка спровоцирована бурными дискуссиями о судьбе российских гуманитариев в контексте российского вторжения в Украину. Материалами послужили «посты» и «каменты» моих «френдов», среди которых много звезд российской гуманитарной мысли. В центре внимания находится демонстрация престижного потребления, являющаяся, на мой взгляд, опасным «трендом». Тонкие интеллектуалы, которые любят порасуждать об эмпатии, не обращают внимания на то, что их украинские коллеги, укрывающиеся от российских ракет в бомбоубежищах, тоже видят эти тщеславные «месседжи».

Ключевые слова: вторжение в Украину, российские гуманитарии, внутренняя эмиграция, коллаборационизм, социальные сети, престижное потребление.

Сведения об авторе: Сергей Ефроимович Эрлих, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Историческая экспертиза» (<https://www.istorex.org/>). Email: nestorhistoria2017@gmail.com

S. E. Ehrlich

“INTERNAL EMIGRATION” WITHOUT COLLABORATIONISM. WATCHING THE RUSSIAN PROFESSORS THROUGH THE KEYHOLE OF SOCIAL NETWORKS DURING THE “SPECIAL MILITARY OPERATION”

Abstract: The article was triggered by heated discussions regarding the fate of the Russian academic humanitarian community in the context of the Russian

invasion of Ukraine. The author observes posts and comments of his Facebook friends (most of whom are not supporters of Putin's anti-Ukrainian politics) exposing the popular trend of prestigious consumption, as photos from Moscow restaurants, international airports, sea and mountain resorts etc. In the current situation it looks like unconscious "normalization" of everyday life under Putin's regime. It is also an insensitive message to Ukrainian colleagues triggering their hate against everyone who speaks Russian.

Keywords: invasion of Ukraine, Russian academic humanitarian community, "internal emigration", collaborationism, social media, prestigious consumption.

Corresponding author: Serguey Ehrlich Serguey Efroimovich, PhD (doctor istoricheskikh nauk), the Chief-Editor of *The Historical Expertise* (<https://www.istorex.org/>). Email: nestorhistoria2017@gmail.com

Бенедикт Андерсен писал, что рынки печатных книг на «народных» (vernacular) языках предопределили границы будущих наций-государств, а газеты и журналы стали главным рассадником идей Модерна (индустриального общества). В эпоху перехода от «национального по форме» индустриального общества к глобальной по содержанию информационной цивилизации сходные функции выполняют интернет и социальные сети. Сети не только обеспечивают глобальную коммуникацию в реальном времени, но также «дают побочку» — избавляют авторов от диктата редакторов. Теперь каждый, кто считает, что авторское «право имеет», высказывает свое мнение о наболевшем и те, кому оно интересно, читают и вступают с этим «самозванцем» в полемику. Мы читаем в сетях то, что редактор счел бы неважным, неверным и, вообще, не достойным публикации. Взгляд на неведомую прежде сторону авторской Луны позволяет существенно откорректировать представления, сформированные в процессе «живого созерцания» реальности через редакторские фильтры. Соцсети становятся важным историческим ис-

точником, который открыл мне мир русского профессора с неожиданной стороны.

Многие российские гуманитарии не поддерживают Z-повестку, но лишь небольшая их часть покинула территорию государства-агрессора после 24 февраля 2022. Причины этого понятны: в отличие от IT-специалистов нам затруднительно найти работу вне ареала русского языка, а прокормить требуется не только несовершеннолетних детей, но, порой, и престарелых родителей.

Над внутренними эмигрантами завис обоюдоострый Дамоклов меч:

1) В РФ за каждое неосторожное слово их могут с высокой, как показывают недавние события, вероятностью «привлечь» по статье «за дискредитацию». Особенно омерзительно в этой ситуации выглядят как бы коллеги, выступающие в ролях доносчиков и «экспертов»;

2) Украинские коллеги и небольшая, но громогласная часть русских изгнанников упрекают оставшихся в трусливом молчании.

Договариваются даже до обвинений в коллаборационизме: неудачники без связей в западных университетах не только не протестуют, но еще ходят на работу, следовательно, платят налоги, и тем самым участвуют в финансировании «операции по денацификации».

Если следовать логике этих ригористов, то для русского ученого, не покинувшего РФ, существуют только два способа «жить не по лжи»: сесть в тюрьму или помирать с голода, т.е. быть героем. Обвинители забывают, что сами героями не являются, так как истинные герои с подобными требованиями обращаются исключительно к себе.

Но может моральная критика в адрес «понаоставшихся» преследует прагматические цели? Например, укрепить солидарность украинцев, записывая в «отстой» всех без исключения носителей европейской по духу высокой русской культуры, в создание которой этнические украинцы внесли огромный вклад? Не встречал свидетельств того, что защитники Мариуполя или Бахмута проникались ненавистью к врагам после того, как ими овладевало убеждение, что в «ордынстве» захватчиков повинны русские классики. Зато видел неофициальные фронтовые записи украинских военных, где они на русском говорят о грядущей победе. Этим людям, несомненно, в детстве читали сказки Пушкина. Выходит, что «наше все» не мешает им ненавидеть путинскую орду.

Высказывания по поводу не способного преодолеть врожденный империализм «мужского шовини-

ста» Бродского лишь травмируют и без того замордованных российских гуманитариев и в результате укрепляют «морально-политическое единство» путинского режима. Призывая отказаться от русской классики и лишить русских, независимо от их отношения к войне, права говорить о современных проблемах на русском на том основании, «что им разговаривал» Путин, коллективная #катымарголис (персонаж, чье имя стало нарицательным для обозначения «либеральной жандармерии») лишь содействует укреплению власти многоразового президента и позволяет ему облекаться не только в подрясник «скреп», но и в тогу «спасителя Великой русской культуры». Прагматическая задача реальной оппозиции состоит в достижении противоположной цели, в демонстрации отщепенства нынешней кремлевской ад-министрации, ее чуждости интересам русских и их культуре. Неужели это не очевидно?

В отчаянной ситуации человек начинает верить в абсурд. В этом, похоже, состоит спусковой крючок «стокгольмского синдрома». Посты некоторых коллег свидетельствуют, их (к счастью? пока?) не много, что они, «ощущая затылком» угрозу государственного террора, усугубленную моральным остракизмом извне, стремятся, прямо как Пастернак в 1930-е, быть «заодно с правопорядком». Тогда наши корифеи, но при этом, к его величайшей чести, не Борис Леонидович, в страхе подписывали чужие и писали свои людоедские декларации.

С ужасом читаю, как сегодня умнейшие люди изрекают, например, такую

прописную ложь: «Мир — против Запада, и поэтому Владимир Владимирович — прав, так как выражает волю угнетенного Западом большинства». Или же: «На Украине — нацисты». Развивая этот тезис, авторы, позабывшие о массовых «Русских маршах» (последний официально разрешенный состоялся в Москве в 2019), «логично» приходят к выводу, что «операция по денацификации» — это вынужденное, но верное решение Владимира Владимировича. Еще популярны вариации на тему: «Китай — друг». При этом забывается, что этот друг планомерно истребляет сибирские леса; пользуясь безвыходной ситуацией, покупает русский газ много дешевле, чем его покупали наши европейские враги; и по недосмотру спроектировал транспортный мегапроект «Шелковый путь» в обход России. Действительно, разве могут быть меркантильные счета между верными друзьями?

Дорогие коллеги, если подобные мысли лезут вам в голову, не торопитесь их публично высказывать. В начале перечитайте дневники сталинской эпохи (только не обманывайтесь, пожалуйста, голословными интерпретациями, что признания в любви к Сталину делались их авторами исключительно для отвода глаз следователей НКВД). Скорее всего, станет ясно, что «сермяжная правда» в духе Васисуалия Лоханкина, которой вы так рветесь поделиться с окружающими — это *страх* разума, что *оправдывает* чудовищ.

Поиск благих следствий в действиях «силы, что вечно хочет зла» — это, похоже, все чего своими высокомерными поучениями добились жор-

жидандены с того берега. Они точно хотели именно этого? При этом «путинферштеерство» — это, все-таки, редкий вид коллаборационизма внутренней эмиграции.

Но есть тема, впервые бросившаяся в глаза лет пятнадцать назад, когда в моей френд-ленте оказались несколько тысяч выдающихся русских гуманитариев. Тогда феномен, о котором я буду говорить далее, выглядел как одержимость рафинированных интеллектуалов ценностями престижного потребления, прежде «несовместными» с традициями русской интеллигенции. В контексте «спецоперации» он воспринимается как нерелевантная «нормализация» повседневной жизни в тылу, т.е. как переходная стадия к коллаборационизму.

О чем речь?

Людам свойственно докладывать окружающим о своих успехах. Нам важно, чтобы нас замечали. Хвастаться это нормально. Другое дело кому и чем пристало хвастаться?

О чем стремится поведать человечеству через аккаунты социальных сетей молодая, но успешная, как принято писать на сайте DOXA, «бухгалтер_ка»? Прежде всего, о своих дорогих нарядах, машине, жилье. Но не хлебом единым. Есть у нее и духовные запросы. Поэтому вывешиваются фото с друзьями в боулинге и в ресторане, на концерте Баскова в Кремле, в кокетливо повязанном платочке в церкви на Пасху, в Эрмитаже на фоне классики. Но пик похвальбы — фотографии из международных аэропортов, курортов

и всяких там парижей, лондонов, нью-йорков. Для «бухгалтер_ки» такой фотоотчет — единственно возможная форма хвастовства, так как престижное потребление по определению составляет смысл ее жизни.

У ученого есть другая недоступная другим возможность похвастаться. Это — публикация, т.е. статья, книга, доклад, лекция или обсуждение идей будущей публикации. Полистайте странички своих научных друзей и во многих случаях обнаружите, что бахвальство в стиле «бухгалтер_ки» — фото ресторанов, международных перелетов, те же парижи и лондоны (некоторые не ленятся выложить под сотню фото красивой жизни за раз) — доминируют над публикациями. О чем хочет сообщить профессор «Вышки», когда вывешивает свое изображение на фоне Эйфелевой башни? Донести уникальную информацию об этом историческом месте? Такое бывает, но чрезвычайно редко. В большинстве случаев он демонстрирует прежним однокашникам, кто прозябает в провинции или пусть даже в московских «очагах культуры», финансируемых не столь щедро как ВШЭ, что престижное потребление перспективного профессора почти достигло уровня «бухгалтер_ки», которая, кстати, тоже может быть однокашницей, вовремя «соскочившей» и освоившей денежную профессию.

До 24.02.2022 скрытый, но легко считываемый смысл этой селфи-ярмарки тщеславия смотрелся как безыскусный ремейк вызова, который Эллочка Людоедка бросила заносчивой Вандербильдихе. Мы откровенно презирали «мещанство» в годы

«совка». Но после того как «совок» сгинул, выяснилось, что престижное потребление является неотъемлемой частью нашей природы. Одна из *масеньких* трагедий русской постинтеллигенции. Как тут не всплакнуть об эСэСэСеРе, который мы потеряли?

Теперь задумайтесь, каким образом хвастливые посты престижного потребления москвичей и петербуржцев воспринимаются теми, кто прячется от российских обстрелов в бомбоубежищах Киева и Харькова и кому, россияне-гуманитарии, вроде бы, сочувствуют всей душой? Неужели дорогим москвичам не очевидно, что из потоков самодельного гламура, всех этих бодрых репортажей с пира во время чумы, их искреннее сочувствие жертвам путинской агрессии «с очевидностью не вытекает»? Помните нашу оторопь при виде веселых фото охранников лагерей смерти, культурно отдыхающих после трудовых будней? Могут селфи с радостными лицами профессоров, собравшихся в уютном ресторанчике на Москва-реке, чтобы на минуту забыть трагедию своего подпутинского бытия, порождать сходные ассоциации, перелетая через середину Днепра? Мне возразят, что аналогия неверна: «Те были нацистами, а мы, как раз, наоборот». Увы, ассоциации часто возникают по непредусмотренным нами признакам. Не заметили, что в ходе «спецоперации по денацификации» многие мемы эпохи той самой Великой победы зазвучали в смысле, противоположном чаяниям инициаторов «спецоперации»: «Нам объявили, что Киев бомбили», «Идут по Украине солдаты группы Центр»,

«Враги сожгли родную хату», — в результате чего подвиг наших предков «обнулится»? Не исключено, что сходная ситуация возникает с восприятием селфи московских «антипутинистов».

Может еще и поэтому украинцы именуют российских коллег коллаборантами? Не считаю, что соучастие в «нормализации» тыловой реальности эпохи СВО равносильно коллаборационизму, но давайте проявим сочувствие к украинцам. Не для них. Для себя. Мы же гуманитарии, т.е. обязаны, как писал Марк Блок, «чувять человечину», а это значит уметь сострадать ее боли.

Могут возразить, что невозможно больше года жить в непрерывной скорби. Необходимо как-то отвлечься от происходящей катастрофы. Разумеется, необходимо. Не надо только выставлять свое скромное обаяние мелкой буржуазии напоказ. Почему-то с детства запомнил, как в советской «антисионистской» брошюре разоблачали Теодора Герцля: он якобы жаловался, что богатые евреи вынуждены пировать за закрытыми ставнями. Берите пример с «богатых евреев» советской пропаганды, не распахивайте настезь ставни своих ФБ-аккаунтов. Лучше считать себя лицемером, чем другие посчитают тебя бесчувственным хамом.

В. А. Зубакин, И. В. Родионов

ДИСПУТ «ПОБЕГ ДВОЙНИКА:
ПУТЬ АГЕНТА И ПРОВОКАТОРА КАК
ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».
Пенза, 30.06.2023

Аннотация: Расшифровка литературно-исторического диспута. Тема дискуссии сложилась в последние месяцы, когда все мы наблюдали за тем, что происходит как внутри России, так и среди эмиграции. Спустя 100 лет за границами страны вновь оказалось много россиян, и они очень быстро начали публично ссориться друг с другом, обвинять друг друга в том, что они являются провокаторами, агентами влияния и так далее. Российская история и литература дают множество примеров таких ситуаций и конфликтов, что и сподвигло нас обсудить подобную тему в широком временном диапазоне — от начала 20 века до сегодняшнего дня. Организовать такой диспут в Москве оказалось сложно, поэтому разговор состоялся в Пензе — очень культурном и «литературоцентричном» городе.

Ключевые слова: русская литература, провокаторы, двойные агенты, двадцатый век, охранка, Азев, Малиновский, Конрад, Гишпиус, Андреев, Горький, Акунин, Пелевин, Маканин, Шаргунов.

Сведения об авторах: Василий Зубакин, писатель. Профессор, заведующий кафедрой возобновляемых источников энергии РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина. Автор более 50 научных работ по вопросам экономики и прогнозирования энергетики. Автор романов «Жестяной пожарной» и «В тени трона». Член Литературной академии премии «Большая книга». Email: zubakinva@gmail.com

Иван Родионов, литературный критик. Обладатель премий «Литблог» и «Гипертекст», член жюри премий «Национальный бестселлер» и премии им. В. Катаева. Автор литературно-критических сборников «сЧётчик» и «На дно, к звёздам». Email: ivan-moon-rodionov@mail.ru

V. A. Zubakin, I. V. Rodionov

THE DISPUTE "ESCAPE OF THE DOPPELGANGER: THE PATH OF AGENT AND THE PROVOKER AS A CHARACTERS OF RUSSIAN LITERATURE". Pensa , 30.06.2023

Annotation: Decoding of the literary and historical dispute. The topic of discussion had developed in recent months, when we have all been observing of

what is happening both in Russia and within the emigration environment. After 100 years, there were many Russians outside the country's borders again, and they very quickly began to publicly quarrel with each other, accusing each other of being provokers, agents of influence, and so on. Russian history and literature provides many examples of such situations and conflicts, which prompted us to discuss such a topic by taking of a wide time range — from the beginning of the 20th century until present time. It turned out to be very difficult to arrange such a dispute in Moscow, so the conversation took place in Penza, as a very cultural and “literary-centric” city.

Keywords: Russian literature, provokers, double agents, twentieth century, okhranka, Azef, Malinovskiy, Konrad, Gippius, Andreev, Gorky, Akunin, Pelevin, Makanin, Shargunov.

Corresponding authors: Vasily Zubakin, writer. Professor, Head of the Department of Renewable Energy Sources of Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NIU). Author of more than 50 scientific works on economics and energy forecasting. Author of the novels “Tin Fireman” and “In the Shadow of the Throne”. Member of the Literary Academy of the Big Book Award. Email: zubakinva@gmail.com

Ivan Rodionov, literary critic. Winner of the Litblog and Hypertext awards, member of the jury of the National Bestseller Awards and the V. Kataev Prize. Author of the literary and critical collections “cOunter” and “To the bottom, to the stars”. Email: ivan-moon-rodionov@mail.ru

В.З.: Мы с Иваном посмотрели на русскую литературу столетней давности и на отечественную литературу последних лет, и «выкристаллизовалась» тема, связанная с провокаторами и двойными агентами. Мы взяли по четыре книги начала 20 века и соответственно, четыре книги начала века нынешнего. И сейчас мы попытаемся «вытащить» из этих книг что-то общее, что-то противоречащее, какие-то смыслы, которые могут показать, что же происходит в литературном процессе относительно, так сказать, осознания этого феномена.

Двойные агенты, провокаторы, шпионы — это едва ли не самые популярные герои в нашей литературе и 100 лет назад, и сейчас. Можно увидеть, что, несмотря на различия тогдашней и текущей общественно-политической ситуации, между этими героями есть много общего —

в мотивации, в схожих подходах, в тех же причинах поступков. То есть исторические процессы и литературный процесс — неразрывны.

И.Р.: Я бы добавил, что, конечно, всё это началось не в начале 20 века, а гораздо раньше. В девятнадцатом веке был и Достоевский («Бесы»), и много кого еще. Если копаться именно политическую тему в изображении двойных агентов и провокаторов в литературе, то одним из первых таких персонажей, получается, был вообще Иуда. То есть корнями всё уходит очень глубоко. Но мы решили не пытаться объять необъятное и остановиться — начать именно с 20 века. Потому что тогда эти тенденции стали наиболее наглядными и этот герой превратился в настоящий литературный тип — сложный и многогранный, становление которого описывали различные совершенно непохожие друг на друга авторы.

В.З.: Я начну с писателя Леонида Андреева, который, может быть, сейчас не так популярен, но в начале нулевых годов 20-го века он был самым читаемым и самый продаваемым автором России. Тиражи его книг были даже больше, чем тиражи еще живого тогда Льва Толстого, Чехова, Горького и других прозаиков, которые работали в то же время.

Так вот, у Леонида Андреева есть рассказ, который называется «Тьма» [Андреев 2023]. Это рассказ 1907 года. В нем, казалось бы, нет плута и двойного агента. Но есть определенная «смена жизненной ориентации» человека, попавшего в чрезвычайные условия. Сюжет простой: террорист-эсер за сутки до покушения на важнейшее политическое лицо, может быть, великого князя или даже государя, должен где-то провести ночь, поскольку все явочные квартиры провалены. И он заходит в публичный дом и попадает в комнату молодой проститутки. А дальше весь рассказ, по сути — их диалог в этой комнате.

Он рассказывает девушке о том, что ему всего 26 лет, он девственник, никогда не знал женщин, и вообще ему надо просто поспать и отдохнуть. Деньги он заплатит — пусть она только отстанет от него. Но девушка начинает задавать вопросы и догадывается, что перед ней революционер. Она пытается понять его мотивацию и выясняет, что этот человек, который вроде бы как за народ и ради народа жизнью рискует, лично её презирает и считает, что она существо второго сорта. Девушка возмущается, даже начинает бить его — словом, между ними зреет конфликт.

Не буду подробно расписывать дальше — скажу лишь, что дело заканчивается уходом героя из террористической деятельности, а она, наоборот, в революцию приходит. Вот такой диалог и такие перевертыши.

Но самое интересное, что Леонид Андреев эту историю узнал на Капри, когда туда, в гости к Горькому, приехал, кроме него самого, человек по фамилии Рутенберг. Все же слышали про попа Гапона и 9 января? Так вот, Петр Моисеевич Рутенберг — это один из руководителей партии социалистов-революционеров, который спас Гапона под пулями во время Кровавого воскресенья. Утащил его домой к Горькому, помог выехать за границу. И Рутенберг, приехав на Капри, эту историю и рассказал. Ее услышал Леонид Андреев и на ее основе написал свой рассказ. Когда он был опубликован, был жуткий скандал. Все левые партии — и социалисты, и большевики, и меньшевики — говорили, что это поклеп, что все неправильно, что все не так. Но рассказ до сих пор считается одним из самых великих текстов Леонида Андреева на подобную тему, исключая только, может быть, рассказы об Иуде и о семи повешенных.

Интересно, что в «Рассказе о семи повешенных» присутствует скорее некоторый героический пафос и революционеры изображены с симпатией. Как и Иуда в соответствующем рассказе — там он все равно персонаж какой-то такой цельный и, как это ни кощунственно звучит, на фоне апостолов выглядящий почти положительным героем. Но в «Тьме» Андреев как бы пошел против течения, ведь в те времена революционеры пользовались скорее симпатиями

в обществе и у интеллигенции. А тут он, человек «в теме», изобразил этого героя, скажем так, не очень симпатичным. Все эти эпизоды с грязными ногами — и прочее, прочее...

Может быть, поэтому и был скандал, что такой герой начал падать с пьедестала? Напомню, идет 1907-й год. Революция пятого года закончилась. И, несмотря на то, что нас в школе учили, что революция пятого года была утоплена в крови, ничего подобного в реальности не было. А был манифест от 17 октября 1905 года, дарующий некие политические свободы, была создана и избрана Государственная Дума, появились политические партии и так далее. И влияние и эсеров, и большевиков стало резко падать, потому что общество надеялось на какие-то перемены сверху. Конечно, потом перемены, в общем-то, толком и не случились. Но все равно это был момент реакции, момент падения популярности радикальных сил.

Самое интересное, что Петр Рутенберг — этот во многом прототип андреевского героя — тоже ушел из эсеровской партии. Он ушел из российской политической борьбы и стал одним из создателей государства Израиль (!). Он вернулся из православия в иудаизм, получил, по традиции, 39 ударов плетью на пороге синагоги. А впоследствии построил все ГЭС и тепловые станции в Израиле, вел серьезные переговоры с Муссолини и Черчиллем о поддержке построения именно там, в Палестине, израильского государства.

Стиль этого рассказа — это скорее эдакий экспрессионизм. Не знаю, согласится с этим Иван или нет.

И.Р.: Вполне. Но добавил бы, что здесь, как и почти всегда, на заднем фоне повествования у Андреева проглядывает глухая русская готика, когда мир априори лежит во зле и неблагоприятности. Во «Тьме» всё это тоже вполне себе чувствуется.

В.З.: Хорошо. Второе произведение, которое сегодня хотелось бы обсудить — это роман британского писателя Джозефа Конрада, который был закончен в 1910 году и который называется *Under Western Eyes* («Под глазами Запада» или «Глазами Запада») [Конрад 2012]. Это произведение, тоже посвященное русским революционерам начала века.

Для тех, кто мало знаком с творчеством и биографией Джозефа Конрада. Он этнический поляк, сын ссыльных поселенцев из Вологды. Во время вологодской ссылки заболели туберкулезом и через несколько лет умерли его родители. Этот человек рос на стыке польской и русской культур. Ненавидел Достоевского, боготворил Тургенева, а потом стал великим британским писателем. Произведения Конрада экранизировали 79(!) раз. Самый известный фильм по его текстам — «Апокалипсис сегодня» Копполы, снятый по роману «В центре тьмы».

Так вот, книга «Глазами Запада» написана на фактическом материале. В ее завязке студент-террорист убивает бомбой министра П. Это, конечно, Плеве, знаменитый министр внутренних дел. Герой пытается спрятаться у друга, другого студента, который по итогу выдает его полиции.

Здесь уже возникает предательство. Студент, выдавший друга полиции, становится агентом. Причем именно двойным агентом, поскольку революционеры считают его своим. Он в облике героя приезжает в Швейцарию и в Женеве встречается с сестрой посланного им на смерть революционера. Он влюбляется в нее и признается в предательстве. Дальше его жестоко избивают, лишают слуха, и его инвалидом увозит в Россию сердобольная домохозяйка, которая жила в семье у эмигрантов.

Книга написана от лица англичанина. Это рассказ учителя английского языка для русских эмигрантов, который живет в Женеве. И эта оптика, взгляд глазами западного человека на русских революционеров — очень и очень важна, потому что при ближайшем рассмотрении русские революционеры в эмиграции ведут вполне неплохую жизнь. Они постоянно встречаются, что-то обсуждают, хорошо едят, пьют и не спешат вернуться назад. Они постоянно ссорятся между собой, выясняют некую истину.

Надо сказать, что это, наверное, один из самых знаковых романов 20 века. В нем использован любопытный прием: герой-англичанин рассказывает, как он работает с дневниками этого революционера-предателя. У всех действующих лиц есть прототипы, и они легко считываются (Егор Сазонов, Дмитрий Трепов, Алексей Лопухин, Михаил Бакунин, Георгий Гапон и другие).

И. Р.: Я бы добавил, что если этот политический роман — не антиутопия в вакууме и не пресловутый 1984, то

почти всегда это будет роман с ключом, где можно кого-то попробовать вычислить, так ведь?

В. З.: Да, там, например, есть один герой — вылитый Азеф. Толстые губы, толстая шея, животик, скверное выражение лица — именно так описывали Азефа. А когда выяснилось, что Азеф — предатель, он стал совсем несимпатичным.

Надо сказать, это произведение и в Англии вызвало бурю возмущения, когда было напечатано. Поскольку в Великобритании жило очень много русских эмигрантов, местные их как-то жалели, поддерживали. А тут появилась некая иная правда. Когда книга была переведена на русский язык, она тоже вызвала бурю возмущения. Не совсем понятно, почему. Ведь автор — Джозеф Конрад, он же Иосиф Корженевский из Волковысского района Гродненской области. Человек потерял родителей из-за царской ссылки, жутких условий проживания в Вологде, но одинаково трезво писал и о царской власти, показывая умных вербовщиков, агентов, которые завербовали главного героя, и хладнокровно, хоть и с большим сатирическим запалом, рассказывал о революционерах-эмигрантах. Кстати, диалоги некоторых персонажей романа поразительно напоминают новости про нашу нынешнюю эмиграцию.

Особенностью романа является то, что он на самом деле написан не совсем в реалистической манере. В нем много элементов неоромантизма.

Дело в том, что Конрад много лет был капитаном дальнего плавания,

и он писал в стиле, схожем с манерой Стівенсона и других неоромантиков той эпохи — конца 19-го начала 20-го века. Даже Россия в романе изображена с долей условности — она всегда под снегом. При этом и колыбель демократии, и Швейцария тоже изображены достаточно сатирически и не показаны как некий образец правильного устройства общества.

Даже спустя 100 с лишним лет роман читается как очень правдивый текст. И кажется, будто повествование приближено к нашему времени. Конрад, ненавидя Достоевского, все равно подспудно опирался на многие смыслы из того же «Преступления и наказания». Главный герой ведь сознается не потому, что его пытаются или активно подозревают — на него действует любовь к сестре, преданного им товарища, который попал на виселицу. Также у Конрада есть, конечно, и мотивы из «Бесов» — вся эта чертовщина дореволюционная. И выходит, что Достоевский проявился здесь даже без желания самого Джозефа Конрада. В этом случае, думаю, внутренне сопротивление было бесполезно.

И. Р.: Хм, а я бы поразмышлял вот о чем. Почему именно Великобритания со всеми ее социокультурными штампами, чопорностью, консерватизмом, ее образом в глазах русского человека — почему именно она едва ли не больше всех остальных стран всегда интересовалась сначала русским революционным террором, а потом и вообще русской революцией? Можно вспомнить, как Уэллс ездил к Ленину, как анализировали революцию англичане Оруэлл и Кэстлер. И даже до Конрада еще в 19-

м веке у Оскара Уайльда была такая малоизвестная пьеса «Вера, или Нигилисты» [Уайльд 2021] — о Засулич. Почему именно в этой стране всегда был интерес к русским революционерам?

В. З.: Во-первых, их там просто жило достаточно много. Давайте вспомним «Колокол» и Герцена, Лаврова, Кропоткина, и так далее. Все они имели контакты с местным истеблишментом. Во-вторых, не забывайте о том, что в Британии всегда была сильная лейбористская партия, и пусть не в эти годы, но позже она вообще пришла к власти. Ну и потом, для Британии, в отличие от континентальной Европы, Россия — это в большей степени экзотика, чем, например, для немцев, жителей Швейцарии и так далее. Россия — это где-то там, далеко.

Что же касается того, кто еще из иностранцев писал про русских революционеров... Для меня такое самое яркое впечатление — это пьеса Камю «Праведники» [Камю 2021], посвященная покушению на великого князя Сергея Александровича. Там есть потрясающий эпизод, когда в камеру Каляева заходит Елизавета Федоровна, нынешняя святая канонизированная. Так что нельзя сказать, что только британцы интересовались русской революцией. Французы тоже — вспомните 68-й год, студенческие волнения, явление экзистенциализма — все это тоже во многом всплеск интереса к русской революции. Впрочем, это тема отдельного большого разговора.

Теперь мостик между романом Конрада и следующим сегодняшним текстом.

В момент, когда уже писал свое произведение Джозеф Конрад, самый знаменитый предатель и двойной агент всех стран и народов Евно Азеф уже был разоблачен. Не только знаменитым Владимиром Бурцевым. Он был разоблачен и генералом Охранки Лопухиным. То есть в некотором смысле здесь двойное предательство — Лопухин был царский генерал, командовавший Охранкой, Полицейским управлением. Почему он сдал Азефа?

Напомню, что Евно Азеф одновременно возглавлял боевую организацию эсеров и организовал и провел знаменитое убийство Плеве и великого князя Сергея Александровича, тогдашнего московского генерал-губернатора. На сегодняшний день это как Собянин, к тому же брат государя. При этом Азеф одновременно был самым высокооплачиваемым агентом Охранки. Причем Охранка не знала, что ее агентом является руководитель боевой организации. Азеф просто упивался своей властью, тем, что он является руководителем всех боевиков-эсэров. Он лично готовил все убийства, все покушения. И в то же время упивался тем, что является самым высокооплачиваемый полицейским агентом. Он потихонечку сдавал одну группу, другую. Многие попали на виселицу, но Азеф всегда выskalъзывает из-под подозрений до момента, когда его «сдал» генерал Лопухин и разоблачил Владимир Бурцев, знаменитый «Охотник за провокаторами».

А в 11-м году у Зинаиды Гиппиус выходит книга, которая называется «Чертова кукла» [Гиппиус 2021]. И она показывает, как в какой-то

степени вообще разлагалось движение революционеров.

Это был период, когда для всех эсеров было ужасным шоком узнать, что их руководитель является двойным агентом. Да, еще был Гапон, хотя он — это несколько иной случай. Он был провокатором, но провокатором в собственных интересах. Он тащил рабочих к Зимнему дворцу, под пули, поскольку хотел удовлетворить свое эго. Гапон был экстраверт, лидер, пассионарный человек. Представьте себе: сельский священник и вдруг создает огромное рабочее движение. Потом он все-таки вступил в контакты с полицией, и, собственно, за это его и убили. Так вот, если мы вспомним андреевскую «Тьму», то прототип ее главного главного Рутенберг — и есть человек, спасающий Гапона. И он же потом и организовал его убийство. Его казнь — а это была настоящая казнь — произошла на одной из дач на Балтийском побережье. Вот как всё переплетено.

Так вот, 11-й год, Зинаида Гиппиус. Она работает в совершенно другом стиле, нежели Андреев — она символист. И она пишет произведение, которое состоит из 33 глав. Его главный герой — молодой человек, веселый, успешный, которого любит огромное количество женщин. Он, в свою очередь, тоже любит всех этих женщин, причем женщин самого «широкого диапазона» — от кухарок до княгинь и графинь. И все они влюблены в него. Если хотите представить себе героя Гиппиус, вспомните Костика в исполнении Меньшикова из фильма «Покровские ворота». Веселого, светлого, открытого, жизнерадного. Только у Гиппиус он мечется

по салонам и религиозно-философским, и литературным. Он помогает революционерам, водит за нос своих высокопоставленных родственников, и все у него до поры до времени получается. До тех пор, пока его не ловят и не бросают в тюрьму.

И вот герой уже в камере начинает кого-то сдавать, но делает это очень аккуратно. Он сдает только тех, кого, как он знает, уже арестовали — новых имен он не называет. А самое главное — он узнает имя главного провокатора и двойного агента. Родственники вытаскивают его из тюрьмы, но главный агент-предатель организует убийство нашего героя — этого успешного, веселого, талантливого молодого человека.

Надо сказать, в тексте очень много символизма. У многих героев зеленые лица или зеленая одежда, постоянно фигурирует зеленый свет. Символична и фамилия главного героя — Двоекуров (двойная жизнь, раздвоенность характера). А его бабушка — это чистая пушкинская Пиковая дама, и мизансцены оттуда будто перекочевали в «Чертову куклу». То есть Гиппиус создала на реальном околополитическом материале почти учебник прозы символизма.

По выходу романа снова (как и почти всегда в нашем сегодняшнем разговоре) вспыхивает жуткий скандал. На Гиппиус накидываются и справа, и слева, и консерваторы, и революционеры. Ее обвиняют ее в том, что она искажает действительность и все описывает неверно. Но Гиппиус, как оказалось, была потрясающим оракулом. Она еще за несколько часов до

публикации знаменитого Манифеста от 17 октября 1905 года предсказала и Февральскую революцию, и Октябрьскую, а также их последствия. Хотя шел только пятый год, и большевиков толком мало кто знал. Даже на выборах в Учредительное собрание победили с большим отрывом не они, а эсеры. Эсеры и меньшевики были более влиятельны, чем большевики, не говоря уже о кадетях.

Поэтому Зинаида Гиппиус, которую иногда изображают каким-то монстром, какой-то вздорной, совершенно безумной то ли женщиной, то ли мужчиной, то ли непонятным фриком, в пятом году уже предсказала, что будет в 17-м. И когда ты знаешь об этом, читаешь этот символистский роман совершенно другими глазами. Почему-то еще прозу поэтов Серебряного века было принято тогда ругать, причем практически любую — и Белого в пух и прах разносили, и Сологуба с его «Мелким бесом». А уж Гиппиус доставалось не только за тему. Говорили, что это и написано просто плохо. Доставалось ей сильно, в общем.

И. Р.: Интересно, сказалось ли на содержании «Чертовой куклы» то, что она сама симпатизировала оппозиционерам царскому режиму (кроме большевиков) и с тем же Савинковым дружила — он бывал у нее в гостях не раз?

В. З.: Слушайте, что такое Савинков? Он не просто бывал у нее с Мережковским в гостях. Это она из Савинкова-террориста сделала неплохого писателя. Это она придумала ему псевдоним, стиль, она вычитывала и редактировала его тексты. Она

просто вырастила — у нее в руках был живой эсер, революционер, бомбист, руководитель боевой организации, на руках которого была кровь многих царских чиновников, агентов и так далее. И она из этого человека сделала писателя. Нет, Гиппиус — великий человек, и меня страшно раздражает, что ее постоянно изображают как какого-то фрика.

Почему так вышло? Когда она уехала в эмиграцию и стала вместе с Межрежковским одним из самых активных деятелей в среде эмигрантских литераторов, ее надо было как-то дискредитировать. Вот недоброжелатели и вылепили из нее какую-то странную женщину непонятной сексуальной ориентации.

Теперь переходим к четвертому произведению. Это рассказ 1924-го года авторства Алексея Максимовича Горького. Рассказ называется «Карамора» [*Горький 1980*]. Наверное, многие видели одноименный сериал с Даниилом Козловским — впрочем, он снят в совершенно другом, мне кажется, стиле. За фабулу взят, конечно, текст Горького, но дальше в сериале появляются упыри, вурдалаки и много-много всяческой иной нечисти.

Так вот, идет 1920-й год, Горький живет за границей, он разочарован в большевистском эксперименте, глубоко переживает то, что происходит в России. Откуда такое название? Это украинское наименование комара с большими ножками, которого мы в детстве называли «малярийным». В рассказе показана схема вербовки — почти такая же, как у Джозефа Конрада. Попадает человек

на чем-то, а дальше к нему ищется подход. Ему говорят: или ты сейчас сядешь на 5, 10, 20 лет, или мы тебя отпустим, сделаем вид, что ты сбежал, и ты с нами поработаешь. Мы тебе еще и денежки будем платить. И вот молодой рабочий, перспективный революционер, становится предателем. И дальше он попадает за решетку.

Действие рассказа происходит примерно в 17-м или 18-м году. Герой сидит в камере и пишет свои воспоминания о том, как он был предателем. При этом не сказано, что произойдет дальше. А развилка такая: или его казнят по приговору революционного трибунала, или его освободят, переведут, отправят бороться с эмиграцией за границу.

Дальше получилось следующее. Этот рассказ сразу в Советский Союз не попал, только потом, после смерти Горького он был напечатан в его полном собрании сочинений, поскольку революционеры были показаны в нем очень неприглядно. Горький в «Караморе» показывает полное разочарование и в русском народе, и, в частности, в русском крестьянстве, и, безусловно, в революционных силах. Традиционно это произведение Алексея Максимовича не поняли и в эмиграции, а в Советском Союзе вообще сделали вид, что его нет, поскольку оно совсем неправильно показывало революционную эпоху.

И. Р.: Можно ли назвать этот рассказ своеобразным художественным комментарием к горьковским «Несвоевременным мыслям» [*Горький 2017*]?

В.З.: Да, вполне. «Несвоевременные мысли» — это документально-публицистическая проза, которую Горький публиковал в 17–19 годах. А «Карамора» — проза схожая по настроению, но художественная.

Кстати, в тот момент, когда я читал это произведение, я сделал совершенно удивительное открытие. Дело в том, что после Азефа вторым главным двойным агентом в России был человек по фамилии Малиновский. Выходец из рабочих, который был руководителем фракции большевиков в Государственной Думе. Ближайший соратник Ленина, Сталина, Троцкого, Зиновьева. Он входил в ЦК, в Центральный комитет РСДРП, участвовал во всех съездах заседаниях ЦК — был такой образцово-показательный рабочий-большевик. Но в 14-м году, когда сменилось руководство Охранного отделения, пришел новый руководитель, который сказал: ребята, каждый такой двойной агент и провокатор наносит нам, царской власти, большие репутационные удары. Давайте мы с вами с такими людьми попросаемся — если кто-то узнает, что мы, грубо говоря, посадили человека в Думу, нам революции не избежать. И, представьте себе, Малиновский получал в месяц порядка 400 рублей. Огромные деньги! И это не считая выходного пособия в 6000 рублей — министр внутренних дел имел тогда годовой оклад годовой в 5000. И Малиновскому сказали: ты, братец, уезжаешь за границу, вот тебе 6000 рублей. Он уходит в отставку и неожиданно изображает из себя обиженного. Никто ничего не понимает, и в этот момент начинают ползти слухи. А чего это он сбежал-то? Возглавлял фракцию

в Госдуме — и вдруг убегает, увольняется по собственному желанию.

Над ним прошел первый суд — партийный, в 14-м году. И Владимир Ильич Ленин со товарищи с пеной у рта Малиновского отстояли: мол, это честный, правильный большевик. Потом он оказывается в армии, служит, участвует в Первой мировой войне, очень быстро попадает в плен и до 18-го года находится в Германии. А в 17-м году, когда во время Февральской революции открываются архивы Охранного отделения, выясняется, что один из руководителей большевиков — агент, что он текст каждого выступления в Государственной Думе предварительно носил на редактуру в Охранное отделение.

И.Р.: Савинков до последнего не верил, что Азеф — предатель, и Владимир Ильич Ленин тоже до последнего защищал Малиновского. Хотя Бухарин целый год на него нападал и из-за этого даже поссорился с Лениным.

В.З.: Так вот, в 17 м-году Следственная комиссия Временного правительства все это дело раскрывает. А в 18-м году Малиновский возвращается из немецкого плена и думает, что если Азефу позволили выжить (никто его не судил и не расстрелял, он умер своей смертью), то, может, и его простят? Не простили, его ждал революционный трибунал. Его ставят к стенке и расстреливают.

Казалось бы, известная и давно завершившаяся история. Так вот, представьте себе: 29 декабря 2022-го года проходит очередное заседание

Верховного Суда Российской Федерации. Заместитель Генерального прокурора Завьялов вносит предложение... о реабилитации Малиновского. И Малиновский реабилитирован — 29 декабря 2022 года!

Товарищи школьные учителя! В ближайшее время вы получите новые учебники, в которых выяснится, что вообще-то бороться с самодержавием было не надо. Мотив реабилитации Малиновского в том, что власть — от Бога, а он работал на действующую власть. То есть в этом смысле он вполне достойный человек. Вот такая история. Она еще не обнародована, не попала ни в какие книги или статьи, получить материалы этого суда очень сложно. Но решение принято. Малиновский реабилитирован.

Промежуточные итоги. Вот четыре произведения и несколько образов предателей и двойных агентов, представленных в классической русской литературе. Выборка, конечно, далеко не полна, но вполне репрезентативна. Да и реальных провокаторов, помимо тех, о которых шла речь, было огромное количество. И эта тема по-настоящему неисчерпаема.

И. Р.: Чтобы немного эту часть беседы закруглить, хочу прояснить еще пару моментов. Во-первых, интересно, что про Азефа написано немало книг — тут и Роман Гуль [*Гуль 2023*], и другие эмигранты. Но при этом до сих пор нет посвященного ему настоящего художественного бестселлера. Зато в контексте нашего разговора как-то символично, что образцовую документальную книгу про Азефа написал критик, литера-

туровед, исследователь поэзии Валерий Шубинский [*Шубинский 2016*]. У него есть книги про Гумилева, про Ходасевича — и тут внезапно про Азефа. Это такой штришок небольшой — и, думается, любопытный.

И второе. По понятным причинам в Советском Союзе, даже раннем, не могло появиться книг про двойных агентов и провокаторов, тем более именно в среде большевиков. А их там было тоже немало. Помимо Малиновского был такой замечательный персонаж с вполне достоевскими именем-фамилией — Мирон Черномазов. Он был главредом дореволюционной «Правды», его разоблачили, и он 17-м году покончил с собой в тюремной камере. Вот про него тоже никто не писал и не пишет, как и про многих других. Для меня удивительно, что так мало художественных книг на эту тему.

В. З.: Ну, можно еще Алданова вспомнить — он хорошо выписал своего Азефа [*Алданов 2017*]. Возможно, скоро что-нибудь новое появится. Посмотрим.

А вообще, конечно, интересно: когда Горький воссоздавал книжную серию «Жизнь замечательных людей», которую до сих пор выпускает «Молодая гвардия», там были герои, которые что-то сделали для человечества, для России, для мира. И вот Шубинский публикует в ЖЗЛ биографии Гапона и Азефа. Осталось дождаться только Малиновского.

Что ж, пора переходить к двадцать первому веку. Было бы преувеличением сказать, что в современной русской прозе книг про агентов, прово-

каторгов или предателей как-то очень уж много. Так ведь?

И. Р.: Да. Много книг про внутреннее расщепление героя, про метафизических двойников. Околореволюционной тематики тоже предостаточно — можно вспомнить, например, роман «Санька» Захара Прилепина [Прилепин 2015] или тексты того же Лимонова. А вот так, чтобы именно предатель или двойной агент... Таких книг ощутимо меньше. Интересно, какая необходима общественно-политическая обстановка, чтобы все звезды сошлись и пошел массив подобных текстов. Наверное, таких времен, чтобы такие тексты пошли массово, по понятным причинам нам и не надо.

Но кое-что все-таки найти можно. Я выбрал сегодня четыре книги, которые можно сгруппировать по двум признакам. Одни посвящены скорее событиям давно минувших дней — «Статский советник» Бориса Акунина [Акунин 2009] и недавняя повесть Александра Пелевина «Гори огнем» [Пелевин 2023]. Другие две книги — об относительной современности: это «Асан» Владимира Маканина [Маканин 2018] и «Птичий грипп» Сергея Шаргунова [Шаргунов 2008].

Начну с первой группы.

Акунин, понятное дело — это жанровая литература, пусть и хорошая. Но темы его симптоматичны — особенно ранние, «золотого периода» (до «Коронации» или того же «Статского советника»). Вот что там интересно. Там же был изначально эксперимент — и вполне себе пост-модернистский. Авторская задумка

такова: почему бы не воспроизвести различные существующие типы детективов? Конспирологический детектив («Азazelь»), камерный детектив в замкнутом пространстве («Левифан»), психологический триллер («Декоратор») и так далее. И закономерно, что автор в «Статском советнике» приходит к собственно политическому детективу.

Сюжета этого текста чрезмерно касаться не стоит. Каждый, я думаю, или читал роман, или хотя бы смотрел фильм с Михалковым — замечательно сыгравшим Пожарского, на мой взгляд. Там интересно другое. Практически ко всем персонажам книги так или иначе подбирается ключ — это или собирательный персонаж, или его можно вполне себя однозначно интерпретировать. В плане расшифровки «Статский советник» — история достаточно интересная.

Прототип главного антагониста Фандорина, Пожарский — это Судейкин, подполковник жандармского корпуса, который действительно пытался продвинуться по карьерной лестнице, качая тему угрозы со стороны революционеров. По итогу он завербовал человека с чеховской фамилией Гаев, который в итоге его и прикончил. В романе Акунин многое изменил в угоду драматургии, но ряд исторических параллелей вполне узнаваем. Взять, к примеру, образ нигилистки Иглы. В нем очень четко угадывается Перовская. И, собственно, параллель Храпов — Трепов тоже достаточно прозрачная.

Сложнее с образом главного революционера по прозвищу Грин. По-

тому что, в нем, с одной стороны, вроде как видны черты Желябова, а с другой стороны, национальность у него подчеркнута другая. Желябов все-таки классический русский. Тут получается некоторое смещение хромотопа, потому что во времена «Народной воли» просто не могло быть в революции такого крена на иудейский вопрос. А Акунин показывает нам чуть ли не эпизоды из детства Троцкого — такой вот сознательный анахронизм.

Ну и, собственно, Пожарский — это человек, который одновременно ведет двойную игру. Будучи не завербованным революционером, а изначально жандармом, он показывает читателю, как тема провокаторства может переворачиваться в обе стороны, и героем книги может стать не только сбившийся с пути борец, но и представитель власти. Не зря там есть такой замечательный афоризм: «Добро защищают дураки и мерзавцы, а злу служат мученики и герои — всё у нас перепутано». Всё прозрачно — имеется в виду, что мерзавцы защищают добро-государство, ну и, собственно, злу, то есть революции, служат мученики и герои-революционеры.

В.З.: Пожарского в фильме потрясающе играет Никита Михалков. И даже иногда Меньшикова-Фандорина просто переигрывает. Это повод поговорить про терминологию. Пожарский не являлся двойным агентом в прямом смысле слова. Это был человек на службе у Государя-императора, но который в процессе этой службы зарабатывал свой капитал. Для него это был социальный лифт, и он не гнушался провокатор-

ством. Пожарский — это провокатор, но не двойной агент. Как тот же Гапон, который большую часть своей революционной жизни был провокатором, но тоже рассматривал революционную «работу» как некий социальный лифт. Но он не был двойным агентом.

Соответственно, провокатор — это не обязательно двойной агент, а двойной агент — это не обязательно провокатор. Была масса двойных агентов, которые честно работали на обе стороны и не провокаторствовали. Были двойные агенты, которые доносили Охранке, но не организовывали типографий, эксов, терактов — просто работали, что называется, по низам. Это такой терминологический момент — так сказать, пояснение.

И.Р.: Вторая современная книга на историческом материале, пусть и несколько условном — это повесть Александра Пелевина «Гори огнём». Это небольшой текст, вышедший недавно, в 2022 году. В нем идет речь о войне и о предателях в самом прямом смысле этого слова, и отсылает он к целому пласту советской военной литературы.

Это история о том, как три друга-солдата попадают в плен к немцам, и о том, насколько по-разному сложится их судьба в зависимости от их личного внутреннего стержня и нравственного выбора. Двое из них, каждый по-своему, но все-таки люди идейные и идут до конца в том, как они понимают свои идеалы. А третий — его зовут Иван Гуляев — абсолютный флюгер, который несколько раз предает товарищей и несколь-

ко раз перебегает туда-сюда. Плюс с ним играет странную игру то ли реальный, то ли настоящий майор Цвайгерг. Что переводится с немецкого как «двойник».

Как всегда у Пелевина, в тексте присутствуют элементы и мистики, и компьютерной игры. Недаром это автор даже уже не постмодернистский, а ушедший куда-то ещё дальше. Я не люблю этот термин «метамодернистский», но им пользуются и он во многом конкретно манере этого автора вполне подходит.

Так вот, этот герой живет очень долго, а может чуть ли не вечно — нам на это, по крайней мере, намекают. Именно потому, что он не заслужил искупления, и в отличие от остальных он вынужден перерождаться снова и снова. Ему каждый раз даются новые шансы предательство искупить, но он каждый раз заходит на новый круг. Проходит такие новые круги внутреннего ада, что ли.

В повести много отсылок к классической советской военной прозе — «Сотникову» Василя Быкова, например. Есть и более ранние аллюзии — к тому же Гайдару. Есть там, конечно, еще и Булгаков с Гёте, потому что этот немец, майор с бельмом на глазу — вылитый литературный дьявол. И так далее, и так далее. А вообще, это переобучение, превращение главного героя выписано очень элегантно. Сначала он, замечательно служа в вооруженных силах, стучит в особый отдел на своих командиров, и те попадают под трибунал. Потом он замечательно себя чувствует у Власова, и теперь стучит уже на немцев.

Он уцелел и работал после войны дворником где-то в Гатчине. Ну, явно после окончания войны вернулся, так сказать, в исходное состояние. Всё это вполне считывается. А вообще это такой, знаете, магический реализм. Очень реальные запахи, физиология, раненые, трупы, черви... И в то же время — мистика, странные образы. Как в компьютерной игре: опять он, так сказать, выжил. И это, неожиданно плохо — он не переходит на следующий уровень.

Что ж, остаются две книги — на этот раз о современности. И такие тексты гораздо сложнее решиться писать, потому что, с одной стороны, часто считается моветоном писать что-то «актуальное». Критики в конъюнктуре обвинят, в том, что идешь на поводу у повседневности и все быстро про это забудут. А если касаться каких-то по-настоящему острых тем, может случиться какой-нибудь скандал или чего похуже. Пусть я и не уверен, что для писателя это однозначно плохо — в смысле стратегии.

Эти два текста написаны примерно в одно и то же время. «Асан» Маканина вышел в 2007-м, в 2008-м получил премию «Большая книга». Это был третий, если не ошибаюсь, сезон премии. И, соответственно, «Птичий грипп» Шаргунова, уже тогда известного автора, хоть и очень молодого (ему 20 с небольшим на тот момент) пишется примерно в это же время, но выходит чуть позже, потому что не сразу решили напечатать. Там такая непонятная история: вроде как должны были проходить выборы, и перед ними печатать книгу не резон. А вот выборы пройдут — после этого можно и напечатать. Возможно, это

байка или легенда, но такая версия в Сети встречается.

Итак, примерно в одно и то же время создаются два текста. Шел шестой, седьмой, восьмой год. Расцвет различных общественных движений. С одной стороны, это приснопамятные «Наши» с товарищами Якеменко во главе. С другой стороны, это самый, наверное, расцвет деятельности партии нацболов, ныне запрещенной. Проходят различные марши несогласных и прочее, прочее. Что в 10-м кончится Манежкой — а дальше пойдет на спад и окончательно схлопнется. Но пока это время общественного энтузиазма, реал политик. И писатели, особенно новые реалисты, те же самые Прилепин с Шаргуновым, вполне себе идут в политику. Эти две книги, «Асан» и «Птичий грипп», казалось бы, мало чем друг на друга похожи. Но лишь на первый взгляд.

Асан — это древний Бог войны у некоторых кавказских народов. Язычество, христианство, мусульманство — всё переплетается в книге, действие которой происходит во время чеченских войн.

Там есть персонаж с толстовской фамилией Жилин, который на фоне всего этого кровавого ада и мрака, в который попадают обе противоборствующие стороны, сам становится Богом войны. Который вполне себе хорошо взаимодействует и торгует и с теми, и с другими. Майор Жилин отвечает за снабжение войск горюче-смазочными материалами — соляркой, бензином и так далее. Ему нужно получить эти ГСМ и довести их до воинской части, но путь идет через ущелья, и каждую десятую бочку он отдает за

то, что в него не стреляют и позволяют ему довести груз. Он продает топливо и чеченцам. И немножко денег, так сказать, тратит на выкуп наших ребят из плена, а еще немножко отправляет домой жене. Такая бизнес-модель современной войны.

Я бы здесь обратил внимание на то, что Маканин — это человек другого поколения, чем тот же Шаргунов. Более раннего. Из тех прежних, выросших в советское время писателей — один из последних, запоздалых шестидесятников, если можно так сказать. Потому его текст плотно завязан на классической русской традиции.

Сколько в нашей литературе было кавказских пленников? У Пушкина, у Лермонтова, у Толстого. И в этом смысле маканинский текст идет в той же традиции. Есть в «Асане» и свои «Два гусара»...

Ну и, наверное, сознательный жест Маканина — спорные моменты, ожидаемо вызывавшие скандалы. Во-первых, некоторая моральная амбивалентность героя. Этот герой торгует и с теми, и этими — и при этом выручает ребят, да и в финале искупает всё. Плюс в романе приторговывают «леваком», а если прямо — воруют, прямо скажем, многие, почти все. Это и ставили в вину автору. Многие говорили про очернение наших героев, про то, что ничего такого не было. Ставили в вину и некоторую холодность стиля или нарочитую метафоричность. Покойный Топоров проходил по роману очень жестко. Нападали на роман и те, кто на личном опыте знал фактуру — как и ныне «покойный», а то-

гда вполне перспективный прозаик Бабченко. В общем, скандалов было достаточно.

Самый главный из них, конечно, не был связан напрямую с самим романом. Дело в том, что тогда «Большая книга» шла лишь в третий раз, сам Маканин был знаменитым писателем, но не особо публичным человеком, и его долго заманивали в жюри премии, в академию. И, собственно, он упирался, а в прессе выходили гнусные статьи про то, что его туда позвали, а он согласился за то, что ему пообещали премию — и дали. Это такая дурацкая, на мой взгляд, придумка, но ореол скандальности вокруг книги сохранялся долго.

В.З.: Я помню это голосование как член академии. Я не ожидал, что Маканин победит, хоть и поставил ему высокую оценку — сейчас уж не помню, какую точно. А ведь в Коротком списке тогда были и «Чонкина» последняя часть Войновича, и «Будьте как дети» Шарова.

И.Р.: А выиграл именно Маканин с его противоречивым героем. И это тоже о многом говорит.

И последняя книга — «Птичий грипп» Сергея Шаргунова. Я уже упомянул о том, что она вышла не сразу с момента написания. Добавлю, что она до сих пор не переиздается. У Шаргунова переиздается многое, если не всё из художественного. А вот нового издания «Птичьего гриппа» никогда больше не было. Но это так, к слову.

Это роман от третьего лица, повествование динамичное, бодрое, отча-

сти даже сериальное. Главный герой носит фамилию Неверов — вполне прозрачный намек на двойственность, не правда ли? Читателя ждет путешествие по разным локациям — нас знакомят нас с оппозиционными движениями, нацистами (всё легко считывается), либералами, нацболами, футбольными фанатами. Всё усложняется еще и тем, что герой завербован ФСБ. И при этом у него самого двойственное отношение к происходящему.

С одной стороны, он сам начинает думать, что действует на благо государства, что это правильная цель. С другой, периодическим в этом сомневается. А в финале Неверов будто эту шахматную доску берёт и переворачивает. Не будем спойлерить и уточнять, что он сделал в итоге со своим, хм, куратором.

В.З.: Мне показалось, что все эти хождения главного героя по заданиям во все эти молодежные организации — это своего рода современное толкование первого тома «Мертвых душ», поскольку все эти организации показаны очень уж сатирически. Будто Чичиков ездит по усадьбам и скупает мертвые души. Или нет?

И.Р.: Ну, герой, конечно, не такого типажа человек — скорее рефлексивный. Потому сомневаюсь.

В.З.: А повествование от первого лица — не лучший способ познакомиться. Потому что если от первого лица, от рассказчика, это будет несколько странновато. А откуда ты знаешь кухню? А почему именно так? Но если перед героем проходит вереница разных героев (там и Лимонов выведен,

например), то получается органично знакомить читателя с этой... кунсткамерой. Плюс герой — писатель, что тоже играет на правильное погружение в контекст.

И. Р.: Да, согласен.

В. З.: Что ж, возможно, мы уже немного утомили слушателей своим диалогом. Может, перейдём к вопросам из зала?

Вопрос: Относительно двойного агентства вроде бы все понятно. Вербовка, давление. С предательством тоже, оно происходит или на идеологической почве, или за деньги, или есть какие-то личные обиды. Я бы хотел от вас услышать следующее. Провокатор — это как бы врожденное что-то, черта личности? Или же это вопрос, связанный с какими-то определенными обстоятельствами? Или что-то другое толкает людей на это?

В. З.: Провокатор — это человек, который ведет за собой, лидер, который способен что-то организовать. И он это делает для самореализации, для решения собственных задач. Он делает это с упоением, с удовольствием, потому что эти провокаторы — люди циничные, и они одинаково презирают и тех, к кому они внедряются, и своих хозяев, от имени которых внедряются. Включите «Статского советника», посмотрите на Пожарского в великолепном исполнении Никиты Михалкова. И увидите: ему это просто страшно нравится. Он революционерам сдает царских чиновников, царским чиновникам сдает революционеров. Он настолько низкого мнения о своих коллегах,

полицейских и жандармах, насколько и о революционерах.

Кстати, кто такие жандармы? Это выпускники кадетских корпусов и юнкерских училищ с самыми высокими оценками. Кавалеристы, пехотинцы, артиллеристы. Люди дворянского происхождения, никаких разночинцев. Это элита. И эта самая элита воевала с революционерами, но нанимала людей, которым нравилось самореализовываться. Мотивация была не только денежная или какая-то служебная — был еще и мотив самореализации. Экспонирование самого продвижения самосознания. Очень сложная мотивация. Так, кажется, было и в случае с убийцей Столыпина.

Плюс мотив честолюбия. Плюс карьеризм. То есть в человеке изначально есть какое-то зерно, которое может прорасти и в такой необычной форме. Всё это не отменяет и желание денег, женского внимания... Это сложный комплекс. Но главное — провокаторам нравится их ремесло.

И. Р.: Взять того же Азефа. Если Шубинский в написанной им биографии подчеркнуто нейтрален, то есть еще другая книга — «Азеф» Джанибекяна [Джанибекян 2005]. Там автор всячески педалирует версию, что Азефу просто нравится сталкивать всех лбами и находиться над схваткой. И те дураки, и эти, а он — вне этих дихотомий. Мне кажется, в этом есть все-таки что-то литературное, романтизированное.

Вопрос: Василий, как давно вы стали заниматься изучением такой специфической темы?

В.З.: Я в течение двух лет писал роман «В тени трона» [Зубакин 2022], где одними из главных действующих лиц являются Михаил Александрович Романов и Наталья Брасова. И параллельная линия любви — история Дэвида Эдуарда и Уоллис Симпсон. Много у них, знаете, совпадает: третий брак, отречение от трона. И у меня там есть персонаж, которого я назвал Бринт. У него был прообраз — Анри или Генри Бинт, совершенно потрясающий француз из Эльзаса, который сначала 35 лет был агентом Охранки. Он сопровождал в путешествиях по Европе Николая II, Михаила Александровича и семью Столыпина, гонялся за Лениным и Троцким... А в 17-м году, так сказать, его пенсия сгорела, поскольку исчезла Российская империя. И тогда он ничтоже сумняшеся становится Агентом ВЧК, потом агентом ОГПУ — и дальше до самой смерти, до 25-го года замечательно работает уже на Советскую власть. И вот раскапывают в российских архивах, французских, швейцарских информацию о нём.

Генри Бинт общался со всеми тогдашними политическими тяжеловесами. И более того, Генри Бинта и сейчас используют в политике. Ну, например, надо было вбросить информацию про Ленина, что он был немецким шпионом — делают записку якобы от его имени. Что он видел Ленина выходящим из немецкого посольства. И так далее, и так далее.

Или, например, Рачковский, руководитель зарубежной агентуры, сочинил знаменитые «Протоколы сионских мудрецов». И происходит то же самое. Приглашают бедного семи-

десятилетнего нищего Генри Бинта, и он дает нужные показания.

А если я пишу о таком человеке, то попутно пришлось всех героев сегодняшнего диалога тоже поднять, поскольку он со всеми ними встречался. Так я к этой теме и подошел.

Вопрос: Иван, у меня к вам вопрос на эту тему. Двойных агентов в творчестве Захара Прилепина вы не отслеживаете? Например, взять хотя бы «Обитель».

И.Р.: Неожиданно. Я думал про книгу Прилепина, которую можно было бы включить в разговор. Но это не «Обитель» и даже не «Санька». А роман «Черная обезьяна» [Прилепин 2011]. Потому что если изначально такую тематику возводить к тому же Достоевскому, то есть подпольному человеку, двойному человеку, у которого иногда из одной оболочки прорывается что-то другое, то и «Черную обезьяну» в этом плане можно рассматривать. Потом, правда, я подумал, что эта двойственность в герое Прилепина скорее более метафорическая, чем прямая. А тема у нас более узкая — про агентов, провокаторов и предателей. Поэтому я эту книгу убрал.

В.З.: Спасибо за встречу, друзья!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акунин 2009* — Акунин Б., Статский советник. Захаров: М., 2009 — 304 с.
- Алданов 2017* — Алданов М., Азеф. Директ-Медиа: М., 2017 — 62 с.
- Андреев 2023* — Андреев Л., Тьма. Рипол-Классик: М., 2023 — 206 с.

Гиппиус 2021 — Гиппиус З., Чертова кукла: Рипол-Классик, М., 2021 — 334 с.

Горький 1980 — Горький М., Рассказы. Башкирское книжное издательство: Уфа, 1980 — 304 с.

Горький 2017 — Горький М., Несвоевременные мысли. Т8: М., 2017 — 260 с.

Гуль 2023 — Гуль Р., Азеф. Захаров: М., 2023 — 416 с.

Джанибекаев 2005 — Джанибекаев В., Азеф: король провокаторов. Вече: М., 2005 — 384 с.

Зубакин 2022 — Зубакин В., В тени трона. Время: М., 2022 — 342 с.

Камю 2021 — Камю А., Калигула. Недоразумение. Осадное положение. Праведники. АСТ: М., 2021 — 320 с.

Конрад 2012 — Конрад Д., Тайный агент. Простая история. На взгляд Запада. Ладомир: М., 2012 — 598 с.

Маканин 2018 — Маканин В., Асан. Эксмо: М., 2018 — 480 с.

Уайльд 2021 — Уайльд О., Полное собрание прозы и драматургии в одном томе. Альфа-книга: М., 2021 — 1263 с.

Пелевин 2023 — Пелевин А., Гори огнем. Городец: СПб., 2023 — 176 с.

Прилепин 2011 — Прилепин З., Черная обезьяна. АСТ: М., 2011 — 288 с.

Прилепин 2015 — Прилепин З., Санья. АСТ: М., 2015 — 352 с.

Шаргунов 2008 — Шаргунов С., Птичий грипп. АСТ: М., 2008 — 224 с.

Шубинский 2016 — Шубинский В., Азеф. Молодая гвардия: М., 2016 — 352 с.

REFERENCES

Aldanov M. *Azef*. Direct-Media, Moscow, 2017 — 62 s.

Akunin B. *Statskiy Sovetnik*. Zakharov, M., 2009 — 304 s.

Andreev L. *T'ma*. Ripol-Classic, M., 2023 — 206 s.

Camus A. *Caligula*. Nedorazumenie. Osadnoe polozhenie. Pravedniki. AST:M., 2021 — 320 s.

Conrad D. *Tayniy Agent*. Prostaya istoriya. Na vzglyad Zapada. Ladomir: M., 2012 — 598 s.

Gippius Z. *Chertova kukla*. Ripol-Classic: M., 2021 — 334 s.

Gorky M. *Rasskazi*. Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo: Ufa, 1980 — 304 s.

Gorky M. *Nesvoevremennie misli*: Т8, М., 2017 — 260 s.

Gul R. *Azef*. Zakharov: M., 2023 — 416 s.

Janibekyan V. *Azef: korol provokatorov*. Vechе: M., 2005 — 384 s.

Makanin V. *Asan*. Eksmo: M., 2018 — 480 s.

Pelevin A. *Gori ognem*. Gorodets: St. Petersburg, 2023 — 176 s.

Prilepin Z. *Chernaya obesiana*. AST: M., 2011 — 288 s.

Prilepin Z. *Sankya*. AST: M., 2015 — 352 s.

Shargunov S. *Ptichy gripp*. AST: M., 2008 — 224 s.

Shubinsky V. *Azef*. Molodaya gvardiya: M., 2016 — 352 s.

Wilde O. *Polnoe sobranie prozi I dramaturgii v odnom tome*. Alpha-kniga: Moscow, 2021 — 1263 s.

Zubakin V. *V teni trona*. Vremya: M., 2022 — 342 s.

В. П. Булдаков

«ОТЦЫ» И «ДЕТИ» РОССИЙСКОЙ КЛИО. Историографическое эссе

Аннотация: Статья представляет собой расширенное заключение книги В. П. Булдакова «Историк и XXI век. Статьи, рецензии, выступления, интервью». Автор показывает врожденные методологические слабости советской историографии и их конкретно-исследовательские последствия. Попытки современных авторов выбраться из тупиковой ситуации обернулись крайней разногласицей в осмыслении новейшей истории России. Ситуация чревата очередным познавательным застоєм, который предстоит преодолеть.

Ключевые слова: новейшая история России, современная российская историография, методология исторических исследований, историк и общество.

Сведения об авторе: Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва). Email: novistiriran@mail.ru

V. P. Buldakov

"FATHERS" AND "CHILDREN" OF THE RUSSIAN CLIO. HISTORIOGRAPHIC ESSAY

Abstract: The article is an extended conclusion of the book by V. P. Buldakov "Historian and XXI century. Articles, reviews, speeches, interviews". The author shows the inherent methodological weaknesses of Soviet historiography and their concrete research consequences. Attempts by modern authors to get out of the impasse have turned into extreme discord in understanding the modern history of Russia. The situation is fraught with yet another cognitive stagnation to be overcome.

Keywords: recent history of Russia, modern Russian historiography, methodology of historical research, historian and society.

Corresponding author: Buldakov Vladimir P., PhD (doctor istoricheskikh nauk), chief researcher of the Institute of Russian history, RAS (Moscow). Email: novistiriran@mail.ru

Занятие историей — профессия «старых»: войти в пространство *longue durée*, то есть по-своему «прикоснуться к вечности», проще, обладая опытом прожитых лет. Но и «племя младое» небесполезно — хотя бы для стимуляции когнитивных потенциалов с помощью «ребяческого» любопытства и непризнания «авторитетов». Впрочем, в данном случае речь пойдет о вполне конкретных «отцах» — историках, застрявших в советском прошлом, и «детях», пытающихся вырваться из пут их «наследия». И то, что «дети» в возрастном отношении сами уже стали «отцами», не меняет существа дела.

Конкретные имена я опускаю: «иных уж нет...» Разумеется, все «списано с натуры», однако дело не в авторах, а в тенденциях ими представленных. Сила гравитации советского наследия изумляет. И это наводит на некоторые размышления, лежащие за пределами исследовательской эмпирики.

В. О. Ключевский как-то заметил, что биография историка — его книги. Вряд ли это вполне справедливо. Бывают времена, когда слабым пером историка словно водит злая современность — как авторитарная, так хаотичная. Советская эпоха почти не оставила легального пространства для авторского самовыражения — по крайней мере, применительно к новейшей истории. Избавились ли *постсоветские* авторы от былых сдержек? Произошло ли подлинное (а не внешнее) обновление — и российской действительности, и исторической науки? Не продолжаем ли мы кружить вокруг упорно не замечаемого культурно-антропологического центра притяжения?

В свое время Н. Гоголь выписал целую галерею «странных» русских типов, вольно или невольно спутывающих карты «немцу-модернизатору» Чичикову (на деле представлявшему отечественную разновидность казнокрада-очковтирателя). Советская действительность основательно придушила прежнее многообразие. А что прибавила современность? Информационная революция гипертрофировала знакомую ситуацию: буйствует телевизионная ноздревщина, маниловщина стала более масштабной и т. п.

Хотелось бы думать, что в исторической науке положение не столь похожее. Однако вряд ли. Даже поверхностный взгляд позволяет уловить, насколько основательно общественные настроения и, особенно, предпочтения захватывают историков. Если раньше они, вопреки указаниям сверху, пускались на поиски «истины», то теперь скорее *имитируют* исследовательский процесс — этого достаточно, чтобы выглядеть *ученым*. На науку все активнее паразитируют; на истории делать это особенно просто — достаточно встать в шеренгу общественно востребованных авторов, угадавших политическую моду дня. Так, в прошлом в цене были «либералы», ныне — «патриоты». Такова траектория общественных симпатий, которую довольно успешно корректирует официальная пропаганда. В таких условиях и выросла новая генерация историографов.

Конечно, нечто подобное происходило и происходит не только у нас. История то и дело превращалась в «перерабатывающую прошлое» пропаганду. Но в каких обстоятельствах и с какой интенсивностью?

Гоголевские персонажи оживились неслучайно и вполне ожидаемо. Среди них «творчески настроенный» городничий, проводящий понятные начальству идеи; «поумневший» Хлестаков, создающий некие «ассоциации» или даже «научные направления»; «разговорившаяся» с чужих слов Коробочка. В общем, дамы и господа, «приятные во всех отношениях». Перечень пополняется.

«Отцы» оставили примечательное наследие. Вспоминается характерный типаж — руководитель одного академического института. Как-то, уже в постперестроечные годы, на крупном международном симпозиуме он произнес фразу, ввергнувшую всех в изумление: в России не было национализма, был только патриотизм. (Партии националистов были, а национализма не было!). Не надо думать, что этот «историк» считался замшелым догматиком или квасным патриотом. На телевидении он позиционировал себя либералом. И вообще действовал продуманно, по законам тогдашнего «обновления» исторической памяти. Так, он доказывал, что Россия вовсе не проиграла русско-японскую войну (должно быть, просто надоело воевать). В известных традициях он же убеждал, что пресловутый Федор Кузьмич — это удалившийся от мирских забот Александр I. В качестве доказательства приводились слова Николая I на могиле старца: «Благословенный!» В общем, «новаторство» фонтанировало, — разумеется, в доступных пониманию начальства и неучей формах.

Один его текст потряс меня. В проекте введения, написанном к одной из

коллективных работ фонда «Демократия», содержались немислимые прежде характеристики народных масс в России — этой «движущей силы истории»: темные, невежественные, злобные и т. п. Когда я рассказал об этом одному известному историку, тот меня «успокоил». Оказывается, комментируя по ходу дела какой-то доклад, сей «руководитель науки» мимоходом бросил ему: «Все у нас хорошо, только народ — говно».

Хотя не все высказывались столь откровенно, составить портрет выживших «отцов-номенклатурщиков» нетрудно. Все они пребывали в убеждении, что любое благо в России идет от государства, народ этому только мешает. Впрочем, народ они, похоже, любили — как хозяин любит послушную скотину. В этом, собственно, вся суть коммунистического варианта патерналистского подхода к российскому прошлому.

Тон, естественно, задавали «истики КПСС», отстаивающие «принцип партийности» как свое наследное поместье. Один из них как-то выдал замечательную сентенцию: историко-партийная наука развивается особым образом — сначала пишутся учебники, потом обобщающие труды, наконец, собственно научные работы. Очень доходчиво: движение шло и идет по указке бессмертного «Краткого курса». Этатистские основания советского «марксизма» не случайны. При этом, учитывая, что Сталин вписывал в нужные места «учебника жизни» эмоционально выверенные ругательства в адрес «врагов народа», на оперативный простор выпрыгивали старые, как мир, конспирологические домыслы.

Конечно, прежние догмы размывались. Примечателен интерес к особому историографическому жанру — «критика буржуазной историографии». Иные авторы не столько критиковали «буржуазных фальсификаторов», сколько *de facto* информировали о новейших течениях зарубежного россиеведения. И все же последствия «государственного подхода» к прошлому нельзя недооценивать: историография стала «перекошенной» не только в своих познавательных, но и моральных основаниях.

Не удивительно, что в ходе перестройки историков залихорадило. Одни поспешно меняли «плюсы на минусы», другие взялись за демонстрацию «белых пятен» истории и поиск ее благостных «альтернатив». Отсюда и мода на былую российскую многопартийность вкупе с любованием думским «парламентаризмом». Примечательна попытка перескочить от марксистского телеологизма к «цивилизационному» подходу, не сознавая, что сделать это, не отказавшись от навыков *политической* истории, невозможно.

О потоке агиографической литературы и говорить не приходится. Авторы искали в прошлом «героев», соответствующих меняющимся запросам. В результате в серии «Жизнь замечательных людей» в один нестройный ряд встали и российские императоры, и большевистские вожди. Но в целом симпатии перемещались слева направо. Даже черносотенцы стали выглядеть благопристойно. Вполне неслучайно Гражданскую войну попытались переписать с «белогвардейских» по-

зиций. Затем «одумались»: «триумфальное шествие Советской власти» (В. И. Ленин) стыдливо назвали «малой» гражданской войной.

Примечательно, что при этом все упоминаются авторитеты, якобы управляющие новейшим историографическим процессом. Среди них О. Шпенглер — фигура, явно востребованная по идейным («Закат Европы») причинам. Между тем, отталкиваясь от этого автора, следовало бы задуматься о *псевдоморфности* отечественных институтов (если не всего культурного бытия России), как важнейшей причине повторяющихся системных кризисов. Увы, *отечественная* история по-прежнему издается с «фасада», а не изнутри.

Все это не удивительно: пресловутый марксизм-ленинизм осел в сознании (или подсознании?) современных историков в виде экономического детерминизма («материя первична!»). Между тем, попытки расстаться с этим тяжелым грузом производятся с помощью легковесных идейных симулякров. При этом избирательно фонтанируют эмоции, перерастающие в образы, из которых лепится картина *желанного* прошлого. В общем, в нынешней России *чувствовать* важнее, чем *понимать*, *казаться* выгоднее, чем *быть*.

Встречались авторы, которые тужились «говорить красиво», заменяя русские слова на иностранные. Один мой знакомый, человек от природы яркий и талантливый, словно специально заглядывал для этого в словарь иностранных слов (он не знал ни одного иностранного языка) — ему казалось, что с его помощью можно

поднять представления об истории на философскую высоту. Однако новые идеи требуют нового языка, а не новых этикеток. Справедливости ради следует признать, что у некоторых авторов перевод русского языка на «научный» получался по-своему складно. Порой им нельзя было отказать в проницательности и даже в историософской глубине. Правда, пришлось наблюдать, как на представительном международном коллоквиуме одна американка, не выдержав ученого новояза, воскликнула в сердцах: «Говорите по-русски!» Похоже, советская действительность наградила историков комплексом когнитивной неполноценности — это и проявляется столь впечатляющим образом.

Ныне даже люди академических структур начинают размежеваться на «коммунистов» и «монархистов». Прослойка «либералов» истончается. Историк, чурающийся политических кличек, вызывает подозрение. Когда-то психологи называли подобные метания «полевым поведением»: дезориентированные социальными стрессами люди пускаются на поиски точки опоры — кто в старом, кто в «новом».

Я поначалу не мог сообразить, в связи с чем вспыхнул интерес к творчеству Р. Козеллека. А объяснение простое: наши историки привыкли пристегивать реалии к научным понятиям (концептам), а отнюдь не наоборот. Между тем, после внешнего отказа от марксизма возник некий дефицит «управляющих» нашей историографией понятий — возвращение на круги своя произошло в наукообразно-экзотической форме.

Более того, некоторые авторы решили, что достаточно сложить различные концепты и получится новая Концепция.

Явления такого рода многообразны. Увлечение «впечатляющими» терминами порой доходит до иступления: иные тексты производят впечатления шаманского камлания. А некоторые авторы готовы рвануть от замороженного постмодерна в некий *постпост*модерн. При этом те, кто постарше, стараются «умничать», молодые, напротив, не стесняются сочинять нелепости.

Представительницы прекрасного пола, естественно, ринулись в гендерную историю. Увы, получилось нечто иное, но ожидаемое — своего рода *ретро*феминизм, объединивший массу своих сторонниц, нахваливающих друг друга. Должен заметить, что в прошлом женщины-историки успешно конкурировали с мужчинами; им и в голову не приходило жаловаться на дискриминацию по половому признаку. А в наше время встречаются мужчины, овладевшие не только женской тематикой, но и соответствующей стилистикой.

Разумеется, «феминизация» исторической науки отнюдь не постсоветское явление. В середине 1990-х гг. на международной советологической конференции меня угораздило (по приглашению знакомой иностранки) попасть на секцию, посвященную гендерной истории. Среди нескольких десятков женщин оказалось лишь двое мужчин: один председательствовал, другой забился в угол. Характерно, что тематика докладов оказалась не только

эмансипаторской, но и «левой»: Р. Люксембург, И. Арманд, А. Коллонтай и т. д. Впрочем, с чего бы ни начинали выступавшие, они как-то незаметно переключались на обсуждение современных проблем «последнего эксплуатируемого класса» (т. е. женщин).

Кто-то отстаивает право писать «свою» историю, а кто-то право писать плохо, опережая процессы тотальной беллетристической деградации. Как-то одна дама (доктор наук, профессор) убежденно заявила: монография — это для специалистов! В общем, «настоящим ученым» простительны литературные корявости. При этом обозначилась особая форма историографической амбициозности. Один приятель рассказал мне как на его предложение написать статью некая хорошо остепененная особа (зав. кафедрой) ответила, что ей заниматься этим уже неудобно — уровень не тот. Оказывается, «ее» уровень предполагает распространенную практику редакторства сборников «научных статей», торопливо скомпилированных подчиненными в связи с актуальной «проблемой» или юбилеем.

Конечно, прошлое только и делает, что «актуализируется». Но это не значит, что можно корёжить его в угоду современности. Клию и без того мстительна.

Историку подобает противиться всякой одури своего времени (без которой никогда не обходится), ориентируясь на экзистенциально устойчивые ценности и смыслы. Стоило бы также соблюдать соразмерность между генерализациями и девиациями. Поче-

му-то это получается наоборот. Ровно через десятилетие на Международном конгрессе исторических наук в Монреале прорезался уже не «левый», а либертарианский подход: в докладах западных авторов понимающе и сочувственно всплыла проблематика гомосексуализма. Что дальше?

Во все времена люди предавались порокам. Разумеется, с разной интенсивностью (что составляет проблему). Но не это определяло культурный облик эпохи. Историк волен писать обо всем — лишь бы это не деформировало «большую» историю, а, напротив, придавало ей более глубокое измерение. Происходит нечто противоположное: частное заслоняет общее, вкусовщина вытесняет профессионализм.

Вернусь, однако, в родные пенаты. Занятие историей индивидуально по определению. Однако в наше время очень многие предпочитают личному дерзанию (извиняюсь за пафосное слово) «участие в проекте». Теперь везде «проекты». Правда, эвристической отдачи от них не заметно. На телевидении термин проект приобретает величественные очертания. Оказывается, история управляется теми или иными проектами — иного и быть не может. Понятно, что такая установка — производная от упоминавшейся этатизации исторического процесса, характерной для авторитарных систем. Было бы начальство — холоуи найдутся.

Редко случается, что того или иного наглого телеболтуна осаживает кто-либо из приглашенных специалистов — последним на этой площадке полагается «подыгрывать». Одна-

жды я все же наблюдал, как одного бесцеремонного всезнайку (без надлежащего образования, не говоря уже об ученых степенях) красиво осадил одна моя знакомая (доктор наук, профессор), случайно втянутая в «телебаты» (на деле пропагандистское шоу со «знатоками» и «мальчиками для бития»). «Всезнающему» ведущему не помогли многочисленные помощники, подкинувшие ему, как видно, «проверенную» информацию советских времен. Но такое случается редко.

Политическая пропаганда была, есть и будет. Историк приходится терпеть и не такое. Для него все происходящее — объект исследования, а не повод для морализаторства. У истории, как у всякой науки, свои — сугубо познавательные — задачи.

Увы, профессия историка девальвируется. Чаще это случается в смутные времена, порождающие множество самозванцев. Порой историками объявляются субъекты, про которых хочется сказать: вместо диплома у него известного рода медицинская справка. Но им внимают.

Конечно, в истории и не такое случилось, но хотелось бы соблюдать некий минимум культурной гигиены. Этого нет, а потому процветают всевозможные разновидности наукообразного шарлатанства. Так, от советских времен нам досталась вера в статистику валовых показателей. От этой привычки мы не избавились, хотя теперь она может явить себя миру под антикоммунистическим флагом. Впрочем, все более откровенно заявляют о себе «тоже историки», уверенно поучающие с коммунисти-

ческих позиций. Слушают и таких. Есть и поспешно воцерковленные авторы: для них история — это странство выборочного «изгнания бесов». Ясно, что здесь мы имеем случай болезненного самоутверждения. Однако самопровозглашенные пуристы уверенно набирают сторонников из числа лиц, старающихся отмежеваться от реальной, но «дурной» (а потому ставшей чужой) советской истории.

В перестроечные времена российскую историю явно и подсознательно принялись домысливать и даже «улучшать» через понятие модернизация. Впрочем, этим больше занимались социологи, прихватившие на этом поприще не один десяток ученых степеней и званий. И вдруг в один момент все кончилось. Модернизация словно выветрилась из российского исторического пространства. Почему? Да просто потому, что термин исчез из официального политического лексикона. Упомянувшийся «организатор науки» как-то публично пояснил: наступила стабилизация. Соответственно бывшие либералы стали превращаться в охранителей. Между тем, следовало бы усвоить: реальная модернизация воплощает в себе не уровень производственных технологий, а инновационное состояние человеческого пространства. С последним критерием у нас совсем плохо: бойкие авторы отыскивают «развитое» гражданское общество в самодержавной России. Оказывается, абсурд простителен, если он, как в советские времена, «идеологически выдержан».

Впрочем, все эти поиски и изыски тонут в потоке графомании. Более

того, ее «валовые показатели» находят свое «научометрическое» изменение. Это создает питательную среду для всевозможных халтурщиков.

Лично меня больше всего удивляла «вороватость» нарождавшегося поколения историков. Конечно, в условиях всеобщей растащиловки иного ждаты не приходилось. До сих пор вспоминаю диссертацию одного автора, которую он гордо представил на мое одобрение: целые страницы были списаны с моей собственной книги без каких-либо ссылок на нее. Когда я указал на это, он... искренне обиделся. Оказывается, молодой человек «старался», забыв, однако, что наука безразлична к количеству затраченного труда — важен результат. В общем, ему хотелось стать не только остепененным, но и плодовитым. Таков еще один способ «историографического» самоутверждения. Позднее он поставил на поток производство «научно-популярных» книг. Писал не только о Григории Распутине и Отто Скорцени, но и о Тамерлане и Тесле. Отметился также собранием древних предсказаний о конце света. Разумеется, это были компиляции чистой воды.

Увы, оборотной стороной стадного коллективизма советских времен стало индивидуальное жульничество — не только «стыдливое», но и демонстративное. Редкий большой начальник (депутат, общественный деятель) обходится без ученых степеней, «подкрепляемых» несколькими книгами, написанными в рекордно короткие сроки. О развращающем влиянии такой «общественно-научной» деятельности говорить не приходится.

Неизвестно откуда вынырнули прочие авторы многочисленных «монографий». Если таковые писались для них «на заказ», это их содержание подчас выглядело не столь ужасно. Случалось и хуже. Встречались историки, не стеснявшиеся заявлять, что они собственноручно написали свыше пятидесяти монографий на протяжении пяти, не более, лет. И не важно, что на деле это были брошюры, не дотягивающие ни объемом, ни качеством до стандартов советского издательства «Знание».

Среди нынешнего сообщества историков легко разглядеть и «остепененного» бюрократа, и закомплексованного приспособленца, и успешного «изобретателя велосипеда», и злого неудачника, поливающего грязью конкурентов, и ученых дамочек при мужьях-корифеях, и даже «девочек-ломак», блистающих постмодернистской фразеологией. Больше всего, конечно, обыкновенных конъюнктурщиков и соискателей степеней и званий. Конечно, такое случалось во все времена. Однако дело в количестве. А оно на сегодняшний день перерастает в творчески бесплодное качество.

Хуже всего то, что на поток поставлена «средняя» продукция. От штатных историков, как от бывших передовиков советского производства, требуют сочинение возможно большего количества статей, причем непременно «рейтинговых», валом которых можно отчитаться перед научным начальством. Масса стандартных текстов кочует по «ваковским» журналам, образуя саморазрастающийся бумажный круговорот. Кое-кому это кажется ростом научной продукции.

Что делать, если принятые к рассмотрению диссертации непременно защищаются, запланированные работы обязательно публикуются, а затем «понимающе» одобряются. Многие соискатели откровенно рассчитывают «проскочить». Критические отзывы о качестве подобной продукции произносятся только «между собой». Теперь историк не рискует **сказать**: предпочитает *поговорить*.

Встречается и другое. Плодятся искренние и непоколебимые историки-неформалы, выстреливающие десятками книг о неисчислимых и нескончаемых «врагах России». Как-то на телевидении (куда я больше не хожу) я встретил настырного молодого человека (адвоката по профессии, заодно и «историка»). Как выяснилось, свою кандидатскую диссертацию он посвятил выявлению «взяточников», продавших Аляску. Очевидно, ему было невдомек, что даже коррупция в прошлой России все же имела свои культурно-нравственные ограничители. Да и взвешенность государственно значимых решений была более основательной, чем пред-

ставляется нынешним «тоже историкам».

Конечно, «оптимизм» перестроечных и постперестроечных лет не оправдал себя. Так и должно было быть. Но, несмотря ни на что, сама природа исторического самопознания не допускает впадения в пессимизм. Во все времена человек только и делал, что мысленно преодолевал сумятицу «своего» века, причем не только за счет утопий. В близлежащем окружении я все же наблюдал историков, не желающих терять время на обретение очередных ученых степеней и званий (и вообще тратить время на ставшую привычной показуху). На них вся надежда.

Историк — «оптимист поневоле»: даже хаос людского бытия может стать источником творческого вдохновения. Многообразные нелепости переходного времени могут показаться неисчислимыми. Однако по мере их накопления, через коллизии творческого недомыслия и исследовательских метаний рано или поздно прорежется воля к истине. Этим и жива История.

Е. М. Лупанова

«ЗЕМЛЮ... ПОВЕЛЕВАЕТ ТО, ЧТО НАВЕРХУ: ТЕЛА, КОТОРЫЕ ПЛАНЕТАМИ ЗОВУТСЯ»

Рец.: Фальк С. Светлые века. Путешествие в мир средневековой науки / пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 440 с.

Аннотация: Рецензия посвящена книге британского историка С. Фалька «Светлые века. Путешествие в мир средневековой науки», впервые вышедшей в свет в 2020 г. и опубликованная в 2023 г. в переводе на русский язык. Изучая материалы монастырской научной жизни XIV в. автор убедительно доказывает несостоятельность целого ряда устоявшихся исторических стереотипов, связанных представлением о Средних веках; в особенности — с отношением к познанию природы и к совершенствованию техники. С. Фальк опирается на опыт микроисторических исследований и плодотворно работает в русле новейших тенденций развития исторической науки.

Ключевые слова: история науки, монастыри, Средние века, микроистория, научные инструменты, астрономия, астрология, медицина, Крестовые походы, Столетняя война.

Сведения об авторе: Лупанова Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург). Email: lupanova@kunstkamera.ru

E. M. Lupanova

«THE EARTH IS RULED BY THE OBJECTS ABOVE, THAT ARE CALLED PLANETS»

Rev.: Falk S. The Light Ages. A Medieval Journey of Discovery. M.: Alpina non-fiction, 2023. 440 p.

Abstract: The review is devoted to the book of British historian S. Falk «The Light Ages. A Medieval Journey of Discovery», first published in 2020 and

translated into Russian in 2023. Researching the monastery scholars' materials of the 14th century, the author proves that a series of historiographical stereotypes about Middle Ages are untenable, especially when one talks about sciences and technical improvements. S. Falk's method is based on the microhistorical experience and he follows the latest trends of developing historical researches. **Keywords:** history of science, monasteries, Middle Ages, microhistory, scientific instruments, astronomy, astrology, medicine, Crusades, Hundred-years war.

Corresponding author: Lupanova Evgenia Mikhailovna, PhD (candidat istoricheskikh nauk), senior researcher of the Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg, Russia). Email: lupanova@kunstkamera.ru

Книга британского историка С. Фалька является ярким примером микро-исторического исследования. Через призму жизни монаха Джона Вествика — образованного члена братии, увлекавшегося книгами и математическими расчетами, радетельного исполнителя данных обетов и, вместе с тем, одного из многих десятков не вошедших в историю и давно забытых, к тому же, носившего самое распространенное английское имя — он разворачивает увлекательную историю переплетения духовной и светской истории, науки в стенах монастырей и университетов, естественнонаучного, морального и магического знания. Тот факт, что герой книги был изобретателем оригинального астрономического инструмента, не делает его яркой индивидуальностью. Автор книги неоднократно указывает на то, что аналогичные упражнения были не менее типичны для того времени, чем различные «лайфхаки» и советы на все случаи жизни в современном Youtube. Параллель уместна и в количественном, и в качественном плане: как современные публикации на популярных ресурсах зачастую не выдерживают никакой критики, так и теоретические штудии монахов подчас оказывались невозможными для реализации на практике (С. 19–

21, 323–324). В лучших традициях, заложенных К. Гинзбургом, Дж. Леви и других первопроходцев данного историографического направления, труд С. Фалька совмещает в себе безупречный академизм и доступность для широкого круга читателей.

Заголовок «Светлые века» дан в противовес устоявшейся стереотипной характеристике средневековой европейской науки. Многие десятилетия из публикаций специалистов в лекции для студентов, из университетских аудиторий в школьные классы и телевизионные репортажи с разными вариациями повторяются примерно такие слова: «В период расцвета инквизиции... Европа кичилась своим невежеством: научная мысль преследовалась и угнеталась, господствовало мракобесие, казнили ученых» (Исламов, Кушиев 2020: 184). В Прологе С. Фальк объясняет распространенное подобное предубеждение с исторической точки зрения: если средневековое мышление базировалось на апеллировании к традициям (чем она более древняя, тем выше ее авторитет), то политика и наука Нового времени, напротив, самоутверждалась за счет подчеркивания отличий и принижения достижений прошлого; если в Средние века большинство университетских

студентов были монахами или сыновьями священнослужителей, а монастыри — хранителями библиотек, скрипториями, культурными и исследовательскими центрами, то в Новое время все это отрывалось от духовных авторитетов и перемещалось в специализированные светские учреждения. Особое значение в истории становления и популяризации ошибочного мнения он придает опубликованной в 1828 г. книге В. Ирвинга «История жизни и путешествий Христофора Колумба», которую «бы великодушно назвал “воображаемой” историей. Ирвинг изображает своего героя “гением-одиночкой”, который утверждает, что, отправившись на запад, сможет доплыть до Индии, и сталкивается с яростным противодействием невежественных церковников... Измышления Ирвинга с радостью подхватили антиклерикальные авторы, сделав их символом глобального конфликта науки с религией» (С. 113–114).

«Светлые века» С. Фалька органично вписываются в тенденции развития современной технологической истории. С 1970–80-х гг. звучат призывы отказаться от изучения человеческого прогресса как серии изобретений и биографий их выдающихся авторов. Внимательное отношение к деталям и длительному непрерывному историческому процессу ведет по пути отказа от портретной галереи гениев в пользу многочисленных скромных тружеников, имена которых давно забыты, но именно их кропотливая ежедневная работа месяц за месяцем, год за годом, век за веком в сумме обеспечили становление современного научного знания и достижений техники. Иссле-

дования в этом направлении дают нетривиальные выводы о сдвиге датировки различных событий (годом изобретения часто объявляется год первой публикации оригинальной идеи, однако до этого она могла использоваться десятилетиями и охраняться как коммерческая или корпоративная тайна), положительной роли инквизиции в истории науки (преследование колдовства стимулировало ремесленников формулировать теоретическое обоснование своих технологий и не просто публиковать рецепты, чтобы представить доказательства, что в их деятельности нет ничего общего с черной магией, но излагать мысли четким математическим языком, активно использовавшимся в схоластике как средство доказательства высшей мудрости), история века Просвещения предстает уже не столько как неожиданный качественный рывок, сколько как имевший длительную предысторию период расширения круга образованных людей и привлечения интереса к науке представителей светской власти с целью получения финансирования проектов (Воскобойников 2007; Воскобойников 2012; Дмитриев 2007; Дмитриев 2012; Прокопьев 2003; Прокопьев 2007; Burnett 2005; Bettini 2022; Edgerton 2010).

Внося свой вклад в развитие новой историографической традиции, С. Фальк представляет биографию своего героя в широком историческом контексте. Через призму биографии монаха вниманию читателя представляется яркая динамичная картина монастырской повседневности, состояния системы образования XIV в., астрономических на-

блюдений, опытов их осмысления и практического применения, близких к лабораторным экспериментам, развития приборостроения. Свою специфику определяют взаимоотношения монастыря с ближайшими локальными сообществами, а также с английским правительством; обстановка заката Крестовых походов и первых десятилетий Столетней войны. Это красочное полотно удивляет эрудицией автора, искусством логично выстраивать сложные системы взаимосвязей, умением излагать сложные вопросы как гуманитарного, так и точного знания простым и доступным языком, мастерским выявлением в источниках и объяснением основ утраченных секретов устного счета, составления церковных календарей, вычисления точного времени. В соответствии с синкретичным духом эпохи Средневековья все перечисленное показано в теснейшей взаимосвязи, а также с отсылками к истокам рассматриваемых явлений и к их историческим последствиям.

Особый интерес представляет тезис о широкой сети контактов между учеными на всем Евразийском материке — этому не препятствовали ни географические расстояния, ни конфессиональные различия: «...уже через несколько лет после основания обсерватории в Магаре английский монах Роджер Бэкон воспевал тягу монголов к астрономии. К каким-то из необходимых ему теорий Коперник мог получить доступ благодаря широкой сети контактов европейских ученых, которые... свободно обменивались знаниями как с исламскими, так и с христианскими обществами Средиземноморья» (С. 350);

«...средневековые христиане воздавали должное знаниям иных религий и без всяких предубеждений их заимствовали» (С. 355).

Изучая историю науки, необходимо в каждый отдельно взятый момент помнить о целях, которые ставили перед собой ученые изучаемого периода. Понятия о полезности знаний и возможностях его практического применения с течением времени претерпевали серьезные изменения. Астрономические наблюдения и вычисления XIV в. имели неочевидный с точки зрения XXI в. смысл. На их основе разрабатывались церковные календари, совершенствовалась система измерения времени и ориентации человека в пространстве, составлялись прогнозы погоды, личные гороскопы, предпринимались попытки предсказания важных политических событий, определялись благоприятные и неблагоприятные дни для полевых работ и медицинских манипуляций. Постепенное повышение требований к точности и качеству таких расчетов вело к повышению уровня образования и распространению специальных приспособлений. Одним из ярких тому примеров является появление во Франции XV в. требования к врачам обязательно иметь астрлябию, чтобы «выбирать,... асцидентный знак, соответствующий знаку, в котором находится Луна в час, определенный для кровопускания или дачи слабительного». Принятое решение обеспечило «звездный час городских мастерских по производству астрлябий» (С. 286).

С. Фальк не оспаривает основной приоритет средневековой науки — познание мудрости Творца, но

уточняет, что одной из важнейших составляющих глобальной цели духовных поисков было определение места человека в этом мире. Географические координаты, знание точного времени, понимание внутренней логики естественных процессов и природных явлений — все это было разными аспектами крупного научного вопроса, не дававшего людям покоя и толкавшего по пути исследований, неизбежно связанного с поисками и ошибками: «Да, Средневековье не раз забредало в научные тупики. Но и мы от этого не застрахованы... Пока наукой занимаются люди, она будет страдать от человеческих недостатков. Я убежден, что изучение заблуждений и блистательных достижений Средневековья поможет нам по достоинству оценить свершения человечества во всей их невероятной сложности» (С. 357).

Продолжая эти рассуждения, С. Фальк формулирует главный вывод своего исследования. Он отмечает силу соблазна анахронизмов и их недопустимость: «...критерий побед и поражений совершенно неуместен... мы не должны ставить Средним векам плюсики, оценивая, насколько людям той эпохи удалось уподобиться нам... они не стремились быть похожими на нас. Средневековых ученых не интересовало устройство мира с чисто механическое точки зрения, они стремились постичь живой космос, в котором есть Бог. Даже если они рассматривали Вселенную как предсказуемо функционирующий механизм, они больше интересовались не тем, *как* она работает, но *почему*. И нам не понравилось бы, если бы будущие поколения не принимали нас всерьез из-за того, что мы не ответили на вопросы, которые перед собой не

ставили, — да, вероятно, и не могли поставить» (С. 357–358).

На заключительных страницах повествования автор говорит о христианских добродетелях скромности и смирения, высоко ценившихся в изучаемый им период и теряющих свою ценность с каждой сменой поколений на протяжении Нового и Новейшего времени. Изучение деятельности обычного, ничем не примечательного, монаха, а не прославленной фигуры изобретателя — это, по мнению С. Фалька, наиболее подходящий способ почтения памяти лично Джона Вествика и эпохи, к которой он принадлежал (С. 360–361).

Стандартный справочный аппарат дополнен предметно-именным указателем и аннотированным списком дополнительной литературы к каждой главе.

Вне всякого сомнения, перевод на русский язык книги, впервые вышедшей в 2020 г., является значимым событием для специалистов и, хотелось бы надеяться, повлияет как на пересмотр устоявшихся штампов, связанных со Средневековьем, так и на дальнейшее развитие отечественной истории науки и техники.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воскобойников 2007 — *Воскобойников О.С.* О языке средневековой астрологии (о применении риторических понятий в истории культуры) // *Одиссей. Человек в истории.* 2007: История как игра метафор: метафоры истории, общества, политики. С. 82–110.

Воскобойников 2012 — Воскобойников О. С. Праздное и несправедливое любопытство в XII веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 2(10). С. 3–4.

Дмитриев 2007 — Дмитриев И. С. Творчество и чудотворчество: природознание в придворной культуре Западной Европы в эпоху интеллектуальной революции XVI–XVIII веков // Новое литературное обозрение. 2007. № 5(87). С. 113–147.

Дмитриев 2012 — Дмитриев И. С. Социокультурные основания интеллектуальной революции XVI–XVII вв. // Политическая концептология. Журнал междисциплинарных исследований. 2012. № 1. С. 20–58.

Исламов, Кушиев 2020 — Исламов О. А., Кушиев М. А. Средневековые — время расцвета науки и искусства в мусульманском мире // Ученые записки Худжанского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2020. № 6(65). С. 183–187.

Прокопьев 2007 — Прокопьев А. Ю. Дворянство Священной Римской Империи: социально-культурный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 207–219.

Прокопьев 2003 — Прокопьев А. Ю. «Mobilierе, Nobiliarе»: путешествие в конфессиональную эпоху // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и Раннего Нового времени. 2003. № 4. С. 60–82.

Фальк 2023 — Фальк С. Светлые века. Путешествие в мир средневековой науки / пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина non-фикшн, 2023.

Bettini 2022 — Bettini A. Did Leonardo da Vinci invent the Telescope? // *Optic & photonics new*. 2022. February. P. 30–37.

Burnett 2005 — Burnett D. G. Descartes and the Hyperbolic Quest. Lens Making Machines and their Significance in the Seventeenth Century. Philadelphia: Capital City press, 2005.

Edgerton 2010 — Edgerton D. Innovation, Technology, or History. What is the Historiography of Technology about? // *Technology and Culture*. 2010. № 51(3). P. 680–697.

REFERENCES

Bettini A. Did Leonardo da Vinci invent the Telescope? // *Optic & photonics new*. 2022. February. P. 30–37.

Burnett D. G. Descartes and the Hyperbolic Quest. Lens Making Machines and their Significance in the Seventeenth Century. Philadelphia: Capital City press, 2005.

Dmitriev I. S. Tvorchestvo i chudotvorchestvo: prirodoznanie v pridvornoj kulture Zapadnoi Evropy v epokhu intellektualnoi revoliutsii XVI–XVIII vekov // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2007. № 5 (87). S. 113–147.

Dmitriev I. S. Sotsiokulturnye osnovaniia intellektualnoi revoliutsii XVI–XVII vv. // *Politicheskaiia kontsepologiia. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniia*. 2012. № 1. S. 20–58.

Edgerton D. Innovation, Technology, or History. What is the Historiography of Technology about? // *Technology and Culture*. 2010. № 51(3). P. 680–697.

Falk S. *Svetlye veka. Puteshestvie v mir srednevekovoi nauki* / per. s angl. G. Borodinoi. M.: Alpina non-fikshn, 2023.

Islamov, Kushiev 2020 — Islamov O. A., Kushchiev M. A. Srednevekovye — vremia rastsвета nauki i iskusstva v musulmanskom mire // *Uchenye zapiski Khudzhanskogo gosudarstvennogo universiteta im. Akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*. 2020. № 6(65). S. 183–187.

Prokopev A. Iu. Dvorianstvo Sviashchennoi Rimskoi Imperii: sotsialno-kulturnyi aspekt // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*. 2007. № 4. S. 207–219.

Prokopev A. Yu. «Mobilierе, Nobiliarе»: puteshestvie v konfessionalnuiu epokhu // *Problemy sotsialnoi istorii i kultury Srednikh*

vekov i Rannego Novogo vremeni. 2003. № 4. S. 60–82.

Voskoboinikov O.S. O iazyke srednevekovoi astrologii (o primeneniі ritoricheskikh poniatii v istorii kultury) // *Odissei. Chelovek v istorii*. 2007: Istoriia kak igra meta-

for: metafory istorii, obshchestva, politiki. S. 82–110.

Voskoboinikov O.S. Prazdnoe i neprazdnoe liubopytstvo v XII veke // *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal «Istoriia»*. 2012. № 2(10). S. 3–4.

Д. А. Боровков

Рец.: Г. П. Мельников «Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени» (М.: Индрик, 2022, 536 с., илл.).

Аннотация: В рецензии рассматриваются ключевые аспекты чешской средневековой хронистики, связанные с трансформацией исторических представлений «Чешской хроники» Козьмы Пражского в XIV–XVI вв., произошедшей под влиянием культурной политики Карла IV Люксембургского и последующих реформационных движений.

Ключевые слова: Г. П. Мельников, Св. Вацлав, Козьма Пражский, Карл IV.

Сведения об авторе: Боровков Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук. Email: brancalone85@mail.ru

D. A. Borovkov

REV.: G. P. MELNIKOV. "CZECH SOCIO-HISTORICAL THOUGHT OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN PERIOD" (M.: INDRIK, 2022, 536 PP.).

Abstract: The review examines the key aspects of the Czech medieval chronicle related to the transformation of the historical ideas of the "Czech Chronicle" by Kozma of Prague in the 14th – 16th centuries, which occurred under the influence of the cultural policy of Charles IV of Luxembourg and subsequent reform movements.

Keywords: G. Melnikov, St. Vaclav, Cosmas of Prague, Karl IV.

Corresponding author: Borovkov Dmitry Alexandrovitch, PhD (candidat istoricheskikh nauk). Email: brancalone85@mail.ru

Монография Г. П. Мельникова «Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени» посвящена реконструкции общественно-политических взглядов чешских хронистов XII – XVI вв. Основанная, по большей части, на ранее опубликованных статьях по средневековой чешской хронографии, она представляет своего рода *summa summarum* предшествующих исследований автора.

Первая глава монографии «Монарх и общество в чешском государстве XII в. глазами хронистов» посвящена реконструкции взглядов чешских хронистов XII в. (т. н. продолжателей Козьмы Пражского — Сазавского монаха, Вышеградского каноника и др.) на междукняжескую борьбу в роду Пршемысловцев, взаимоотношения князей и знати, князей и церкви, князей и императоров Священной Римской империи (которых автор на

с. 37 не вполне точно также именуется «римскими королями», не говоря о том, что это был официальный титул германских королей и звучал он как «король римлян»).

Вторая глава монографии «Чешская этатизационная легенда в средневековой хронистике» посвящена исследованию трансформации легенд о начале чешского государства, связанных с легендарными фигурами Пшемисла и Лябуше в «Чешской хронике» Козьмы Пражского и в хрониках его продолжателей XIV в. Это единственный детально проанализированный в книге сюжет из «Чешской хроники» Козьмы. Более поздние известия, в том числе относящиеся к репрезентации Козьмой перипетий междукняжеских отношений X–XI вв. в роду Пршемисловцев, к сожалению, остались за пределами внимания автора, несмотря на наличие ряда интересных сюжетов этого периода. Лишь частично этот пробел компенсирован в третьей главе книги «Чешская общественная и историческая мысль XIV в.», первая часть которой посвящена изучению первой стихотворной хроники на чешском языке — хроники т. н. Далимила, составленной в начале XIV в.

Большая часть третьей главы посвящена анализу хроник, относящихся ко времени правления чешского и германского короля (1346–1378 г.) и императора Священной Римской империи (с 1355 г.) Карла IV Люксембурга — это хроники Франтишека Пражского, Бенеша Крабицы, Пришибика Пулкавы и итальянца Джованни Мариньолы, по большей части апологетично настроенные по

отношению к репрезентации деятельности этого монарха. В этой же главе рассматриваются и произведения самого Карла — «Автобиография» (ее перевод на русский язык был опубликован в 1995 и 2009 г.), «Моралии» и «Житие св. Вацлава», которые также представляют, соответственно, светскую и церковную апологию императора (реинтерпретировавшего агиографическую традицию житий Святовацлавского цикла в интересах династии Люксембургов). Не обойдены вниманием и памятники законодательной деятельности монарха — «Уложение о коронации чешского короля» (1347 г.), грамота об основании Пражского (Карлова) университета (1348 г.), свод законов чешского королевства *Maiestas Carolina*, «Золотая булла» 1356 г. и т. д. Наряду с письменными источниками автор анализирует в этой главе памятники изобразительного искусства эпохи Карла IV. Неточна датировка избрания Карла в германские короли 1348 г. на с. 171, поскольку это событие произошло в 1346 г., еще при жизни его предшественника и политического конкурента Людвига Баварского из рода Виттельсбахов.

Четвертая глава «Этно-историческое сознание чехов в гуситскую эпоху» посвящена реконструкции идеологической панорамы реформационного движения, сложившегося вокруг церковного реформатора Яна Гуса в начале XV в. на фоне культурно-политического чешско-немецкого соперничества. В центре внимания автора, который вслед за современной чешской историографией пытается преодолеть стереотипы, сложившиеся при реконструкции этого процес-

са в XIX–XX вв. (что особо касается событий, предшествовавших возникновению гуситского движения), находится вызванный этим движением религиозный раскол чешской нации, благодаря которому появился ряд литературно-исторических памятников гуситского толка.

Своеобразным продолжением этой темы является пятая глава книги «Концепт чешской истории в Раннее Новое время», в которой рассматривается католическая и протестантская историография Чехии XVI в., представленная в книге, с одной стороны, на примере «Чешской хроники» Вацлава Гаека из Либочан, а с другой стороны — на примере «Чешского государства» Павла Странского, появившейся в начале XVII в. Здесь в центре внимания автора находится как трансформация репрезентации средневековой чешской истории этими хронистами

в зависимости от конфессиональных предпочтений, так и события XVI в., связанные с окончательным утверждением у власти династии Габсбургов в лице короля Фердинанда I.

Вызывает удивление то обстоятельство, что в книге не упомянут Сикст из Оттерсдорфа, чья хроника об антигабсбургском восстании 1547 г. в Чехии была переведена на русский язык и опубликована Г.П. Мельниковым в 1989 г. Определенная избирательность текстов и исследуемых на их основании сюжетов (о которой сам автор неоднократно пишет в тексте) является некоторым недостатком работы, которая, в целом, представляет собой важную и плодотворную, благодаря оригинальному методологическому подходу к проблеме изменения репрезентаций ранней и средневековой истории Чехии в нарративных памятниках позднего Средневековья и Раннего Нового времени.

О НЕПОЛНОЙ «ПОЛНОЙ ИСТОРИИ» ФРАНЦИИ СЕРЖА НОНТЭ

Рец.: Нонтэ С. Франция. Полная история страны. Москва: АСТ, 2020. 448 с.

Аннотация: Рецензируемая книга представляет собой научно-популярную историю Франции, написанную писателем и переводчиком, автором нескольких десятков книг по истории Франции Сергеем Нечаевым, использующим псевдоним Серж Нонтэ.

Ключевые слова: история Франции, Меровинги, Жанна д'Арк, кардинал Ришелье, маркиза де Помпадур, Людовик XV, Великая французская революция, масоны, Наполеон, дело Дрейфуса, Шарль де Голль, Борис Акунин.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород). Email: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT THE INCOMPLETE «COMPLETE HISTORY» OF FRANCE BY SERGE NONTE. REVIEW:
НОНТЭ С. ФРАНЦИЯ. ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ СТРАНЫ. МОСКВА: АСТ, 2020. 448 P.

Abstract: The reviewed book is a popular science history of France, written by a writer and translator, the author of several dozen books on the history of France, Sergei Nechaev, using the pseudonym Serge Nonte.

Keywords: history of France, Merovingians, Joan of Arc, Cardinal Richelieu, Marquise de Pompadour, Louis XV, the Great French Revolution, Freemasons, Napoleon, the Dreyfus affair, Charles de Gaulle, Boris Akunin.

Corresponding author: Podosokorsky Nikolay Nikolayevich, PhD (candidat filologicheskikh nauk), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of *Dostoevsky and World Culture. Philological journal* (Veliky Novgorod, Moscow, Russia). Email: n.podosokorskiy@gmail.com

Мне уже доводилось писать для журнала «Историческая экспертиза» рецензии на книги, созданные в чрез-

вычайно востребованном ныне жанре научно-популярной однотомной истории отдельной страны (*Под-*

сокорский 2022а) или целого континента (*Подосокорский 2022б*). Автор труда «Франция. Полная история страны»¹ (АСТ, 2020) – популяризатор французской истории и, особенно наполеоновской эпохи, писатель и переводчик с французского Сергей Юрьевич Нечаев, взявший себе псевдоним Серж Нонтэ, выпустил уже более четырех десятков книг, преимущественно, исторической тематики, которые пользуются большим спросом (если верить статье о нем в Википедии, то их общий тираж, с учетом аудиокниг и переводов художественных произведений, уже к 2013 году перевалил за миллион экземпляров).

Его ФПИС вышла в серии с несколько вульгарным названием «История на пальцах» издательства «АСТ», само название которой говорит о том, что такого рода книги рассчитаны на самого широкого и невзыскательного читателя, а вовсе не на специалистов. Вместе с тем, может быть полезен подробный разбор таких трудов с указанием их сильных и слабых сторон. ФПИС Нонтэ (Нечаева) содержит множество иллюстраций, внушительный список использованной литературы как на русском, так и на иностранных языках (более 130 наименований) и почти 250 ссылок на источники некоторых из приведенных цитат.

Книга написана живым, грамотным языком, наполнена яркими сюжетами, меткими цитатами и афоризмами, и в целом выстроена так, чтобы

читателю, в первую очередь, не было скучно. Каких-то вопиющих ошибок в этом труде я не заметил, что объяснимо глубоким и давним погружением автора в историю Франции. Из ФПИС читатель может узнать, что знаменитая фаворитка короля Людовика XV, маркиза де Помпадур (1721–1764) была пожалована в октябре 1752 года «титлом герцогини со всеми вытекающими отсюда привилегиями» (Нонтэ 2020: 244), поэтому правильнее было бы называть ее по более высокому титулу, то есть герцогиней, а не маркизой.

Интересна описанная в книге судьба семерых узников Бастилии, освобожденных разъяренной толпой в роковой день 14 июля 1789 года: «все эти “освобожденные восставшим народом” узники так и не получили свободы: четверых мошенников вскоре вновь посадили, а остальных троих просто перевели в более подходящее для них место – в лечебницу Шарантон» (Нонтэ 2020: 263). Замечательно описана и перестройка Парижа бароном Османом в период Второй империи.

А вот любопытные сведения о прославленном генерале Шарле де Голле. Служивший в начале 1920-х годов в штабе маршала Петена (впоследствии возглавлявшего в годы Второй мировой войны коллаборационистское правительство, известное как режим Виши), он, оказывается, назвал в его честь своего сына Филиппом² (Нонтэ 2020: 437). Нонтэ также приводит и другой занимательный

¹ Далее для удобства я буду называть этот труд сокращенно – ФПИС.

² Филипп де Голль жив и на момент написания рецензии (19 мая 2023 г.) – 28 декабря 2023 года ему должно исполниться 102 года. Он также участвовал во французском движении Сопротивления,

факт из жизни де Голля: «ни один президент не переживал столько покушений за свою жизнь, как Шарль де Голль. Их было больше 30! И каждый раз ему удавалось выбираться целым и невредимым» (Нонтэ 2020: 439–440). Весьма пронизательными, особенно сегодня, кажутся процитированные автором слова первого президента Пятой республики: «Ни одна страна без атомной бомбы не имеет полного основания считать себя независимой» (Нонтэ 2020: 441).

Особенно захватывающим в изложении автора мне показался сюжет борьбы меровингских королей VI века Брунгильды и Фредегонды, достойный экранизации в духе «Игры престолов». Или вот еще примечательная легенда галантного века, прекрасно характеризующая отношения дворян того времени. В ходе войны за австрийское наследство, в сражении при Фонтенуа 11 мая 1745 года между французскими войсками и объединенной армией воюющих с ней стран якобы имел место такой диалог: «Чарльз Хэй, командир 1-го гвардейского английского полка, крикнул:

— Господа французы! Стреляйте первыми!

На это граф Жозеф д'Отрош ответил:

— Господа, мы никогда не стреляем первыми, стреляйте сами!» (Нонтэ 2020: 235).

Как отмечает Нонтэ, «потери в этом сражении были высокими для обе-

их сторон: у французов около 7000 убитых и раненых, у союзников — от 10000 до 12000. После битвы Людовик XV, пораженный количеством убитых и раненых, сказал одному из офицеров: «Пусть за ранеными французами ухаживают, как за моими детьми». Его спросили, а что делать с ранеными англичанами, на что король ответил: «Пусть с ними поступают, как с нашими, они больше не наши враги». А потом он сказал, обращаясь к своему сыну: «Смотрите, сын мой, как победа дорого стоит, и как она мучительна»» (Нонтэ 2020: 235).

Нахзац книги содержит также топ-10 имен «самых знаменитых персонажей истории Франции». По мнению автора — это Карл I Великий, Людовик IX Святой, Жанна д'Арк, Генрих IV, кардинал Ришелье, Людовик XIV, Наполеон I, Талейран, Клемансо и де Голль. При этом Карлу Великому и его эпохе в книге отведены всего две с половиной страницы (Нонтэ 2020: 88–90), а Жоржу Клемансо — один абзац (Нонтэ 2020: 423). Вообще первое, что обращает на себя внимание при чтении ФПИС — это большая неровность в освещении разных эпох в истории Франции. В этом отношении «Полная история» Франции Нонтэ сильно проигрывает «Краткой истории Франции» Джона Норвича, аналогичной по замыслу, но куда более гармоничной и продуманной по структуре (Норвич 2020). Например, Нонтэ зачем-то подробнейшим образом описывает ход трех битв наполеоновских войн: битвы при Маренго 1800 года, бит-

избрал для себя военную карьеру и дослужился до звания адмирала; с 1986 по 2004 год был сенатором от Парижа.

вы при Лейпциге 1813 года и битвы при Ватерлоо 1815 года, посвящая им в общей сложности 33 страницы, что для такого труда очень много. При этом всей истории Франции XX–XXI веков в книге уделено 30 страниц, а королям Людовику XI, Карлу VIII, Людовику XII и Франциску I (правили поочередно с 1461 по 1547 год) — четыре с половиной страницы (по одной с небольшим страницей на каждого), и т. д.

Такая несоразмерность отчасти объяснима спецификой жанра (изложить всю историю Франции в одной книге, да еще равномерно, в любом случае невозможно), но все равно некоторые лакуны кажутся слишком заметными. Например, вот как Нонтэ описывает почти полувековую историю Франции с 1969 по 2017 год: «Вторым президентом Пятой республики в 1969 году был избран голлист Жорж Помпиду, занимавший до этого пост премьер-министра. В 1974 году его сменил Валери Жискар д'Эстен, а с 1981 по 1995 г. президентом Франции был Франсуа Миттеран, при котором начался долгосрочный экономический подъем страны. Потом президентом был Жак Ширак, и это при нем, кстати, во Франции был проведен референдум о сокращении срока полномочий президента с семи до пяти лет. В 2007 году президентом был избран Николя Саркози (явка избирателей тогда была беспрецедентно высокой — 85%), а новое правительство Франции возглавил Франсуа Фийон. 6 мая 2012 года в результате президентских выборов 24-м президентом Франции был избран кандидат от социалистической партии Франсуа Олланд. Он победил Саркози во

втором туре, набрав 51,6% голосов избирателей. А с 14 мая 2017 года президентом Франции является Эмманюэль Макрон, которому сейчас всего 40 лет и который стал самым молодым президентом Франции за всю историю этого поста» (Нонтэ 2020: 449–450).

Дает ли нам что-то для понимания современной Франции это перечисление ее последних президентов? В эпоху Интернета и Википедии — вряд ли. Удивительно, но одной из наиболее слабых глав книги является глава, посвященная правлению Наполеона I, о котором Нечаев написал не один десяток книг. В ней много общих, банальных фраз, вроде следующей: «Несмотря ни на что, Наполеон, безусловно, — великая историческая личность. Император французов, король Италии, неординарный полководец и выдающийся государственный деятель, который заложил основы современного французского государства. Наполеон, “согласно опросам, считается самым великим героем в истории Франции”» (Нонтэ 2020: 345). При этом автор почти совсем не касается того, как именно жили Франция и французы при Наполеоне I.

Стремление эпатировать читателя разного рода пикантными историями также не всегда кажется уместным для книги такого жанра. Нонтэ приводит малоубедительные мнения о том, что «на самом деле» Жанна д'Арк была единоутробной сестрой короля Карла VII (Нонтэ 2020: 129), и ее вовсе не сжигали на костре (Нонтэ 2020: 134–135); что сыновья Анны Австрийской (жены Людовика XIII), Людовик XIV и Филипп

Орлеанский, были рождены ею от кардинала Ришелье, «якобы влюбленного в королеву» (Нонтэ 2020: 195); что тюрьму Бастилию 14 июля 1789 года «никто не брал» (Нонтэ 2020: 265); что «своим возвышением Наполеон во многом обязан и масонству» (Нонтэ 2020: 277) и т. п.

Вообще в книге много места отведено конспирологическим взглядам автора, согласно которым масоны периодически определяли ход исторических событий во Франции, но при этом парадоксальным образом все шло не так, как им бы того хотелось³. Ход его рассуждений, призванных разоблачить масонский заговор, представляется в ряде случаев произвольным и бездоказательным. Например, Нонтэ сообщает, что ко взятию Бастилии толпу подталкивали «революционные агитаторы (масоны)», которые «умышленно распалили страсти, утверждая, что подвалы Бастилии полны громадных крыс и ядовитых змей, что там годами томятся закованные в цепи “политические”, что там есть камеры для пыток и т. д. и т. п. Разумеется, все это было вымыслом» (Нонтэ 2020: 260). Казалось бы, коварные масоны обманули легковверных представителей глубинного французского народа? Но нет, далее автор поясняет: «Впрочем, парижская чернь вовсе и не собиралась никого освобождать. Восставшие хотели поживиться неплохими продовольственными запасами крепости, что они успешно и сделали. На семерых заключенных же они вообще набрали совершенно случайно» (Нонтэ 2020: 263).

Великую французскую революцию автор тоже объявляет проектом масонов:

Кстати, очень многие авторы отмечают роль масонов в этой революции. Так, например, Монтень де Понсен в своем замечательном труде «Тайные силы революции» утверждает: «Революция 1789 года не была ни самопроизвольным движением против “тирании” старого порядка, ни искренним порывом к новым идеям свободы, равенства и братства, как [в] это хотят нас заставить верить. Масонство было тайным вдохновителем и в известной степени руководителем движения. Оно выработало принципы 1789 года, распространило их в массах и активно содействовало их осуществлению». По сути, Великая французская революция была обманом и надувательством: людьми манипулировали, руководствуясь неизвестными им мотивами. Некоторые историки утверждают, что это был внезапный порыв народного воодушевления. Историк масонства В. Ф. Иванов с этим категорически не согласен. Он пишет: «Движение, приведшее к свержению монархии, было создано искусственно».

То есть так называемый «внезапный порыв», несомненно, был весьма тщательно подготовлен. И действительно, создается впечатление, что все было связано воедино и управлялось из одного центра, а «народное воодушевление» создавалось путем внедрения в умы огромных масс людей одних и тех же заблуждений. Французам внушалось, что король сам желает полного равенства, что он не хочет больше вельмож, епископов и тому подобных пережитков прошлого... И сбитые с толку люди думали, что, круша все вокруг, они посту-

³ В 2007 году С. Ю. Нечаев выпустил книгу, полностью посвященную истории французского масонства (Нечаев 2007).

пают правильно, ибо такова и есть воля короля (Нонтэ 2020: 251).

Конечно, отрицать значимую роль масонов (особенно в идейном плане) в революционном процессе во Франции того времени никак нельзя (об этом много и давно написано самыми разными историками), но правильнее говорить об их влиянии лишь как об одном из факторов в складывании революционной ситуации в стране, а вовсе не об искусственном конструировании ими революции на «пустом месте». Впрочем, позиция автора сказывается и на идеализации им фигуры Людовика XVI, который дескать был «полон надежд осчастливить Францию», но, к сожалению, «был окружен либо врагами, либо посредственными людьми, на которых нельзя было положиться» (Нонтэ 2020: 253). При этом Нонтэ называет Людовика XVI «честным и чистым патриотом» (Нонтэ 2020: 269), стараясь снять с него ответственность за то, к чему пришла страна в его правление.

Особую роль, согласно Нечаеву (Нонтэ), масоны сыграли в жизни Наполеона, считая его «эффективным орудием для уничтожения европейских монархий» (Нонтэ 2020: 278). В доказательство этих слов автор ФПИС цитирует дореволюционного обличителя масонов, автора публицистической книги «Тайная сила масонства» (СПб., 1911) Александра Селянинова, утверждавшего: «Масонство решилось само пойти за Наполеоном, и поэтому в день 18 брюмера ему помогли самые влиятельные революционеры. Они думали, что Наполеон будет управлять Францией по их доверенности»

(Нонтэ 2020: 278). Впрочем, Наполеон, возможно, и «сам был масоном» (Нонтэ 2020: 277) — такую оценку от дипломата Меттерниха Нонтэ приводит, цитируя сочинения другого русского публициста, автора «Истории русского масонства» Бориса Башилова (1908–1970).

Ошибочен тезис Нонтэ о том, что «масоны всегда провозглашали свое неучастие в политике» (Нонтэ 2020: 374), ведь этот запрет касался лишь непосредственного использования лож для обсуждения политических вопросов, а вовсе не участия отдельных вольных каменщиков в политической и государственной деятельности.

Досталось масонам от автора и за активную защиту ими в конце XIX — начале XX века несправедливо обвиненного в шпионаже в пользу Германии офицера французского Генерального штаба, еврея Альфреда Дрейфуса. Нонтэ пишет об этом в таких тонах: «В развернувшуюся борьбу за пересмотр этого дела включились и масоны. И проблема тут была совсем не в справедливости, за которую якобы боролись “вольные каменщики”, а в том, чтобы как можно больше дискредитировать противостоящий им так называемый “клерикально-консервативный лагерь политического спектра тогдашней Франции”» (Нонтэ 2020: 413). В общем даже правозащитная деятельность масонов имела, по его мнению, совсем иные, разрушительные цели.

Несмотря на пространный список литературы, приведенный в конце книги, в значительной степени

ФПИС Нонтэ основана на старых обзорных трудах вроде «Истории Франции» американского историка Уильяма Стернса Дэвиса (1877–1930), вышедшей в 1919 году, — Нонтэ цитирует ее в своей книге аж 35 раз! Для тех, кто не знаком с историографией, может показаться, что и цитата из Анри Лашука о наполеоновском маршале Эммануэле Груши касается нашей современности: «До сих пор во французских школах учат детей, что Груши предатель, который не пошел на звуки артиллерийской канонады» (Нонтэ 2020: 344), хотя Лашук умер в 1971 году, то есть столетия назад.

Есть в книге и мелкие недостатки чисто технического характера: указанные в оглавлении страницы разделов не совпадают с их фактическим расположением, а некоторые издания, на которые автор ссылается в примечаниях, отчего-то отсутствуют в общей библиографии, как это, к примеру, произошло с книгой бывшего министра культуры России, доктора исторических наук В. Р. Мединского «Война. Мифы СССР. 1930–1945» (Нонтэ 2020: 470). Впрочем, к чести автора замечу, что он относится к ней вполне критически, указывая на неточность приведенной Мединским цитаты фельдмаршала Кейтеля при подписании последним капитуляции от имени Германии 8 мая 1945 года. У Мединского Кейтель, неожиданно увидевший французский флаг, спешно изготовленный из подручных материалов, восклицает: «А что, этим мы тоже войну проиграли?» (Нонтэ 2020: 433). На самом деле, как отмечает Нечаев, фраза немецкого военного деятеля дословно звучала иначе: «Ах! Даже

французы тут. Только этого не хватало!» (Нонтэ 2020: 433).

Завершается книга провокационной цитатой из писателя Бориса Акунина: «Клише, составленное из книг и фильмов, так прочно, что никакие сведения, полученные позднее, и даже личное знакомство с реальной Францией уже не способны этот образ изменить или хотя бы существенно дополнить. А главное, не хочется его менять. Настоящая, а не книжная Франция — такая же скучная, прозаическая страна, как все страны на свете; ее обитатели больше всего интересуются не любовью, приключениями и мистикой, а налогами, недвижимостью и ценами на бензин» (Нонтэ 2020: 451). Из этих слов может показаться, что книги и фильмы не имеют отношения к подлинной реальности, настоящая история обязана быть скучной, а историк, главным образом, должен исследовать интересы и жизнь людей по самой низшей шкале ценностей. На самом деле подход может и должен быть другим, иначе, всё чудесное и настоящее уйдет не только из книжной истории, но и из непосредственной жизни. В конце концов, каждый историк изучает событие, явление, эпоху или страну в соответствии с глубиной и размером своей собственной личности, и от этого никуда и никому не деться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нечаев 2007 — Нечаев С.Ю. Масоны и Великий Восток. М.: Вече, 2007. 320 с.

Нонтэ 2020 — Нонтэ С. Франция. Полная история страны. М.: АСТ, 2020. 448 с.

Норвич 2020 — Норвич Дж. Краткая история Франции / Пер. с англ. О. В. Стро-

гановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.

Подосокорский 2022а — Подосокорский Н.Н. О политической истории Европы Саймона Дженкинса. Рец.: Дженкинс С. Краткая история Европы / Пер. с англ. Галины Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 484 с. // Историческая экспертиза, 2022. №3. С. 342–348.

Подосокорский 2022б — Подосокорский Н.Н. О «Краткой истории Франции» Джона Норвича. Рец.: Норвич Дж. Краткая история Франции / Пер. с англ. О.В. Строгановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.: ил. // Историческая экспертиза, 2022. №4. С. 233–242.

REFERENCES

Nechaev S.YU. *Masonry i Velikij Vostok*. М.: Veche, 2007.

Nonteh S. *Franciya. Polnaya istoriya strany*. М.: AST, 2020.

Norvich Dzh. *Kratkaya istoriya Francii* / Per. s angl. O.V. Stroganovoj. М.: KOLibri, Azbuka-Attikus, 2020.

Podosokorskij N.N. O politicheskoy istorii Evropy Sajmona Dzhenkinsa. Rec.: Dzhenkins S. *Kratkaya istoriya Evropy* / Per. s angl. Galiny Borodinoj. М.: Al'pina non-fikshn, 2022. 484 s. // *Istoricheskaya ehkspertiza*, 2022. №3. S. 342–348.

Podosokorskij N.N. O «Kratkoj istorii Francii» Dzhona Norvicha. Rec.: Norvich Dzh. *Kratkaya istoriya Francii* / Per. s angl. O.V. Stroganovoj. М.: KOLibri, Azbuka-Attikus, 2020. 480 s.: il. // *Istoricheskaya ehkspertiza*, 2022. №4. S. 233–242.

А. А. Тесля

УКРАИНЦЫ ДУНАЙСКОЙ МОНАРХИИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НА ПУТИ К ЗАПАДНО-УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Рец.: Парфирьев Д. С. Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Между Веней, Берлином и Киевом. 1914 — 1918. М.: Центрполиграф, 2023. 223 с. (серия: «Новейшие исследования по всеобщей истории», вып. 1).

Аннотация: В монографии Д. С. Парфирьева, основанной на недавно (2021) защищенной кандидатской диссертации, описываются и анализируются процессы в рамках украинского движения в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны, в итоге приведшие к радикальной смене ориентации от лоялизма к сепаратизму. Автор демонстрирует логику этих процессов, увязывая не только внешне- и внутривполитические события, но и сложное сочетание противостояния с польским национальным движением, влиянием с 1917 года украинского движения на территории бывшей Российской империи — показывая эпохальный сдвиг, приходящийся на период Великой войны.

Ключевые слова: Буковина, Галиция, национализм, нацистроительство, «польский вопрос», польское национальное движение, русины, украинское национальное движение.

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Email: mestr81@gmail.com

© А. А. Тесля, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-3-220-224

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

A. A. Teslya

DANUBIAN MONARCHY'S UKRAINIANS IN THE OF THE FIRST WORLD WAR: ON THE WAY TO WEST UKRAINIAN PEOPLE REPUBLIC

Rev.: Parfir'ev D. S. *Ukrainskoe dvizhenie v Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny. Mezhdue Venoj, Berlinom i Kievom. 1914 — 1918.* — M.: Centrpoligraf, 2023. — 223 s. — (serija: «Novejschie issledovanija po vseobshhej istorii», vyp. 1).

Abstract: D. S. Parfiryev's monography, based on recent (2021) postgraduate thesis, gives a description and analysis of processes in Ukrainian movement in Austria-Hungary during the WWI, the result of which was a radical change of orientation from loyalism to separatism. The author shows the logics of these processes, linking not only external and internal events but also complicated combination of antagonism with Polish national movement and, from 1917, the influence of the Ukrainian movement on Russian empire's former territory. Then, he shows an epochal shift which was a part of the Great war.

Keywords: Bukovina, Galicia, nationalism, nation-building, «Polish issue», Polish national movement, Rusyns, Ukrainian national movement.

Corresponding author: Teslya Andrey Alexandrovitch, PhD (candidat filosofskih nauk), Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University. Email: mestr81@gmail.com

Есть два подхода к истории нацие-строительства, не противоречащие друг другу, но существенно отличающиеся в исследовательской фокусировке — на «длинной» истории, складывании институциональных, интеллектуальных, экономических и т.п. условий, и на поворотных событиях, таких как войны и революции.

Подчеркнем, что они, разумеется, не противоречат друг другу — более того, именно «поворотные события» позволяют увидеть, насколько успели измениться условия, исходя из вопроса — как оказалось возможно событие — возвратным путем обращается исследовательское внимание на те медленные перемены, которые сделали его возможным.

Погружение в плотную событийность имеет еще и ту выигрышную

сторону, что избавляет от выпрямляющего взгляда — «главных тенденций», однозначной направленности движения и т.п. В этом производное и от самой плотности материала — поскольку для самих участников событий даже ближайшие события неизвестны, они мыслят альтернативами и вероятностями, принимают решения или воздерживаются от них, исходя из предположений той или иной степени обоснованности о предстоящем (при этом, если мы не презюмируем, что реально осуществившееся тождественно наиболее вероятному — то наиболее обоснованное решение может оказаться ошибочным). И вместе с тем — в силу уже сказанного — чем детальнее, подробнее анализ, чем более короткий период анализируется — тем больше возрастает роль конкретных решений: то, что сглаживается в длинной

перспективе, здесь имеет непосредственное воздействие.

Книга Д.С. Парфирьева сосредотачивается на событиях всего четырех с небольшим лет — от начала Первой мировой войны и вплоть до провозглашения 13 ноября 1918 Западно-Украинской народной республики (ЗУНР). Давая общую обрисовку ситуации в Восточной Галиции и Буковине накануне войны, Парфирьев показывает, что на протяжении последнего предвоенного десятилетия украинское движение (прежде всего представленное Украинской национально-демократической и Украинской радикальной партиями) сумело добиться целого ряда поставленных задач, прежде всего реформы избирательного законодательства, повлекшего увеличение и укрепление своего положения в представительных органах власти королевства и Цислейтании — и приблизилось к осуществлению основной цели, а именно к выделению Восточной Галиции в самостоятельную провинцию империи, т.е. к ослаблению польского влияния. При этом большая часть населения региона не имела явной национальной идентификации — среди образованных слоев явно доминировало украинское направление («русское» составляло по разным оценкам от 1/3 до 1/4), однако для решительного ускорения процессов нацистроительства большую роль играло фактическое превращение греко-католической церкви («униатства») в национальную церковь — чему принципиально способствовала ликвидация Унии в Российской империи (завершенная в 1870-е «воссоединением» униатов Холмской губернии). Тем самым

для тех в Галиции, кто политически/культурно отталкивался от украинского движения и/или не принимал процессов обращения греко-католической церкви в национальную — выбором оказывался преимущественно переход в латинский обряд: трансформация церкви происходила во многом не просто независимо, но и вопреки воле иерархов, как дрейф, задаваемый объективно сложившейся ситуацией.

С началом войны перед украинским движением возникает необходимость доказательства своей лояльности и значимости для империи (в первый год войны преимущественное внимание обращено на Вену, затем, по мере разочарования в венском правительстве и понимания, что ключевые решения по значимым для украинского движения вопросам принимаются в первую очередь северным союзником, смещаясь на Берлин). Так, уже в первые месяцы войны, стремясь добиться наилучших условий для образования национального добровольческого воинского подразделения (Украинские сечевые стрельцы), украинские политики, противостоя польскому движению, апеллируют к тому обстоятельству, что польские воинские соединения могут создать (и создадут, как известно) все стороны конфликта — тогда как Российская империя не создаст украинских полков, поскольку не признает украинцев как особого политического субъекта. Тем самым украинские политики совершенно верно, как покажет последующий ход событий, аргументируют, что польские части окажутся лояльны каждая тому политическому образованию, которое их сформирует — тогда как лояль-

ность украинского подразделения оказывается безальтернативной.

Конкурентом за внимание (и, следовательно, ресурсы) центра для украинского движения оказывается объединение украинских политических эмигрантов из Российской империи. В самом начале войны эмигрантское объединение получает преимущественное, по сравнению с австрийскими украинцами, финансирование — чтобы затем на долгое время отойти в тень. У этой динамики событий есть в первую очередь внешнеполитическая и военная логика — если в начале войны стороны, и в том числе Вена, рассматривают перспективу быстрого хода событий и наступательных действий, то украинские политики Галиции и Буковины интересуют их в первую очередь с точки зрения лояльности, тогда как политические эмигранты представляют интерес с точки зрения действий в отношении противника. По мере того, как в 1914 — 1916 гг. вопрос почти исключительно сосредоточится уже на восстановлении контроля Центральными державами над Восточной Галицией, оккупированной Российской империей в самом начале войны, затем оставленной, а затем отчасти вновь занятой в ходе Брусиловского прорыва в 1916 г., украинская политическая эмиграция из России (к тому же в сложных, мало дружественных отношениях с галицийскими и буковинскими политиками) будет представлять периферийный интерес.

Другой важный аспект, на который обращает внимание автор — что для внешнего взгляда (как центра, так и противодействующих групп) во многом как угроза воспринимались

славяне, русины — и многочисленные аресты и заключение в лагеря касались отнюдь не только «русофилов». Для украинских политиков существенной задачей было и заступничество за «своих» (что отнюдь не предполагало именно политического выбора), и одновременно различие между лояльными и нелояльными к империи группами.

Большое значение приобретет германское наступление 1915 года — поскольку выведет на передний план польский вопрос: со стороны украинских политиков будут попытки противодействовать планам Центральным державам, прежде всего Германии, заручиться поддержкой поляков за счет украинцев, однако в итоге они окажутся безуспешны, что приведет к существенному ослаблению авторитета старых парламентских лидеров украинского движения.

Парфирьев показывает, как принципиально на протяжении 1917 — 1918 гг. меняются политическая перспектива и цели украинского движения в Австро-Венгрии, выделяя два первостепенных фактора: во-первых, события в бывшей Российской империи, приведшие к стремительному, к концу 1917 — началу 1918 г. обретению российской Украиной международно-правовой субъектности; во-вторых, реагирование на возрастающие угрозы со стороны других политических субъектов — прежде всего становящейся все более актуальной проблемы взаимодействия с польским политическим образованием (статус которого, как реальный, так и потенциальный, очень быстро меняется на протяжении этого времени).

В итоге к моменту распада Австро-Венгрии украинское движение в империи окажется вынужденным провозгласить независимость ЗУНР, в том числе пытаясь ускользнуть от поглощения «возрождаемой» Речью Посполитой. Возможность этого провозглашения будет связана и с ориентацией на другие образцы славянского политического движения в империи, и с опытом Украинской республики в Киеве — и опираться на многие тысячи участников украинских воинских формирований, пошедших на службу как под влиянием уже сформированной национальной идентичности, так во многом

приобретая ее в процессе. Они оказываются подталкиваемы к логике провозглашения национальной независимости, во многом понимая всю нежелательность этого для них самих в ситуации 1917 — 1918 гг., плетясь в хвосте у событий — поскольку распадающееся имперское целое теперь сталкивает их напрямую с Польшей без особых шансов на успех. И тем не менее само событие провозглашения и кратковременная ЗУНР — в том числе и в этой воле к поступку, явному разграничению с Польшей — закономерно станет одним из важнейших событий в украинской исторической памяти.

К. Б. Божик

Рец.: Б. Л. Хавкин. Нацизм. Третий Рейх. Сопротивление. — М., Товарищество научных знаний КМК, 2023. 378 с.

Аннотация: В рецензируемую новую книгу известного историка-германиста профессора Бориса Хавкина вошел ряд его работ по истории германского нацизма, Третьего рейха и антинацистского Сопротивления в Германии.

Ключевые слова: Германия, Нацизм, Третий рейх, Вторая мировая война, антинацистское Сопротивление.

Сведения об авторе: Божик Кристина Богдановна, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета. Email: kristina_bozhik@mail.ru

К. В. Bozhik

Rev.: B. L. Havkin. Nacizm. Tretij Rejh. Soprotivlenie. — M., Tovarishhestvo nauchnyh znaniij KMK, 2023. 378 s.

Abstract: The new book by the well-known Germanist historian Boris Khavkin is reviewed. It includes a number of his works on the history of German Nazism, the Third Reich and the anti-Nazi Resistance in Germany.

Keywords: Germany, Nazism, the Third Reich, World War II, anti-Nazi resistance.

Corresponding author: Bozhik Kristina Bogdanovna, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Docent, Moscow State Linguistic University (MSLU). Email: kristina_bozhik@mail.ru

В издательстве «Товарищество научных изданий КМК» вышла в свет новая книга Бориса Хавкина «Нацизм. Третий рейх. Сопротивление».

Борис Львович Хавкин, доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института РГГУ, является признанным знатоком истории нацизма и антигитлеровского Сопротивления в Германии. Ещё в 1990 г.

вышла его совместная с научным наставником А. С. Бланком книга «Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса», в 2014 г. — еще две его книги: биографический труд «Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера» и «Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории». Затем последовали монографии «Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление» (М., 2017);

«Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев» (М., 2018); «Российское зеркало германской истории XX век» (в соавт. с К. Б. Божик. М., 2021).

В новой книге собраны работы автора по истории германского нацизма, Третьего рейха и антигитлеровского Сопротивления немцев. Многие из статей, ставших главами книги, увидели свет на страницах журналов «Новая и новейшая история», «Историческая экспертиза», «Вестник архивиста», «Родина», «Независимого военного обозрения» (еженедельного приложения к «Независимой газете») и в других изданиях. Некоторые тексты публикуются впервые.

Как отмечает в предисловии профессор МГИМО, доктор исторических наук Николай Павлов, объединяющий все главы книги лозунг «Помнить всегда!» касается не только немцев, но и всех нас. «Именно об этом пишет Борис Львович Хавкин, перекидывая мостик от прошлого к настоящему и давая наказ на будущее».

Новая книга — это научное издание, в котором перед читателем крупным планом предстает двенадцатилетняя история гитлеровской Германии. В то же время книга Бориса Хавкина в лучшем смысле этого слова популярна, т.е. написана просто, понятно и занимательно. Названия глав говорят сами за себя: «Лебенсборн» и «Аненербе», «Судьба Мадагаскарского проекта», «Агрессия Германии не была «превентивной»», «Наш человек в гестапо Вилли Леман», «Имей мы в Англии пять

Сонь, война окончилась бы раньше», «Зачем Сталин обманывал маршала Жукова»... Однако всякий раз читателю предлагается научное раскрытие темы, поданное настолько чётким публицистическим слогом, что книгу нетрудно воспринимать и на слух. Она может стать готовой основой сценария документального фильма — тем более, что содержит десятки фотоиллюстраций, подобранных автором.

В книге Бориса Хавкина нет места тривиальной описательности, свойственной даже серьёзным историкам, не говоря об авторах популярных работ. Первые в погоне за объёмом нередко посвящают большую часть текста подводке к отдельному вводимому в оборот документу, к немногочисленным новым фактам, а иногда и к извлечению из труда зарубежного коллеги. Популяризаторы могут и вовсе не гнаться за новизной, создавая у читателей — через эффект узнавания — иллюзию компетентности. В книгах же Бориса Хавкина, посвящённых германской истории, каждая глава — увлекательное историческое расследование.

Если в «Российском зеркале германской истории» об исследовательской добросовестности автора свидетельствует обширный научно-справочный аппарат, то в книге «Нацизм. Третий рейх. Сопротивление» научную добросовестность гарантирует авторский текст, исключительно богатый на имена, сюжеты, детали, цитаты, но при том лишённый «воды». Общеизвестные факты проговариваются кратко и лаконично, а новые для широкого читателя — раскрываются столь компактно, что пересказ

любой из кратких глав книги превратится в насыщенный содержанием конспект.

Разумеется, будучи эрудированным специалистом, Борис Хавкин даёт понять читателю, что эта книга — только начало погружения в такие проблемы новейшей германской истории, как сосуществование реваншистского экстремизма и еврейская жизнь в веймарской Германии; путь нацизма к «всеобщему и окончательному решению еврейского вопроса»; соотношение в германском Сопротивлении советофилов, британской агентуры и немецких консерваторов; денацификация в западных и в советской зоне поверженной Германии; роли и судьбы посла Шуленбурга, начальника абвера Канариса, невольного гитлеровского преемника адмирала Дёница, антигитлеровских заговорщиков генерала фон Трескова и майора Куна, парней из Ричи. Многие из этих вопросов требуют не только обширной научной

эрудиции, но и новых исторических источников.

Прочтя книгу «Нацизм. Третий Рейх. Сопротивление» (а лучше — имея её под рукой), читатель сможет, отбросив привычные штампы, лучше ориентироваться в событиях прошлого, которые всегда будут владеть вниманием историков, философов, политиков, ответственных граждан. Ведь история Германии 1933–1945 гг. богата примерами как низости варварства, так и высоты непокорного свободолюбивого духа.

Новая книга написана профессионалом, который знает и любит историю как науку и как занимательный рассказ. Она адресована не только профессиональным историкам, студентам и аспирантам, но и всем ценителям и любителям истории. Первые найдут в ней актуальность и научную новизну. Вторые — живую литературную речь, сюжет, который в ряде случаев переходит в детектив.

Ф. О. Трунов

Рец.: Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в. / Отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. — 584 с. — (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 3).

Аннотация: Представлена рецензия на коллективный труд, посвящённый складыванию нового истеблишмента в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период и после крушения биполярного миропорядка. Хронологически наибольшее внимание уделено 1990-м гг., когда происходила ломка и перестройка политической системы соответствующих игроков постсоциалистического пространства. Личности руководителей государств ЦЮВЕ органично вписаны в идущие внутривосточные и региональные политические процессы.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Юго-Восточная Европа, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Македония, Албания, Сербия, Черногория, Республика Сербска, Хорватия, Словения, Турция, Греция.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва). Email: 1trunov@mail.ru

Ph. O. Trunov

Rev.: Novaja elita v stranah Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy: politicheskie portrety. Konec XX — nachalo XXI v. [The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: political portraits. The late twentieth to early twenty-first centuries] / Отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. — 584 с. — (Central'naja i Jugo-Vostochnaja Evropa v XX–XXI vv.: issledovanija i dokumenty. Vyp. 3).

Abstract: The review is devoted to the formation of a new establishment in the countries of Central and South-Eastern Europe during the period of collapse of the bipolar world order and after it. The key attention is paid to the 1990-s, when there was breaking and restructuring the political system of the relevant players of the post-socialist political area. The characteristics of the Central and South-Eastern European countries' leaders are presented in the context of interstate and regional political processes.

Keywords: Central Eastern Europe, South Eastern Europe, Poland, Czech Republic, Slovakia, Hungary, Romania, Bulgaria, Macedonia, Albania, Serbia, Montenegro, Republika Srpska, Croatia, Slovenia, Turkey, Greece.

Corresponding author: Philipp O. Trunov, PhD (candidat politicheskikh nauk), Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS) (Moscow). Email: 1trunov@mail.ru

Сегодня всё более распространённым направлением исследований в политологии в целом и международных отношениях в особенности является изучение различных форм кризисного состояния государства как института власти. Обращение к данным сюжетам в теоретическом и прикладном отношениях более чем оправданно. Несмотря на увеличение роли и возможностей различных негосударственных акторов, в современных реалиях государство как тип акторов на международной арене продолжает оставаться наиболее влиятельным и значимым.

Кризисное состояние развития государства уместно уподобить болезни, для определения правильного пути лечения которой требуется чётко определить симптоматику. В ситуации, когда идёт ломка и последующее выстраивание во многом заново политической системы, институт государственной власти априори не может работать полноценно, временно становится «хрупким». Степень успешности и скорость преодоления этого крайне опасного состояния во многом определяются наличием или, напротив, отсутствием лидеров, способных быть штурманами, в идеале — флагманами процесса выстраивания качественно новой архитектуры управления. Иными словами, институциональный кризис часто может быть преодолен временной персонификацией власти. Однако, в свою очередь, последняя должна ставить самоцелью не просто сохранение у власти конкретного по-

литика, но именно выстраивание более совершенной вертикали власти. Притом по завершении переходного периода в данной системе может и должно оказаться пост (посты), достойные возглавившего трансформацию политика, если она была осуществлена успешно. Непременное требование, что обязано предъявляться к нему, — не только отчётливое понимание объективных национальных интересов, но и готовность их последовательно отстаивать, ставя их выше личных амбиций, если они оказываются разнонаправленными.

Весьма успешная попытка исследовать эти нетривиальные вопросы предпринята в коллективном труде, изданном в Институте славяноведения РАН: «Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в.». Каждая глава представляет собой комплексное исследование, в основе которого находится изучение политического портрета и тактик лидеров Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) в условиях внутренней (и часто внешней) турбулентности на страновом и региональном уровнях, перестройки института власти.

В главе, посвящённой премьер-министру Венгрии Й. Анталлу (1990–1994), показана природа и особенности его тактики, что привела к быстрому (несколько месяцев) переходу страны к постсоциалистической стадии развития путём мирного переговорного процесса. Показательно

в этой связи определение круга причин усиления правых настроений в Венгрии ещё в начале 1990-х гг. В дальнейшем это трансформировалось в электоральную поддержку В. Орбана (премьер-министр с 2010 г.), которая стала внутренней максимумой той особенности, подчёркнутого отстаивания национальных интересов, что характерна для официального Будапешта в ЕС и НАТО. Эта «сцепка» внутренней и внешней политики нашла освещение в работе Ф. Е. Лукьянова. В разделе В. В. Волобуева освещен фактор «сильных правых» во внешней политике уже применительно к реалиям Польши на примере Я. Качинского. Не менее интересен кейс Д. Туска из центристской «Гражданской платформы». Он вошёл в число весьма немногочисленных восточноевропейских политиков, сумевших умело перейти с национального на наднациональный (ЕС) уровень с качественно иными требованиями к функционерам, особенно высшего уровня. Это стало своеобразным символом встроенности Польши в евро-атлантические институты и одной из ведущих ролей, на которую она стала в них претендовать, что отнюдь не исключало наличие сильного евроскептицизма у официальной Варшавы.

Интересен кейс Словакии: для официальной Братиславы дополнительной трудностью в начале 1990-х гг. стал распад союзного государства Чехословакии. В главе, подготовленной В. В. Никитиным, показан поиск В. Мечъяром положения идеальной политической удалённости и одновременно близости с Чехией. На примере деятельности М. Дзуринды отражены те, уже качественно иные,

связанные с полноценной интеграцией в евро-атлантические институты, проблемы, которые оказались в центре внимания словацкой политики в 2000-е и 2010-е гг., тем самым резко отличавшиеся по приоритетам от 1990-х гг. Данная смена политического облика страны и её истеблишмента в другой части Чехословакии — Чехии — нашла детальное освещение в разделе Э. Г. Задорожнюк. Интересно объяснение причинности и характера «особости» линии официальной Праги в евро-атлантических институтах, в т. ч. выражения «евроскептицизма», от В. Клауса к М. Земану.

Скрупулёзно формирование парламентской демократии в Албании изучено в работе видного отечественного исследователя Ар. А. Улуяна. Этот процесс инкорпорирования ценностей «либеральной демократии» примечателен в контексте исторического пути страны (в т. ч. длительного пребывания её территорий в составе Османской империи) и настойчивого стремления официальной Тираны войти в евро-атлантические институты.

По-своему показателен комплекс разделов, подготовленных исследовательницей из Софии И. Баевой. В них показаны очень разные пути складывания высшего истеблишмента страны в 1990-е гг.: параллельно из диссидентов, ставших уже легальными оппозиционерами (Ж. Желев), и лидеров коммунистов, принявших деятельное участие в демократическом транзите (А. Луканов). Справедливо повышенное внимание уделено партиям и политическим фигурам, ориентированным на теснейшее

сближение с соседями — будь то турецкая партия в Болгарии или неофициальные фракции (просербская и проболгарская) в Демократической партии за македонское национальное единство.

Особняком стоит кейс Румынии: она оказалась единственной, где «бархатная революция» сопровождалась насилием — физической ликвидацией президента Н. Чаушеску. Сквозь призму анализа фигуры И. Илиеску даётся развёрнутый ответ на вопрос: почему и как Румыния не смогла избежать следования по пути радикализации политических процессов? Эта тематика нашла органичное продолжение в исследовании Т.Г. Битковой по румынскому национализму, сфокусированному вокруг фигуры К.В. Тудора — как точно подмечено, он оказался не хористом, но солистом, являя собой знаковую фигуру направляющего на правом фланге в условиях поиска Румынией как государством нового собственного «я».

Повышенный интерес читателя не может не вызвать цикл глав по представителям сербских элит — не только самой Сербии, но и Республики Сербской (РС), которые были подготовлены видной отечественной исследовательницей Е.Ю. Гуськовой. Ей удалось в полной мере передать картину трагизма распада Югославии, разнохарактерность шагов политических лидеров и военачальников — вынужденность одних мер и готовность противодействовать мощнейшему разноплановому внешнему воздействию в случае других инициатив. Показаны особенности стратегии и тактики представителей «кризисных менеджеров» — знако-

вой фигуры президента С. Милошевича, лидера РС М. Додика, генерала Р. Младича. Последний стал попыткой «людей в погонах», подобно генералу А.И. Лебедю в России, наметить свой путь, хотя и весьма противоречивый, в поиске островков стабильности в условиях всеобщей турбулентности.

Данный трек получил развитие в работах, посвящённых фигурам генерала М. Новаковича (первый главком сербских воинских формирований в Сербской Краине) и З. Джиндича. Сквозь призму политических персоналий очень чётко авторами показана динамика борьбы сербских меньшинств за свою автономию на территории Хорватии и Боснии, а затем и в Косово. Главы Е.Ю. Гуськовой, В.А. Соколова и К. Новаковича, А.Б. Едемского содержат хорошо структурированный анализ опыта поведения лидеров одной из сторон вооружённого конфликта, которая часто обладала несоизмеримо меньшими ресурсами, чем другая, и в то же время способностью данных руководителей отстаивать принципиальные пункты национальных интересов в ходе урегулирования.

Государство, проходившее этап глубокой трансформации, очевидным образом сосредоточено на внутренних проблемах, что заметно сужает возможности осуществления внешней политики. Этот вопрос в разделе Н.С. Пилько показан на примере деятельности Д. Рупела — первого главы МИД Словении, притом в период, когда она одной из первых (практически параллельно с Хорватией) выходила из состава Югославии, что сопровождалось

вооружённым конфликтом. В данной связи иллюстративно изучение трансформации политической системы Хорватии сквозь призму политической фигуры Ф. Туджмана (глава А. А. Пивоваренко). Путь официального Загреба в евро-атлантические институты был более проблематичным, чем у Любляны (в т. ч. с учётом степени вовлечённости Хорватии в вооружённый конфликт в Боснии и Герцеговине в 1990-е гг., споров со Словенией из-за выхода к Пиранскому заливу). Однако по состоянию на начало 2020-х гг. результаты, достигнутые хорватской стороной как внутри-, так и внешнеполитически в деле сближения с «либеральными демократиями», во многих отношениях — лучшие для игроков на постъюгославском пространстве.

Значимой вехой формирования постъюгославского пространства стал распад (в результате референдума) «малой» Югославии. Выход Черногории в 2006 г. представлял важное звено этого процесса, однако по форме во многом отличался от предшествующих. Детерминированность этого, проявившаяся и в природе современной политической системы Черногории, отражена в контексте деятельности М. Джукановича.

На Балканах, в Юго-Восточной Европе, в целом на континенте одним из ключевых «нервов» мирополитических процессов является турецко-греческий конфликт, имеющий очень большую и событийно насыщенную историческую глубину. Вступление (1952) и последующее членство обоих игроков в НАТО канализировало ведущие

межгосударственные споры, но отнюдь не ликвидировало. Современное состояние проблемы в каждой из сторон конфликта показано на примерах деятельности видных политических деятелей. Для Греции это фигура А. Ципраса (глава А. В. Александровой), воплотившего в себе столь сильные в стране левые идеи и пытавшегося укрепить государство изнутри в т. ч. с тем, чтобы обеспечить его более сильные позиции в диалоге с Турцией. Последняя при Р.-Т. Эрдогане (раздел И. М. Мамедова) осуществила стратегический разворот с опорой на использование концепций паносманизма, пантюркизма и панисламизма в своей внешней политике. Если Греция после ухода А. Ципраса в отставку во многом отошла от своей «особости» среди стран-участниц НАТО по многим вопросам внешней политики, то Турция при «зрелом» Р.-Т. Эрдогане её демонстрирует, притом формы проявления этого весьма специфичны.

В целом авторскому коллективу труда *«Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в.»* удалось в достаточной мере решить поставленную исследовательскую задачу. На примере политических стратегий и тактик почти 25 знаковых фигур был раскрыт не только «штормовой» период становления партийно-политических систем нового типа, но прослежены черты их дальнейшей трансформации вплоть до современного этапа. Следует признать преимущество избрание весьма широкого и географически полного содержания понятия «Центральная и Юго-Восточная

Европа», т.к. это позволяет сделать вывод об исследуемых тенденциях не только на страновом, но и региональном уровне. Это тем более важно в реалиях, когда оба региона находят-

ся вблизи одной из магистральных линий геостратегического разлома, который позволяет дать трудное, но крайне важное определение перспективного миропорядка.

К. А. Кочегаров

Рец.: Шварц И. Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе. — СПб.: Европейский дом, 2022. 414 с.

Аннотация: Книга известной австрийской исследовательницы Искры Шварц опубликована в год юбилея русского императора в рамках программы «Путь Петра Великого». В ней собраны тексты, написанные в разные годы, доклады, прочитанные на различных конференциях, в том числе на таком престижном форуме как «Петровский конгресс». Причем речь в них идет как о восприятии Петром западного мира и западной культуры, так и о восприятии фигуры царя-преобразователя и его эпохи в культуре и общественном сознании западных стран. В целом публикуемые очерки вносят заметный вклад в изучение политических и культурных взаимоотношений России и Запада в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: Петр I, Российское государство, государство Габсбургов, русско-австрийские отношения, Великое посольство Петра I, царевич Алексей Петрович, И. С. Мазепа.

Сведения об авторе: Кочегаров Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва). Email: kirill-kochegarow@yandex.ru

К. А. Kochegarow

Rev.: Schwarcz I. Petr I i Avstrija: Issledovanija o petrovskoj jepohe. — SPb.: Evropejskij dom, 2022. 414 s.

Abstract. The book of the well-known Austrian researcher of Bulgarian origin Iskra Schwarcz was published in the year of the anniversary of the Russian Emperor as part of the program “The Path of Peter the Great”. The book comprises various texts, written in different years, papers presented on prestigious conferences such as the International Peter’s the Great Congress. One of the main topics of the book – the perception of the Western World by Peter the Great as well as the image of the great reformer in the social consciousness of the Western countries. On the whole published studies of Iskra Schwarcz make significant contribution to the research of the political

and cultural relationships between Russia and the West in the first half of the 18th century.

Keywords: Peter the Great, Russian state, Habsburg State, Russian-Austrian relations, Great Embassy of Peter I, Grand Duke Alexei Petrovich, Ivan Mazepa.

Corresponding author: Kochegarow Kirill Alexandrovich, PhD (candidat istoricheskikh nauk), Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, RAS (Moscow). Email: kirill-kochegarow@yandex.ru

Год 350-летия со дня рождения императора Петра Великого стал, пожалуй, одним из самых плодотворных по части появившихся научных исследований по истории самых разнообразных аспектов эпохи правления царя-преобразователя и первого императора, среди которых — и рецензируемая книга. Она представляет собой сборник статей автора, публиковавшихся в разное время. При этом значительная часть их объединена общим сквозным сюжетом, в основе которого — взаимодействие петровской России и державы Габсбургов, в историографии эпохи вполне обоснованно именуемой также Австрией.

Собственно, политическая история русско-австрийских взаимоотношений во времена Петра Великого еще не написана, хотя в некоторых работах их отдельные эпизоды затрагиваются довольно часто. Впрочем, Искра Шварц при композиции своего труда, по-видимому, вполне сознательно избегает сосредоточения именно на сугубо внешнеполитическом аспекте избранной проблематики. Границы всего комплекса опубликованных в книге очерков гораздо шире: здесь и реконструк-

ция австрийских впечатлений Петра в ходе Великого посольства, и культурные контакты в широком смысле этого слова (не сводящиеся лишь к искусству), и австрийские аспекты дела царевича Алексея Петровича, и образ царя-реформатора в австрийской и шире — западноевропейской культуре последующих десятилетий, и многие иные сюжеты.

Все очерки книги сгруппированы по пяти разделам: «Великое посольство и империя Габсбургов»; «Царевич Алексей»; «Из истории фортификации»; «Петровская эпоха в памятниках культуры»; «Varia» (здесь помещены очерки, главным образом касающиеся культуры Петровской эпохи в широком смысле).

Первый раздел открывается текстом, бросающим общий взгляд на отношения России и Священной лиги в период великой турецкой войны 1683–1699 гг., и представляет собой переиздание одного из первых историографических опытов автора, опубликованных на болгарском языке в 1988 г. Несмотря на это, а также наличие в тексте очерка мелких ошибок¹, ряд наблюдений И. Шварц,

¹ Например, Андрусовское перемирие ошибочно названо Андруским (с. 39); указано что по Вечному миру 1686 г. Россия должна была выплатить Речи Посполитой 146 тыс. руб. «в качестве компенсации за получение Киева», хотя, в действительности, деньги предназначались шляхте, утратившей имения на отошедших к России землях (там же); участника русско-польских переговоров со стороны Речи Посполитой звали не Ян Огинский, а Марциан Огинский и он никогда не был

особенно в отношении австрийских сюжетов, сохраняют свою актуальность для истории русской внешней политики последней четверти XVII века. Вместе с тем для читателя данный текст служит своеобразным введением, дающим общую картину международных отношений накануне и во время важнейшего события первых лет царствования Петра I — Великого посольства 1697–1698 гг., которому посвящены дальнейшие материалы. Хронология этой миссии и обстоятельства пребывания послов и самого царя в странах Европы изучены в историографии вплоть до мельчайших деталей, главным образом трудами М. М. Богословского (*Богословский* 1941), а в начале нашего столетия — Д. Ю. и И. Д. Гузевичей (*Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* 2008), хотя отдельные связанные с данной проблематикой вопросы продолжают волновать умы ученых-историков (*Петрухинцев* 2022). Автор также отдает дань реконструкции политико-дипломатической канвы событий в очерке «Петр I и Великое посольство в Вене», однако не замыкаясь на ставшей уже традиционной проблематике, затрагивает аспекты мировоззренческие и культурологические. И. Шварц пытается осмыслить как царь воспринимал то, что видел в Вене, как это влияло на выбор маршрута и достопримечательностей, с которыми Петр и его приближенные желали ознакомиться, что вызывало или могло вызвать особенный интерес путешествовавшей инкогнито монаршей персоны. С этой точки зрения особенно ценны

очерки о поездке царя в Теплицы и Пресбург.

«Десятник изволил ездить в Теплицы», — кратко сообщает нам походный журнал Великого посольства. К этому известию добавляются суммы из расходной книги, издержанные Ф. Лефортом и Ф. А. Головиным на указанную поездку в Баден. И. Шварц добавляет к этому краткие ремарки об этом событии, помещенные в тогдашних газетах, соответствующее упоминание в церемониальном протоколе Венского двора, извлечения из писем иностранных резидентов в Вене. Все они кратки и не дают в руки исследователей каких-либо подробностей о визите царя в город, славившийся своими банями и целебными источниками. Несмотря на это, привлекая разнообразную литературу и все возможные источники, включая устное предание о месте, где проживал царь в Бадене, И. Шварц живо и ярко воссоздает атмосферу короткой царской поездки на воды, вполне достоверно реконструирует его возможные впечатления и влияние на последующие увлечения царя, любившего и посещавшего целебные минеральные источники и в дальнейшем.

Если заманчивые Теплицы показали Петру, как современные ему западноевропейцы могут проводить досуг и поправлять здоровье, то поездка в Пресбург имела более практическое значение. В историографии и источниках эта поездка, подобно Баденскому визиту, обделена внима-

польным гетманом литовским, а был трокским воеводой и канцлером Великого княжества Литовского (с. 38–39, 387); Вечный мир не был утвержден сеймом в 1687 г., как об этом говорится на стр. 40 (сейм его вообще никогда не ратифицировал, а сейм 1687 г. был сорван еще до избрания маршалка).

нием, но автор и в этом случае также реконструирует ее со всей тщательностью, собирая и вводя в оборот все доступные документальные данные. Цель посещения Пресбурга становится известной нам благодаря опубликованной еще Е. Ф. Шмурло реляции папского нунция Андреа де Санта Кроче — осмотреть местные верфи, познакомиться с кораблестроением и увидеть императорский Дунайский флот. Кроме того, автор резонно отмечает, что интерес к Пресбургу как таковому мог быть связан и с детскими впечатлениями Петра I, касавшимися проводившихся им в юности масштабных военных игр, в ходе которых одна из потешных крепостей как раз носила имя «Прешбург».

Дело царевича Алексея — одно из самых трагических и неоднозначных событий истории царствования Петра Великого. Посвященный ему в сборнике раздел состоит из двух очерков: «Бегство царевича Алексея и Венский двор»² и «Наследник русского престола Алексей в парижском пасьянсе царя». В этих текстах автор проводит источниковедческую ревизию сохранившихся в Венском государственном архиве документов о побеге царевича Алексея, которые были в значительной части введены в научный оборот еще Н. Г. Устряловым. И. Шварц анализирует, с одной стороны, позицию австрийских властей в отношении царского сына, а с другой — дипломатические последствия кризиса в русско-австрийских отношениях как результат побега Алексея Петровича в Вену. Последний сюжет автор рассматри-

вает на примере отношений Петра I с Францией.

Исследовательница убедительно показывает, что императорский двор не намеревался идти навстречу просьбам Алексея и оказывать ему какую-либо военно-политическую поддержку, но в то же время беспокоился о судьбе царевича как императорского зятя (и, соответственно, о судьбе его потомства). По мнению И. Шварц, вряд ли «Вена была втянута и в планы шведских дипломатов» использовать фигуру Алексея для борьбы с Россией. Об этих планах впервые написал американский историк Пол Бушкович, обнаруживший документы, которые свидетельствуют, что Алексей просил шведскую сторону оказать ему военную поддержку с целью захвата власти в России (См. подробнее: *Бушкович* 2008: 369–370). Тем не менее, сдержанная позиция императорского двора и выдача в конечном итоге царевича Алексея Петровича царским эмиссарам П. А. Толстому и А. И. Румянцеву не предотвратила разрыв отношений между Веной и Петербургом.

Следующая группа очерков посвящена истории фортификации. Все их объединяет определенное личностное измерение, когда проблематика истории крепостей и крепостного строительства рассматривается либо через реконструкцию восприятия Петром I фортификационных сооружений Вены, либо через биографии военных инженеров, приехавших из далекой Австрии на службу в петровскую Россию.

² В этом очерке первая супруга Петра I, Евдокия Федоровна ошибочно названа княгиней (с. 127).

Для Петра Великого Вена, относительно недавно пережившая тяжелую осаду османской армии (1683 г.), стала одним из тех городов, который познакомил царя с неизвестной в России современной бастионной системой укреплений, пришедшей на смену средневековым замкам «с зубчатыми стенами и высокими башнями». Петр внимательно изучил и осмотрел не только крепостные укрепления, но цейхгауз и арсенал, а также литейные мастерские. Кроме того, его особенно интересовали подробности турецкой осады: где располагалась армия великого везира Кара-Мустафы, с какой стороны нанесли удар польско-немецкие союзные войска и т. д.

Отдельный биографический очерк рассказывает об императорском военном инженере Эрнсте Фридрихе фон Боргсдорфе, который, по мнению И. Шварц, стоял у истоков внедрения в России основ современной европейской фортификации. Автор излагает биографию Боргсдорфа, но в первую очередь — подробно анализирует его труды. И. Шварц обращает внимание читателя на то, что помимо книг по фортификации Боргсдорф оставил и записки о своем пребывании в России. Они по каким-то неизвестным причинам оказались в библиотеке «Батиани» (Алба-Юлия, Румыния), очень скупо исследованы, не изданы и не переведены, и, соответственно, практически неизвестны европейским, и в том числе российским ученым. Любопытно, что попытки самой И. Шварц в 2009 г. получить доступ к рукописи мемуаров Боргсдорфа также оказались тщетны: сотрудники библиотеки отказали ей под предлогом того,

что манускрипт готовится к оцифровке, однако к концу 2021 г., она, судя по всему, так и не была осуществлена.

Сам Боргсдорф участвовал во второй — победной осаде Азова (1696 г.), был причастен к разработке планов строительства волго-донского канала (не осуществилось), руководил починкой крепостных сооружений в Киеве и Севске, а с 1698 г. являлся главным инженером на стройках азовской и таганрогской крепостей. Он покинул Россию в 1699 г., но его наследие в виде двух трудов по фортификации, переведенных на русский язык и неоднократно переиздававшихся, стало частью культурного багажа новой петровской России.

Помимо биографии Боргсдорфа автор исследует перипетии службы в России и других австрийских военных инженеров, направленных туда по решению императорского Военного совета в начале 1696 г. Вводя в научный оборот ранее неизвестные документы венских архивов, И. Шварц дополняет исследования ростовского историка П.А. Авакова, посвященные изучению истории памятников петровской фортификации в Азовском регионе и осуществленные на российском архивном материале.

Раздел о культуре Петровского времени затрагивает самые разнообразные сюжеты, демонстрируя среди прочего высокую эрудицию, широту взглядов и исследовательских интересов автора.

И. Шварц, с одной стороны, анализирует музыкальные вкусы царя, не

воспринявшего в итоге «сложную и непривычную западноевропейскую барочную музыку», но проявлявшего живой интерес к духовной музыке, танцевальным мотивам, а с другой — рассматривает образ Петра в западноевропейской музыкальной культуре. Не секрет, что персона «северного» монарха, проявившего недюжинный интерес и восприимчивость к феномену западноевропейской культуры в широком смысле этого слова, его необычные привычки, непосредственное участие в актах «переноса знания» (термин Д. Ю. и И. Д. Гузевичей) в российское культурное и образовательное пространство — все это вызвало небывалый интерес и внимание в странах Западной Европы. Фигура Петра Великого — как идеализированная, так и демонизированная — получила воплощение не только во множестве исторических и историко-публицистических сочинений, но и стала важной темой культурного творчества в самых разнообразных сферах искусства. В очерке «Художественный образ Петра I в музыкальном творчестве западноевропейских композиторов» И. Шварц рассматривает образ русского монарха в оперном искусстве (исследовательница насчитала 18 произведений, где так или иначе представлена фигура царя) стран Западной Европы XVIII–XIX века, приходя к выводу, что в целом все эти произведения «формировали в европейском обществе преимущественно положительный образ русского царя и вызывали симпатию к Петру и российскому народу».

Оперную тематику продолжают небольшие очерки, посвященные образу юного Петра в опере М. П. Му-

соргского «Хованщина», которая ставилась в Венской опере уже в наше время, а также сюжету о бегстве царевича Алексея в опере «Свята Клара», премьера которой состоялась в середине XIX века в дворцовом театре герцога Эрнста II Саксен-Кобург-Готского в Готе (Германия).

В рамках указанного раздела книги в круге интересов австрийской исследовательницы оказалась также проблема атрибуции портрета замечательного словацкого художника Яна Купецкого. Картина находится в частном собрании и на одной из последних выставок была подписана как «Портрет молодого Петра I». Автор подвергает внимательному анализу и ревизии данную атрибуцию, показывая, с одной стороны, ее вероятность, с другой — отсутствие очевидных доказательств в пользу истинности подобной трактовки образа картины.

Последний раздел книги («Varia») содержит очерки, так или иначе, связанные с самыми разнообразными аспектами проблематики Петровской эпохи. Здесь и вопросы религиозного многообразия и толерантности в России в конце XVII–XVIII в., и трактовка образа гетмана И. С. Мазепы в европейской публицистике и исторической памяти, и история службы в России переводчиком Коллегии иностранных дел итальянца Флорио Беневени, и, наконец, исследование рукописной истории Петра Великого XVIII века, принадлежавшей перу Захария Орфелина — сербского писателя, талантливого самоучки и ученого-энциклопедиста, жившего в Сербии и Венеции. Автор исследовала экземпляр, сохранившийся

в библиотеке Института восточно-европейской истории Венского университета.

К числу важных наблюдений, сделанных И. Шварц в текстах указанного раздела, следует отнести заключение, что «Петровская церковная реформа была разносторонней и демонстрировала определенную форму религиозной терпимости, которой не было в Европе» (очерк «Церковь и религиозное многообразие в России в конце XVII — начале XVIII в.»). Это тем более важно, что указанный текст изначально был предназначен именно для западной аудитории (опубликован в Вене на немецком языке в 1998 г.), так же как, впрочем, и очерк «Спорная фигура украинского гетмана Ивана Мазепы: Демонизация и героизация памяти». Последний, однако, помимо мелких недочетов³, содержит и ряд дискуссионных утверждений более общего порядка. Вводя казацкие и русские войска на Правобережную Украину в 1704–1705 гг., Мазепа вовсе не осуществлял мечтания казацких гетманов о «воссоединении Украины», тем более это не привело к какому-то конфликту с царем, как об этом пишет И. Шварц с опорой на довольно спорное и полное множества ошибок сочинение о Мазепе Т. Г. Таировой-Яковлевой (См. критику этой книги: *Обсуждение монографии...* 2011: 117–119, 121–127, 131–136, 138–143, 145–160). Польский историк Юзеф Анджей Геровский еще в 1950–1970-

х гг. ввел в научный оборот собрание писем к коронному гетману А. Сенявскому от его резидента при украинском гетмане — Франчишка Граби и от самого Мазепы. Из проведенного Геровским анализа следует, что в августе 1708 г. Мазепа обещал коронному гетману за разрыв союза с царем и за оказанную ему — Мазепе — поддержку включение всей Украины и даже области Войска Донского в состав Речи Посполитой. А в письме Граби к Сенявскому от 23 августа 1708 г. и вовсе сообщалось, что в случае согласия коронного гетмана с планами Мазепы последний, в доказательство своей приверженности заявленным пропозициям, немедленно передаст полякам «Заднепровскую Украину», то есть в данном случае — как раз правобережные земли, о «воссоединении» которых Мазепа якобы так мечтал. Геровский, таким образом, ясно показал, что в решающий момент, когда Мазепа уже принял решение об измене царю и переходе на сторону Карла XII и Станислава Лещинского, Правобережная Украина стала для украинского гетмана разменной картой. При этом сам Петр I, как известно, на ее возвращении полякам отнюдь не настаивал категорически, оставляя последнее слово именно за Мазепой (см. подробнее: *Кочегаров* 2017: 169–171).

Еще один спорный тезис указанного очерка: «Политические намерения Москвы ограничить и даже отменить

³ На с. 294 канцлером и первым кавалером ордена Андрея Первозванного назван Г.И. Головкин, тогда как им был Ф.А. Головин; миргородский полковник Даниил Апостол передавал Петру I предложения Мазепы о готовности выдать в русские руки Карла XII не после состоявшейся 28 сентября 1708 г. битвы при Лесной (см. с. 299), а значительно позже, во второй половине ноября того же года, уже после побега гетмана к шведам и разгрома Батурина (см. об этом подробнее: *Артамонов* 2009: 405–408).

автономии казаков становились все более очевидными». Так пишет автор, говоря о событиях 1707–1708 гг. с опорой на уже упомянутый труд Т.Г. Таировой-Яковлевой. Между тем тезис о «реформах» именно с целью ликвидации автономии, что якобы стало одним из главных факторов измены Мазепы — не более чем историографический миф, не имеющий сколько-нибудь серьезной опоры в источниках (см. подробнее: *Киселёв, Лазарев 2013; Киселёв, Лазарев 2018; Кочегаров 2014*).

Очерк о Мазепе нам представляется не только собственно исследовательским анализом его образа в исторической памяти разных европейских народов, но и сам по себе может являться предметом изучения с точки зрения восприятия исторической фигуры гетмана общественным сознанием западных стран. Однако было бы неправильным сводить анализ данного текста исключительно к критике и заканчивать рецензию на минорной ноте. В нем содержится и ряд наблюдений автора, с которыми можно и даже следует согласиться: о слабой поддержке Мазепы малороссийским населением в 1708 г., о спорности его фигуры с точки зрения «национальной интеграции» современного украинского общества и др.

Выход сборника работ Искры Шварц — заметное явление в современной историографии Петровской эпохи. Опубликованные в нем очерки, ранее рассеянные по различным изданиям, в том числе немецкоязычным (были специально переведены на русский язык для издания

2022 г.), дают широкое и разностороннее представление о плодотворных научных изысканиях автора, вносят немало нового в избранные исследовательницей сюжеты и проблемы и несомненно займут достойное место среди других трудов ученых, касающихся деяний великого царя-реформатора, раскрывающих дух времени и смысл одного из важнейших этапов на историческом пути России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Артамонов 2009* — *Артамонов В.А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской битвы. М.: МППА «БИМПА», 2009.
- Богословский 1941* — *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2. 9 марта 1697 — 25 августа 1698 г. / под ред. проф. В.И. Лебедева; подг. текста, примеч., указ. Н.А. Баклановой. Л.: ОГИЗ — Соцэкгиз, 1941.
- Бушкович 2008* — *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
- Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. 2008* — *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
- Киселёв, Лазарев 2013* — *Киселёв М.А., Лазарев Я.А.* Историографический призрак «украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах // *Славяноведение*. 2013. № 2. С. 41–50.
- Киселёв, Лазарев 2018* — *Киселёв М.А., Лазарев Я.А.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г. // *Славяноведение*. 2018. № 2. С. 31–49.
- Кочегаров 2014* — *Кочегаров К.О.* Спроби реформування військової організації городоких полків у 1707–1708 рр. //

Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 340–358.

Кочегаров 2017 — Кочегаров К.А. Правобережная Украина в отношениях России и Речи Посполитой в 1704–1708 гг. Польская историография проблемы XX века // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Индик, 2017. С. 169–171.

Обсуждение монографии... 2011 — Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. №2. С. 121–167.

Петрухинцев 2022 — Петрухинцев Н.Н. Великое посольство как часть восточного проекта Петра I и внешнеполитический кризис 1698 г. // Исторический вестник. Т. 41. М., 2022. С. 14–60.

REFERENCES

Artamonov V.A. *Poltavskoe srazhenie. K 300-letiyu Poltavskoj bitvy*. М.: МРРА «ВІМРА», 2009.

Bogoslovskij M.M. *Petr I. Materialy dlya biografii*. Т. 2. Pervoe zagranichnoe puteshestvie. СН. 1–2. 9 marta 1697 — 25 avgusta 1698 g. / pod red. prof. V.I. Lebedeva; podg. teksta, primech., ukaz. N.A. Baklanovoj. L.: OGIZ — Socekgiz, 1941.

Bushkovich P. *Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725)*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2008.

Guzevich D.YU., Guzevich I.D. *Velikoe posol'stvo: Rubezh epoch ili Nachalo puti: 1697–1698*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2008.

Kiselyov M.A., Lazarev YA.A. Istoriograficheskiy prizrak «ukrainskoj divizii»: k voprosu o rossijsko-ukrainskih otnosheniyah v 1706–1708 godah // *Slavyanovedenie*. 2013. №2. S. 41–50.

Kiselyov M.A., Lazarev YA.A. Voenno-administrativnye preobrazovaniya v «Maloj Rossii» nakanune shvedskogo vtorzheniya 1708 g. // *Slavyanovedenie*. 2018. №2. S. 31–49.

Kochegarov K.O. Sprobi reformuvannya vijs'kovoї organizacii gorodovih polkiv u 1707–1708 rr. // *Ukrains'ka derzhava drugoi polovini XVII–XVIII st.: politika, suspil'stvo, kul'tura*. Kiiiv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2014. S. 340–358.

Kochegarov K.A. Pravoberezhnaya Ukraina v otnosheniyah Rossii i Rechi Pospolitoj v 1704–1708 gg. Pol'skaya istoriografiya problemy XX veka // *Rossiya v pol'skoj istoriografii, Pol'sha v rossijskoj istoriografii (k 50-letiyu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi)* / отв. ред. N.A. Makarov. М.: Indrik, 2017. S. 169–171.

Obsuzhdenie monografii T.G. Tairovoy-Yakovlevoj «Ivan Mazepa i Rossijskaya imperiya: istoriya «predatel'stva» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. №2. S. 121–167.

Petruhincev N.N. Velikoe posol'stvo kak chast' vostochnogo proekta Petra I i vneshnepoliticheskij krizis 1698 g. // *Istoricheskij vestnik*. Т. 41. М., 2022. S. 14–60.

Д. В. Глухов

О ТРЕВОГАХ БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ

Рец.: О'Мара, Патрик. Русское дворянство времён Александра I / Пер. с англ. А. Шокаревой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

Аннотация: Автор рецензируемой монографии исследует взаимоотношения Александра I с русским дворянством и делает вывод о неудачной попытке выстроить эффективный диалог между ними. Нерешительность и уклончивость политики Александра I к концу его правления вызывала недовольство и у консерваторов, и у радикальной части дворянства.

Ключевые слова: Александр I, дворянство, самодержавие, реформы

Сведения об авторе: Глухов Дмитрий Владимирович, выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра «история России XIX века — начала XX века». Email: gluhoff91@mail.ru

Dmitriy Glukhov

ABOUT THE WORRIES OF THE NOBILITY

Rev.: O'Meara, P. Russkoe dvoryanstvo vremyon Aleksandra I / translated from English by A. Shokareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 520 p.

Abstract: The author of the reviewed monograph examines the relationship between Alexander I and the Russian nobility and concludes that the attempt to build an effective dialogue between them failed. The indecisiveness and evasiveness of Alexander I's policy towards the end of his reign displeased both the conservatives and the radical part of the nobility.

Keywords: Alexander I, nobility, autocracy, reforms

Corresponding author: Dmitriy V. Glukhov, graduate of the History Department of Lomonosov Moscow State University, Department of Russian History of the 19th century — early 20th century. Email: gluhoff91@mail.ru

Политическая и социальная история России начала XIX века стабильно привлекает внимание исследова-

телей: есть масса работ о личности императора Александра I и проводимых им реформах, о политическом

строе Российской империи в это время, о культуре и самосознании российского дворянства, о тайных обществах. Однако непосредственно взаимоотношения дворянского сословия с Александром I практически не становились темой специального исследования. Монография британского исследователя Патрика О'Мара заполняет эту лауну.

Автор изучает отношения царя и дворянства в контексте намеченных реформ. Многим планам не суждено было сбыться, по мнению автора, из-за неспособности императора заручиться поддержкой дворянства, что было обусловлено, с одной стороны, неудачей в поиске компромисса со знатью и с другой — нежеланием дворянства «двигаться за царём в сторону реформ, особенно конституциональных и крестьянских» (С. 14). Не последнюю роль сыграла в этом политическая культура дворянства, столичного и провинциального, и определению её уровня и характера в книге уделяется значительное внимание. Ценно, что автор использовал в работе не только материалы архивов Москвы и Санкт-Петербурга, но и документы Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), несомненно полезные для сюжетов, связанных с провинциальным дворянством.

Говоря о положении российского дворянства, О'Мара отмечает нечёткость самих понятий «дворянство» и «дворянин». По всей видимости, речь идёт скорее о необходимых критериях для получения дворянского статуса, нежели о правах и обязанностях дворянина. Жалованная грамота дворянству 1785 г. подтверди-

ла важнейшие и исключительные привилегии дворянства, однако, по мнению исследователя, дворянское сословие так и не обрело подлинную автономию от государства. Монарх легко мог забрать эти привилегии назад, кроме того, «у русского дворянина так и не было реальных гарантий личной и имущественной неприкосновенности» (С. 26). К тому же, несмотря на избавление от обязательной государственной службы, большая часть дворянства продолжала служить. Автор объясняет это не только финансовой необходимостью, но и тем, что со 2-й половины XVIII в. дворянство стало отождествлять себя с государством и его нуждами. В этом разрезе интересно выглядит отношение к участию в дворянских выборах. Сама возможность формировать на выборной основе органы местного самоуправления была одной из привилегий, дарованных Жалованной грамотой, однако в дворянской среде участие в выборах рассматривалось как одна из форм государственной службы, которой многие старались избежать (С. 24). К тому же своеобразные представления о «дворянской чести» и «корпоративной этике» зачастую не мешали участникам выборов игнорировать явное нарушение закона и вмешательство правительственных чиновников (Куприянов 2012: 254). Вывод О'Мара о слабой и размытой корпоративной идентичности российского дворянства в начале XIX в. представляется достаточно обоснованным. Значительное имущественное расслоение также вряд ли способствовало поддержанию «корпоративного духа». Среди причин бедственного финансового положения значительной части дворянства

упоминаются постоянное дробление вотчин, отсутствие интереса к повышению производительности труда, расточительность (С. 53), безответственность и лень (С. 50).

Большое значение в анализе самосознания российского дворянина имеет изучение получаемого им воспитания и образования. Большинство дворянских детей получали домашнее образование, которое зачастую было ненадлежащего качества и не способствовало выработке достойных нравственных качеств в отношениях с людьми. Важным представляется авторское замечание о решающей роли родителей в определении курса обучения своих детей (С. 74). Старшее поколение дворян относилось к получению образования прагматично и не видело смысла в изучении предметов, которые не пригодятся на службе, особенно с учётом того, что более приоритетной считалась служба военная, а не гражданская. Дворяне не горели желанием отдавать детей в гимназии во многом из-за их всесословного характера. Университетское образование также не пользовалось популярностью, более предпочтительными были военные учебные заведения. Словом, в среднем уровень образования дворян был довольно низким, Александр I это понимал и всячески стремился его повысить. В то же время стоит отметить, что служба государству занимала в дворянском воспитании важное место. «Романтические веяния, интерес к прошлому России, возросший в начале XIX столетия, делали героизм и службу на благо Отечества нормой. “Служить” — вот ключевое слово в воспитании дворянина», — отмечает Али-

на Шокарева (Шокарева 2017: 26). Это вполне созвучно с тезисом П. О’Мара о том, что дворянство всё же отождествляло себя с государством и его нуждами.

Уклонение дворян от государственной службы на выборных должностях было не только следствием изъятий дворянского воспитания, дворянской лени или невежества, но и практическим расчётом. Зачастую исполнение обязанностей было связано для дворянина с некоторыми лишениями, в частности, с переменной мест, а жалование было столь незначительным, что не перекрывало возникавших расходов. Поэтому либо дворянство избирало на административные и служебные должности раненных на войне или беднейших представителей (С. 170), либо эти должности постепенно заменялись государственными служащими (С. 169).

Ключевую роль в изменении дворянского самосознания в годы правления Александра I сыграли события Наполеоновских войн. П. О’Мара в разделе «Влияние 1812 года на российское дворянство и взгляды декабристов» затрагивает также Заграничные походы 1814–1814 гг. и пребывание русского оккупационного корпуса во Франции в 1815–1818 гг., не проводя чёткой границы между этими событиями. Соответственно, он делает акцент прежде всего на сопоставлении российской действительности с положением дел за границей и усвоением новых политических, прежде всего либеральных, идей (С. 387–388). Мысли о росте самостоятельности российского дворянства и его осознании своей роли

в победе над Наполеоном, на наш взгляд, очень важные, также находят отражение на страницах книги, но не заостряются (С. 383–384). В то же время известное нежелание Александра I вспоминать о событиях 1812 года автор отчасти связывает с негативным отношением императора к этому росту дворянской самостоятельности и претензиям дворян на более деятельное и значимое участие в государственных делах (С. 386).

В то же время некоторые современные авторы, исследуя идейное развитие декабристов, отмечают, что на формирование их политической позиции влияли прежде всего Заграничные походы, в то время как «образ 1812 года как освобождения своей земли от неприятельского нашествия» выдвинулся в центр русского самосознания позже (*Эдельман* 2022: 93). Однако такие качества как патриотизм, готовность к самопожертвованию, ощущение полезности своему отечеству дал русскому дворянству именно 1812 год (*Эдельман*: 89–90). Исследователь Л. М. Ляшенко упоминает ещё одно важное качество, которое дала российскому обществу Отечественная война: ощущение своей ответственности за всё происходившее в стране (*Ляшенко* 2023: 98).

Отношения Александра I с дворянским сословием были далеки от гармоничных. П. О'Мара отмечает негативное и даже презрительное отношение императора к дворянству и русским подданным в целом. Такое отношение нуждается в осмыслении: его истоки явно коренятся не только в особенностях характера Александра. «Человеческий материал» не

соответствовал его представлениям об идеале. В то же время, по мнению автора, Александр осознавал свою зависимость от дворянства, которая заключалась не только во влиянии аристократии, но и в том, что «дворянство — единственное сословие, способное помочь ему в управлении государством» (С. 263). Вот только «ужасающе низкий уровень образования дворянства, особенно в провинции» (С. 215), отсутствие необходимых профессиональных навыков, невежество и отсутствие в дворянской массе какого-либо интереса к реформам (либо активное их неприятие) вряд ли делали дворян надёжными помощниками в этом деле.

Тем временем дворянство отвечало императору взаимным недоверием, которое достигло пика в 1807 г. и было вызвано сначала военными поражениями, а затем и заключением Тильзитского мира с Наполеоном: его условия, равно как и демонстративные проявления дружбы двух императоров шокировали российское общество. Говоря об этом сюжете, нельзя не упомянуть исторические параллели, которые автор проводит между Тильзитским миром и пактом Риббентропа — Молотова 1939 г. Представляется, что они вносят в бесстрастное исследование нотки публицистичности и отнюдь его не красят: при многих внешних совпадениях эти события и исторический контекст вокруг них имеют немало различий.

Обширные реформаторские планы Александра I так или иначе вращались вокруг двух основных вопросов: ограничение императорской власти (дарование конституции) и решение

крестьянского вопроса, то есть отмена крепостного права.

Вопрос об ограничении абсолютной власти монарха не раз всплывал на протяжении царствования Александра. Он связывался с масштабными преобразованиями государственного устройства, нашедшими выражение во «Введении к уложению государственных законов», нереализованном проекте М. М. Сперанского. Впрочем, даже в этом проекте, предполагавшем разделение властей, императорская власть как бы стояла над всеми тремя ветвями и сохраняла значительный объём. Даровав конституцию присоединённому в 1815 г. к Российской империи Царству Польскому, Александр I так и не даровал конституцию России, хоть и заявил о подобных намерениях на открытии Варшавского сейма в 1818 г. П. О'Мара считает, что Александр I никогда искренне не стремился реализовать разработанные по его указанию конституционные проекты и был «неисправимым автократом». По мнению исследователя, к конституционным проектам император относился как к «возможности подстраховаться от внезапных и катастрофических изменений в политическом ландшафте», а его многообещающие речи оставались лишь либеральной фразеологией (С. 299–300). Более того, автор книги также считает, что нерешительность Александра I была обусловлена и «мучительной мыслью о том, что в российском контексте будущее крепостного права неизбежно будет поставлено под сомнение введением конституции» (С. 300). Эти же опасения, по мнению автора, разделяло и консервативное дворянство, всерьёз

ёз напуганное варшавской речью царя (С. 368).

Между тем, в отечественной историографии существуют и иные трактовки нежелания императора ограничить свою власть. Вспоминают, например, советы Лагарпа, рекомендовавшего своему воспитаннику сохранить полный объём власти, чтобы преодолеть сопротивление консервативного большинства и провести нужные для страны реформы, в том числе решить крестьянский вопрос (Ляшенко 2023: 68). Как показывает сам П. О'Мара, и Александр I, и его ближайший сотрудник М. М. Сперанский осознавали неготовность страны к введению конституционного строя. Но логика получается иная: пугало не то, что будущее крепостного права «будет поставлено под сомнение», а то, что при сохранении крепостного права и текущего положения дел принятие конституции не видится возможным.

В отношении крепостного права Александр I, по мнению автора, был, похоже, более искренним, поскольку возвращался к крестьянскому вопросу снова и снова, несмотря на ожесточённое сопротивление дворян-крепостников и сомнения даже ближайшего круга сподвижников.

Похоже, первоначально Александр I недооценил масштаб сопротивления его реформаторским устремлениям. С. В. Мироненко считает, что ставший прецедентом для принятия закона о «вольных хлебопашцах» случай С. П. Румянцева, решившего отпустить своих крестьян с землёй, «как бы подтвердил существовавшую у Александра I иллюзию воз-

возможности добровольного освобождения крестьян их владельцами» (Мироненко 2016: 100). Он же цитирует наиболее радикального члена Негласного комитета П. А. Строганова: «В стране с деспотическим режимом... изменения значительно более легки и менее опасны, так как они зависят только от воли одного лица. Остальные следуют за ним, как бараны» (Мироненко 2016: 97). При этом, как показывает О'Мара, сам Строганов выступал за более осторожное решение крестьянского вопроса, а В. П. Кочубей, член Негласного комитета и министр внутренних дел, и вовсе разослал губернаторам циркуляр, поручив им заверить землевладельцев в том, что указ «о вольных хлебопашцах» не направлен на ослабление существующего порядка между землевладельцами и крестьянами (С. 313). Чего уж говорить о помещиках, настроенных более консервативно.

Главной причиной устойчивости крепостного права О'Мара называет культурную отсталость дворян-помещиков. Впрочем, это не универсальное объяснение, ведь вряд ли можно обвинять в культурной отсталости, скажем, Н. М. Карамзина. Другая причина кроется в представлениях о патриархальном характере отношений помещиков и крепостных и идее о неготовности крестьян к обретению свободы, эту мысль разделял даже такой либерал, как А. Н. Тургенев (С. 366). При этом император даже не попытался опереться на дворянское меньшинство, готовое обсуждать отмену крепостного права и предлагать свои проекты, вместо этого он на корню пресекал любую не исходящую от

власти инициативу — это продемонстрировала подробно рассмотренная автором книга история «Общества добрых помещиков». Столкнувшись же с фактом существования тайных обществ, Александр I «стал гораздо более внимательно следить за растущим беспокойством в обществе» и фактически капитулировал перед консерваторами (С. 375). Не вполне обоснованной выглядит авторская мысль о том, что новый император, Николай I, в крестьянском вопросе придерживался другого подхода. Основные принципы остались те же самые: крестьянское освобождение как добровольное решение помещика, сосредоточение всей инициативы в руках правительства, постепенные частные улучшения (о крестьянском вопросе в годы правления Николая I см.: Андреева 2019).

Как бы то ни было, фактическое сворачивание реформ и отмеченное современниками отстранение Александра I от текущих дел вызывали разочарование теперь уже не только в консервативной, но и в радикальной среде, что привело к активизации деятельности тайных обществ. Автор подчёркивает, что недовольство императором разделяли не только радикалы, но и более широкий круг молодых дворян. О'Мара определяет декабризм не как «движение», а, скорее, как определённое умонастроение, овладевшее многими прогрессивными и талантливыми личностями той эпохи (С. 428). Он критично оценивает декабристское наследие, считает декабристов родоначальниками традиции революционного насилия в России, а нарастающая конфронтация власти и революционеров сделала маловероятной появление «лю-

бой либеральной идеологической альтернативы», и таким образом декабристы проложили путь к победе «социалистического тоталитаризма» (С. 474). Исследователь пишет о том, что декабристы не смогли радикализовать русское общество; напротив, шок российского дворянства, вызванный восстанием, способствовал его сближению с тронном. Он пишет даже о широкой поддержке создания тайной полиции, ссылаясь, правда, на письмо М. М. Фока к А. Х. Бенкендорфу (С. 478), хотя сотрудник III отделения в письме к начальнику вполне мог выдавать желаемое за действительное. Любопытно, что О'Мара пишет о сближении дворянства и царя, обусловленном стремлением «положить конец грубому нарушению декабристами негласного и давнего договора между ними» (С. 479), в то время как в сложившейся традиции изучения царствования Николая I обычно подчёркивается, что новый император, хоть и стремился сохранить права и привилегии дворянства, но в то же время не доверял ему, стремился посредством Собственной Е. И. В. канцелярии выстроить замкнутую на нём самом «вертикаль власти» и опирался прежде всего на бюрократию, а не на дворянское сословие.

Подводя итог, О'Мара констатирует неспособность Александра I «наладить эффективное партнёрство с благородным сословием» (С. 484) и, в частности, использовать для этого общенародный триумф победы над Наполеоном. Выступление декабристов, в свою очередь, надолго испортило отношения между престолом и дворянством да и на много лет подорвало перспективы реформ,

возможных после победы над Наполеоном. При этом авторские аналогии между александровской эпохой и современной Россией, а также утверждение о том, что Александр I выбран президентом В. В. Путиным в качестве примера для подражания, представляются неуместными и лишёнными достаточных оснований.

Есть и некоторые претензии частного характера. Во введении говорится о том, что путь фундаментальных реформ в случае с Россией предполагал отмену крепостного права и принятие *новой* конституции (С. 11; курсив мой — Д. Г.), как будто уже существовала некая *старая* конституция. Также автор, если можно так выразиться, слишком вольно обращается со временем. Например, он вспоминает о состоявшейся «несколько лет назад» беседе с Ю. М. Лотманом (С. 144), умершим в 1993 году. В другом месте, говоря о «совсем недавнем» открытии С. В. Мироненко, автор ссылается на монографию 1990 года издания (С. 301). Для науки 30 лет — весьма солидный промежуток, автору или редактору следовало бы обратить на это внимание. Есть некоторые вопросы к переводу, в целом весьма удачному. Так, созданное Наполеоном польское государство называется в тексте Великим княжеством Варшавским (С. 275), хотя в отечественной традиции общеупотребимым является название «Великое герцогство Варшавское». И очевидная ошибка: на страницах этой книги французская исследовательница Мари-Пьер Рей внезапно стала мужчиной (С. 488).

В целом, данная работа является качественным и основанным на широкой источниковой базе исследованием,

которое вносит свою лепту в осмысление российской истории 1-й четверти XIX века и тех проблем и задач, которые вставали перед властью и обществом в это время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева 2019 — Андреева Т. В. На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I : исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019.

Куприянов 2012 — Куприянов А. И. Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII — начале XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Ляшенко 2023 — Ляшенко Л. М. Два брата на российском престоле. М.: Вече, 2023.

Мироненко 2016 — Мироненко С. В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016.

О'Мара 2023 — О'Мара, П. Русское дворянство времён Александра I / Пер. с англ. А. Шокаревой. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Шокарева 2017 — Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины

XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Эдельман 2022 — Эдельман О. В. Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П. И. Пестеля [1824]. М.: Модест Колеров, 2022.

REFERENCES

Andreeva T. A. *Na dal'nih podstupah k Velikoj reforme: krest'janskiy vopros v Rossii v carstvovanie Nikolaja I: issledovanie i dokumenty*. SPb.: Istoricheskaja illyustracija, 2019.

Edel'man O. V. *Pavel Pestel'. Oчерki. S prilozheniem «Russkoj Pravdy» P. I. Pestelja [1824]*. M.: Modest Kolerov, 2022.

Kuprijanov A. I. *Vyborynye praktiki dvorjanstva Moskovskoj gubernii v konce XVIII — nachale XIX veka // Dvorjanstvo, vlast' I obschestvo v provincialnoj Rossii XVIII veka*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

Ljashenko L. M. *Dva brata na rossijskom prestole*. M.: Veche, 2023.

Mironenko S. V. *Aleksandr I i dekabristy. Rossija v pervoj chetverti XIX veka. Vyborynyi puti*. M.: Kuchkovo pole, 2016.

O'Meara P. *Russkoe dvoryanstvo vremyon Aleksandra I* / translated from English by A. Shokareva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

Shokareva A. *Dvorjanskaja semja: kul'tura obschenija. Russkoe stolichnoe dvoryanstvo pervoj poloviny XIX v.* M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.

В. А. Сомов

НОВАЯ КНИГА О ПОЛИТИКЕ И ИДЕОЛОГИИ СССР В 1939–1941 гг.

Рец.: Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022. 184 с.

Аннотация: Статья представляет собой рецензию на сборник статей известных российских и зарубежных историков, посвященную наиболее дискуссионным аспектам внешней политики СССР в предвоенный период (1939–1941 гг.). Автор отмечает как позитивные стороны научной работы, так и аспекты, требующие более серьезного и внимательного изучения. В книге присутствует интересный материал, отражающий научную дискуссию о целях внешней политики Советского Союза предвоенного периода, которая в ближайшее время будет оставаться одной из самых острых в историографии событий преддверия Второй мировой войны. Среди аспектов этой дискуссии — вопрос о принципиальной решимости СССР вести наступательную войну. Несмотря на присутствие некоторой эмоциональности в восприятии этих событий, книга может рассматриваться как серьезный вклад в подлинно научную историографию начального периода Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, внешняя политика, идеология.

Сведения об авторе: Сомов Владимир Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Email: somoff33@yandex.ru

V. A. Somov

NEW BOOK ABOUT THE POLITICS AND IDEOLOGY OF THE USSR IN 1939–1941.

Rev.: Sovetskaja politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii. M.: Kvadriga, 2022. 184 s.

Abstract: The article is a review of a collection of articles by famous Russian and foreign historians, devoted to the most debatable aspects of the foreign policy of the USSR in the pre-war period (1939–1941). The author notes both the positive aspects of scientific work, and aspects that require more serious and careful study. The book contains interesting material that reflects the scientific discussion about the goals of the foreign policy of the Soviet Union in the pre-war period, which in the near future will remain one of the most critical events in the historiography of the eve of World War II. Among the aspects of this discussion is the question of the USSR's principled determination to wage an offensive war. Despite the presence of some emotionality in the perception of these events, the book can be considered a serious contribution to a truly scientific historiography of the initial period of the Second World War.

Keywords: World War II, USSR, foreign policy, ideology.

Corresponding author: Vladimir A. Somov. PhD (doctor istoricheskikh nauk), Professor of the Department of History and Theory of International Relations, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky. Email: somoff33@yandex.ru

История внешней политики СССР предвоенного периода продолжает оставаться одной из самых сложных страниц, важных для научного исследования и переосмысления. Конструктивному разрешению вопроса о ее характере, а также о содержании советской пропаганды во многом может способствовать появление сборника, авторы которого объединены задачей изучения их в контексте международных отношений начального этапа Второй мировой войны (*Советская политика...* 2022). В издание вошли ранее не публиковавшиеся статьи российских историков д.и.н. В.А. Неvejина и к.и.н. В.А. Токарева, а также независимого израильского исследователя А. Либина, в которых основное внимание обращено на различные аспекты непростых взаимоотношений СССР с зарубежными странами, в первую

очередь, — с Германией и Великобританией.

Тематически и хронологически оно является продолжением аналогичного сборника, в котором были рассмотрены важнейшие события международно-правового и идейно-политического характера, связанные с генезисом Второй мировой войны (*Советская внешняя...* 2019). В качестве организационного подхода к исследованию в нем был избран принцип сочетания активных архивных изысканий и нетривиального взгляда на, казалось бы, устоявшиеся в историографии трактовки исследуемых событий. По этому принципу выполнено и рецензируемое издание.

В статье В.А. Токарева (*Токарев 2022a: 7–22*) раскрывается точка зрения относительно смысла и сущно-

сти «польского» дискурса в контексте наиболее политизированной проблемы международных отношений преддверия Второй мировой войны — Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г., который, как пишет автор, «был пронизан антипольской парадигмой, так сказать, в ее критическом объеме» (Токарев 2022а: 15). Оценивая и сам секретный дополнительный протокол, и его подготовку, в той части, которая касалась Польши, как «результат рецидива антипольской парадигмы» (Токарев 2022а: 22), В. А. Токарев обращает внимание на слабую проработанность данного документа советской стороной с точки зрения военно-стратегического планирования. Это, по мнению автора, «указывает либо на непродуманность вопроса, либо на отсутствие у советского руководства необходимых рекомендаций военных специалистов» (Токарев 2022а: 19). Возможным объяснением такого положения исследователю представляется «парадоксальность» сталинского решения «по обеспечению внешней безопасности СССР за счет вероятного раздела Польши», в результате чего сам протокол в его «польской» части имел признаки «импровизации». Это и предопределило его скрытую опасность для СССР в виде «западни», которую в качестве «территориального приза» германская дипломатия предложила, а советская сторона «самонадеянно» и «опробетчиво» приняла, пойдя на компромисс «с нацистской Германией в пределах антипольской парадигмы» (Токарев 2022а: 22). Как видно, ключевым определением статьи является словосочетание

«антипольская парадигма» — именно оно, точнее его смысл, являются для автора основным аргументом, объясняющим если не всё, то многое в феномене «польского дискурса» в рамках секретного дополнительного протокола.

Это словосочетание требует определенных и весьма существенных пояснений. Без них авторская аргументация выглядит, откровенно говоря, достаточно уязвимой. Трудно представить, что, учитывая неоднократно озвученное И. В. Сталиным в 1930-е гг. отрицательное отношение к Германии и фашизму, он всерьез рассчитывал на долговременное сохранение международного положения, зафиксированного Пактом о ненападении, а, следовательно, и на действие Секретного дополнительного протокола к нему. Поэтому нам представляются лишними беспорных оснований рассуждения о «территориальном призе» в виде Польши, поскольку обладание таким «призом» исторически оборачивалось для России одними неприятностями. Более обоснованной, на наш взгляд, является устоявшаяся точка зрения, согласно которой главная цель подписания обоих упомянутых документов — отсрочить начало войны с Германией — вне какой-либо «антипольской парадигмы», историческое существование которой в качестве одного из мотивов советской дипломатии нуждается в серьезном доказательстве.

Следующую статью В. А. Токарев посвятил герменевтическому анализу лексемы «сфера интересов» в контексте советско-германских дипломатических контактов предвоенного

периода (Токарев 2022б: 23–47). Она представляет безусловный интерес с точки зрения юридико-лингвистических характеристик дипломатической активности СССР и ее политико-правовых последствий. Автор справедливо отмечает: «Неверно подобранный ключ» направляет человека по ложному пути. Отсюда — искаженное представление о прошлом» (Токарев 2022б: 23). «Ключом» к пониманию советско-германского сближения в 1939 г. автор, очевидно, избирает тезис об осознании И.В. Сталиным и В.М. Молотовым на момент подписания Договора о ненападении с Германией своей конечной цели, которую они связывали со сферами интересов — предотвращением беспредельной германской экспансии в Восточной Европе, советизацией соседних территорий и выдвиганием границ СССР на запад (Токарев 2022б: 45).

Дискуссия о целях внешней политики Советского Союза предвоенного периода далеко не нова. Ее участники выдвигали и пытались обосновать самые различные гипотезы. В ближайшее время, очевидно, она будет оставаться одной из самых острых в историографии событий преддверия Второй мировой войны. Не ставя задачей участия в этой дискуссии, отметим лишь, что оценка исторических событий, основанная на *известных* исследователю последствиях, не всегда способствует достижению научной истины: как говорят юристы, «впоследствии не значит вследствие».

Определенный интерес представляет пространная статья А. Либина, которая посвящена изучению мо-

тивации государственных лидеров в принятии политических решений (Либин 2022: 48–102). На более чем 50-ти страницах автор в историко-повествовательном стиле излагает свое видение генезиса предвоенных событий, среди которых главным, по мнению Либина, являлся фактор «антисемитизма Гитлера» (Либин 2022: 49). Именно эта «ментальная установка» стала решающей в действиях Германии по подготовке нападения на СССР, поскольку «на чисто рациональной основе нельзя было прийти к решению вторгнуться в Россию» (Либин 2022: 102). Используя в качестве подтверждения своей концепции комплекс опубликованных материалов (в основном — публикаций на английском и немецком языках), автор вполне логично и аргументированно, хотя и не всегда в русле научной новизны, обосновывает логику развития советско-германского конфликта прежде всего стремлением Гитлера «окончательно решить еврейский вопрос» (Либин 2022: 49–50). Нельзя при этом не отметить, что ряд аспектов проблемы, затрагиваемых в статье, остается пока малоперспективным для общепризнанного научного разрешения. Однако для А. Либина они, очевидно, не представляются таковыми.

В частности, вопрос об аресте жены В.М. Молотова П.С. Жемчужиной, занимавшей должность наркома рыбной промышленности, автор рассматривает как «затянутую по указанию Сталина провокацию» (Либин 2022: 60), при этом не пытаясь объяснить, в чем он видит ее главную цель. Даже мнение О.В. Хлевнюка о желании с помощью ареста жены «поставить на место» «упрямого и несо-

ворчивого» Молотова, приводимое В.А. Невежиным в комментариях к статье А. Либина, не имеет ожидаемого исчерпывающего эффекта (Невежин 2022а: 103), поскольку порождает новые вопросы о степени, причинах и смысловом содержании «упрямства и несговорчивости» В.М. Молотова.

Тем не менее содержательные комментарии В.А. Невежина (Невежин 2022а: 103–118), по сути, существенно дополняют статью А. Либина в части расширения источниковой базы и придают ей большую значимость и научный «вес». Особый интерес представляет анализ сталинских маргиналий на рукописном варианте отчета о беседе В.М. Молотова и И. Риббентропа 12 ноября 1940 г. Этот документ был выявлен В.А. Невежиным в личном архивном фонде И.В. Сталина в РГАСПИ.

Одной из наиболее важных научных проблем генезиса вооруженного конфликта, начавшегося между мировыми державами в 1939 г., является вопрос о принципиальной решимости СССР вести наступательную войну. Очевидно, что в случае положительного ответа на этот вопрос, Советский Союз мог бы выглядеть в исторической ретроспективе уже не только как жертва агрессии, но и как государство, упустившее момент для начала своего собственного выступления. Научная дискуссия по этому вопросу практически никогда не была лишена политической конъюнктуры, но это — предмет отдельного разговора.

В рецензируемом издании этому вопросу посвящена статья В.А. Не-

вежина, который анализирует документ Главного политического управления РККА (Невежин 2022б). Рассматриваемый в контексте выступления И.В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г., этот пропагандистский документ, по мнению автора, явился своеобразным ответом идеологического аппарата на сталинские высказывания о возможности ведения наступательной войны против Германии (Невежин 1995). Анализ полного текста доклада ГУППКА представляет несомненный интерес для историков в качестве источника, отражающего один из *возможных, но не реализованных* вариантов внешнеполитической активности СССР, возникших ввиду нарастания военной опасности со стороны Германии. Причины того, что этот вариант не был реализован (на документе осталась резолюция начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «В архив»), могут быть связаны с различными обстоятельствами — от технической возможности его реализации, которая, как известно из ряда публикаций, была еще не в полной мере достигнута (Гребенюк 2010, Шопова, 2011, Герасимов 2019, Киличенков 2019), до личной позиции И.В. Сталина, вспомнившего про данное им 24 августа 1939 г. И. Риббентропу честное слово, «что Советский Союз никогда не предаст своего партнера» (Невежин 2007б: 109). В свое время В.А. Невежин высказал мысль о наличии в советской пропаганде идеи наступательной войны (Невежин 1997, Невежин 2007а), что лишний раз подтверждается, по его мнению, содержанием анализируемого доклада ГУППКА.

Позволим себе в рамках рецензии присоединиться к мнению о том, что целевой аудиторией речи И.В. Сталина 5 мая 1941 г., а также появившихся после нее «наступательных» пропагандистских текстов было, главным образом, хотя и не напрямую, германское военно-политическое руководство, а их целью — отсрочка на желательный больший срок неизбежного нападения Германии путем придания намерениям СССР характера полной готовности к ведению собственных наступательных операций вопреки сложившемуся идеологическому стереотипу «миролюбивого» государства.

Можно сказать, что указания в докладе ГУППКА на преимущества Красной Армии (Невежин 2022б: 126) и перечисление на нескольких страницах «серьезных трудностей», с которыми сталкивается Германия (Невежин 2022б: 131–17), а также прямое упоминание «поучительной судьбы» Наполеона, «после неудачи в войне с Россией, сброшенного объединенным наступлением... народов» (Невежин 2022б: 134), служили цели предупредительного «останавливающего» действия. В этом случае данный документ можно рассматривать не столько как идеологический акт, сколько в качестве элемента *системной информационной войны*, так или иначе имевшей для СССР ожидаемый результат.

Косвенно подтверждает это суждение и материал заключительной статьи рецензируемого издания, в котором В.А. Невежин анализирует обширный комплекс доступных источников, содержащих информацию об одном из самых загадочных

актов дипломатического противостояния ведущих европейских держав — перелете Р. Гесса из Германии в Англию 10 мая 1941 г. (Невежин 2022в). Эта статья является составной частью мини-трилогии Невежина о «деле Гесса» (Невежин 2021, Невежин 2022 г).

Большинство использованных в ней архивных документов из фондов РГАСПИ и АВП РФ выявлено и впервые введено в научный оборот автором. В результате тщательного сопоставительно-текстуального и проблемно-хронологического анализа всех имеющихся в его распоряжении материалов В.А. Невежин констатирует открытость вопросов о полноте сведений относительно перелета Р. Гесса и возможных предпринятых в связи с этим политических действиях Кремля (Невежин 2022в: 182). Думается, что отсутствие (временное?) упоминаний в источниках о какой-либо конкретной политической реакции со стороны советского руководства может служить подтверждением версии о неоднозначном характере выступления И.В. Сталина 5 мая 1941 г., целью которого было спровоцировать Германию на корректировку своей позиции, неизбежно занявшую бы определенное время, чего и ожидал Советский Союз. Этим же объясняется отсутствие в известных источниках оснований «для выводов о том, что в Кремле были обеспокоены или встревожены полетом Гесса в Англию» (Невежин 2022в: 160). То есть этот полет был для советского руководства *неожиданным, но ожидаемым*, поэтому и не вызвал серьезного беспокойства. Впрочем, как справедливо замечает В.А. Невежин, только

дальнейшие изыскания по «делу Гесса» помогут получить ответы на эти непростые вопросы (*Невежин* 2022в: 182).

При наличии немалой доли эмоциональности, политизированности, субъективности восприятия исследователями вышеизложенных сюжетов, только беспристрастные работы могут быть отнесены к разряду тех, что составляют подлинно научную историографию начального периода Второй мировой войны.

Рецензируемый сборник статей, как представляется, по праву займет достойное место в ряду изданий подобного рода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Герасимов 2019 — *Герасимов Г.И.* «Артиллерия... остается мощным и решающим фактором в войне». Количественно-качественная характеристика артиллерии РККА (1925 — июнь 1941) // Военно-исторический журнал. 2019. №3. С. 28–34.

Гребенюк 2010 — *Гребенюк А.В.* РККА накануне Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО. 2010. №2(11). С. 5–38.

Киличенков 2019 — *Киличенков А.А.* Сталин и развитие танковых вооружений Красной Армии в 1930-е — 1940-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2019. Т. 8. №4. С. 962–984.

Либин 2022 — *Либин А.* Гитлер vs Сталин: между двумя «пророчествами» // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022. С. 48–102.

Невежин 1995 — *Невежин В.А.* Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступ-

пательной войны // Отечественная история. 1995. №2. С. 54–69.

Невежин 1997 — *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М.: АИРО-XXI, 1997. 288 с.

Невежин 2007а — *Невежин В.А.* Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М.: Эксмо, Яуза, 2007. 316 с.

Невежин 2007б — *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945. М.: Яуза, 2007. 318 с.

Невежин 2021 — *Невежин В.А.* Что могло знать советское руководство о «случае с Гессом» в мае-июне 1941 г.: версии и факты // Историческая экспертиза. 2021. №3. С. 190–205.

Невежин 2022а — *Невежин В.А.* Комментарии к статье А. Либина «Гитлер vs: Сталин: между двумя «пророчествами» // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022 а. С. 103–118.

Невежин 2022б — *Невежин В.А.* «СССР может перейти в наступление против империалистических держав». Пропандистский документ Главпура кануна войны // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022 б. С. 119–149.

Невежин 2022в — *Невежин В.А.* Советские источники мая-июня 1941 г. о полете Р. Гесса в Англию // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022 в. С. 150–182.

Невежин 2022г — *Невежин В.А.* Реакция советского руководства на полет Р. Гесса в Англию (май-июнь 1941г.) // Исторический вестник. 2022. Т. 41. С. 96–117.

Советская внешняя политика 2019 — Советская внешняя политика и дипломатия 1939 — 1941 гг.: нетривиальный взгляд на события. М.: АИРО-XXI. 2019. 192 с.

Советская политика 2022 — Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022. 184 с.

Токарев 2022а — Токарев В.А. «Польский» дискурс секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022 а. С. 7–22.

Токарев 2022б — Токарев В.А. Лексема «сфера интересов» в контексте советско-германского сближения 1939 г.: политико-правовые аспекты // Советская политика и пропаганда 1939–1941 гг.: Документы, факты, версии. М.: Квадрига, 2022 б. С. 23–47.

Шенова 2011 — Шенова Н.Я. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // Вестник МГИМО. 2011. № 2(17). С. 96–108.

REFERENCES

Gerasimov G.I. «Artilleriia... ostaetsia moshchnym i reshaiushchim faktorom v voine». Kolichestvenno-kachestvennaia kharakteristika artillerii RKKA (1925 — iyun 1941) ["Artillery ... remains a powerful and decisive factor in the war". Quantitative and qualitative characteristics of the artillery of the Red Army (1925 — June 1941)]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military history magazine], 2019. No 3. Pp. 28–34.

Grebeniuk A.V. RKKA nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny [Red Army on the eve of the Great Patriotic War]. *Vestnik MGIMO* [Bulletin of MGIMO], 2010. No.2 (11). Pp. 5–38.

Kilichenkov A.A. Stalin i razvitie tankovykh vooruzhenii Krasnoi Armii v 1930-e — 1940-kh gg. [Stalin and the development of tank weapons of the Red Army in the 1930s — 1940s.]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series History of Russia], 2019. Vol. 8. No 4. Pp. 962–984.

Libin A. *Gitler vs Stalin: mezhdumia «prorochestvami»* [Hitler vs Stalin: between two "prophecies"]. *Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022. Pp. 48–102.

Nevezhin V.A. Chto moglo znat sovetskoe rukovodstvo o «sluchae s Gessom» v mae-i iune 1941 g.: versii i fakty [What could the Soviet leadership know about the "case with Hess" in May–June 1941: versions and facts]. *Istoricheskaiia ekspertiza* [Historical expertise], 2021. No 3. Pp. 190–205.

Nevezhin V.A. «Esli zavtra v pokhod...». *Podgotovka k voine i ideologicheskaiia propaganda v 30-kh — 40-kh godakh* [If the hike is tomorrow...]. Preparation for war and ideological propaganda in the 30s–40s]. Moscow, Eksmo, Iauza Publ., 2007. 316 p.

Nevezhin V.A. *Kommentarii k state A. Libina «Gitler vs: Stalin: mezhdumia «prorochestvami»* [Comments on A. Libin's article "Hitler vs: Stalin: between two "prophecies"]. *Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022 a. Pp. 103–118.

Nevezhin V.A. Reaktsiia sovetskogo rukovodstva na polet R. Gessa v Angliiu (mai–i iun 1941g.) [The reaction of the Soviet leadership to the flight of R. Hess to England (May–June 1941)]. *Istoricheskii vestnik* [Historical messenger], 2022 d. Vol. 41. Pp. 96–117.

Nevezhin V.A. Rech Stalina 5 maia 1941 goda i apologiia nastupatelnoi voiny [Stalin's speech on May 5, 1941 and an apology for the offensive war]. *Otechestvennaia istoriia* [National history], 1995. No. 2. Pp. 54–69.

Nevezhin V.A. *Sindrom nastupatelnoi voiny. Sovetskaia propaganda v preddverii «sviashtennykh boev»*, 1939–1941 gg. [Offensive War Syndrome. Soviet propaganda on the eve of the "holy battles", 1939–1941]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 1997. 288 p.

Nevezhin V.A. *Sovetskie istochniki maia-i iunia 1941 g. o polete R. Gessa v Angliiu*

[Soviet sources of May–June 1941 about the flight of R. Hess to England]. *Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022 c. Pp. 150–182.

Nevezhin V.A. «SSSR mozhет pereiti v nastuplenie protiv imperialisticheskikh derzhav». *Propagandistskii dokument Glavpura kanuna voiny* ["The USSR can go on the offensive against the imperialist powers". Propaganda document of Glavpur on the eve of the war]. *Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022 b. Pp. 119–149.

Nevezhin V.A. *Stalin o voine. Zastolnye rechi 1933–1945* [Stalin about the war. Table speeches 1933–1945]. Moscow, Iauza Publ., 2007. 318 p.

Shepova N.Ia. Byl li gotov SSSR k vedeniiu Velikoi Otechestvennoi voiny? [Was the USSR ready to conduct the Great Patriotic War?]. *Vestnik MGIMO* [Bulletin of MGIMO], 2011. No. 2(17). Pp. 96–108.

Sovetskaia vneshniaia politika i diplomatiia 1939–1941 gg.: netrivialnyi vzgliad na soby-

tiia [Soviet foreign policy and diplomacy 1939–1941: a non-trivial view of events]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2019. 192 p.

Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022. 184 p.

Tokarev V.A. «Polskii» diskurs sekretного dopolnitelnogo protokola k Dogovoru o nenapadenii mezhdu SSSR i Germaniei ["Polish" discourse of the secret additional protocol to the Non-Aggression Pact between the USSR and Germany]. *Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022 a. Pp.7–22.

Tokarev V.A. *Leksema «sfera interesov» v kontekste sovetsko-germanskogo sblizheniia 1939 g.: politiko-pravovye aspekty* [The lexeme "sphere of interest" in the context of the Soviet-German rapprochement in 1939: political and legal aspects]. *Sovetskaia politika i propaganda 1939–1941 gg.: Dokumenty, fakty, versii* [Soviet policy and propaganda 1939–1941: Documents, facts, versions]. Moscow, Kvadriga Publ., 2022 b. Pp. 23–47.

О. В. Большакова

Рец.: Exeler Fr. Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus. Ithaca: Cornell univ. press, 2022. XV, 345 p.

Аннотация: Рецензируемая книга посвящена истории нацистской оккупации и послевоенного восстановления советской власти на территории Белоруссии. Основное внимание уделяется «политике возмездия» — процессам над предателями и пособниками фашистов.

Ключевые слова: зарубежная историография, Вторая мировая война, Советская Белоруссия, нацистская оккупация, судебные процессы над предателями и пособниками

Сведения об авторе: Ольга Владимировна Большакова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва). Email: jkmuf16@yandex.ru

O. V. Bolshakova

Rev: Exeler Fr. Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus. Ithaca: Cornell univ. press, 2022. XV, 345 p.

Abstract: The book under review is devoted to the history of the Nazi occupation and the post-war restoration of Soviet authority in Belarus. The main attention is paid to the "policy of retribution" — the trials against the traitors and Nazi collaborators.

Keywords: Western historiography, World War II, Soviet Byelorussia, Nazi occupation, trials of traitors and collaborators

Corresponding author: Bolshakova Olga Vladimirovna, PhD (Doctor in History), leading researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) RAS (Moscow). Email: jkmuf16@yandex.ru

Книга молодой исследовательницы Франциски Экселер «Призраки войны: Нацистская оккупация и ее последствия в Советской Белоруссии», написанная на основе диссертации, — яркий пример современных тенденций в зарубежной исторической русистике, о которых, к сожалению,

мало что известно отечественному читателю. В связи с этим имеет смысл бегло обрисовать состояние дисциплины, для краткости называемой сегодня REES — Russian and East European studies. После распада СССР и крушения коммунистической системы она изменилась карди-

нально, много выиграв от окончания идеологического противостояния и последовавшей деидеологизации. Несмотря на сокращение финансирования, REES продемонстрировала внушительный рост научных исследований (в особенности по истории и литературе) и высокую способность адаптироваться к новым реалиям. Изменения затронули как научно-образовательную инфраструктуру, так и методологию, что вызвало к жизни новые направления исследований и напрямую коснулось тематических предпочтений. Закономерным стало сокращение удельного веса России как предмета изучения в пользу стран Восточной Европы и бывших советских республик, так же как и все более широкое участие в исследованиях этого обширного региона выходцев из разных стран. Прежде исключительно «западная» дисциплина REES приобрела к настоящему времени глобальный характер (Bolshakova 2021: 45).

Приметы сегодняшней глобализации науки демонстрирует и научная биография автора «Призраков войны». Родившаяся в Гамбурге, Франциска Экселер много путешествовала по Европе и год провела в американской школе в Иллинойсе. Поступив в Гумбольдтовский университет в Берлине, она начала работать под руководством одного из самых крупных германских специалистов по истории России/СССР Йорга Баберовского. Диссертацию защитила в 2013 г. в Принстонском

университете под руководством Стивена Коткина, замечательного историка и глубокого знатока современной России. В качестве постдока какое-то время провела в НИУ ВШЭ в Москве, в настоящее время работает в Свободном университете Берлина. В своих выступлениях на самых разных площадках Экселер, собиравшая материалы для своей диссертации в архивах Беларуси, России, Польши, Израиля, Украины и США, говорила о необходимости глобального подхода к изучению истории Советского Союза, страны крайне разнообразной в этнонациональном и культурном отношении¹.

Такой подход предполагает, прежде всего, что СССР больше не рассматривается как «особая цивилизация» — что никоим образом не исключает самого пристального внимания к локальным особенностям. Это, безусловно, разрыв с традициями социальной истории, ассоциирующейся с именем — и школой — Ш. Фицпатрик, которая занималась исследованиями советского общества сталинской эпохи. Историки тогда сосредоточивали свое внимание на уникальных чертах сталинизма, при этом война «пропускалась», образуя некий провал между двумя его стадиями². Только в начале нового тысячелетия пришло понимание значимости изучения Второй мировой войны и периода послевоенного восстановления для понимания как общества, так и государственной политики. Проблемы построения

¹ В частности, ее интервью Фонду премий Арнольда Дж. Тойнби (Nunan 2015).

² Исключение составляла германская историография, в которой уже в 1990-е годы подробно воссоздавалась картина оккупации Восточной Европы. См., в частности, ставшее классическим исследование К. Герлаха (Gerlach 1999).

советской системы в новых послевоенных реалиях стали рассматривать на материале отдельных республик, что подразумевало интерес к идеологии и исторической памяти в неразрывной связи с процессом формирования общегражданской идентичности «советского народа»³.

Исследования по этой проблематике пока не так многочисленны, и монография Экселер, посвященная Советской Белоруссии, заслуживает пристального внимания.

Безусловно, во многих отношениях Беларусь представляет собой весьма нетипичный и сложный объект для изучения, особенно если говорить о национальной идентичности. В условиях этнического, языкового и религиозного многообразия национализм не получил здесь серьезного развития в первой трети XX в. — по сравнению с соседними Литвой и Украиной, не говоря уже о Польше (о чем еще в 1950-е годы писал Н. Вакар).

Кроме того, сама история Беларуси обуславливала сложность ситуации. После Рижского договора 1921 г. восточные и западные белорусские земли находились в составе СССР и Польши, которые проводили разную политику в сфере языка, культуры, религии и др. До сих пор в республике склонны говорить об определенной фрагментации белорусского населения и всего «духовно-культурного пространства Беларуси» как результате исторического наследия (*Шадуrowsкий* 2018: 141–142). В «При-

зраках войны» значительно корректируется такое представление, в основном благодаря более широкому, трансграничному, взгляду.

По словам самой Экселер, Советская Белоруссия представляет собой квинтэссенцию «крайностей XX века» в Европе (*Exeler* 2022: 4). Находившаяся в контактной зоне, где пересекались интересы нескольких государств⁴, она стала регионом, наиболее пострадавшим в период Второй мировой войны. Считается, что республика потеряла каждого третьего (или, по другим данным, каждого четвертого) жителя. Война здесь проходила с особой жестокостью, и нацистская политика геноцида, частью которой являлся Холокост, на территории Советской Белоруссии с ее высокой плотностью еврейского населения также реализовалась максимально. Широкое развитие партизанского движения делало республику центром тотальной войны, которую, как пишет Ф. Экселер, совершенно неверно вспоминают как войну между Германией и Россией: основные тяготы войны и оккупации вынесли национальные республики на западе СССР.

Однако реалии военной истории не входят в круг проблем, исследуемых автором. В центре ее внимания — простые люди, которым сначала довелось жить под оккупацией, а потом отвечать на трудный вопрос: «А что ТЫ делал во время войны?». На материалах судебных процессов, докладов МВД и МГБ, партийной документации, писем во власть и газетных публикаций,

³ Первой стала монография американца Амира Вейнера (*Weiner* 2001).

⁴ «Borderlands», как эти территории называют в англоязычной историографии, или «kresy Wschodnie» — в польской (и «Bloodlands», «кровавые земли» — с легкой руки Т. Снайдера).

дополненных мемуарами, Ф. Экселер исследует так называемую «политику возмездия», т. е. выявление «предателей и пособников фашистов», как это квалифицировалось в советской юридической практике.

Фактически, эта политика предстает в книге как часть процесса возвращения к нормальности, когда по-новому определялись идентичности граждан, теперь — на основе их поведения в годы войны, призраки которой постоянно присутствовали в их жизни, оказывая на нее глубокое влияние.

По мнению Экселера, советское государство вышло из войны, имея хорошую опору среди населения, которое ждало от него справедливости — в виде возмездия предателям и всем, от кого страдали простые люди (*Exeler 2022: 19*). «Политику возмездия» она трактует как инструмент восстановления государственной власти и авторитета в республике, которая на протяжении трех лет была «территорией конфликта», где действовали самые разные силы. Помимо оккупационных властей, сил вермахта и зондеркоманд, которым противостояли партизаны, это были подразделения белорусских (а в южной части — украинских) националистов и польской Армии Крайовой. Что касается местных жителей, то какая-то их часть служила в полиции (к концу оккупации чаще по принуждению), другие были в партизанских отрядах, остальные же находились между двух, а то и нескольких «огней», поскольку «все воевали против всех».

На этой «территории конфликта» люди слишком часто оказывались в ситуации «выбора без выбора»

(choiceless choices), поскольку любое решение имело разрушительный эффект, нанося вред самому человеку, его близким, а то и деревне в целом, когда его принимал, например, староста. Глава деревни регулярно был вынужден выбирать, к примеру, между отправкой людей на принудительные работы в Германию (и вполне вероятно быть убитым партизанами) и отказом это сделать — тут карательные меры оккупационных властей последовали бы незамедлительно (*Exeler 2022: 11*).

Выбор, однако же, приходилось делать, и далеко не всегда это был прямой экзистенциальный выбор между «предательством и смертью». Зачастую люди просто продолжали работать на своем месте, но только под началом оккупационных властей, военных или гражданских. Но после войны выяснилось, что повседневный выбор, обеспечивавший простое выживание, имел большое моральное значение. Он взвешивался на весах Фемиды — будь то машина советского правосудия или же суд соседей. Автор подчеркивает индивидуальный характер каждого решения и то обстоятельство, что пространство возможностей у всех было разным (и почти отсутствовало у евреев).

Показывая всю сложность ситуации, Экселер исследует взаимодействие государства и индивида, для чего привлекает мемуары, и на протяжении всей книги соразмеряет судьбу страны с судьбами восьми очень разных людей, в которых воплотилась история «восточноевропейской окраины», как любят называть Беларусь в зарубежной историографии. Они говорили на разных языках — белорусском,

польском, идише и русском, и исповедовали разные религии. Это весьма удачный методический прием, позволяющий использовать транснациональный подход (четверо из восьми персонажей покинули после войны Советский Союз). И хотя жизненные истории проходят по книге лишь пунктиром, они дают возможность увидеть многонаправленные передвижения людей в условиях движущегося фронта и устанавливающихся новых государственных границ, прочувствовать столь важную психологическую составляющую в ситуациях возвращения домой — и в ряде случаев бегства оттуда, в том числе в Палестину.

Хронологический охват книги формально весьма широк: в ней обрисовывается довоенный контекст с начала XX в., а вопросы, касающиеся исторической памяти, затрагивают и современность. Тем не менее, сосредоточено исследование главным образом на 1940-х гг. Вторая глава («В сердце тьмы») посвящена жизни в оккупации, а в трех последующих рассматривается восстановление общества после освобождения Советской Белоруссии летом 1944 г., с особым вниманием к «политике возмездия». Последняя, шестая глава реконструирует процесс создания официального нарратива о Белоруссии как «партизанской республике».

Война во многих отношениях стала моментом истины, поскольку, как считали тогдашние руководители, и прежде всего П. К. Пономаренко, выявила затаившихся и потенциальных предателей. Нужно понимать, что речь в послевоенном правосудии шла не только о сотрудничестве с немцами, но и о степени лояльности к советской

власти — а о какой лояльности можно было говорить в Западной Белоруссии, где советизация проводилась в течение всего двух лет? Подозрительность по отношению к «западникам» надолго поселилась в белорусском истеблишменте. Однако и в восточной части республики имелось много недовольных колхозами, и на фоне голода и нужды распространялись весьма разноречивые слухи о будущем советской власти. Уровень преступности был исключительно высок, в лесах бродили группы вооруженных людей, и вовсе необязательно националистов. Словом, проблема восстановления порядка на разрушенной территории, значительная часть населения которой была истреблена, угнана в Германию или эвакуировалась на восток, представляла собой крайне сложную задачу. Сложности добавляли и обмены населением с Польшей, проводившиеся в 1944–1946 гг. после того, как Белосток и прилегающие территории были ей возвращены.

Как пишет автор, в глазах руководителей республики главная проблема, тем не менее, заключалась в том, что население три года находилось под вражеским воздействием, и потому выяснение того, что советские граждане делали в это время, стало первостепенной задачей для органов безопасности. Огромный массив собиравшейся информации об изменниках и «прислужниках фашистов» поступал в распоряжение машины правосудия (Exeler 2022: 135–136).

В книге рассматривается множество конкретных судебных случаев, от публичных процессов с освещением в прессе, до сугубо локальных, включая «суд соседей» — внесудебные

расправы. Не обходит вниманием автор и работу следственных органов, с описанием пыток и психологического давления. Все это позволяет представить общую картину (хотя в отношении доносов Экселер, в лучших традициях немецкой историографии, весьма толерантна). Следует заметить, что «сигналы с мест» с обвинениями в пособничестве немцам часто выступали главным основанием для начала расследования и последующего судебного разбирательства, однако такого рода жалобы бывали и простым сведением счетов. Об этом говорят приведенные в книге примеры писем в инстанции, в которых невинно пострадавшие люди пытались отстоять не просто свое доброе имя, но право на жизнь и свободу.

Анализируя феномен многочисленных «писем во власть», Ф. Экселер подчеркивает, что по сути жалобы выражали доверие граждан к государству и служили важным инструментом укрепления режима. Они вносили свой вклад в восстановление советской власти после оккупации и имели стабилизирующий эффект, усиливая при этом авторитарные механизмы в СССР (Exeler 2022: 20–21).

Изучение материалов судебных процессов позволило автору выявить определенную динамику в «политике возмездия». Если в 1943 г. она была «суровой и огульной», то в 1944 г. после выхода разъяснений относительно крайне неопределенной категории «пособник оккупантов» началось более дифференцированное рассмотрение дел в военных трибуналах, а наказания постепенно стали смягчаться (что не делало советское правосудие либеральным).

В целом же динамика была волнообразной, поскольку определялась целым комплексом причин — в том числе изменениями в международном контексте. Так, по мере освобождения Красной Армией все новых территорий менялись государственные приоритеты: Советский Союз начинает позиционировать себя не только как освободителя, но и как гаранта справедливости, что оказывало свое воздействие на судебные решения (Exeler 2022: 172–173). Кроме того, в условиях острой нехватки специалистов — агрономов, учителей, мелких чиновников — побеждал прагматизм (и, думается, в каких-то случаях простой здравый смысл, который советские судьи периодически проявляли). Однако ведущую роль все же играла идеология, не лишенная, по мнению Экселера, противоречивости. В советском официальном дискурсе вырабатываются (и с годами только укрепляются) два мало совместимых, как она считает, постулата: о «единстве советского народа», вставшего на борьбу с захватчиками, с одной стороны, и о глубоком недоверии ко всем, кто находился на оккупированных территориях, — с другой.

Автор видит в этом соединении несоединимого причину явной амбивалентности советской «политики возмездия». Между тем идея всенародного единства и при этом стигматизация оставшихся весьма органично сосуществовали в общественном сознании, представляя собой эффективно работающую конструкцию. Особенно хорошо она работала на индивидуальном уровне, что видно из материала книги.

По словам самой Ф.Экселер, оценки жизни в оккупации были весьма прагматичными и нюансированными у тех, кто через нее прошел и знал, что значит выживать «под немцем». Но это отнюдь не означало склонности к моральным компромиссам и отсутствия «красных линий», о чем свидетельствуют, в частности, конфликты, касавшиеся собственности. Они инициировались обычно на местном уровне: кто-то получил корову от оккупантов, а кто-то забрал мебель своих убитых еврейских соседей. Гораздо жестче и прямолинейнее были оценки тех, кто вернулся из эвакуации или с фронта, они во многом совпадали со взглядами чиновников. В ходе бытовых конфликтов в послевоенные годы слова «ты был под оккупацией» часто использовались в качестве последнего аргумента в споре (Exeler 2022: 202–203), что подразумевало принадлежность спорщика к сообществу «настоящих» советских людей и стигматизировало вторую сторону.

Анализируя понятия вины и ответственности, справедливости и морального права, Экселер сознательно дистанцируется от вопроса о коллаборационизме — темы, получившей широкое освещение в литературе. Одной из причин является тот факт, что основной акцент в исследованиях коллаборационизма делается на антиеврейском насилии, которого в начале войны практически не было в восточной части Белоруссии. Кроме того, давно укоренилось мнение, что сотрудничество с немцами не было характерно для белорусов — хотя такая постановка вопроса представляется автору слишком упрощенной.

Экселер, напротив, старается во всех подробностях показать крайнюю сложность ситуации в Советской Белоруссии, в частности, текучесть и изменчивость статуса «предателя» и «пособника», который мог при этом тайно сотрудничать с партизанами (и уходить «в лес», что стало массовым явлением на исходе оккупации). В меньшей степени — и это определяется самим предметом исследования — затрагиваются, мягко говоря, непростые взаимоотношения партизан и местного населения.

Тема партизанского насилия, при всей ее табуированности, освещалась в советское время главным образом в текстах белорусских писателей, но автор, избравшая в качестве одного из восьми своих персонажей Василя Быкова, в нее, однако, не углубляется. Рассматривая в последней главе рождение и бытование нарратива о Советской Белоруссии как «партизанской республике», Экселер основывается главным образом на официальном дискурсе, что дает нам только часть картины, «вид сверху». Тем не менее, и он полезен, поскольку позволяет увидеть, как постепенно на смену этничности приходил размытый термин «мирные советские граждане», что фактически исключало миллионы погибших евреев из исторической памяти (Exeler 2022: 235–236).

Однако у книги много других достоинств, среди которых — внимание и сочувствие автора к судьбам людей, оказавшихся в годы войны в тисках «экстремальных обстоятельств», и при этом широкий, глобальный взгляд на советское правосудие, которое рассматривается в контексте «юстиции переходного периода» (transitional justice),

в одном ряду с другими процессами над преступниками и коллаборантами, проводившимися в странах Европы и Азии после Второй мировой войны. Отмечая, что все они были далеки от либеральных стандартов, автор считает правомерным образ действий советских трибуналов, учитывая масштаб и беспрецедентную жестокость совершенных нацистами преступлений (Exeler 2022: 241–242)⁵.

Многоуровневое и многомерное исследование Ф. Экселер стоит прочитывать полностью, как и другие книги о Второй мировой войне, опубликованные на английском языке в последние несколько лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Шадурский 2018 — Шадурский В. Основные модели национальной идентичности в современной Беларуси // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М., 2018. С. 141–153.

Bolshakova 2021 — Bolshakova O. Исследования России/СССР и стран Восточной Европы после холодной войны: Новое лицо дисциплины // *Roczniki Humanistyczne*. Т. LXIX, zeszyt 7. 2021. S. 35–48.

Exeler 2022 — Exeler Fr. *Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus*. Ithaca: Cornell univ. press, 2022.

Gerlach 1999 — Gerlach Chr. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944*. Hamburg 1999.

Hirsch 2020 — Hirsch F. *The Soviet judgement in Nuremberg: A new history of the international military tribunal after World War II*. Oxford university press, 2020.

Nunan 2015 — Nunan T. War time ghosts and souls in transit: Placing Soviet history in a global context with Franziska Exeler // *Toynbee Prize Foundation. Global history forum, interviews with global historians*. April, 2015. <https://toynbeeprize.org/posts/franziska-exeler/> (Дата обращения 02.07.2023).

Weiner 2001 — Weiner A. *Making sense of war: The Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

REFERENCES

Bolshakova O. Issledovaniia Rossii/SSSR i stran Vostochnoi Evropy posle kholodnoi voiny: Novoe litso distsipliny // *Roczniki Humanistyczne*. Т. LXIX, zeszyt 7. 2021. S. 35–48.

Exeler Fr. *Ghosts of war. Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus*. Ithaca: Cornell univ. press, 2022.

Gerlach Chr. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944*. Hamburg 1999.

Hirsch F. *The Soviet judgement in Nuremberg: A new history of the international military tribunal after World War II*. Oxford university press, 2020.

Nunan T. War time ghosts and souls in transit: Placing Soviet history in a global context with Franziska Exeler // *Toynbee Prize Foundation. Global history forum, interviews with global historians*. April, 2015. <https://toynbeeprize.org/posts/franziska-exeler/> (Дата обращения 02.07.2023).

Shadurskii V. Osnovnye modeli natsional'noi identichnosti v sovremennoi Belarusi // *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostokey i zapade Evropy* / Pod red. E. I. Filippovoi i K. Le Torrivelлека. М., 2018. С. 141–153.

Weiner A. *Making sense of war: The Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

⁵ Подробно вклад СССР в выработку норм международного права рассматривается в книге Ф. Хирш о Нюрнбергском процессе (Hirsch 2020).

Е. Л. Гофман

СУДЬБА, ПОБУЖДАЮЩАЯ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Рец.: Шнитман-МакМиллин С. Георгий Владимов: время рыцарства / Светлана Шнитман-МакМиллин. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. — 702, [2] с., ил. — (Великие шестидесятники)

Аннотация: Рецензируемая книга Светланы Шнитман-МакМиллин посвящена жизни и творчеству Георгия Владимова, одного из значительнейших русских писателей второй половины XX века. Судьба Владимова, чьи произведения были высоко оценены литературной и читательской общественностью 60-х годов, круто переломилась в середине 70-х, когда писатель стал на путь диссидентства, и, в итоге, вынужден был покинуть СССР. Глубокие размышления исследовательницы, значительное количество ранее не известной информации, представленной в книге, существенно содействует возможности рассмотрения биографии и произведений Владимова в контексте острейших исторических обстоятельств сталинского, хрущёвско-«оттепельного», позднего и постсоветского времени.

Ключевые слова: Владимов, Копелев, Синявский, Высоцкий, «Большая руда», «Три минуты молчания», «Верный Руслан», «Генерал и его армия», Шалай, Кобрисов, Пронякин, Мурманск, Лондон, Москва, диссидентство, эмиграция, НТС, траулер, плавание, судьба, осмысление, выбор.

Сведения об авторе: Гофман Ефим Леонидович, литературный критик, публицист, эссеист, член Международного ПЕН-клуба. Email: yegofman@gmail.com

E. L. Gofman

THE FATE PROVOKING REFLECTIONS. ГОФМАН Е. Л. СУДЬБА, ПОБУЖДАЮЩАЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Rev.: Shnitman-MakMillin S. Georgij Vladimov: bremya rycarstva / Svetlana Shnitman-MakMillin. — Moskva: Izdatelstvo AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2022. — 702, [2] s., il. — (Velikie shestidesyatniki)

© Е. Л. Гофман, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-3-268-278

Abstract: The book under review by Svetlana Shnitman-McMillin is devoted to the life and work of Georgy Vladimov, one of the most significant Russian writers of the second half of the 20th century. The fate of Vladimov, whose works were highly praised by the literary and reading public of the 60s, abruptly changed in the mid-70s, when the writer took the path of dissidence, and, ultimately, was forced to leave the USSR. The researcher's in-depth reflections and a considerable amount of previously unknown information provided in the book significantly contribute to the possibility of considering the biography and works by Vladimov in the context of the most acute historical circumstances of the Stalinist, Khrushchev-"thawed", late and post-Soviet period.

Keywords: Vladimov, Kopelev, Sinyavsky, Vysotsky, "Big ore", "Three minutes of silence", "Faithful Ruslan", "General and his army", Shalay, Kobrisov, Pronyakin, Murmansk, London, Moscow, dissidence, emigration, NTS, trawler, voyage, fate, comprehension, choice.

Corresponding author: Gofman Efim Leonidovich, literary critic, publicist, essayist, member of International PEN club. Email: yegofman@gmail.com

Вдумчивость — черта авторского подхода, ощущающаяся буквально с первых глав книги Светланы Шнитман-МакМиллин «Георгий Владимов: бремя рыцарства». Именно в таком ключе рассматривает исследовательница биографию и творчество одного из наиболее значительных, незаурядных русских писателей второй половины XX века.

Фигура Георгия Николаевича Владимова (1931–2003), безусловно, заслуживает основательного внимания, нуждается в рассмотрении существенно более пристальном, чем то, которое имело место на протяжении почти двух десятилетий, прошедших после ухода писателя из жизни. Именно сейчас мрачную актуальность вновь приобретает владимовский «Верный Руслан», вышедший в свет впервые на Западе, в 1975 году (а потом, в перестроечные и постсоветские времена, не раз издававшийся на родине автора). Казалось бы, речь идёт в этой повести о собаках, конвоирующих заключённых в сталинских лагерях, но эзоповым

языком отражает здесь писатель серьёзнейший социально-психологический феномен: ситуацию, когда вполне здоровые качества — усердие, исполнительность, преданность, бесхитростная доверчивость — используются государством в чудовищных, преступных целях. Подобное явление, как мы теперь видим, характерно не только для канувшего в Лету советско-сталинского прошлого. С ужасной силой оно вновь проявляется в сегодняшней российской реальности.

Заметим, однако, что и другие книги Владимова имеют ничуть не меньшую литературную ценность, и не случайно в своё время оказывались в эпицентре общественных дискуссий. Взять, к примеру, масштабный, написанный абсолютно раскрепощённой авторской рукой роман «Три минуты молчания» — то обстоятельство, что в сознании сегодняшней читательской и интеллектуально-экспертной среды он оказался отчасти заслонён «Верным Русланом», представляется чрезвычайно

несправедливым. Книга С. Шнитман-МакМиллин в немалой степени способствует исправлению подобного перекоса, и к этому моменту мы ещё вернёмся.

Жизненный путь Георгия Владимова волею обстоятельств оказался сопряжён с непростыми и острыми коллизиями нескольких исторических периодов: сталинского, хрущёвско-«оттепельного», позднего и постсоветского — и подобные особенности биографии писателя в рассматриваемой книге также нашли рельефное отражение. Сильной стороной монографии С. Шнитман-МакМиллин представляется то обстоятельство, что исследовательница вводит в оборот немало фактов, доселе не известных (или — недостаточно известных) широким общественным кругам. А также, приводит множество интересных, ранее не доступных для читателя материалов из архива Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете: а) весомую часть переписки Владимова (то есть, не только исходившие от него, но и — адресованные ему письма); б) полный текст аудио-интервью, которое — в рамках проекта, посвящённого истории сам-издата — взял у писателя в декабре 1983 года известный филолог-германист, переводчик, правозащитник Лев Зиновьевич Копелев (с ним и его супругой Раисой Давыдовной Орловой Владимов тепло сдружился в эмигрантские годы: «Их (Копелевых — Е.Г.) дом в Кёльне <...> был для нас <...> прибежищем души» — эти слова писателя приведены в книге не случайно). Оговорим также, что, в целом, существенное место занимает в книге прямая речь Влади-

мова, и особого упоминания в этом смысле заслуживают многочисленные выдержки из эксклюзивной пятнадцатичасовой беседы с писателем, которую в один из его приездов в Лондон (это было во второй половине 90-х) провела и записала на магнитофон сама С. Шнитман-МакМиллин.

Учтём и ещё один существенный момент, обозначенный исследовательницей в предисловии к монографии: «Впечатление от его (Владимова — Е.Г.) личности — сложной, яркой, крупной и поразительно талантливой — не ослабело с годами. Мои попытки отстраниться, «остраниться» и написать книгу, придерживаясь принятых академических канонов, оказались бессмысленны и бесплодотворны. <...> Поэтому я решила, что должна сохранить и воспроизвести как можно больше от личности самого Владимова, каким он остался в моей памяти и жизни» (С.11). Соответственно, не представляется удивительным при такой ситуации, что следом за главой, повествующей о последних годах жизни и о смерти писателя, автор книги помещает свой развёрнутый мемуарный очерк, озаглавленный: «Встречи с Георгием Владимовым». Целый ряд свидетельств и наблюдений, присутствующих в этом материале, по сути венчающем книгу, носит воистину бесценный характер. Временами при чтении очерка возникает чувство, что мы вместе с самой Светланой Шнитман-МакМиллин, живущей в Лондоне, и писателем Владимовым (приезжавшим несколько раз погостить к исследовательнице и её супругу, известному британскому филологу-слависту Арнольду МакМиллину) прогуливаемся по «Саду

роз королевы Марии», проходим мимо Букингемского дворца, плывём на пароходике по Темзе, пристально всматриваемся в картины Тициана, Рембрандта, в старинное оружие и рыцарские доспехи из «Коллекции Уоллеса». Или — предаёмся застольным спорам о Толстом, Достоевском и Агате Кристи. Или — присутствуем на презентации четырёхтомного собрания сочинений Владимова, вышедшего в Москве, в 1998 году.

Казалось бы, нередко на страницах книги исследовательнице приходится говорить о себе, о непростых обстоятельствах жизни своих родителей, обусловленных суровыми особенностями советского времени и резонирующих в этом смысле с некоторыми невесёлыми страницами биографии Владимова. Тем не менее, подобные места повествования выглядят вполне тактичными, неназойливыми, и ощущения подмены темы в этих случаях никоим образом не возникает. Особую ценность, на наш взгляд, представляют наблюдательно фиксируемые С. Шнитман-МакМиллин штрихи из жизни и быта Мурманска начала 60-х: северного, холодного, достаточно неуютного портового города, где прошли детские годы исследовательницы, и где — по совпадению! — разворачивается значительная часть действия владимовских «Трёх минут молчания» (работа над которыми была начата именно в тот период, а завершена ненамного позже, в 1967-м). По сути, эти выразительные зарисовки выглядят подобием неких своеобразных словесно-документальных иллюстраций к роману.

Честный, лишённый ханжества характер носит на страницах книги

разговор об обстоятельствах личной жизни Владимова: будь то неблагополучные первый и третий браки; или оказавшийся на удивление прочным и длительным второй брак с Натальей Кузнецовой, красавицей, человеком предельно нелёгким и, в то же время, бесконечно любящим и преданным писателю, относившемуся к супруге по-особому заботливо и тяжело пережившему её раннюю смерть. Или поздно восстановленные взаимоотношения с Мариной, дочерью от первого брака, ставшей для Владимова серьёзнейшей моральной поддержкой в последние годы и месяцы жизни, когда писатель был безнадежно болен. Или ряд других обстоятельств, которые С. Шнитман-МакМиллин подаёт без ретуши, но при этом совершенно не возникает ощущения какого-либо нездорового соглядатайства или сплетен. Думается, что это удастся исследовательнице в силу органичного, непринуждённого стремления подчинять весь ход повествования *главному*: постижению сути жизненной и творческой позиции Георгия Владимова.

Казалось бы, не прибегает С. Шнитман-МакМиллин, говоря об обстоятельствах биографии писателя, к тем или иным подчёркнуто-броским резюмирующим характеристикам. В то же время исследовательница умело и разумно направляет, подталкивает читающих книгу к осмыслению представленного в ней свода фактов. Соответственно, каждый из нас в этом смысле имеет право на собственные выводы. Позволим себе их и мы.

В процессе чтения книги возникает отчётливое ощущение, что не раз на

протяжении своей достаточно нелёгкой судьбы писатель оказывался в ситуациях некоей развилки, когда жизнь его могла пойти достаточно непредсказуемыми путями. Весь фокус, однако, в том, что Владимов, на повседневном, будничном уровне своего существования чуравшийся какого-либо пафоса, громких фраз, тяготевший к сдержанной, немногословной основательности, проявлял в таких случаях неожиданную, поразительную готовность делать решительный и подчас весьма рискованный выбор.

Именно такой, импульсивно-бесстрашный, характер носил поступок подростка, курсанта Суворовского училища Жоры Волосевича (настоящая фамилия писателя), решившегося вместе со своим однокашником и их общей юной подругой пренебречь неписаными нормами поведения, характерными для сталинских времён, и навестить опального Михаила Зощенко. По счастью, ограничилось в том случае всё для беспечных ребят-курсантов строгим выговором с занесением в личное дело «за потерю бдительности».

Точно таким же смелым ходом было решение сочинять доносы на самого себя(!), принятое молодым Владимовым, когда он стал объектом нездорового внимания со стороны госбезопасности в конце 40-х, в период учёбы на юридическом факультете Ленинградского университета. Благодаря подобной тактике, предметно описанной в книге, будущему писателю (и его университетскому другу Илье Белявскому, от имени которого эти доносы писались) действительно удалось расстроить недобрые, опасные планы вездесущих органов.

То же самое можно сказать об упорстве, проявленном Владимовым по окончании университета, в период, когда его мать, Мария Оскаровна Зейфман, была арестована по политическому обвинению, а сам он не имел постоянного жилья, вынужден был скитаться по углам. В итоге, азартная мечта недавнего вузовского выпускника «стать к тридцатилетию своему большим и крепким писателем» (о ней Владимов в 1954 году писал матери в лагерь) действительно осуществилась: повесть «Большая руда» была опубликована на страницах «Нового мира» в июле 1961-го (как раз когда её автору было 30!), и была заслуженно оценена общественностью как творческая удача сложившегося мастера.

Или ещё один пример: история о том, как сразу после выхода первой повести, в январе 1962-го, Владимов отправляется в плавание на рыболовном траулере с проходом через Баренцево, Северное и Норвежское моря, скрывая(!) от флотского начальства свой литературный — причём, уже достаточно успешный! — статус (поскольку внял совету старого, опытного моряка-радиста: «Тебе натолкают баек, <...> которыми всех новичков кормят. Ты лучше запишись в рейс матросом. <...> Тут всё и узнаешь») (С. 186 — 188). Результатом этого трудного путешествия стала ещё одна большая творческая удача — роман «Три минуты молчания».

Наконец, невозможно оставить без внимания обстоятельства 1977 года, времени, когда Владимов решил стать на путь откровенного диссидентства: добровольно вышел из Союза писателей, возглавил москов-

скую группу представительной правозащитной организации «Международная амнистия». События эти явились воистину крутым переломом владимовской биографии, и последствия их оказались для писателя крайне скверными: изнуряющая и унижительная гебистская слежка, обыски, допросы, и, в итоге, вынужденный отъезд из страны.

А затем были годы эмиграции, и некоторые важные моменты, связанные с описанием этого периода жизни Владимова в книге С. Шнитман-МакМиллин, мы затронем ниже. Вернёмся пока к проблеме выбора и сопряжённого с ним риска — не только характерной для биографии писателя, но и отразившейся в его творчестве.

Именно экстремальные ситуации нередко становятся ключевыми эпизодами владимовских произведений и чувствуется, что присущая им экспрессия и накал заражает, передаётся исследовательнице. Взять хотя бы наблюдения С. Шнитман-МакМиллин над образным строем «Большой руды»: «С первых слов повести “Он стоял на поверхности земли, над гигантской овальной чашей карьера” <...> возникает чувство тревоги от сверхчеловеческих размеров развернувшегося под ногами <...> пространства. Дорога в карьер описана как жуткий фантастический дракон <...>. Чувство угрозы от огромного котлована постоянно нарастает <...>. Во всей природе карьера есть грозное *предупреждение* (здесь и далее в цитатах курсив мой — Е.Г.)» (С. 162 — 163).

Учтём, однако, что эмоциональная открытость сочетается в подобных

фрагментах книги с тонкой аналитичностью. Совершенно обоснованно выявляет С. Шнитман-МакМиллин глубинные пласты метафор, просвечивающие сквозь вполне реалистическую, предельно приземлённую материю прозы Владимова. Показательна в этом смысле формулировка исследовательницы, касающаяся описания ужасного финала судьбы главного героя первой повести писателя — молодого шофёра Виктора Пронякина: «Повествование о гибели Пронякина построено как повторение мотивов, разрозненно возникших в начале повести и собранных в *единый трагический сонет* в конце, когда МАЗ вместе с шофёром обрушивается вниз» (С. 163).

Заметим, кстати говоря, что именно по пути выявления подобных, не лежащих на поверхности мотивов, символов, притчево-фантастического начала в творчестве Владимова пошёл в своё время Андрей Донатович Синявский, чья статья «Люди и звери» явилась воистину образцовым разбором «Верного Руслана». А те фрагменты статьи, где собака-бунтарь Ингус, противопоставленная писателем послушно исполняющему карательно-репрессивные функции Руслану, трактуется Синявским как подобие не просто свободолюбивого интеллигента, но натуры поэтической, сродни Мандельштаму и Пастернаку (их имена упоминаются напрямую!), по своей вдохновенной тональности не уступают даже некоторым страницам самой повести. К примеру, тому же описанию собачьей акции неповиновения, инициированной именно Ингусом, перегрызшим направленный на заключённых водяной шланг.

Опыт подобного пронизательного всматривания в суть владимовской прозы С. Шнитман-МакМиллин безусловно учитывает, сама следуя тем же путём в своих размышлениях о поэтике не только упомянутых выше «Верного Руслана», «Большой руды», но и — романа «Три минуты молчания», казалось бы, ориентированного в первую очередь на дотошное, скрупулёзное воспроизведение будней флотской и портовой жизни. Детально отражая эту сторону повествования (и, как мы уже отмечали, поддерживая разговор о ней ассоциациями из собственного мурманского детства), исследовательница стремится в то же время выявить подлинный смысловой объём владимовской книги. А потому сопоставляет фрагмент, когда главный герой романа, непутёвый работяга-бич Арсений Шалай, застыв, всматривается в таинственный образ звезды, с другим эпизодом — не случайной паузой, остановкой действия ближе к концу книги, когда тот же герой, перенесший столько испытаний в процессе морского рейса, едва не обернувшегося катастрофой, прислушивается к голосу собственной совести: «А вот было бы у нас, каждого, хоть по три минуты на дню — помолчать, послушать, не бедствует ли кто, потому что это ты бедствуешь! <...> Но разве это много — всего три минуты! А ведь так понемножку и делаешься человеком». Не менее обоснованный характер носит и, к примеру, внимание исследовательницы к рассказываемой читателю всё тем же Сеней Шалаем (от чьего лица идёт повествование в романе) легенде о Летучем Голландце: так прозвали на флоте странного человека, который зарабатывал бешеные деньги (ведя их тщательные подсчёты на бумаге!)

благодаря тому, что не сходил на берег два с половиной года, пересаживался прямо в открытом море с траулера, возвращающегося из плавания, на траулер, отправляющийся в новый рейс. «Что этот человек искал в океане, бежал ли от чего-то на земле, чтобы успокоить нестерпимую боль, или у него была иная цель — так и остаётся неизвестным», — размышляет С. Шнитман-МакМиллин, — «Едва ли это история о примитивной жадности, как предположило большинство критиков. Для того чтобы физически выносить океанские нагрузки два с половиной года, нужна была совершенно сверхъестественная сила и нечеловеческое напряжение воли. <...> В этом «северном голландце» и легенде о нем была не разгаданная никем *осознанность* судьбы и цели, и это интригует и будоражит Сеню <Шалай>» (С. 225).

Подобные реакции Шалайя, впрочем, не удивительны, поскольку за внешней, нелепой и временами сумбурной стороной существования этого персонажа ощущается напряжённое стремление понять не только других людей с их разными жизненными устремлениями, но и — *самого себя*. Участие в преисполненном тяготами и опасностями плавании, о котором повествуется в романе, как раз и становится для героя способом самопознания, и эта особенность образного строя книги вполне соответствует ёмкой формулировке С. Шнитман-МакМиллин: «любимый тип владимовского героя — человек в *странствии*, в процессе развития и *становления личности*» (С.224).

Обратим внимание, кстати говоря, и на ещё один любопытный момент.

Большинство эпиграфов к главам книги С. Шнитман-МакМиллин заимствовано у корифеев жанра авторской песни. Расцвет его, как мы помним, пришёлся как раз на 60-е – 70-е годы, совпал с периодом создания вершинных произведений Владимова. По преимуществу цитаты взяты исследовательницей из Александра Галича (все они – уместны), некоторые эпиграфы – из песен Булата Окуджавы, Александра Городницкого. Цитата из песни Владимира Высоцкого приводится лишь единственный раз, но воспринимается в контексте размышлений о Владимове как абсолютное попадание в десятку! Потому что, хотя и не влияли напрямую эти два крупных мастера друг на друга, именно с образами (и даже – интонациями) Высоцкого перекликается, по нашему представлению, многое всё в тех же «Трёх минутах молчания». Будь то трагикомический песенный рассказ о злключениях бича, заработавшего деньги и... сходу обобранного попутчицей в поезде, из-за чего он вынужден возвращаться на далёкую речку Вачу и заново вкалывать – фабула подобного рода поразительно похожа на обстоятельства, вынудившие Сению Шалая идти в рейс на траулере «Скакун». Или пронзительный вопль из *песни-беспокойства* (как её сам Высоцкий называл): «Парус! Порр-р-рвали парус!!!» – на удивление рифмуется он с мрачно-торжественным эпизодом владимовского романа, в котором экипаж «Скакуна», сопротивляясь бушующей водной стихии, отправляется спасать шотландских моряков и перед этим натягивает на мачту судна отсыревшее полотнище: «это была уже не тряпка, а – *парус, парус*, белое крыло над чёрной погibelью». А если мы припомним

финальные сцены «Трёх минут молчания», когда Арсений Шалай, возвращающийся из плавания в порт, испытывает отчётливый порыв к тому, чтобы обрести душевное пристанище на суше, соединить свою судьбу с разбитной, но такой же неприкаянной, как он сам, и так же точно жаждущей сочувствия, тепла портовой официанткой Клавкой Перевощиковой, то есть здесь эмоциональная близость со знаменитой песней Высоцкого о кораблях, которые, хотя и уплывают, «ложатся на курс», но непременно «возвращаются сквозь непогоду», и подобный порядок вещей ассоциируется для автора с его собственным нежеланием «сжигать корабли», с его собственными высокими душевными порывами: «Я, конечно, *вернусь*, весь в друзьях и в мечтах»...

Подобно Высоцкому, Владимов в своих произведениях сознательно избегал дидактики, не стремился навязывать читателю тот выбор, который делают его герои, в качестве неперемного ориентира. Писатель лишь абсолютно ненавязчиво побуждает нас к некоему естественному сопереживанию персонажам. И не требуется при этом испытывать чувство вины перед простыми людьми (о которых, в большинстве случаев, писал Владимов) за то, что, дескать, сидим в своих кабинетах, ведём интеллектуальные беседы, не занимаемся физическим трудом – потому что необходимость проявить человечность, подставить плечо попавшим в беду насущна для любых социальных уровней существования.

Рискнём предположить, что именно намеренное отсутствие давящего указующего авторского перста было

существеннейшей причиной, по которой не принял владимовские «Три минуты молчания» Солженицын. А его попытки, опираясь на почвенническую риторику, аргументировать своё неприятие равнодушием к морской теме, которая, якобы, «не может <...> сказаться ни на общественном, ни на нравственном, ни на эстетическом развитии России», выглядели скорее прикрытием подлинной основы подобных глубинных расхождений. В любом случае, эпистолярный отзыв Солженицына о романе ранил Владимова как своей нечувствительностью к творческой позиции коллеги, так и формой, в которой подобная реакция была подана, и в книге С. Шнитман-МакМиллин эта история представлена вполне отчётливо и откровенно (с. 242–243, 391–392).

Впоследствии, живя за границей, Владимов всё-таки (в отличие, к примеру, от того же Копелева или Синявского) воздерживался от конфронтации с Солженицыным, равно как и, в целом, с кругами взвинченного, радикально-«антисоветского» толка, статус которых в литературно-эмигрантской среде был весомым, и подобная предупредительность многим (включая автора этой статьи) может на сугубо субъективном уровне представляться избыточной. Оценим, однако, то обстоятельство, что, уходя от полемик, писатель никоим образом не солидаризировался с характерными для упомянутых выше кругов стремлениями шельмовать тех, чья позиция отличалась от их ригористичных доктрин. Более того, к великому несчастью, писатель и сам стал мишенью для травли со стороны такой влиятельной струк-

туры русского зарубежья, как НТС (Народно-трудовой союз).

Конфликту Владимова с НТС посвящена обширная и острая по своему характеру глава книги С. Шнитман-МакМиллин. Опираясь на малоизвестные широкой читательской аудитории историко-архивные материалы и работы, исследовательница напрямую пишет

о сотрудничестве НТС с гитлеровским режимом; о скрыто процветавших в этой организации антисемитских настроениях, установках на симпатии к режимам угрюмого, право-авторитарного толка; о том, что, беря курс на проведение в СССР подпольной работы, руководство организации попустительствовало укоренению в энтээсовской среде явлений в духе нечаевщины и описанной Достоевским «бесовщины»; о мощной поддержке, которую получал НТС со стороны ЦРУ, закрывавшего глаза на упомянутые выше тенденции (и — о том, что подобные контакты не мешали внедрению в энтээсовские ряды сотрудников КГБ).

Ничуть не удивляет, что к плачевным результатам привело решение Владимова принять предложение руководства НТС и возглавить курируемые организацией «Грани». В 1986-м, после двух лет удачных, плодотворных попыток превратить «партийно»-прямолинейное издание в серьёзный литературно-художественный журнал, писатель был из «Граней» грубо, со скандалом, вытолкнут. Совершенно очевидна проявившаяся в этой истории несовместимость позиции Владимова с устремлениями откровенно анга-

жированной структуры. Болезненной была эта ситуация и для самого писателя, и для его семьи, а потому — сочувствие, проявленное в подобном случае исследовательницей, вполне можно понять.

Затрагивает С. Шнитман-МакМиллин и непростые обстоятельства, связанные с судьбой романа Владимова «Генерал и его армия». Безусловно, и эта книга, явившаяся последним завершённым произведением писателя, заслуживает внимания, представляет несомненный интерес. Не упустим, однако, из виду лаконичную оговорку исследовательницы, представляющуюся нам справедливой: «Художественная ткань этого романа кажется не всегда столь органичной, как в других произведениях писателя» (с. 454). А кроме того, не забудем, что «Генерал и его армия» ещё в тот период, когда был опубликован в «Знамени» его первый, журнальный вариант (на наш взгляд, более впечатляющий, чем отягощённый несколько искусственной монументализацией и предсказуемыми традиционно-повествовательными ходами вариант второй, книжный), вызвал бурные дискуссии.

С негодующей статьёй о романе выступил тогда известный прозаик Владимир Богомолов. Владимов написал ответ Богомолову, носивший также весьма резкий характер. Вполне можно понять исследовательницу, предпочитающую воздержаться от оценок этой удручающей перепалки. Вместе с тем, мы позволим себе поступить в этом случае несколько иначе и поделиться некоторыми соображениями по поводу упомянутого инцидента.

Разумеется, предельно несправедливый характер носили попытки Богомолова квалифицировать «Генерала и его армию» как апологию Власова и власовского движения. Но от ответа Владимова остаётся чувство, что, давая обоснованную отповедь подобным обвинениям, писатель явно не учитывал некоторые обстоятельства, побуждавшие его оппонента к обострённой эмоциональной реакции (пусть и следствием подобных эмоций были неверные выводы). В ту пору, в период постсоветских 90-х, действительно начинали культивироваться настораживающие поветрия: попытки в пику ненавистному коммунизму искать оправдания для гитлеровского режима; попытки вытеснить конспирологическими рассуждениями по поводу истории начала войны и интриг между Сталиным и Гитлером осознание того, что нацизм ни при каких обстоятельствах несовместим с человечностью. Как бы то ни было, искреннее, не надуманное беспокойство по поводу таких тенденций в выступлении Богомолова присутствовало, но Владимов, верный давним представлениям нормативно-диссидентского толка, квалифицировал абсолютно все доводы оппонента лишь как предвзятую аргументацию «критики лубянского пошиба» (как формулирует писатель в конце своего ответа).

Самое же главное, что фигуры Власова и гитлеровского генерала Гудериана, столь бурно обсуждавшиеся обеими сторонами полемики-перепалки, появляются лишь в отдельных эпизодах владимовской книги и имеют опосредованное отношение к её основной проблематике — а именно на ней резонно сконцентрировано внимание

С.Шнитман-МакМиллин. Причём, заметим, даже на уровне фабулы присутствуют в романе нетривиальные моменты. Речь ведь идёт в книге Владимова о том, что судьбу её главного героя, генерала Кобрисова, решили обстоятельства, выходящие за рамки нынешних расхожих и упрощённых представлений об имперской политике сталинского режима (носившей, разумеется, подлый характер). Верховное командование отклоняет план Кобрисова, дающий возможность в разы уменьшить кровопролитие, спасти огромное количество жизней солдат, только потому, что взята установка любой ценой создать определённую идеологическую картинку: город Предславль (прообраз которого — Киев) во что бы то ни стало должен освобождать генерал-украинец(!). По выразительной формулировке исследовательницы: «Судьба наступления на Предславль <...> решилась совокупностью *украинского национализма*, вертикального подхалимства и завистливого желания потушить неожиданную вспышку гениальности Кобрисова» (с. 554 — 555). В последний из обозначенных моментов всмотримся чуть пристальнее.

По сути дела, рассказанная в последнем владимовском романе история

одарённого советского генерала Кобрисова, уничтожительно отброшенного, отвергнутого сталинской бездушной и жестокой государственной машиной, поразительно перекликается с историей героя первой повести писателя — всё того же, упоминавшегося нами выше, шофера Виктора Пронякина, гибнущего в пылу стремления убедить равнодушных сослуживцев, что долгожданный прорыв к подземным слоям руды произошёл. Иными словами, в творчестве Владимова, оказался *закольцован* один и тот же вариант судьбы: участь живой, инициативной личности, оказавшейся не нужной условным «своим» (в одном случае — производственной, в другом — армейско-командной среде). Терпя поражение и осознавая это, подобный герой органически не способен уклониться от сделанного выбора, что значило бы для него отказать от себя, от своих изначальных жизненных принципов.

Подобное внутреннее единство и стройность пути Владимова-писателя не в последнюю очередь обусловлено системой ценностей, на которую опирался Владимов-человек — и задуматься над этим книга Светланы Шнитман-МакМиллин также побуждает.

Д. Г. Хрусталёв

ОБ ИСКУССТВЕ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ РЕЦЕНЗИИ

Отклик на рецензию О. И. Тогоевой и А. Ю. Серegiной «Бег на коленях», “кивки пальцами” и прочие “ненастья”, или о том, каким не должен быть научный перевод», опубликованную в «Средние века». 2022. 83 (4). С. 258–273.

Аннотация: В статье детально разбирается недавно опубликованная рецензия на русский перевод английского памфлета о ведьмах из Варбойс (1593), вышедшего в издательстве «Лимбус Пресс» в 2020 г. Отмечается в целом крайне непрофессиональный характер этой рецензии: неумелое прочтение текста, неточное цитирование, незнание авторами рецензии специальной литературы о ведовских процессах и плохое знакомство с реалиями охоты на ведьм рубежа XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Англия, Новое время, охота на ведьм, ведьмы из Варбойс, научный перевод, научная рецензия, памфлет.

Сведения об авторе: Хрусталев Денис Григорьевич, историк из Санкт-Петербурга.
Email: d.g.khrustalev@gmail.com

D. G. Khrustalev

ABOUT SKILLS OF READING AND WRITING REVIEWS

The reference to a review of Olga Togoeva and Anna Seregina “Running of the Knees”, “Nodding with the Fingers” and other “storms”, or about what an Academic translation should not be” in “Srednie veka” Vol. 83 (4), 2022, P. 258–273.

Abstract: The article presents a detailed reference of a recently published review of Olga Togoeva and Anna Seregina of a Russian translation of an English pamphlet about the witches of Warboys (1593), published by The Limbus Press

in 2020. The author argue that this review is of low quality: reviewers' lack of reading skills, inaccurate quotation, ignorance of special literature on witch trials and poor knowledge of the realities of the witch-hunt of the 16th–17th centuries.

Keywords: England, Modern times, witch-hunt, witches of Warboys, academic translation, academic review, pasquinade.

Corresponding author: Khrustalev Denis Grigorievich, the historian from Saint-Petersburg. Email: d.g.khrustalev@gmail.com

Выражаю искреннюю благодарность редколлегии журнала «Средние века», которая предоставила возможность опубликовать в своем издании рецензию на комментированный перевод английского памфлета «Ведьмы из Варбойс» (СПб.: Лимбус Пресс, 2020). Для меня это действительно примечательно и уже само по себе служит признанием заслуг. В 2021 г. эта книга была номинирована на литературную премию имени Александра Пятигорского, но награды не получила. Тем не менее, тираж распродан, недавно вышло переиздание и своего читателя она нашла. Внимание научного сообщества — неожиданный приз.

Памфлет, изданный в Лондоне в 1593 г., назывался: «*Весьма странное и удивительное разоблачение трех ведьм из Варбойс, обвиненных, осужденных и казненных на последнем заседании Выездного суда в Хантингдоне за то, что колдовством обрекли пять дочерей Роберта Трокмортонна, эсквайра, и разных других особ на всевозможные тяжкие дьявольские мучения, а также за то, что колдовством обрекли на смерть леди Кромвель, подобное же неслыханно было в нашем веке*» (*The most strange and admirable discoverie of the three Witches of Warboys, arraigned, convicted, and executed at the last Assises at Huntington, for the bewitching of the*

five daughters of Robert Throckmorton Esquire, and divers other persons, with sundrie Divellish and grievous torments: And also for the bewitching to death of the Lady Crumwell, the like hath not been heard of in this age).

В моей работе представлен его комментированный перевод на русский, который замыкает послесловие, где можно было ознакомиться с обстоятельствами его появления, участвующими лицами и смысловыми контекстами эпохи. Здесь привлекателен, конечно, не только сам ведовской процесс, его юридические особенности или обвинительная база, но также социальный фон и срез локальной истории небольшого английского поселения конца XVI в. — деревни Варбойс.

Сам по себе памфлет 1593 г. выражает неожиданную для наших дней позицию, оправдывающую судебное разбирательство над ведьмами и их казнь. При этом он содержит довольно пространное изложение обстоятельств процесса: свидетельские показания, документы следствия и даже прямую речь самих ведьм вплоть до цитирования «магических заклинаний». Все это в целом представляет уникальный материал для исследований, который, к сожалению, до сих пор не был задействован в отечественной историографии.

О. И. Тогоева и А. Ю. Серегина в меру сил постарались заполнить этот пробел, опубликовав пространную рецензию, за появление которой нельзя их не поблагодарить. Однако их невнимание к деталям наряду с парадоксальными выводами заставило написать этот отклик.

Прежде всего, уважаемые авторы рецензии поразили отказом от норм академического рецензирования. Ни структура публикации, ни описание его проблематики или даже просто актуальности надлежащим образом у них не представлены. Напротив, основное внимание сконцентрировалось на редакторских недоработках, которые действительно присутствуют, и терминологических предпочтениях, которые неизбежны. При этом буквально с первых строк рецензия испещрена неточностями.

О. И. Тогоева и А. Ю. Серегина начинают так: «В 1593 г. в английской деревне Варбойс (Хантингдоншир) был вынесен смертный приговор...» (С. 259). Но никаких смертных приговоров в Варбойс не выносили. Заседания Выездного суда проходили в другом месте — в городе Хантингдоне, о чем говорится уже в названии самого памфлета.

Далее: «Следствие по этому делу заняло 5 лет...» (С. 259). Опять нет, следствие заняло чуть более трех месяцев, а вот события, описанные в памфлете, неравномерно охватывают примерно четыре с половиной года (с ноября 1589 по апрель 1593 г.).

Следующий абзац: «Главным сочинением среди многих других, в которых нашли отражение материалы

этого ведовского процесса, стал анонимный памфлет, опубликованный в Лондоне в том же 1593 г.». Это не только «главное», но единственное сочинение об этом процессе. Все остальные основывают свои сведения только на нем. Забавным выглядит примечание рецензентов к этому месту, где говорится, что «наиболее полный список всех сочинений, посвященных ведовскому процессу в Варбойс, был составлен ещё в начале XX в. Гербертом Норрисом» (С. 259, прим. 2). Действительно, Норрис в своей справке перечислил 33 издания, вышедших до 1913 г. и где как-либо упоминались ведьмы из Варбойс, включая первые оттиски памфлета 1593 г., из которых один был ошибочно — он этого не понял — датирован 1589 г., поскольку не имел титульного листа (*Notes and Queries*, 1. 1916. 12 series. P. 283–284, 304–305.). На самом деле окончательно сверку сохранившихся оттисков первого издания памфлета и сводку библиографии провел австралийский исследователь Филип Олмонд (рецензенты далее упоминают его работы, называя «Элмонд», хотя в американском произношении он Олмонд, а в британском — «Алмонд»): *Notes and Queries*, 52. 2005. P. 192–193. К 1916 г. было невозможно составить «наиболее полный список всех сочинений» — основополагающие исследования о процессе и событиях в Варбойс созданы во второй половине XX в. Важнейшими следует признать статью 1995 г. Анны Р. Де-Виндт и монографию 2008 г. Филипа Олмонда (*De Windt* 1995; *Almond* 2008). Иногда, в том числе рецензенты (С. 259, прим. 4), добавляют к этому списку книгу 1993 г. Мойры Татем, но это только потому, что они

не держали ее в руках — речь про популярную брошюру, опубликованную для библиотек Кембриджшира (*Tatem* 1993). В целом библиография по теме сейчас охватывает сотни изданий, а если учитывать, подобно Норрису, газетные статьи и строчки в библиографических справочниках, то тысячи.

Тут же авторы рецензии приводят собственный перевод названия памфлета 1593 г., который не только более громоздкий и грешит порочным, как они сами потом будут настаивать, «буквализмом», но содержит ошибки (например, *Assises* переведено как «суд присяжных») и сокращен: «Самое странное и удивительное разоблачение трех ведьм из Варбойса, привлеченных к ответственности, признанных виновными и казненных на последнем [заседании] суда присяжных в Хантингдоне за то, что они околдовали пять дочерей Роберта Трокмортона, эсквайра, и прочих людей» (С. 259). Даже в английском варианте названия, вынесенном в примечание, они умудрились допустить ошибку и пропустить слово (С. 259, прим. 3).

Это пока только первая страница рецензии из двенадцати. Второе предложение второго абзаца здесь звучит так: «Памфлет явился одним из первых сочинений такого рода в Англии...». Без соответствующей оговорки может создаться впечатление, что речь о новации. Но это совсем не так. Первый ведовской памфлет был опубликован в Англии ещё в 1566 г. — о событиях в Челмсфорде (Эссекс). На континенте такие сочинения появились ещё раньше. К 1593 г. можно говорить не только

о традиции, но об устойчивом спросе на подобную литературу.

Уточнения требует и заявление рецензентов, что памфлет о ведьмах из Варбойс «всегда вызывал особый интерес исследователей». Да, конечно, но только не в России. Особенно смешно в этой связи выглядит ссылка рецензентов на то, что о ведьмах из Варбойс следует читать книгу Ю. Ф. Игиной: «На русском языке см. прежде всего: Игина Ю. Ф. Ведовство и ведьмы Англии. Антология зла. СПб., 2009» (С. 259, прим. 4). В этой книге о ведьмах из Варбойс нет ни слова. Характерно также, что один из рецензентов — О. И. Тогоева — буквально в августе 2022 г. сдала в печать сборник статей, заявленный монографией, «Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв.» (М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022), где продемонстрировала не основательное знакомство с памфлетом о ведьмах из Варбойс, не только с переводом, но и с оригиналом. В своей книге она представила изображение, которое приписала брошюре о ведьмах из Варбойс, сопроводив необычным переводом названия — «Исключительно странное и удивительное разоблачение трех ведьм из Варбойс» (илл. 38). Так же и в тексте (С. 235), то есть это не опечатка. В рецензии она уже настаивала на другом переводе. На самом деле в своей книге Тогоева привела изображение с одной из страниц памфлета о Виндзорских ведьмах 1579 г. Причем сам памфлет 1579 г. она тоже дважды там упомянула (С. 208, 213), но к его оригиналу (доступному в сети), судя по всему, не обращалась, довольствуясь недавним переизда-

нием. Собственно в отчете о ведьмах из Варбойс 1593 г., как известно, никаких иллюстраций не было. Можно сделать заключение, что до августа 2022 г. О.И. Тогоева о ведьмах из Варбойс знала только понаслышке. Впрочем, у русскоязычных авторов сюжет о ведьмах из Варбойс ранее вообще не рассматривался.

Также следует прокомментировать утверждение рецензентов, что «академического издания памфлета до сих пор не существует». Дело в том, что для английской историографии понятие «академический» является синонимом «научного». Оно никак не связано с причастностью к институциям Академии наук. Научная («академическая») значимость издания определяется авторитетом авторов или издательств, прежде всего университетских. В этом серьезное отличие от традиций нашей страны. В части памфлета 1593 г. можно зафиксировать, что в 1969 и 1991 гг. он был опубликован в комментированной антологии университетом Массачусетса, а в 2004 г. — университетом Кембриджа (*Rosen 1991: 239–297; Almond 2004: 71–154*). Ссылки на эти издания были приведены в послесловии.

В рецензии О.И. Тогоевой и А.Ю. Серегиной особое внимание уделено доказательству того, что ни мой перевод «Ведьм из Варбойс», ни сопровождающая его статья не являются научными. «Научность» и «академичность» являются навязчивыми маркерами, которые рецензенты настойчиво навязывают, а потом пытаются развенчать. И мне определенно лестно, что их оценки строятся в этой системе координат. Впрочем, ни перевод, ни сопроводи-

тельная статья, ни в целом издание «Ведьм из Варбойс» нигде не заявлены как научные или что-то подобное. Непредвзятому читателю будет очевидно, что стиль изложения у меня публицистический и точно не соответствует академическому формату. В книге вообще слово «научный» использовано лишь однажды и в кавычках. Никаких специальных индексов в этой связи книга не несет.

Тем не менее, у рецензентов встречаются интересные наблюдения, которые действительно достойны обсуждения. Тем более, что целью моей работы являлось именно знакомство широкой публики с историей ведовских процессов. Претензии к переводу они привели следующие (С. 260–261):

1. «Припадки» (*fits*). По мнению рецензентов, этот термин использован буквально и вне правил грамматики. Например, вместо «впали в припадок» или «были в припадке» надо «случился припадок» или «начался припадок». В тексте памфлета это чуть ли не самое частотное слово, которое выступает термином, достойным отдельного акцента. Обычно это как название заболевания — не вообще болезни, а конкретного ее вида (с определенным артиклем): «манера ее припадков», «этот вид припадков», «освободить их от их припадков», «впасть в свои припадки», «быть вне своих припадков» (*the manner of her fits; these kinde of fits; to deliver them of their fits; fell into their fits; they were out of their fits*). Думаю, что при таком прочтении мой вариант перевода при кажущейся грамматической неровности будет более правильным.

2. Детскую «легкомысленность» (*some lightnes in the childs braine*) следует переводить как «неразумность». Сомневаюсь, что слово *lightness* указывает на отсутствие разума, разве только на несерьезность и легкость, то есть именно легкомысленность.

3. Про «некоторое мерцание» (*a small glimmering*) следует говорить, что речь о частичной утрате зрения. У глагола *glimmer* всего одно значение «брезжить», то есть «мерцать» тоже.

4. «Спинные суставы вытянулись, будто сомкнувшись» (*all the ioynts of her backe bone being as it were drawen together*) следовало перевести «спину скрутило судорогой». На самом деле спину скрутило дугой, чуть ли не завернув девочку в круг, что, собственно, и хотел выразить автор английского текста. Возможно, фразу стоит перестроить, если она осталась непонятна рецензентам, но предложенный ими вариант точно не подходит.

5. Вместо «обеление кожи» (*bleach*) нужно было написать, что «у девочки наблюдалось изменение пигментации кожи». Сложно понять претензию, поскольку в английском глагол *bleach* до сих пор существует и означает именно отбеливание или, на крайний случай, обесцвечивание, т.е. явление противоположное «пигментации».

6. Существительное, которое в оригинале записано как *adoe*, рецензенты пишут *adoo* и настаивают, что его следует переводить не как «беспокойство» (*ado*), а как «усилия» (*ado*). В этом замечании есть смысл, хотя он требует отдельного коммен-

тария в тексте перевода, поскольку написание таки иное.

7. Выражение «вселило в их умы предположение о порче» (*strike into their minds a suspicion of witchcraft*) следовало переводить «заронило в их души сомнение, не идет ли речь о колдовстве». То есть вместо «умы» надо «души», что для *minds* допустимо, а вместо «порчи» — «колдовство», что тоже корректно. Готов принять, если это существенно.

8. Фразу «особенно тряслись ее руки, подобно тем, кто барахтается в борьбе между жизнью и смертью» (*specially her armes, like to those which struggle and plunge betwixt life and death*) следовало переводить «она судорожно размахивала руками, подобно утопающим». В моем варианте рецензенты увидели пропуск некоего предлога и сочли, что речь «об уподоблении *рук* девочки другим людям». Пожалуй, что они правы, фраза требует уточнения, впрочем, как и в английском тексте.

9. Прилагательное *senceles* (в современном языке *senseless*) я перевел как «бесчувственный». По мнению рецензентов следовало как «неконтролируемый». Может быть вариант «бесчувственный» не самый удачный, однако в данном случае речь именно о припадке, который выразился в потере чувств, что подробно описано в тексте.

10. *The hall* нельзя переводить просто как холл, нужно как «парадный зал». Холл — это крытое пространство в центре здания, предназначенное для публичных мероприятий. На русский его можно перевести как

«прихожая», то есть просторное помещение, в которое зачастую входят прямо с улицы и из которого попадают в другие помещения, в том числе на лестницы. В Варбойс там находился очаг. Судя по тексту памфлета, к холлу примыкали личные комнаты и гостиная (*Parlour*), причем гостиных было две — большая и малая. Если приходили гости или соседи, то они попадали прежде всего в холл. Судя по сохранившемуся зданию манор-хауса Варбойс, холл не был большим парадным залом. Назвать его так будет излишней натяжкой. Возможно, следовало перевести как «зал», но, кажется, это синоним «холла».

11. Под *manor house* следует понимать не помещичью резиденцию и не особняк, но «усадьбу». Хотя это касается уже не перевода, а послесловия, разъясним: манор-хаус — это центральная постройка поместья, где жил или администрировал помещик (или владелец). Рецензенты, вероятно, хотели сказать, что речь не об одном здании, а о комплексе построек. Однако, это та же ситуация, когда заменяют слово «дворец» на «дворцовый комплекс», что оправдано только при необходимости выделить топографические или архитектурные особенности.

12. *The time of prayer* надо переводить как «время молитвы», а не «время молитвословия». В данном случае текст предполагал указание на действие, то есть произнесение молитв, что и было подчеркнуто переводом.

13. *Cunning man* — это просто колдун, его нельзя переводить как хитрец. Это тоже не про перевод, а про

послесловие, но стоит дать уточнение. В XVI в. английский язык уже был насыщен терминами, обозначающими специалистов по сверхъестественному: *witch, wizard, sorcerer, conjurer, wise woman, cunning man, magician, necromancer etc.* Сейчас их всех можно назвать колдунами, но современники таки подразделяли ведьм, волшебников, чародеев, знахарок, магов, некромантов и пр. Мои наблюдения показывают, что под *cunning man* обычно имелся в виду знахарь, умелец, сельский знаток магических и/или целительных практик, что можно перевести как «хитрец». Тем более, что прилагательное *cunning* означало как «умелого» и «искусного», так и «хитрого» и «лукавого», но никогда не содержало inferнального оттенка, который приличествует понятию «колдун».

14. Слово *beesenings* (так в оригинале; рецензенты приводят с ошибкой *-beeseenings*) следует переводить как «нарывы», а не как «выгноения». Этого слова нет в известных как мне, так и рецензентам словарях. Более того, оно не было вполне понятно и самим авторам памфлета, которые прибавили за ним, что это «выражение тюремщика» (*the Jaylors worde*), то есть некое просторечие. Судя по контексту, оно означает нечто, выведенное из соска-нарыва, обнаруженного на трупе Элис Сэмюэл, и описано как «смесь желтого молока и воды». Речь определенно не о нарывах, а о некоей жидкости.

Итак, к переводу (около 40 тыс. слов на русском) было высказано двенадцать претензий, из которых ни одна не может быть принята без

оговорок, а большинство представляют собой ошибки или надуманные предвзятости.

Отдельный сюжет — претензии рецензентов, которые вынесены ими в заголовок. Речь о выражениях «бег на коленях» и «кивки пальцами», которые они перевели обратно на английский как «running on the knees» и «nodding with the fingers» (с. 258). По мнению рецензентов таких выражений «не существует» (С. 261). Однако, в оригинальном английском тексте они таки есть, хотя и записаны чуть иначе. Одна из дочерей Трокмортона «часто давала тайный жест, как то кивок пальцем или головой, чтобы духи тут же запирали рты детей, и те потом не могли говорить» (*often times she did give a privie becke or nod with her finger or head, & then the spirits did presently stop the childrens mouths, that they could not speake*) (С. 96). Вариантов иного перевода рецензенты не предложили. То же касается сюжета с бегом на коленях, который отмечен в тексте не так кратко, как представили рецензенты, и не в тех английских выражениях. В целом текст выглядит следующим образом: «Она рванула, направив свои колени (поскольку не могла ходить) в сторону входа, будто желая встретить его. <...> Присутствовавший там господин доктор Дорингтон, заметив намерение ребенка бежать на коленях, остановил его...» (*she pressed forwards on her knees (for she had no use of her legges) towards the parlour doore as if she would go to him. <...> Then M. Doctor Dorington being in presence, perceiving the child so to goe on her knees, stayed her...*) (С. 137). Никаких предложений по редактированию этого фрагмента рецензен-

ты не дали, намекая, что это плохо, но лучшего не придумали.

Далее рецензенты уделили заметное внимание редакторским особенностям перевода и передаче имен собственных (С. 261–262). В этой части вопрос можно отослать к издательству, хотя некоторые пассажи достойны специального упоминания. Например, они считают, что совершенно прозрачная фраза «поместье в Коутоне Джон Трокмортон получил в качестве приданого» означает, что приданое выдали за женихом, а не за невестой (С. 262).

Ещё рецензенты утверждают, что «не существует» (!) наречия «почасту» (С. 261–262). Стоит предложить им заглянуть в какой-нибудь словарь русского языка, чтобы изменить свое мнение. В таком же духе нелепостей и вкусовщины многие другие замечания. Впрочем, во вкусах они тоже не последовательны.

Так некоторые личные имена в тексте перевода оставлены без перевода — например, имена бесят Плука, Кетча, Уайта и Блю. Рецензенты сочли это «обидным» и настаивают, что требуется их переложение в духе Салтыкова-Щедрина: Щипач, Ловец, Беляк, Синяк (С. 262). Следующим этапом, надо полагать, они потребуют так поступать со всеми личными именами: Тейлора сделать Ткачом, а Смита — Кузнецом. Но нет, уже на следующей странице рецензентов возмущает, что слова the spirit и the devil, то есть [злой] дух и дьявол, я перевел как «бес» и «черт». На их взгляд в данном случае следует писать «фамилиар» и «демон» (С. 263), то есть без перевода на русский.

Также неуместными рецензентам показались упоминания слов «домострой» и «кликуши», хотя они относятся не к тексту памфлета, а использованы в авторском послесловии.

К сожалению, заявив, что ознакомились с нашей публикацией, рецензенты, в действительности, не смогли ее прочитать полностью и внимательно, отчего не обнаружили там даже характеристики опубликованного источника. Они утверждают: «С его точки зрения, речь идет о «материалах государственного следствия и судебного процесса» (С. 191) или об «отчете о ведовском процессе» (С. 192)» (номера страниц из моего перевода). А «в действительности», настаивают рецензенты, ««Ведьмы из Варбойс» являются анонимным антиведовским памфлетом, написанным (и это правда!) с опорой на материалы следствия, но претерпевшим сильную авторскую редактуру, а потому превратившимся в некое подобие художественного произведения» (С. 263). На самом деле именно об этом подробно написано в послесловии. И не только о составе памфлета, но даже о предполагаемых авторах. Например, вот такой фрагмент из своего послесловия (С. 226) приведу полностью: «Книга была издана анонимно, но изложение заставляет полагать, что перед нами не просто допросы и судебные стенограммы — текст кем-то обработан, порою неряшливо и явно спешно. Одни считают, что к этому приложил руку Гилберт Пикеринг, другие — Роберт Трокмортон, но, скорее всего, это был не один человек. К группе соавторов предположительно относят также Френсиса Дорингтона и самого судью Феннера. И если тотальной

редактурой занимался все же явно кто-то один, то в целом авторство, без сомнения, коллективное».

Удивление от работы рецензентов нарастает, когда они заявляют, что в публикации не отмечены возможные «переходы» в тексте «Ведьм из Варбойс» — места, где меняется жанр или источник повествования: «свидетельские показания», «исповедь главной обвиняемой» и т. д. (С. 264). Однако, именно это и было сделано, что легко обнаружить, если свериться с оригиналом памфлета. В первоисточнике текст не имел какого-либо композиционного членения. В нашем издании введено деление на главы и смысловые блоки — они выделены в оглавлении и отмечены в послесловии.

Если продолжить изучение рецензии, то обнаружится навязанное мне заявление, что «в Англии в конце XVI в. — в отличие от континентальной Европы — “торжествовало прецедентное право”». И указано: «Стоило бы знать, что то же самое право “торжествовало” повсеместно» (С. 264). Однако, ни на какие «отличия от континентальной Европой» в этой части я не указывал. Этой фразы в тексте попросту нет.

Наконец рецензенты впадают в грех фактических ошибок. Они пытаются выделить их в тексте, но в итоге допускают сами. Например, они настаивают, что «статут Елизаветы I появился не в 1563 г., а в 1562 г.» и ссылаются при этом (С. 265) на работу Ю. Ф. Игиной (*Игина* 2009: 67). Это основной правовой акт («о колдовстве, волшебстве и ведовстве»), который регламентировал уголовное

преследование ведьм в Англии — на его основе был вынесен смертный приговор семье Сэмуэл из Варбойс. Однако, опубликован он именно в 1563 г. У Игиной ошибка. Это легко проверить, если пройти по ссылкам, которые приведены в послесловии, где этот акт полностью заново переведен на русский: 5 Eliz. I, cap. 16. Это вполне хрестоматийный датированный документ для специалистов. Он многократно публиковался ранее, в том числе на русском (*Rosen* 1991: 54–56; *Горелов* 2005: 78). Основным изданием является официальный свод королевских статутов Великобритании: *The Statutes of the Realm*. Vol. IV, Part 1. London, 1819. P. 446.

Порой рецензенты путаются, как, например, в случае с термином *Assises*, когда речь идет о суде под председательством разъездного судьи, в котором порой могут участвовать присяжные. Тем не менее, они буквально переводят *Assises* как «суд присяжных» (С. 259, 264). Ещё иногда они критикуют выхваченную из контекста фразу, как в случае с выражением «пуританский клирик», которым я отметил Джорджа Гиффорда (С. 265). Они справедливо пишут, что клирик — это обязательно член церкви, а у пуритан не было такой организации, то есть не было клириков. Фраза «пуританский клирик» вне контекста может действительно смутить. Однако, рецензенты умолчали, что речь идет о Гиффорде, который именно был клириком англиканской церкви, в общинах которой и возникло пуританское движение. Он симпатизировал пуританам, за что лишился прихода, но потом был восстановлен в статусе лектора, утвержден в этой должности архиеписко-

пом Кентерберийским. Он оставался клириком, симпатизирующим пуританам, до конца своих дней.

Заявления у рецензентов зачастую столь же категоричные, сколь и спорные. Например, у них «вызывает сомнение» утверждение, что «ведущей силой в научном развитии XVI в.» был неоплатонизм (С. 267). Из контекста становится ясно, что им обидно за материализм и реализм, которые упущены в этой формуле. Впрочем, они не доходят до того, чтобы отказать неоплатонизму в участии в научном развитии. Грань определенно здесь присутствует, и ее разъяснение требует специального исследования, которое в рамки короткого отклика не уместится. Можно отослать, как это и было сделано в послесловии, к работам специалистов, предметом исследования которых являлись соответствующие философско-религиозные учения (*Thomas* 1991: 325–326; *Sharpe* 2001: 21–22. См. также: *Easlea* 1980; *Webster* 1982; *Lakoff Núñez* 2000; *Rossi* 2001; etc.).

Ещё интересный пример, когда рецензенты называют «оцарапывание» и «испытание водой» «обычными ордалиями, то есть вариантами обвинительной процедуры». Причем указывают на то, что они были «хорошо знакомы английским судьям задолго до 1612 г.» (С. 264). Такие заявления тем более примечательны, поскольку их буквально в прошлом году обсуждала в своей упоминавшейся книге «Короли и ведьмы» О. И. Тогоева. Она отметила, что любые судебные ордалии были запрещены Парламентом в Англии ещё в 1219 г. Возрождение практики «испытания водой» она отнесла к деятельности короля Якова

и публикации его «Демонии», а первый случай ее применения зафиксировала в памфлете о Нортгемптонширских ведьмах 1612 г. (Тозьева 2022: 190–192). Тем не менее, рецензентов не удовлетворила моя ссылка на Филипа Олмонда, который утверждает, что «испытание водой» в 1593 г. «ещё не было общей практикой» (*was not yet common practice*) (Almond 2008: 31). Тогда дополнительно сошлемся на обследование вопроса Аланом Макфарлейном, который настаивает, что «водная ордалия распространилась как метод выявления ведьмы [только] в семнадцатом веке» (Macfarlane 1999: 19). Даже Реджинальд Скот в 1584 г. зафиксировал, что «водная ордалия» не применяется в Англии (Scot 1584: 255). В 1608 г. Уильям Перкинс записал в своем исследовании о колдовстве про «испытании водой» только то, что оно используется «в других странах» (Perkins 1608: 206). В случае с «оцарапыванием» вообще следует подчеркнуть, что ни о какой судебной ордалии речи не идет — ни ранее, ни позднее в судебной практике оно не встречается — это сугубо народное верование. Рецензенты ошибаются.

То же касается их иронии в связи с высказыванием, которое они обнаружили в аннотации, что книга о ведьмах из Варбойс напоминает «учебник по имитации одержимости». Рецензентов такое утверждение поставило «в тупик» (С. 260). Однако, это именно из-за того, что они не изучили текст послесловия. Там специально рассмотрены случаи, когда «ведьмы из Варбойс» служили образцом для имитации одержимостей, то есть учебником (См. в послесловии С. 266–267).

Так в 1599–1603 гг. развивалась полемика, отразившаяся в четырнадцати публикациях, между известным экзорцистом Джоном Даррелом и капелланом Сэмуэлом Харснетом. В частности, там рассматривался случай Уильяма Соммерса из Ноттингема, который, как настаивал Харснет, «слышал и читал какую-то часть совершенно нелепой книжки о детях господина Трокмортон (предполагавших, что околдованы какой-то женщиной из Варбойс), откуда, как он сказал, узнал некоторые моменты» (Harsnett 1599: 93, 97, 138). Харснет считал, что Даррел самозванец, а Соммерс — симулянт, почерпнувший сведения о симптомах одержимости из памфлета о ведьмах из Варбойс. Другой случай подражания был выявлен в 1606 г., в ходе процесса над Анной Гюнтер и ее отцом. На допросах, в которых иногда принимал участие лично король Яков, выяснилось, что отец научил дочь припадкам и давал ей рвотные снадобья для достоверности зрелища. Анна призналась, что для знакомства с правилами одержимости читала «книгу о ведьмах из Варбойс» (Sharpe 1999: 7, 62, 107, 135–137). Выход из тупика рецензенты вполне могли найти, ознакомившись с публикацией полностью и внимательно.

В заключение важно рассмотреть указанные рецензентами моменты, которые носят характер принципиальных для истории охоты на ведьм. Они назвали «не соответствующим действительности» мое утверждение, что «пик» ведовских процессов пришелся в Англии на 1580–1590-е гг. (С. 266). На самом деле, у меня в послесловии сказано: ««Драматический пик» ведьмовских процессов

на континенте выделяют в 1580-е и 1590-е гг.» И указана ссылка на источник этих сведений: Roper L. *Witch Craze. Terror and Fantasy in Baroque Germany*. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 16–17. Далее отмечено, что это утверждение подходит для Англии, поскольку, во-первых, является вполне традиционным и восходит к работам такого классика как Сесил Л'Эстанж Юэн (*L'Estrange Ewen* 1929: 31), а во-вторых, подтверждается работами Алана Макфарлейна, который тотально обследовал судебные акты Эссекса (как светские, так и церковные) за период с 1560 по 1680 г. на предмет ведовских процессов, проведя фронтальный социологический анализ явления и предоставив соответствующую статистику.

У Макфарлейна это была докторская диссертация, защищенная в 1967 г. Издана монографически в 1970 г. Я пользовался вторым изданием 1999 г., на которое и дал соответствующие ссылки: Macfarlane A. *Witchcraft in Tudor and Stuart England. A regional and comparative study*. 2d ed. London: Routledge, 1999. P. 26–30, 200–207. У Макфарлейна приведены многочисленные диаграммы, которые отражают число процессов о колдовстве и численность участников. Одну из таблиц воспроизведем (P. 28): «Распределение по времени преследований за колдовство в Ассизах Эссекса 1560–1680 гг.» (*Temporal distribution of witchcraft prosecution at the Essex Assizes, 1560–1680*)

годы	Количество человек	Количество осужденных
1560–1579	52	82
1580–1599	111	195
1600–1619	44	78
1620–1639	25	35
1640–1659	63	83 (50 из них в 1645 г.)
1660–1679	12	14

Из приведенных данных видно, и Макфарлейн настаивает, что в 1580-е и 1590-е гг. охота на ведьм достигла своей высшей точки в Эссексе (*The 1580's and 1590's are consistently the highest years*) (Macfarlane 1999: 28). Поскольку иных сравнимого масштаба исследований судебных разбирательств о колдовстве для английских регионов нет, то вполне обосновано распространить этот вывод на всю Англию. Тем более, что его подтверждают исследования для континентальной Европы.

Масштабных статистических обзоров для целых регионов по охоте на

ведьм на сегодняшний день в Европе всего три. Кроме Макфарлейна, это ещё работа Эрика Мидлфорта для Юго-Западной Германии (Баден-Вюртемберг) и Вольфганга Берингера для Баварии. Судя по всему, рецензентам действительно знаком Эрик Мидлфорт, поскольку они указали на опечатку в его фамилии, допущенную у меня в списке использованной литературе: Modelfort вместо Midelfort (С. 262). Признателен им за это. Однако, чтобы убедиться в справедливости утверждения о взлете активности охоты на ведьм в 1580–1590-е гг., к работам Мидлфорта они не обратились. Согласно

его исследованию, ситуация в Юго-Западной Германии напоминает Эссекс, количество судебных разбирательств о колдовстве нарастает после 1560 г. и достигает пика в 1580-е. Эти данные подтверждаются Берингером для Баварии и другими исследователями в целом для Германии (*Midelfort* 1972: 6, 9, 86; *Behringer* 1997: 11–13, 90, 94–95, etc. См. также: *Soldan Heppel Bauer* 1912: 481–532; *Schormann* 1977: 55–61; *Larner* 1981: 204f.).

Далее рецензенты заявляют, что также «не соответствующим действительности» является мое «заявление об угасании интереса англичан к колдовству уже в 1630-х гг.» (С. 266). На самом деле, у меня сказано иначе: «Скепсис в ведьмовских процессах [в Англии] стал преобладать лишь после 1630 г.» (С. 194). Это опять же вполне хрестоматийное мнение. В примечании привожу краткую подборку сочинений, с которыми стоит ознакомиться (*Muchembled* 1982: 236; *Trevor-Roper* 1967: 143f.; *Honegger* 1978: 107; *Chaunu* 1968: 651; *Monter* 1969: XIII; *Schormann* 1977: 55; *Behringer* 1997: 4–5.). Впрочем, можно обратиться хотя бы к уже упоминавшемуся Мидлфорту (*Midelfort* 1972: 201–219). Временем до 1630 г. условно ограничивают основную волну охоты на ведьм в целом в Европе тоже.

Следующая фраза, с которой рецензенты не согласны, выделена кавычками, то есть якобы приписана мне. Она звучит так: «наибольшее число ведьмовских процессов в XVI–XVII вв. прошло в германских землях и в Шотландии в 1590–1597 гг.». При этом они указывают, что в Шот-

ландии тогда прошел всего один процесс над ведьмами — в Норт-Берик (С. 267). Однако, мое заявление звучало иначе: «Особенно массовыми ведьмовские процессы были в кальвинистской Шотландии в 1590–1597 гг., а чуть позже в некоторых германских церковных княжествах» (С. 194). Ссылки на соответствующую литературу также присутствовали. Между прочим, на того же Мидлфорта. То есть речь не о численности процессов, а о количестве привлеченных обвиняемых. Между прочим, к суду в Норт-Берике было привлечено 70 обвиняемых, а арестовано вообще около 100 человек. Это был один из самых резонансных процессов своего времени, в котором лично принял участие король Шотландии Яков VI, ставший в 1603 г. английским королем Яковом I. Этот процесс отличался беспрецедентной массовостью.

Нам остается высказать сожаление, что рецензенты не могут рекомендовать мой перевод «Ведьм из Варбойс» «даже просто для чтения ради удовольствия» (С. 260). Впрочем, эта тяжелая история вообще вряд ли может вызвать удовольствие. Как и чтение рецензий, наполненных неточными цитатами, выводами без достаточных оснований и вне базы из специальной литературы. Надо полагать, что такие рецензии, если их готовят для академических журналов, следует подвергать научной редакции. В любом случае, исследователям, которые никогда не занимались переводом и изданием крупных текстов, стоит быть осторожными, поучая как это лучше сделать. В противном случае вместо того, чтобы показать каким не должен быть

научный перевод, они могут продемонстрировать какой не должна быть научная рецензия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горелов 2005 — Бич и молот. Охота на ведьм в XVI–XVIII веках / Сост. Н. С. Горелов. СПб., 2005.

Игина 2009 — Игина Ю. Ф. Ведовство и ведьмы Англии. Антология зла. СПб., 2009.

Тозоева 2022 — Тозоева О. И. Короли и ведьмы. Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб., 2022.

Almond 2004 — Almond Ph. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England. Contemporary Texts and their Cultural Contexts*. Cambridge, 2004.

Almond 2008 — Almond Ph. *The Witches of Warboys. An Extraordinary Story of Sorcery, Sadism and Satanic Possession*. London & N. Y., 2008.

Behringer 1997 — Behringer W. *Witchcraft Persecutions in Bavaria. Popular magic, religious zealotry and reason of state in early modern Europe* / Tr. by J. C. Grayson and D. Lederer. Cambridge, 1997.

Chaunu 1968 — Chaunu P. *Europäische Kultur im Zeitalter des Barock*. Munich, 1968 [Frankfurt am Main, 1989].

DeWindt 1995 — DeWindt A. R. Witchcraft and Conflicting Visions of the Ideal Village Community // *Journal of British Studies*. 1995. Vol. 34, № 4 (Oct. 1995). P. 427–463.

Easlea 1980 — Easlea B. *Witch Hunting, Magic and the New Philosophy. An Introduction to Debates of the Scientific Revolution 1450–1750*. Brighton (Sussex), 1980.

Harsnett 1599 — Harsnett S. *A Discovery of the Fraudulent Practices of Iohn Darrel*. London, 1599.

Honegger 1978 — *Die Hexen der Neuzeit. Studien zur Sozialgeschichte eines kulturellen*

Deutungsmusters / Hgbn. von C. Honegger. Frankfurt am Main, 1978.

L'Estrange Ewen 1929 — Witch Hunting and Witch Trials. The Indictments for Witchcraft from the Records of 1373 Assizes held for the Home Circuit A. D. 1559–1736 / Collected and edited by C. L'Estrange Ewen. London, 1929 [2011].

Lakoff Núñez 2000 — Lakoff G., Núñez R. E. *Where Mathematics Comes From. How the Embodied Mind Brings Mathematics Into Being*. N. Y., 2000;

Larner 1981 — Larner C. *Enemies of God. The Witch-Hunt in Scotland*. London, 1981.

Macfarlane 1999 — Macfarlane A. *Witchcraft in Tudor and Stuart England. A regional and comparative study*. 2d ed. London, 1999.

Midelfort 1972 — Midelfort H. C. E. *Witch Hunting in Southwestern Germany, 1562–1684. The Social and Intellectual Foundations*. Stanford (CA), 1972.

Monter 1969 — *European Witchcraft* / Ed. by E. W. Monter. N. Y., 1969.

Muchembled 1982 — Muchembled R. *Kultur des Volkes — Kultur der Eliten. Die Geschichte einer erfolgreichen Verdrängung*. Stuttgart, 1982.

Perkins 1608 — Perkins W. *A Discourse of the Damned Art of Witchcraft*. Cambridge, 1608.

Rosen 1991 — *Witchcraft in England, 1558–1618* / Ed. by B. Rosen. Amherst, 1969 [1991].

Rossi 2001 — Rossi P. *The Birth of Modern Science* / tr. by C. De Nardi Ipsen. Oxford, 2001.

Schormann 1977 — Schormann G. *Hexenprozesse in Nordwestdeutschland*. Hildesheim, 1977.

Scot 1584 — Scot R. *The Discoverie of Witchcraft*. London, 1584 [1964].

Sharpe 1999 — Sharpe J. *The Bewitching of Anne Gunter*. N. Y., 1999 [2000, 2009].

Sharpe 2001 — Sharpe J. *Witchcraft in Early Modern England*. London — N. Y., 2001 [2013].

Soldan Heppe Bauer 1912 — Soldan W. G., Heppe H. *Geschichte der Hexenprozesse* / Hgbn. von M. Bauer. Bd. I. Hanau/M., 1912 [1986, 1999].

Tatem 1993 — Tatem M. *The Witches of Warboys*. March, 1993.

Thomas 1991 — Thomas K. *Religion and the Decline of Magic*. London, 1971 [1991].

Trevor-Roper 1967 — Trevor-Roper H. R. *European Witch-Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. London, 1967 [1969, 1990].

Webster 1982 — Webster C. *From Paracelsus to Newton. Magic and the Making of Modern Science*. Cambridge, 1982 [2005].

Witchcraft 1991 — *Witchcraft in England, 1558–1618* / Ed. by B. Rosen. Amherst, 1969 [1991].

Witch Hunting 2011 — *Witch Hunting and Witch Trials. The Indictments for Witchcraft from the Records of 1373 Assizes held for the Home Circuit A.D. 1559–1736* / Collected and edited by C. L'Estrange Ewen. London, 1929 [2011].

REFERENCES

Almond Ph. *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England*. Contemporary Texts and their Cultural Contexts. Cambridge, 2004.

Almond Ph. *The Witches of Warboys*. An Extraordinary Story of Sorcery, Sadism and Satanic Possession. London & N. Y., 2008.

Behringer W. *Witchcraft Persecutions in Bavaria*. Popular magic, religious zealotry and reason of state in early modern Europe / Tr. by J. C. Grayson and D. Lederer. Cambridge, 1997.

Bich i molot. Ochota na vedm v XVI–XVIII vekah / Sostavitel N. S. Gorelov. St. Petersburg, 2005.

Chaunu P. *Europäische Kultur im Zeitalter des Barock*. Munich, 1968 [Frankfurt am Main, 1989].

DeWindt A. R. *Witchcraft and Conflicting Visions of the Ideal Village Community //*

Journal of British Studies. 1995. Vol. 34, № 4 (Oct. 1995). P. 427–463.

Die Hexen der Neuzeit. Studien zur Sozialgeschichte eines kulturellen Deutungsmusters / Hgbn. von C. Honegger. Frankfurt am Main, 1978.

Easley B. *Witch Hunting, Magic and the New Philosophy*. An Introduction to Debates of the Scientific Revolution 1450–1750. Brighton (Sussex), 1980.

European Witchcraft / Ed. by E. W. Monter. N. Y., 1969.

Harsnett S. *A Discovery of the Fraudulent Practices of Iohn Darrel*. London, 1599.

Igina J. F. *Vedovstvo i vedmy Anglii*. Antologiya zla. St. Petersburg, 2009.

Lakoff G., Núñez R. E. *Where Mathematics Comes From. How the Embodied Mind Brings Mathematics Into Being*. N. Y., 2000;

Larner C. *Enemies of God. The Witch-Hunt in Scotland*. London, 1981.

Macfarlane A. *Witchcraft in Tudor and Stuart England*. A regional and comparative study. 2d ed. London, 1999.

Midelfort H. C. E. *Witch Hunting in Southwestern Germany, 1562–1684*. The Social and Intellectual Foundations. Stanford (CA), 1972.

Muchembled R. *Kultur des Volkes — Kultur der Eliten. Die Geschichte einer erfolgreichen Verdrängung*. Stuttgart, 1982.

Perkins W. *A Discourse of the Damned Art of Witchcraft*. Cambridge, 1608.

Rossi P. *The Birth of Modern Science* / Tr. by C. De Nardi Ipsen. Oxford, 2001.

Schormann G. *Hexenprozesse in Nordwestdeutschland*. Hildesheim, 1977.

Scot R. *The Discoverie of Witchcraft*. London, 1584 [1964].

Sharpe J. *The Bewitching of Anne Gunter*. N. Y., 1999 [2000, 2009].

Sharpe J. *Witchcraft in Early Modern England*. London — N. Y., 2001 [2013].

Soldan W. G., Heppel H. *Geschichte der Hexenprozesse* / Hgbn. von M. Bauer. Bd. I. Hanau/M, 1912 [1986, 1999].

Tatem M. *The Witches of Warboys*. March, 1993.

Thomas K. *Religion and the Decline of Magic*. London, 1971 [1991].

Togoeva O. I. *Koroli i vedmy. Koldovstvo v politicheskoy culture Zapadnoy Evropy XII-XVII vv.* Moscow- St. Petersburg, 2022.

Trevor-Roper H. R. *European Witch-Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. London, 1967 [1969, 1990].

Webster C. *From Paracelsus to Newton. Magic and the Making of Modern Science*. Cambridge, 1982 [2005].

Witchcraft in England, 1558–1618 / Ed. by B. Rosen. Amherst, 1969 [1991].

Witch Hunting and Witch Trials. The Indictments for Witchcraft from the Records of 1373 Assizes held for the Home Circuit A.D. 1559–1736 / Collected and edited by C. L'Estrange Ewen. London, 1929 [2011].

А. А. Рыбалка

РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В РОДОСЛОВНОЙ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО

Аннотация: Статья посвящена различным нюансам традиционной родословной замечательного советского писателя Константина Паустовского. Мотивом для ее написания послужила мистификация писателем истории своей семьи в автобиографической прозе. Мистификация литератором семейных преданий может быть объектом изучения, но не проблемой. Проблемой является бездумное включение литературоведами и поклонниками этой мистификации в официальную биографию писателя.

Ключевые слова: автобиографическая проза, мистификация, художественный вымысел, чиншевая шляхта, легенды о предках.

Сведения об авторе: Рыбалка Андрей Александрович, начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, Научно-производственная фирма «Кристалл» (г. Пенза). Email: anrike@yandex.ru

A. A. Rybalka

REALITY AND FICTION IN THE GENEALOGY OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY

Abstract: The article is devoted to various nuances of the traditional family tree of the remarkable Soviet writer Konstantin Paustovsky. The motive for writing them was the hoax by the writer of the history of his family in autobiographical prose. Mystification of family traditions by a writer can be an object of study, but not a problem. The problem is the thoughtless inclusion by literary critics and fans of this hoax in the official biography of the writer.

Keywords: autobiographical prose, hoax, fiction, chinsh gentry, legends about ancestors.

Corresponding author: Rybalka Andrey Alexandovoch, Head of Department of Implementation of Systems and Means of information security, Scientific and Production Company “Kristall” (Penza). Email: anrike@yandex.ru

*Мой дед был тих и кроток.
Степью синей
Возил он хлеб к Азовским
берегам...¹*

Собирая материалы о мистификации семейных преданий, неожиданно для себя обнаружил в числе таких мистификаторов Константина Паустовского. Я бы и не обратил внимания на его рассказ о ближайших предках, если бы он не объявил одну из своих бабушек «крещенной турчанкой», привезенной дедом-солдатом с Балкан. Поскольку это, на мой взгляд, типичная в наших краях генеалогическая легенда о «благородном предке», я заинтересовался, что Паустовский вообще об этом писал, и благодаря наличию онлайн-доступа к базам оцифрованных генеалогических источников — метрических книг (МК), ревизских сказок (РС) и исповедальных ведомостей (ИВ) — тех мест, откуда происходили предки писателя², без особого труда выяснил, что писал он о предках своих Паустовских «не дельно».

Реальная родословная Паустовского прослежена по МК села Пилипчи белоцерковским исследователем Павлом Деревянко ещё 15 лет назад (*Деревянко* 2007: 522–538). Не имея изначально доступа к этой работе, я вынужден был отчасти повторить путь исследователя самостоятельно и, как мне кажется, сумел немного уточнить начало этой родословной, обратившись к ИВ и РС, как Пилип-

чи, так и иных селений, с которыми были связаны предки писателя. Мотивом моим, отчасти было то, что, на мой взгляд, исследованию Деревянко не оказано должного внимания ни исследователями, ни поклонниками творчества Паустовского.

История ближайших предков изложена Константином Георгиевичем в автобиографической прозе, в частности, в «Далеких годах» (*Паустовский* 1946), где деду его, Максиму Паустовскому, посвящена отдельная глава «Дедушка мой Максим Григорьевич». Рассказ о деду развивает грустный сюжет о смерти и похоронах отца автора, случившихся на «исторической родине» Паустовских в деревне Городище, близ реки Роси и села Пилипча Васильковского уезда, в 1912 году. После похорон автор на несколько дней остается в деревне в тоске и печали...

... Тетушка Дося старалась утешить меня и развлечь. Она вытащила из чулана — каморы — сундук, полный старинных вещей. Крышка его открывалась с громким звоном.

В сундуке я нашел пожелтевшую, написанную по-латыни гетманскую грамоту — «универсал», медную печать с гербом, георгиевскую медаль за турецкую войну, «Сонник», несколько обкуренных трубок и черные кружева тончайшей работы.

¹ РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед.хр. 611. Л. 18.

² Оригиналы использованных РС хранятся в фонде Киевской губернской казенной палаты ДАКО, а ИВ и МК в фонде Киевской духовной консистории ЦДИАК.

«Универсал» и печать остались у нас в семье от гетмана Сагайдачного, нашего отдаленного предка. Отец посмеивался над своим «гетманским происхождением» и любил говорить, что наши деды и прадеды пахали землю и были самыми обыкновенными терпеливыми хлеборобами, хотя и считались потомками запорожских казаков.

Когда Запорожская Сечь при Екатерине Второй была разогнана, часть казаков поселили по берегам реки Рось, около Белой Церкви. Казаки неохотно сели на землю. Буйное их прошлое еще долго докипало в крови. Даже я, родившийся в конце девятнадцатого века, слышал от стариков рассказы о кровавых сечах с поляками, походах «на Туретчину», об Уманской резне и чигиринских гетманах.

Наслушавшись этих рассказов, я играл с братьями в запорожские битвы. Играли мы в овраге за усадьбой, где густо рос около плетня чертополох — будяк. Красные его цветы и листья с колючками издавали в жару приторный запах. Облака останавливались в небе над оврагом — ленивые и пышные, настоящие украинские облака. И такова сила детских впечатлений, что с тех пор все битвы с поляками и турками были связаны в моем воображении с диким полем, заросшим чертополохом, с пыльным его дурманом. А самые цветы чертополоха были похожи на сгустки казачьей крови.

С годами запорожская буйность потускнела. Во времена моего детства она сказывалась только в многолетних и разорительных тяжбах с графиней Браницкой из-за каждого клочка земли, в упорном браконьерстве

и казачьих песнях — думках. Их пел нам, своим внучатам, дед мой Максим Григорьевич.

Маленький, седой, с бесцветными добрыми глазами, он все лето жил на пасеке за левадой — отсиживался там от гневного характера моей бабушки-турчанки.

В давние времена дед был чумаком. Он ходил на волах в Перекоп и Армьянск за солью и сушеной рыбой. От него я впервые услышал, что где-то за голубыми и золотыми степями «Катеринославицины» и Херсонщины лежит райская крымская земля.

До того как дед стал чумаком, он служил в николаевской армии, был на турецкой войне, попал в плен и привез из плена, из города Казанлыка во Фракии, жену — красавицу турчанку. Звали ее Фатьма. Выйдя за деда, она приняла христианство и новое имя — Гонората.

Бабушку-турчанку мы боялись не меньше, чем деда, и старались не попадаться ей на глаза.

Дед, сидя около шалаша, среди желтых цветов тыквы, напевал дребезжащим тенорком казачьи думки и чумацкие песни или рассказывал всяческие истории.

Я любил чумацкие песни за их заунывность. Такие песни можно было петь часами под скрип колес, валяясь на возу и глядя в небо. Казачьи же песни всегда вызывали непонятную грусть. Они казались мне то плачем невольников, закованных в турецкие цепи — кайданы, то широким походным напевом под топот лошадиных копыт...

...Ах, дед Максим Григорьевич! Ему я отчасти обязан чрезмерной впечатлительностью и романтизмом. Они превратили мою молодость в ряд столкновений с действительностью. Я страдал от этого, но все же знал, что дед прав и что жизнь, созданная из трезвости и благоразумия, может быть, и хороша, но тягостна для меня и бесплодна. «На всякого человека, — как говаривал дед, — другая пропорция».

Может быть, поэтому дед и не уживался с бабкой. Вернее, прятался от нее. Ее турецкая кровь не дала ей ни одной привлекательной черты, кроме красивой, но грозной наружности.

Бабка была деспотична, придирчива. Она выкуривала в день не меньше фунта крепчайшего черного табака. Курила она его в коротких раскаленных трубках. Она ведала хозяйством. Ее черный глаз замечал малейший непорядок в доме.

По праздникам она надевала атласное платье, отороченное черными кружевами, выходила из дому, садилась на завалинку, дымила трубкой и смотрела на быструю реку Рось. Изредка она громко смеялась своим мыслям, но никто не решался спросить ее, чему она смеется.

Единственной вещью, которая немного примиряла нас с бабкой, был твердый розовый брусок, похожий на мыло. Он был спрятан у нее в комод. Она изредка вынимала его и с гордостью давала нам нюхать. Брусок издавал тончайший запах роз.

Отец рассказал мне, что долина вокруг Казанька — родного города

бабки — называется Долиной роз, что там добывают розовое масло и чудесный брусок — это какой-то состав, пропитанный этим маслом.

Долина роз! Самые эти слова меня волновали. Я не понимал, как в таких поэтических местах мог появиться человек с такой суровой душой, как у моей бабки (Паустовский 1946: 14–16, 20–21).

Я опускаю трогательную историю о лирнике Остапе, рассказ и без нее хорош, вдохновляющ и располагающ. Между тем, позволю себе заметить, что ни слова правды в нем нет. Мало того, «дед Максим Григорьевич», столь серьезно повлиявший на мироощущение автора, попросту никогда не существовал.

По факту, «житель деревни Городищ однодворец Максим Паустовский» был по батюшке Дмитриевичем и умер сорока лет отроду «от чахотки» 24 октября 1862 года, за тридцать лет до рождения своего внука. Он не был никогда солдатом и, наверняка, не был и чумаком. Дела на Паустовских имеются в фонде Киевской Центральной ревизионной комиссии (1840–1848, ф. 481 ЦГИ-АК), следовательно, еще в середине века представители этой фамилии продолжали добиваться утверждения в дворянском достоинстве, хотя, кажется безуспешно. Неясно, впрочем, участие в этом именно городищенских Паустовских, однофамильцы-родичи проживали еще в селах Рокитно и Юрковцы, многие из них в метрических книгах (МК) последовательно именуются шляхтичами. Однако и старший брат Максима, Матвей, умерший через год после не-

го, также от чахотки, записан «деревни Городищ дворянином».

Солдатом был младший брат Матвея и Максима, Василий, служивший в Одесском пехотном полку. По возрасту он мог бы принимать участие в Крымской войне, но женился он, по отставке в 1857 г., на дочери отставного солдата, именуемой Домникия Кочерга, после чего проживал в другом селе, Трушках, в семье тестя.

Максим же женился еще в январе 1844 года на двадцатилетней девице Гонорате, дочери умершего местного дворянина Викентия Витушинского. Витушинские, в отличие от Паустовских, успешно подтвердили свое дворянство и были в 1850 г. вписаны в Киевскую ДРК. Заведомо католические тройные имена двух братьев Викентьевичей, фигурирующих в ДРК (*Список дворян 1906*: 36), и характерное имя жены Максима, дают основания считать Витушинских изначально католиками, хотя девица при венчании показана православной, и записи о ее более раннем миропомазании найти не удалось. Однако, отыскав в МК рождение «тети Дози» в мае 1848 г., я обнаружил, что мать ее Гонората показана там католичкой. Аналогична запись при рождении дочери Марии в 1846 г., наконец, в записи о рождении сына Георгия 8 апреля 1854 г., Гонората равно показана

католичкой, т.е. «православное исповедание» при венчании Гонораты, видимо, просто ошибка.

При сей верной оказии, обратим внимание, что у Паустовского чин отпевания и погребения его отца совершает ксендз. Правда, автор оговаривается, что «никто из священников не согласился ехать в Городище, отговариваясь болезнями и делами. Согласился только молодой ксендз». Но если в 1946 г., при первой публикации текста, подобный факт мог и не вызывать вопросов, то в контексте времени он довольно необычен. Поклонники Паустовского пишут даже, что запорожский казак Григорий Паустовский, поселившийся на берегах Роси, не только добился дворянства, но и перешел в католичество. Однако, нет, все околкиевские Паустовские, начиная с первых упоминаний в МК на рубеже 70-х гг. XVIII в., показаны православными. Да и сам отец писателя, Георгий Максимович, рожден православным и показан православным при рождении сына.

Ответ дает запись в МК: 5-го февраля 1912 г. умер от ревматизма «крестьянин города Василькова Киевской губернии» Георгий Максимов Паустовский, 55-ти лет, будучи пред тем исповедан и соборован пилипчанским священником Константином Кмитой³. На следующий день отец

³ По переписи 1897 г., «**Кмита Константин Августинovich** (27) — священник села Насташки, на церковно-причтовой земле в церковно-причтовом доме, хозяин, землевладелец, дворянин. Род. в г. Жашкове Тар.у.Киев.губ. и его жена **Кмитина Елена Арсениева** (24), дворянка. Род. в с. Шуляках Тар.у.Киев.губ.. Окончила курс в женском Епарх. училище в г. Киеве. Дочь их **Кмита Любовь Константинова** (4), дворянка, обуч. дома; сын **Кмита Всеволод Константинов** (1), дворянин; Сестра **Кмита Елизавета Августинова** (28), дворянка. Род. в г. Жашкове Тар.у.Киев.губ. Окончила курс в Киевском женском Епархиальном училище. Занимается в женской школе грамоты, в с. Насташке». Выпускник Киевской ДС, после Насташек служил в селе Разумницы, потом в Пилипче. Выборщик во время компаний в I и II Государственные думы, член Киевского религиозно-философского общества, церковный публицист, организатор сельских школ.

Константин с псаломщиком Алексеем Юкиным погребли почившего на городищенском кладбище. Таким образом, яркий рассказ о смерти отца писателя тоже мистифицирован (я не комментирую подробности его за известностью, либо доступностью для любопытствующих (*Паустовский* 1946: 5–14)).

Артефакты из «дедушкиного сундука» давным-давно разъяснены заинтересованными краеведами: «Охранная грамота и другие документы после смерти Ильи⁴ перешли к его сыну Константину Ильичу и были утеряны во время войны 1941–1945 гг. Существование этих документов подтверждает сам Константин Георгиевич, а в 1920 г. о них рассказывал самый старый житель Пилипчи сельский постоянный писарь (*громадский писарь*) Гервасий Маркович Белецкий. Его рассказ был записан учителем нашей школы и сохранился» (*Ярмола* 2000: 7–9). История стандартна во всех своих атрибутах просто до скуки. Имеет смысл прокомментировать разве что саму фамилию Сагайдачный — в реестре Запорожского войска 1756 г., в разных куренях записано пятеро Сагайдачных и, кажется, никому пока не приходило в голову считать их потомками перемышльского шляхтича Петра Конашевича⁵. Паустовских же в реестре нет.

⁴ Илья (19 июля 1851 г. – 1932), сельский учитель, старший сын Максима Паустовского, проживавший в родовой усадьбе «Леваде».

⁵ Решительно непонятно, откуда Л.А. Левицкий взял, что «Значившийся по документам как *Паустовский-Сагайдачный* Георгий Максимович легко расстался со второй фамилией... Не *Паустовский-Сагайдачный*, а просто Паустовский. Правда, его младший сын чуть ли не до самой революции фигурировал в некоторых документах как *Паустовский-Сагайдачный*». См. (*Левицкий* 1977: 29). Все представители семьи во всех доступных документах пишутся исключительно Паустовскими.

Если рассматривать детали изложенного Паустовским «мифа основания», следует иметь в виду, что:

1. Поросье и Белоцерковщина до 1793 г. принадлежали Речи Посполитой, и никаких запорожцев в тех краях в 1775 г. никто не селил, тем более, что уже тогда это были владения Браницких;
2. В реестрах Запорожского Низового войска за 1756 и 1776 гг. отсутствует фамилия Паустовских;
3. Паустовские, как минимум, в начале 70-х гг. уже проживали в Поросье (например, в Рокитно) и числились православными шляхтичами и дворянами;
4. Хотя на бывших запорожских землях, в Новомосковском уезде, в селе Преображенка проживало много Паустовских, они, вероятно, поселились там уже в XIX в., поскольку эта фамилия встречается в списках семей, переселившихся в Таврическую губернию;
5. Павел Деревянко (*Деревянко* 2007: 525) приводит остроумный аргумент: если Паустовские, отстаивая свое дворянство, претендовали на герб Холева, то Петр Конашевич носил герб Побог (*Сакович* 1622: ксилография).

Паустовские в Поросье принадлежали к числу местной чиншевой шлях-

ты и, по грехам своим, утратили шляхетство при многочисленных «переборах» шляхты, проводимой в РИ. Вряд ли они могут быть потомками казаков Паляя или Хмельницкого, легенда о выгнанных из Новой Сечи запорожцах так же не заслуживает внимания, как и косвенный намек на участие в Колиивщине.

Хотя пилипчанские краеведы давно установили, что еще в 1775 г. «Григорий Паустовский-Сагайдачный поселился на участке, расположенном на небольшой леваяде над берегом речки напротив острова Лісок», в действительности, Паустовские появились в Городищах только в начале 1816 г., когда 6-го февраля 1816 г. «был обвенчан первым законным браком села Озерной житель шляхтича греческого исповедания Антония Паустовского сын Димитрий холост, с дочерью деревни Городищъ шляхтича греческого исповедания Иоанна Прусского девицей Анастасиею». Поскольку уже в декабре того же года, при рождении первого ребенка, Димитрий показан «жителем деревни Городищъ», надо полагать, что он перебрался из Озерной во двор тестя, Ивана Стефанова Прусского, от коего и получил часть имущества. Выбор Димитрия не удивляет, ибо он, видимо, был сиротой.

В сказке от 5 декабря 1795 г. по селу Езерне, среди «шляхты, недвижимой собственности неимеющей именуемой чиншевой и прочих невходящих в оклад обитателей», показан «60 дом», в коем записана семья Ивана Тимофеева сына Голенбовского римско-католического закона, а именно

жена Анастасия Станиславова дочь, шурин Антоний Кирилов сын Павловский, жена его Ягнишка Тимофеева дочь и дети их Тимофей пяти лет, годовалый Осип и Мария пяти лет. С Иваном Тимофеевым живет также сестра Фтекла Филонова дочь, десяти лет. Всем взрослым показано по сорок лет, чему нет оснований верить.

В октябре 1811 г. у Голембиовского (sic!) показан сын Иван, 12-ти лет, а про Антония Кириллова сына написано, что он, на самом деле, Паустовский, а Павловским был записан ошибочно, но ныне «внеизвестной отлучке», дочь его Мария где-то замужем. Наконец, в марте 1816 г. Антония уже не вспоминают, младший Иван уточнён, как племянник Голембиовского, а Тимофей Паустовский записан отдельным номером с братом и матерью.

Между тем, в исповедных ведомостях (ИВ) Рождественско-Богородицкой церкви села Озерной за 1802 г., показана «Евдокия Тимофеева Паустиха Антониха», 31-го года, живущая «в соседях» у Анастасии Стаховой Голубовской, 37-ми лет. В ИВ за 1815 г. уточняется, что Голубовская сестра Евдокии. Статус вдов у женщин не показан. С Паустихой живут трое детей — дочь Мелания 13 лет, сын Димитрий 11 и сын Иосиф 7. В 1815 г. Мелания уже вдова с сыном Федором 5 и дочерью Ульяной 4 лет⁶.

Таким образом, мы теперь знаем не только отчество Антония и девицью фамилию его жены, но и можем

⁶ В родословной Дервянко нет этих сведений.

констатировать факт принадлежности их к католическому вероисповеданию. Неизвестно, когда «отлучился» Антоний, однако, в связи с этим или без такой связи женщины семьи Ивана Голембиовского сочли нужным присоединиться к православному вероисповеданию. Анастасия и Осип сохранили свои имена, Агнешка стала Евдокией, Тимофей Дмитрием, а Мария Меланией.

В РС как Димитрий Тимофей показан впервые в посемейном списке однодворцев⁷ 1832 г., но под фамилией Павстовский. Можно предположить, что искажение связано с особенностями написания буквы «у» в тогдашней канцелярской скорописи, а фигурант, который, как оказывается из текста списка, неграмотен, не смог дать нужные уточнения⁸. Помимо жены, сыновей и дочери, с Дмитрием живет его брат Осип с женой и дочерью. Вероятно, Паустовские не имели подтверждения своего дворянства от местного дворянского собрания и были деклассированы сразу после Указа об однодворцах и гражданах западных губерний, принятого 19 октября 1831 г. (*Бовуа* 2011: 376)

Димитрий прочно обосновался в Городищах и завел большую семью. В 1837 г. у него было четверо сыновей — Матвей (1819), Максим (1821), Лаврентий (1822)⁹, Василий (1826) и две дочери Ирины 8 и 4-х лет, старшая из которых утонула в октябре 1852 г. в Роси. Если Василий Паустовский, как уже было сказано, перебрался после службы в армии в другое село, Матвей и Лаврентий оставили потомство в Городищах, и оно здравствовало в те времена, когда в деревне бывал юный Костя Паустовский, но кузенов своих писатель не вспоминает, хотя двое из них были, как раз, Григориями.

Вернёмся к «турчанке», описанной, напротив, весьма красочно. Поскольку Гонората Фатимой себя никак не показала¹⁰, зададимся вопросом, что мог знать маленький Костя о своей бабушке? Когда он впервые попал в Городищи? На момент его рождения семья жила в Москве и вернулась в Киев только в 1898 г. Бывал ли ребенок до этого года в Городищах? В 1898 г. бабушке Гонорате должно было быть 74 года, дожила ли она до этого возраста? К сожалению, в оцифрованных МК Дмитровской церкви

⁷ Ещё в ИВ 1828 Паустовские показаны среди шляхты. См. (*Деревянко* 2007: 523–524). Автор ссылается при этом на работу Е. Чернецкого (*Чернецкий* 2001: 310–325), к сожалению, оставшуюся для меня недоступной.

⁸ Судя по числам, которые приводит Д. Бовуа, неграмотной была значительная часть чиншевой шляхты.

⁹ В родословной Деревянко отмечен еще Илларион, имеющий жену того же имени, что и Лаврентий. Полагаю, что это описка в МК, отца ребенка написали Ларионом, вместо Лаврентия. Судя по всему, с ИВ и РС Деревянко не работал.

¹⁰ В ревизской сказке «Роспись о пропущенных при сочинении 795 года ревизии жителей проживающих Васильковского уезда в местечке Белой Церкви во владениях его сиятельства господина генерала от инфантерии и кавалера Графа Ксаверия Петровича Браницкого состоящим чиншевой шляхте душах учинена 1800 года ноября дня» показаны «при доме его сиятельства графа Браницкого в услужении» под №8 «Вицентий Михайлов Витушинский, жена его Магдалена в городе Санкт-Петербурге зашедшие за существования Польши из прусского владения», очевидно, родители турчанки Гонораты...

села Пилипча большая лакуна с 1873 по 1911 г.¹¹ и выяснить точный год смерти «турчанки» не представляется сейчас возможным. Но, с учётом того, кем оказалась Фатима на самом деле, позволю себе считать, что кусок казанлыкского мыла стоит казачьих песен деда Максима.

Этот кусок мыла и сейчас многим исследователям куда дороже реальности: «...хотя, по свидетельству отдельных исследователей, это лишь семейное мифотворчество... Автор, однако, настолько эмоциональный и убедительный, что читатель несколько не сомневается в общении мальчика со своим легендарным дедом, который уже не имел никакого дворянства, был крестьянином, ходил вместе с чумаками за солью...» (*Tożsamość na styku kultur* 2016: 59–60). Относя и себя к числу «отдельных исследователей», позволю заметить, что проблема не столько в эмоциональности и убедительности автора, сколько в последовательном внедрении поклонниками Паустовского его художественных фантазий в реальную биографию.

Семейство матери Константина Паустовского — Высочанские — издавна проживало в селе Новоселицы Екатеринопольской волости Звенигородского уезда. В росписи о пропущенных при ревизии 1795 г. «шляхетских Звенигородского староства», составленной в 1800 г., показана семья Григория Григорьева сына Высочанского 43-х лет, состоящая из жены Марии Андреевой дочери 27

лет, сына Николая 7 и брата Ивана Григорьева сына 27 лет. Причиной пропуска указывается, что Высочанские «находился при сочинении 795-го года ревизии в разсуждении их бедности для заработков и прокормления в отлучках», что указывает на крайне низкий материальный статус семьи.

Агент Талейрана в Герцогстве Варшавском характеризовал в 1807 г. эту категория населения так: «среди безземельной шляхты, не имеющей т. н. благодетеля, встречаются настолько бедные люди, что невозможно их отличить от крестьян в староствах. Единственным их отличием является то, что именуют их шляхтой. Встречаются деревни в пятьдесят, а то и сто дымов полностью заселенные такой шляхтой. У каждой семьи есть несколько морг земли, дом, а также общинный луг. Они не слишком разборчивы в происхождении партнеров и женятся на крестьянках из соседних деревень, на которых распространяют свои привилегии. [. . .] К этой бедной шляхте относятся и чиншевая шляхта» (*Бовуа* 2011: 117).

По ИВ 1817 и 1823 гг. в Новоселицах обнаруживаются три семьи Высочанских — священника Иоанна Ивановича, дьякона Ивана Григорьевича¹² и шляхтича Григория Григорьевича. Все они прослеживаются и по МК 1807 г. Неподалеку, в селе Хижинцах, живет семья их кузена, однодворца Григория Васильевича¹³.

¹¹ Среди МК, доступных онлайн, нет оцифрованных дел по описи 1078 фонда 127 ЦГИАК. Отмечу, что Павел Деревянко с этими делами также не работал.

¹² Его сыновья числились позднее в Новоселицах однодворцами.

¹³ Который по ревизии 1795 г. еще показывался шляхтичем.

Поскольку Хижинцы известны ещё с последней трети XVI в., возможно, новоселицкие Высочанские исторически происходят оттуда же, хотя носители этой фамилии обнаруживаются на рубеже XVIII–XIX вв. также в Беринке, Вербовате и Стебном.

В Звенигородском уезде довольно много Высочанских, живут они и в соседней Подольской губернии. Это многочисленная неимущая шляхта с чиншевых земель, которой в ближайшей перспективе придется столкнуться с угрозой деклассации. Независимо от вероисповедания, для местных посполитых они «ляхи», а сами посполитые для них «мужики». Деклассированные и переведенные в однодворцы все равно останутся «ляхами» вплоть до получения права перехода в крестьяне.

Непосредственному предку Паустовского, шляхтичу Григорию Высочанскому, в 1823 г. показано 66 лет († до 1836). В семье у него жена Марина Андреева 54 лет († 11.12.1841) и трое сыновей — Алексей 12-ти лет, Николай 27 лет с женой Александрой Ивановной 20-ти лет († 1843) и Моисей 24-х лет († 1872) с женой Евфросиньей Яковлевной 19-ти лет († 1844)¹⁴. Хотя в ИВ Григорий — шляхтич, в МК он несколько раз ука-

зан просто как крестьянин. Сыновья Григория в дальнейшем остаются жить в Новоселицах, неизменно пишутся дворянами, но не учатся и не служат, оставаясь, вероятно, всю жизнь в статусе привилегированных земледельцев¹⁵.

В отличие от Паустовских, Высочанским удается подтвердить свое дворянство. 10 июня 1858 г. по указу № 4731 Николая с сыновьями Василием, Федором, Моисеем, Романом и Моисеем с сыновьями Григорием и Степаном заносят в ДРК Киевской губернии¹⁶. Семью Николая оставим в стороне, кажется, сами Паустовские-Высочанские ничего определенного об этих родственниках не знали. Сыновья же Моисея, к моменту подтверждения их дворянства, оставили отчий дом и трудились конторщиками на заводах «сахарной империи» графа Алексея Бобринского.

Склонность к перемене мест возникла у братьев после смерти матери в июне 1844 г. и вторичной женитьбе отца той же осенью. Молодая мачеха, дочь лотошовского однодворца Мария Гордеевна Микулинская, рожала немолодому уже мужу новых наследников, что при незначительности имущественного положения семьи не оставляло места для под-

¹⁴ Младший брат Григория — Иван, видимо, переселился после женитьбы в другое село, возможно, Пещаны. Сыновья его позднее возвращаются в Новоселицу и будут записаны в Киевскую ДРК вместе с сыновьями Григория.

¹⁵ С точки зрения русской администрации, они относились к лицам «которые под предлогом много дворянства ни в службу не вступают, ни податей в Казну не платят, ни в общественных повинностях не участвуют, но ведут род жизни низкого состояния, простолюдинам свойственный» (*Бовуа* 2011: 142).

¹⁶ При этом братья аттестованы, как «Григорьевы сыновья, Григорьевы внуки, Прокофия Ксавьерьева правнуки», откуда следует, что родоначальником семьи объявлялся шляхтич Прокофий Ксавьерьевич Высочанский, живший, видимо, в начале XVIII в. Скорее всего, он был еще классическим «ляхом».

росших сыновей от первого брака. Образования у них не было¹⁷, посему, помимо не привлекавшего их, видимо, варианта армейской службы, им была уготована стезя канцеляристов и конторщиков.

Григорий уехал в Черкассы, где устроился на службу в канцелярию уездной дворянской опеки. 27-ми лет, 12 февраля 1856 г., в Варваровской церкви села Мало-Смелянки Черкасского уезда, «канцелярский» Григорий Высочанский венчался с 18-летней дворянкой Вицентией Ивановной Квятковской. Его внук Сергей писал позднее, что «для девушки того времени она была хорошо образована. Ей предстояла будто бы блестящая партия, но что-то случилось, и она вышла замуж за тишайшего, скромнейшего Григория Моисеевича» (*Высочанский* 2000: 16). Учитывая место венчания, очевидно, место жительства семьи невесты, и ее поручителей — однодворца и «гражданина», можно предполагать, что семейное предание содержит известное преувеличение¹⁸.

Женитьба заставила Григория искать более доходный промысел, и на момент рождения его старшего сына Иосифа (17 марта 1857 г.) Высочанский служил уже в должности

конторщика II-го разряда на Балаклейском сахарном заводе, директор коего, Михаил Фигурин и стал крестным отцом первенца Григория и Вицентии. Возможно, переходу Григория на службу в «сахарную империю» Бобринского способствовал брат Степан, уже несколько лет служивший на Капитановском сахарном заводе. За первенцем последовали: дочь Мария (25 июля 1858, выдана выписка в 1876), сын Алексей (14 ноября 1860¹⁹) и дочь Евфросинья (27 декабря 1862, выдана выписка в 1876). К моменту рождения последней, Высочанские жили в Смеле, центре «империи» Бобринского, а Григорий первым в своем роду получил чин коллежского регистратора. Впрочем, возможно, что он получил чин одновременно с младшим братом, который показан крестным Евфросиньи²⁰.

Хотя чин по тем временам и совсем мал, и получен за выслугу, сам факт, что находящиеся на частной службе люди были аттестованы, как госслужащие, говорит, что братья Высочанские считались ценными работниками. Хотя после получения чина должностной статус Высочанского перестал указываться, нет особых сомнений²¹, что он продолжал работать в сахарной промышленности и,

¹⁷ «Не знаю, какое образование было у самого Григория Моисеевича; думаю, что весьма незначительное, может быть, просто “домашнее”» (*Высочанский* 2000: 16).

¹⁸ Квятковские записаны в Киевскую ДПК 7 марта 1905 (№ 848): Виктор и Михаил с женой Марией и сыновьями Евгением, Николаем и Георгием, также Леонид и Надежда, все они дети Игнатия Осипова. Сколь близко их родство с Квятковскими из Мало-Смелянки сказать сложно. В РС шляхты и однодворцев Черкасского уезда 1795, 1811, 1834 гг. Квятковских не нашлось. Подходящая семья имеется в 1795–1834 гг. в Езерне Васильковского уезда.

¹⁹ В ПС показывался годом старше.

²⁰ Любопытно, что крестной показана дворянка Юзефа Францевна Попель, явно полька и католичка.

²¹ Брат Стефан показан при венчании в 1863 г. «канцелярским чиновником» на Капитановском сахарном заводе. Дворянство не помешало ему жениться на матери-одиночке, борзненской мещанке Анне Зерковой.

учитывая место проживания, скорее всего, на Смелянском песочно-рафинанном заводе, базовом предприятии Бобринских²².

Успешная служба у Бобринских, подтверждение дворянства, чин, говорят в пользу существенного укрепления материального положения семьи, что далее скажется на образовании, полученном детьми Высочанских. Между тем, внук Сергей пишет: «Григорий Моисеевич и его ближайшие предки не имели сколько-нибудь крупных поместий и вели весьма скромный образ жизни. Только у его брата Степана где-то близ Лысой горы сохранилось имение... Имея небольшую усадьбу где-то на берегах Роси и дом в городе Белая Церковь (или в Смеле), дед вынужден был служить. По одним данным он был нотариусом, по другим — кассиром в каком-то обществе. По рассказам Викентии Ивановны, дед был очень добрым, мягким и доверчивым человеком. Но именно из-за своей доверчивости он допустил однажды какую-то оплошность по работе, и ему потребовалось срочно возмещать какие-то деньги. В результате были проданы и усадьба, и дом²³, а деда, еще молодого, разбил паралич. Он стал совершенно нетрудоспособным. Вот тогда-то семья — за исключением старших мальчиков, кончивших Киевский корпус, и старших девочек, кончавших гимназию, — впала в нищету и стала вести полуголодное существование» (*Высочанский* 2000: 16).

²² Паустовский в «Далеких годах» (1946) называет деда нотариусом в Черкассах или Смеле. Имеющиеся памятные книжки этого не подтверждают, маловероятно такого рода смена деятельности для человека за сорок лет. В поздней биографической заметке «Коротко о себе» (1966) он называет мать дочерью «служащего сахарного завода», что и представляется верным.

²³ Речь, скорее всего, шла о продаже дома в Смеле при переезде в Черкассы в 1898 г.

²⁴ Самоаттестация чиншевиков в официальных документах. См. (*Бовуа* 2011: 64).

Этот текст, на мой взгляд, несет в себе классические черты легенды об «утрате статуса». С.Н. Высочанский, по собственным словам, слишком мало знал о своих предках и, вероятно, просто не представлял себе реальный статус большей части чиншевой шляхты. Литературные представления о тенистых аллеях, уютных беседках, домах с колоннами и мезонинами и т.п. были очень далеки от реальных условий, в которых жил еще его прадед Моисей, принадлежавший к «убогой шляхте»²⁴. Умерший в 1872 г., он вряд ли мог что-то «оставить» сыновьям, тем более, что помимо детей от второго брака, он и сам был младшим сыном, а его старший брат Николай имел многочисленное потомство.

В воспоминаниях Сергея Высочанского представления о «бедном дворянстве» своего отца, противопоставление «дворянство — бедность» проводятся последовательно, он, видимо, не отдает себе отчет, что статус его семьи от 1800 к 1917 году, напротив, медленно, но постоянно рос. Забегая вперед, отметим, что Григорий Высочанский скоропостижно умер в Черкассах 12 ноября 1901 г., действительно, «от паралича», но было ему об ту пору 72 года. Скоропостижность смерти, без исповеди, носила несколько нештатный характер, и рассказы переживавшей это обстоятельство религиозной бабушки трансформировались в расстройство здоровья в молодом возрасте. Последний ребё-

нок Григория родился в 1876 г.²⁵ и яв-
но 47-летний отец еще не был разбит
параличом. В том же году поступила
в Киевский институт благородных де-
виц дочь Евфросинья.

Возможно, карьера Григория дей-
ствительно прервалась после ка-
ких-то неприятностей по службе, но
вряд ли это принципиально изме-
нило его материальное положение.
Относительная «бедность», на мой
взгляд, определялась несоответстви-
ем небольшого дохода такому коли-
честву детей и претензиям на при-
личный образовательный ценз для
них. Тем не менее, последнее, в це-
лом, было достигнуто.

В первой половине 70-х, когда стар-
шие сыновья Высочанских уже учи-
лись в военных гимназиях, в семье ро-
дилось еще четверо детей: близнецы
Вера и Надежда (19 июля 1870), сын
Николай (2 января 1874 (*Платонова*
2000: 4–7)) и дочь Елена (1876). Ме-
жду тем, старшие дети становились
самостоятельными людьми: в 1878 го-
ду выпущен юнкером из Киевского
пехотного училища Иосиф, в 1879
портупей-юнкером из 3-го Алексан-
дровского (Московского) военного
училища Алексей, в 1882 г. окончи-
ла Киевский институт благородных
девиц Евфросинья, 14-й по списку,
«с наградой книгами» и со звани-
ем домашней наставницы. Наконец,
в 1884 г. вышла замуж за саперного
унтер-офицера из вольноопределяю-
щихся Георгия Паустовского, посту-

пившего после увольнения из армии
в Управление Фастовской железной
дороги, старшая дочь Мария.

С семьей Высочанских и Черкасса-
ми их сын Константин был связан
гораздо теснее, чем с Паустовскими
и Городищами, посему образы дядю-
шек и тетушек в его художественной
автобиографии гораздо реальнее,
чем дед-чумак и бабушка-турчанка,
хотя и в этой части немало художе-
ственных преувеличений и выдумок.
Разные родственники, однако, удо-
стоились различной степени внима-
ния, откуда следует, на мой взгляд,
что память автора не глубже времени
переезда из Москвы в Киев (1898),
а более живой становится ближе
к Японской войне (1904).

Исследователи отмечают, что о тете
Евфросинии «Константин Паустов-
ский написал совсем немного. Уважи-
тельно, но как-то отстраненно», между
тем как «Оказалась она фигурой весь-
ма значительной, сыграла в жизни
семьи Высочанских заметную роль,
прежде всего в судьбе своих младших
сестер, воспитанию и образованию ко-
торых отдала много сил» (*Платонова*
2000: 7). Проследить педагогическую
карьеру Е. Г. Высочанской в первые
десять лет после окончания инсти-
тута пока не удалось, возможно, она
давала только частные уроки и зани-
малась обучением своих маленьких
сестер. Однако, в 1892 г. она организу-
ет в Смеле частное женское 4-х класс-
ное училище 1-го разряда²⁶. Наряду

²⁵ Доверимся в этом случае сведениям К. Г. Паустовского о возрасте его любимой тетушки, хотя, скорее всего, это возраст смерти реальной Надежды Высочанской.

²⁶ Сведения о педагогической карьере сестер Высочанских взяты из статьи *Анатолія Коваленко* (Коваленко 2007: 357–378). На 1888 г. в Смеле вообще не было женских учебных заведений, а в Черкассах к таковым могло быть отнесено только двухклассное мужское и женское училище, с одной учительницей и одной надзирательницей.

с приглашенными учительницами, там начинают служить и сестры-близняшки Вера и Надя. Несомненно, организация этого заведения преследовала и коммерческий интерес, направленный на обеспечение материального благополучия семьи. Сама Евфросиния Григорьевна преподает в училище французский язык. У нее работали четыре учительницы и два учителя.

Надя, по словам Сергея Высочанского рано умершая, работала у сестры только в 1892–1893 гг., Вера же вплоть до 1897 г., пока не вышла замуж за студента-медика Василия Федоровича Проскуру, променявшего в дальнейшем медицинскую карьеру на место бухгалтера сахарного завода. С семьей бабушки Проскуры в то время не жили и Паустовский им особого внимания не уделяет, не упоминает фамилию Проскур и никогда не называет мужа тетки по имени²⁷.

В 1895 г. Евфросиния Высочанская открывает в Смеле дополнительно «частное училище для детей обоего пола», совместно с учительницей Александрой Львовой, а в 1898 г. переводит свое женское училище в Черкассы, куда перевозит родителей. В Смеле остается училище 2-го разряда под руководством бывшей учительницы училища Высочанской Юлии Чериковской.

В августе 1899 г. черкасское училище преобразуется в семиклассное и при нем открывается подготовительное отделение (младшие/средние классы и интернат). До конца 1903 г. Е. Г. Высочанская продолжает руководить училищем. В 1901–1902 гг. в училище также служит ее младшая сестра Елена, имеющая «домашнее образование» и обучающая «пению и рукоделию».

Зимой 1903/1904 гг. успешная педагогическая карьера Высочанской резко обрывается — 22 февраля 1904 г. она умирает «от порока сердца». Оставшееся после нее училище принимает ее коллега А. В. Самойловская. Паустовский запомнил тетку, видимо, в последние месяцы ее жизни. Он пишет: «Евфросиния Григорьевна, была начальницей женской гимназии в Черкассах. Бабушка жила у этой тетушки в большом деревянном доме... Из своих комнат выходила тетушка Евфросиния Григорьевна. Она одна не принимала участия в праздничных приготовлениях. Она всегда болела, редко разговаривала и только ласково улыбалась в ответ на нашу веселую болтовню.

Она выходила в глухом синем платье, с золотой цепочкой от часов на шее и красивым бантом, приколотым к плечу. Мама объяснила мне, что этот бант называется “шифром”, что это награда за образцовое окончание

²⁷ Рассказывая о своей жизни с бабушкой в Киеве, Паустовский поясняет, что «бабушка переехала в Киев к одной из своих дочерей — тете Вере, вышедшей замуж за крупного киевского дельца. У тети Веры был свой дом на окраине города — Лукьяновке. Бабушку поселили в маленьком флигеле, в саду около этого дома». Позднее он характеризует В. Ф. Проскуру так: «угреватый делец, похожий на молдаванина». Видно по тексту, что муж тетки, да и она сама не пользовались его симпатией, хотя сам писатель пользовался их гостеприимством.

института, где тетушка Евфросиния Григорьевна училась²⁸».

Скорее всего, писатель помнил тетку пунктиром, как и деда Высочанского, который тоже ласково улыбается, но не разговаривает и живет в отдельном помещении, откуда не показывается, развлекаясь непрерывным курением самокруток. В отличие от него, бабушка Викентия была единственной из старших родственников, с кем внуки — Константин и Сергей — довольно тесно и долго общались. Тем не менее, говоря о «вечном трауре» и «религиозности» бабушки, оба передавали свои впечатления о последних годах ее жизни, когда она была престарелой вдовой, потерявшей двух взрослых дочерей. Были ли свойственны те же поведенческие сценарии в более раннее время — вопрос открытый. Это касается и событий условно первых двух лет проживания внука Костика в Киеве, которые он подробно описывает.

О дяде Алексее Высочанском сын Паустовского пишет: «...хотя Паустовский относился к нему с исключительной теплотой, он, скрепя сердце, ни словом не упомянул о нем в своей книге. Из осторожности» (Паустовский 2000: 11) Причиной такой осторожности называется родство «дяди Алеши» с Романом Гулем, на тетке которого, Елене Карловне, полковник Высочанский был женат. Этот аргумент не представляется убедительным. Никакой нужды акцентировать внимание на девичьей фамилии Е. К. Высочанской не бы-

ло, Гуль, в конце-концов, всего лишь писатель-эмигрант, малоизвестный в Союзе в ту пору, наконец, Паустовский тепло и много пишет про «дядю Колю», который на тот момент был вполне актуальным «врагом народа» (реабилитирован только в 1989), в то время, как «дядя Алеша» спокойно умер в своей постели в 1928 г. Игнорирование среднего из дядей Высочанских, пожалуй, художественная прихоть, маркирующая отсутствие значимой эмоциональной связи — семья Алексея Высочанского во время взросления Кости жила в основном в Варшаве.

Характерно, что образы тех близких, с которыми такая связь, видимо, возникла, мистифицированы в наибольшей степени — это «дядя Юзя» и «тетя Надя». «Дядя Коля» в силу многолетней тесной связи с ним, сохранил более-менее реальные очертания.

«Тетя Надя» Паустовского — пасхально-летняя москвичка, «стройная, тоненькая, с растрепанными белокурыми волосами и чуть приоткрытым свежим ртом», с глазами, которые «смеялись в ответ на все: на любую шутку, веселое слово», беспечная, рассеянная, будившая Костю по утрам поцелуями и прядями волнистых волос. Рояль, ноты, свечи, вечное пение и вальсы. Яркий солнечный персонаж, противоположный лунной маме (это отдельная тема) и «тетушке Евфросинии Григорьевне».

Образ этот столь дорог автору и так ярко нарисован им, что неожиданно

²⁸ Характерный пример изменения Паустовским реальности даже в несущественных мелочах. Понятно, что он, скорее всего, и не знал никогда, какую именно награду получила тетка, но мысль проверить по документам его не посещала. Конечно, «шифр», что же еще?

осознаваемый факт переименования младшей дочери бабушки, Елены, «тети Гелюни» в «тетю Надю», одну из ее старших сестер, озадачивает. Сергей Высочанский осторожно отметил, что его кузен «почему-то объединил тетю Гелюню и тетю Надю в одном лице». Но он же указывает, что именно Елена «собиралась стать оперной артисткой — у нее было чудесное меццо-сопрано», однако специального образования так и не получила.

Сергей Высочанский знал, что Надежда Высочанская умерла рано, но точного года не знал, потому и высказывается осторожно, между тем, судя по наблюдениям Коваленко, Надежда после 1893 г. не упоминается в числе учительниц училища своей сестры. Сам он думает, что тут-то она и уехала в консерваторию, я же, напротив, предположу, что около этого времени она умерла. В качестве аргумента предложу отмеченный выше факт — Вера и Надежда были близнецами, но ни Паустовский, ни Высочанский этого не отмечают, хотя подобное событие в любой семье достаточно редко, чтобы игнорировать его. Полагаю, что кузены Надю никогда не видели, ко времени переезда семьи Паустовских из Москвы в Киев, ее уже не было в живых. Равно, Костя запомнил бы такую яркую Надю еще в Москве, если бы она там училась.

Что касается Елены, о которой и идет речь, на мой взгляд, то ее обучению

в консерватории в описываемое Паустовским время противоречат известные факты — в 1901–1902 Елена преподавала пение и рукоделие в училище сестры, при этом, показано, что у неё «домашнее образование». Елене уже 25–26 лет, и если бы она продолжала учебу, то не могла бы работать учительницей, если бы она прервала обучение в консерватории, ее все равно показали бы «слушательницей». К реальной Елене судьба была неблагоприятна: «консерваторию тетя Гелюня не закончила. Я помню ее скромной конторщицей в Управлении Курской железной дороги. Помню, что она всегда нуждалась. Но может быть, именно поэтому она с наибольшим интересом относилась к прошлому «рода»: записывала какие-то легенды, собирала документы²⁹. Умерла тетя Гелюня от тифа в 1918 году в Курске, и все ее бумаги исчезли после ее смерти» (Высочанский 2000: 17).

Такой финал показался Паустовскому слишком банальным, поэтому, видимо, и потребовалось имя ранее умершей родственницы: «Вскоре тетя Надя уехала в Москву, и я ее больше не видел. На следующий год на масленой она ездила на тройке в Петровский парк, пела на морозе, у нее началось воспаление легких, и перед самой пасхой она умерла. На похороны ее ездили бабушка, мама и даже отец». Возможно, реальная Надежда Высочанская умерла именно от воспаления легких³⁰, но вряд ли при описанных обстоятельствах

²⁹ Любопытно, что это было. Возможно, документы о дворянстве Высочанских, доставшиеся младшей дочери от матери.

³⁰ Отсутствие оцифрованных дел по храмам Киевской губернии за последнюю четверть XIX в. мешает внести определенность в этот вопрос. В пользу смерти в 1893 г. говорит и называемый Паустовским возраст своей героини.

и в указанное время (ориентировочно 1899–1900).

О «дяде Юзе» Высочанском «очень красочно написал К. Паустовский, художественно обогатив его образ» (*Высочанский* 2000: 17). Обогащение, надо полагать, сказалось в том, что Паустовский добавил к рассказам в духе Мюнхгаузена, которыми «дядя Юзя» троллил своих племянников, совсем уж эпических выдумок. «Высокий бородатый человек с продавленным носом, с железными пальцами — ими он гнул серебряные рубли, — с подозрительно спокойными глазами, в глубине которых никогда не исчезало лукавство», одержимый «беспорядочным и бесплодным скитальчеством», который «изъездил всю Африку, Азию и Европу, но совсем не как благодетельный турист, а как завоеватель — с шумом, треском, дерзкими выходками и неистребимой жаждой заводить всякие невероятные дела в любом уголке земли: в Шанхае и Аддис-Абебе, в Харбине и Мешхеде»³¹. Лирический герой Паустовского свидетельствует: «Рассказы дяди Юзи были для нас интереснее походов барона Мюнхгаузена. Мюнхгаузена надо было себе представлять, а дядя Юзя был рядом — живой, тонущий в облаках табачного дыма, сотрясающий своим хохотом диван».

Первоосновой рассказов послужило непростое детство и отрочество

«дяди Юзи» — за систематические шкоды его отправили из Киево-Владимирской военной гимназии в «исправительную» Вольскую военную прогимназию (Драли ж<..>у многи лета/ Предку Вольского кадета), а по выходе из оной за неподчинение и дерзость лишили права на унтер-офицерский чин и отправили в стрелковый батальон под Киев рядовым «на правах вольноопределяющегося» (26 мая 1873). Далее, впрочем, молодой человек остепенился, получил направление в пехотное юнкерское училище (1875), а по выходе из оногo (1878) несколько лет прослужил в саперной бригаде под Варшавой. Достигнув чина поручика летом 1884 г., он, однако, из своих видов, ушел в запас и перевелся на службу в московскую полицию, где пребывал до 1897 г. Высоких должностей он там не достиг и к концу указанного периода занимал должность старшего помощника участкового пристава³².

Было ли у него время и желание делать все, что приписывает ему племянник — вопрос, но Паустовский, на мой взгляд, сделал все возможное, чтобы никто не сомневался, что он выдумывает. По его словам, дядю Юзю уволили из армии после того, как его солдаты в день коронации 14 мая 1896 г. задушили водолаза³³. После этого дядя Юзя отправился в Казахстан, где водил купеческие

³¹ Согласно ПС, до увольнения в отставку осенью 1897 г., Высочанский был в отпуску один раз — в октябре–ноябре 1886 г.

³² Послужной список (ПС) Высочанского см. РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10063.

³³ Коронация нового императора ознаменовалась громкой катастрофой — Ходынкoй. 1800 чинов московской полиции, обеспечивавшие порядок, не смогли эту катастрофу остановить. По суду были уволены от должностей обер-полицмейстер А. А. Власовский, его помощник, несколько второстепенных чиновников. Возможно, в связи с этими событиями покинул полицейскую службу и Высочанский.

караваны «от Уральска в Бухару» и убивал чиханием шакалов, затем он исколесил всю Европу, а особенно Монте-Карло, после отправился на Дальний Восток, «участвовал в обороне Харбина во время китайского восстания, в стычках с хунхузами, в постройке Восточно-Китайской железной дороги. Занятие это он прервал только для того, чтобы поехать в Трансвааль³⁴». Разумеется, Иосиф Высочанский оборонял Порт-Артур, а закончил соратником подпоручика Жадановского³⁵, после чего уехал в Японию, где племянник дал, наконец, ему умереть «в городе Кобе от сердечной астмы».

Отъезд Высочанского на службу сначала в зону строительства Рязанско-Уральской железной дороги (РУЖД), а затем КВЖД подтверждает его некролог³⁶. Согласно делу об увольнении поручика Высочанского в отставку «по достижении предельного срока службы и пребывания в запасе»³⁷, в начале мая 1897 г. поручик запаса армейской пехоты Высочанский состоял в местной команде при воинском начальнике Новоузенского уезда Саратовской губернии, как раз в зоне строитель-

ства новой ветки РУЖД. Какие функции он выполнял на РУЖД неясно, но, фактически, он начал службу на РУЖД до увольнения в отставку. В ответ на прошение об отставке, Высочанскому было предложено начальством подать прошение на Высочайшее имя, чтобы получить при отставке следующий чин, на что «дядя Юзя» рапортовал только в июне, что подаст таковое по прибытии в город Кунград Хивинского ханства³⁸. Прошение он так и не подал, и в октябре 1897 г. был уволен в отставку заочно, без следуемых ему преимуществ.

С началом строительства КВЖД, главным инженером строительства был назначен А.И. Югович, занимавший до этого аналогичную должность на РУЖД, забравший с собой ряд сотрудников этой дороги. На этой волне, вероятно, перевелся на КВЖД и Высочанский, поступив в Охранную стражу дороги, которая, по политическим причинам, набиралась из формально отставных военнослужащих³⁹.

Летом 1900 г. Высочанский оборонял Харбин (с 27 июня по 21 июля), осажденный повстанцами Боксерского

³⁴ На данный момент, никаких документов, подтверждающих это, исследователи не нашли, при том, что русское участие в англо-бурской войне активно разрабатываемая тема. Однако, Иосиф Высочанский далеко не один в списке участников «со слов». Паустовский увязывает возвращение дяди из Южной Африки с приездом в Европу президента буров Крюгера летом 1900 г., чему прямо противоречит реальное участие Высочанского в обороне Харбина.

³⁵ Борис Жадановский возглавил 18 ноября 1905 года вооруженное выступление саперов в Киеве.

³⁶ Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Еженедельный внепартийный журнал. Харбин. 1914. № 5.

³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10063.

³⁸ Эта информация, в принципе, подтверждает сведения его племянника о «купеческих караванах от Уральска в Бухару», но в каком качестве Высочанский выступал при этом, и как это связано с деятельностью РУЖД, непонятно. Вряд ли он поехал через Бухару в Маньчжурию, хотя возможен и такой вариант.

³⁹ Отставка Высочанского в ПС датирована 12 октября 1897 г.

восстания, и особенно отличился в бою за Ханшинный завод 13 июля, возглавив атаку двух рот пеших стражников через бреши в стенах завода (*Красницкий* 1901: 392). Эти события, полагаю, довольно неожиданные для русской публики вообще, попали в газеты, а вскоре и в беллетристику, и, несомненно, обсуждались в семье Высочанских. Весной 1902 г. «состоявшему на службе в бывшей охранной страже китайской восточной железной дороги (нынче Заамурской округе отдельного корпуса пограничной стражи) поручику в отставке Иосифу Высочанскому» был вручен «Орден св. Анны 3 степени с мечами и бантом» (*Вестник* 1902: 345). Высочанский, однако, предпочёл ОКПС службу эксплуатации КВЖД, куда и поступил на должность участкового ревизора движения.

Во время Японской войны Высочанский не был мобилизован и не воевал, однако Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 5 января 1906 г. № 2 ревизор движения 9 участка КВЖД, поручик запаса Иосиф Высочанский был награжден по ведомству Министерства финансов орденом св. Станислава 2-й степени за заслуги, оказанные при условиях военного времени (*Вестник* 1906: 50).

В 1907 г., видимо, в честь полувекового юбилея ревизора Высочанского, вспомнили лето 1900 г. и наградили его орденом св. Владимира IV степени «за взятие Ханшинного завода».

Эти награждения, несомненно, обсуждавшиеся в семье, дали племяннику мотив для совершенно определенно-го истолкования образа дяди. Между тем, визит ревизора Высочанского к родственникам в 1905 г. подтверждает Сергей Высочанский, который приводит фотографию своей семьи вместе с «дядей Юзей», сделанную в Брянске в тот год.

В июле 1912 г. «дядю Юзю» перевели с должности ревизора движения на должность ревизора станционного счетоводства с местожительством в Никольске, вероятно, в связи с ухудшением здоровья. Полтора года спустя он скончался 24 января 1914 г., в пять часов пополудни, в Центральной больнице Харбина. Автор некролога писал, что «Иосиф Григорьевич отличался очень кротким характером, порядочностью и сердечным отношением к подчиненным, за что не раз получал неприятности, но зато сыскал сердечную привязанность сослуживцев».

«Дядя Юзя» был женат на дворянке Стефании Владиславовне Тушинской⁴⁰. Хотя в его послужном списке она показана православной, польское происхождение ее, думаю, не подлежит сомнению. В этой связи любопытно понаблюдать над брачной политикой Паустовских-Высочанских. Обе бабушки Паустовского — польки-католички. Род Высочанских изначально, видимо, польский. Нынешний первопродок городищенских Паустовских — Антоний, судя по документам, католик. Мария

⁴⁰ Стефания была дочерью магистра фармации Владислава Викентьевича Тушинского, бывшего управляющим Ново-Покровской аптеки в Москве в 1884–1889 гг., родом варшавянина. У супругов было две дочери, старшая из которых, Надежда, родилась в декабре 1889 г., а младшая, Александра, — в 1893 г.

Теннова, жена Николая, — эстонка, Елена Гуль, жена Алексея, — немка... То, что православные дети полек зовутся Дося, Юзя, Гелюня весьма показательно.

И по документам все предки писателя принадлежат к полонизированной чиншевой шляхте Киевской губернии⁴¹, не показывая никаких казачьих, турецких либо чешских «корней». В этой связи, может статься, что «молодой ксендз», отпевавший статистика Георгия Паустовского, характеризует собственное отношение его сына к своему этносоциальному происхождению и семейной культуре, в иных случаях явно автором «Мещерской стороны» и прочих красочных описаний великорусских лесных просторов не акцентируемое и не афишируемое.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Вестник 1902 — Вестник финансов, торговли и промышленности. 1902. № 21.

Вестник 1906 — Вестник финансов, торговли и промышленности. 1906. № 3.

РГАЛИ — РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 611.

РГВИА — РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10063.

Список дворян 1906 — Список дворян Киевской губернии. Издание Киевского Дворянского депутатского собрания. Киев, 1906.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовуа 2011 — *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, *шляхта* и на-

род на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.

Высочанский 2000 — *Высочанский С.* Наша семья, ее прошлое // Мир Паустовского. № 15–16. 2000.

Деревянко 2007 — *Деревянко П.* Белоцерковские страницы книги К. Паустовского «Повесть о жизни». К истории рода Паустовских // К.Г. Паустовский: Материалы и сообщения. Вып. 3. М., 2007. С. 522–538.

Коваленко 2007 — *Коваленко А.* Паустовский и Смела: Поиски, исследования, находки. // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения. Вып. 3. М., 2007. С. 357–378.

Красницкий 1901 — *Красницкий А.И.* В пасти дракона. Роман из событий на дальнем Востоке. СПб., 1901.

Левицкий 1977 — *Левицкий Л.А.* Константин Паустовский: очерк творчества. М., 1977.

Паустовский 1946 — *Паустовский К.* Далекие годы. Повесть о детстве и юности. М.-Л., 1946.

Паустовский 2000 — *Паустовский В.* История семей Высочанских, Гулей и Тенновых // Мир Паустовского. 2000. № 15–16.

Платонова 2000 — *Платонова Л.* Генеалогическое древо К. Паустовского // Мир Паустовского. 2000. № 15–16. С. 4–7.

Сакович 1622 — *Сакович К.* Вірші на жалісний погреб шляхетного лицаря Петра Конашевича-Сагайдачного, гетьмана війська його королівської милості Запорозького, складені шоком Касіяном Саковичем, ректором шкіл Київських у братстві. Мовлені від його спудеїв на погребі того шляхетного рицаря в Києві, в неділю провідну року Божого тисяча шістсот двадцять другого, Київ, 1622 року.

⁴¹ Н. И. Костомаров, много ездивший по Правобережной Украине в 40-е гг., писал: «интеллигентный язык во всем крае был исключительно польский и даже крестьяне поневоле должны были усваивать его» (*Бовуа 2011*: 317). Деполонизация образования, начавшаяся после 1831 г. и полностью возобладавшая после 1863 г., изменила эту ситуацию.

Чернецький 2001 — Чернецький Є. Паустовські на Київщині / Євген Чернецький // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Випуск V / Міністерство освіти і науки України ; Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка ; Дрогобицький осередок Українського історичного товариства імені Михайла Грушевського ; Інститут Центрально-Східної Європи (Дрогобицька філія) / *ред. кол. Л. Тимошенко, Л. Зашкільняк, Я. Ісаєвич та ін.+. — Дрогобич : Вимір, 2001. — С. 310–325.

Ярмола 2000 — Ярмола В. Род Паустовських: Городище-Пилипча Текст. / Ярмола В. // Мир Паустовського. М., 2000. № 15–16. С. 7–9.

REFERENCES

Bovua D. Gordiev uzel Rossijskoj imperii: Vlast, shlyahyta i narod na Pravoberezhnoj Ukraine (1793–1914). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.

Cherneckij Ye. Paustovski na Kijivshini / Yevgen Cherneckij // Drogobickij krajeznachij zbirnik. Vipusk V / Ministerstvo osviti i nauki Ukraini ; Drogobickij derzhavnij pedagogichnij universitet imeni Ivana Franka ; Drogobickij oseredok Ukrayinskogo istorichnogo tovaristva imeni Mihajla Grushevskogo ; Institut Centralno-Shidnoyi Yevropi (Drogobicka filiya) / *red. kol. L. Timoshenko, L. Zashkilnyak, Ya. Isayevich ta in.+. Drogobich : Vimir, 2001. S. 310–325.

Derevyanko P. Belocerkovskie stranicy knigi K.Paustovskogo «Povest o zhizni». K istorii roda Paustovskih // K.G. Paustovskij: Materialy i soobsheniya. Vyp. 3. M., 2007. S. 522–538.

Kovalenko A. Paustovskij i Smela: Poiski, issledovaniya, nahodki. V sb.: K.G. Paustov-

skij. Materialy i soobsheniya. Vyp. 3. Moskva: Moskovskij literaturnyj muzej-centr K.G. Paustovskogo, 2007. S. 357–378.

Levickij L.A. Konstantin Paustovskij: ocherk tvorchestva. M.: Sov. Pisatel, 1977.

Paustovskij V. Istoriya semej Vysochanskih, Gulej i Tenmovyih // Mir Paustovskogo. No 15–16. 2000.

Platonova L. Genealogicheskoe drevo K. Paustovskogo Tekst. / L. Platonova // Mir Paustovskogo. M., 2000. No 15–16. S. 4–7.

Sakovich K. Virshi na zhalisnij pogreb shlyahetnogo licarya Petra Konashevichasagajdachnogo, getmana vijska jogo korolivskoyi milosti Zaporozkogo, skladeni shokom Kasiyanom Sakovichem, rektorom shkil Kiyivskih u bratstvi. Movleni vid jogo spudeyiv na pogrebi togo shlyahetnogo ricarya v Kiyevi, v nedilyu providnu roku Bozhogo tisyacha shistsot dvadcyat drugogo, Kiyiv, 1622 roku.

Spisok dvoryan Kievskoj gubernii. Izdanie Kievskogo Dvoryanskogo deputatskogo sobraniya. Kiev, 1906.

Vestnik finansov, torgovli i promyshlennosti. 1902. Voskresene, 26 maya (8 iyunya). No 21.

Vestnik finansov, torgovli i promyshlennosti. 1906. No 3.

Vysochanskij S. Nasha semya, ee proshloe // Mir Paustovskogo. No 15–16. 2000.

Yarmola V. Rod Paustovskih: Gorodishe-Pilipcha Tekst. / Yarmola V. // Mir Paustovskogo. M., 2000. No 15–16. S. 7–9.

Tożsamość na styku kultur = [Tekst] : Tapatybė kultūrų sankirtoje : zbiór studiów / Wileński uniw. ped., Wyd. slawistyki, Kat. filologii polskiej ; pod red. Ireny Masojć i Romualda Naruńca. — Wilno : Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla. T. 3. 2016.

ЛЕОНИД БОРОДКИН: ОПЕРАЦИЯ «БЕЛКА» И ДРУГИЕ ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ

Аннотация: Известный ученый в области исторической информатики и социально-экономической истории России XIX–XX вв. Леонид Бородкин рассказывает о становлении, развитии и перспективах исторической информатики и Digital Humanities в отечественной и зарубежной науке.

Ключевые слова: квантитативная история, историческая информатика, Digital Humanities, экономическая история, клиометрика, Иван Дмитриевич Ковальченко, Леонид Васильевич Милов

Сведения об авторе: Бородкин Леонид Иосифович, доктор исторических наук, кандидат технических наук (по специальности «Кибернетика и теория информации»), профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова, научный руководитель Центра экономической истории исторического факультета МГУ, сопредседатель научного Совета РАН по экономической истории, автор более 490 научных работ. Email: lborodkin@mail.ru

LEONID BORODKIN: OPERATION «SQUIRREL» AND OTHER MILESTONES OF HISTORICAL INFORMATICS (INTERVIEW WITH L. I. BORODKIN. INTERVIEWED BY M.YU. ANDREICHEVA)

Abstract: A well-known scientist in the field of historical computer science and the socio-economic history of Russia in the 19th–20th centuries. Leonid Borodkin talks about the formation, development and prospects of historical informatics and Digital Humanities in domestic and foreign science.

Keywords: quantitative history, historical informatics, Digital Humanities, economic history, cliometrics, Ivan Dmitrievich Kovalchenko, Leonid Vasilyevich Milov

Corresponding author: Borodkin Leonid Iosifovich is PhD (doctor istoricheskikh nauk, kandidat tehniceskikh nauk (major in Cybernetics and Information Theory)), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Historical

Informatics, M. V. Lomonosov Moscow State University, scientific director of the Center for Economic History of the Faculty of History of Moscow State University, co-chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on economic history, author of more than 490 scientific papers. Email: lborodkin@mail.ru

Основные публикации Л. И. Бородкина. Монографии: Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: Изд-во МГУ, 1986; От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М.: Прогресс, 1994. (в соавт. с Л. В. Миловым и др.); Историческая информатика. М., 1996 (в соавт. с И. М. Гарсковой и др.); ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005 (совм. с П. Грегори, О. В. Хлевнюком и др.); Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики. СПб.: Алетейя, 2010 (в соавт. с А. В. Коноваловой); Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. **Статьи:** И. Д. Ковальченко и отечественная школа квантитативной истории // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: Изд-во Мосгорархив, 1997. С. 74–87; Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и Новейшая история. № 5. М., 1998. С. 3–16; «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и Новейшая история. № 2. М., 2003. С. 98–118; The Rural/Urban Wage Gap in the Industrialisation of Russia, 1884–1910 // European Review of Economic History. 2008. Vol. 12, № 1. P. 67–96. (coauthors: B. Granwill, C. L. Leonard); Economic history from the Russian Empire to the Russian Federation // Routledge Handbook of Global Economic History. Routledge International Handbook. Routledge, Oxford, 2016. P. 232–253.

Беседовала М. Ю. Андрейчева

Расскажите, пожалуйста, о Ваших семейных корнях.

Я родился в военной семье. Мне в жизни не довелось встретиться ни с дедушками, ни с бабушками, потому что родители отца скончались в 1920–1921 гг. в Гражданскую войну во время тифа. Бабушка и дедушка мои по маминой линии (Шевченко) жили на Украине и умерли во время Великой Отечественной войны. Мои родители прошли всю войну. Отец начал службу в армии в 1939 г., в годы ВОВ служил в бронетанковых войсках, закончив войну майором. Мама была врачом. 20 июня 1941 года она закончила медицинский институт в Днепропетровске и уже в августе была на фронте. Мама была хирургом в полевом госпитале и с ним прошла всю войну, став к ее концу капита-

ном медицинской службы. Во время службы она провела сотни операций, получила два ордена. Уволившись из армии в 1946 году, мама решила, что не хочет больше заниматься хирургией и стала детским врачом, проработав еще более 30 лет. Отец после войны продолжил военную службу. Пару лет он учился в академии бронетанковых войск в Ленинграде, а потом получил назначение в Псковскую десантную дивизию, где служил командиром дивизиона самоходок. Поэтому все мое детство и юность прошли в военном городке в Пскове, там я учился в школе.

В старших классах передо мной встал вопрос о выборе дальнейшего пути. У меня все предметы шли хорошо, я закончил школу с золотой медалью и некоторое время был на распутье.

Меня влекли гуманитарные науки (больше всего — история), но и в точных науках я был успешен: был победителем областной математической олимпиады и получил второй приз на всероссийской олимпиаде. В последнем, одиннадцатом классе мы получали профессии, и я год проработал на Псковском радиозаводе, где овладел специальностью слесаря-электромонтажника. В 1965 году, когда я заканчивал школу, было время спутников, полетов в космос, крупных научных достижений, время, когда на вопрос, кем хочешь быть, дети отвечали — космонавтом. Эта романтика («только в физике соль, остальное все — ноль») победила, и я поступил в Московский физико-математический институт (Физтех) на факультет кибернетики, о чем никогда не жалел. Когда дело дошло до выбора дипломной темы, то я понял, что мне хочется заниматься моделированием социальных процессов, применять эти методы в общественной, гуманитарной сфере наук. К нам на распределение в МФТИ в 1971 г. приехал известный историк Леонид Васильевич Милов, который вместе с профессором Иваном Дмитриевичем Ковальченко организовывали лабораторию по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях в Институте истории СССР АН СССР. Несколько выпускников физтеха и мехмата МГУ были приглашены в эту лабораторию. Так соединились две моих жизненных линии: одна, связанная с точными науками, другая — с моей страстью к истории, во многом связанной с атмосферой древнего Пскова.

Я сделал важный жизненный шаг и сразу после выпуска в 1971 году

стал сотрудником лаборатории в Институте истории СССР АН СССР. В ней было двенадцать человек: половина с образованием в точных науках, но с тягой к гуманитарному знанию, половина — историки, хотевшие применять новые методы.

Какова была история этой лаборатории, и при каких обстоятельствах возникла аналогичная лаборатория в МГУ, созданная также Иваном Дмитриевичем Ковальченко?

В те годы (рубеж 1960–1970-х гг.) ЭВМ вошли во все сферы: научное планирование, экономика и даже гуманитарные исследования. И Иван Дмитриевич, опубликовавший в 1962 году свою первую работу с применением математико-статистических методов и ЭВМ, в 1968 году стал инициатором создания Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в истории при Отделении истории Академии наук. Он ее сформировал, но не было структурной единицы, которая бы проводила эту работу. Тогда он пошел на прием в Госкомитет по науке и технике, курировавший весь научно-технический комплекс СССР, в том числе и Академию наук, где встретился с председателем Госкомитета академиком В. А. Кириллиным и рассказал ему о перспективах исторических исследований с применением математических методов и ЭВМ. Ковальченко попросил, насколько я помню, около 30 ставок для организации лаборатории, которая бы занималась проблематикой на стыке истории и математики. Кириллин одобрил это предложение, но пока решение проходило разные инстанции, часть ставок была сокра-

цена. В итоге к моменту создания лаборатории в Институте истории СССР их осталось двенадцать, но этого было вполне достаточно, чтобы начать работу. Иван Дмитриевич к тому времени (с 1966 года) являлся заведующим кафедрой источниковедения на истфаке МГУ, но в академическом институте тогда было больше возможностей создать такую лабораторию.

Состав лаборатории представлял своеобразный симбиоз историков и математиков-информатиков, большей частью совсем молодых. Одним из первых ярких проектов лаборатории было инициированное Л. В. Миловым исследование русских средневековых текстов с помощью математических методов. Речь идет о двух типах задач: анализ авторского стиля для атрибуции текста (стилометрия) и реконструкция истории текста, дошедшего до нас в десятках списков (выявление их генеалогии на основе сопоставления разночтений). Лаборатория проводила также интересные исследования по аграрной истории с обработкой массовых данных по истории крестьянства и аграрной экономики в дореволюционной России. Надо сказать, что в ряде отделов института проявлялся интерес к нашей деятельности. Вспоминаю, как меня пригласил Л. В. Черепнин на заседание отдела, которым он руководил, для обсуждения опыта применения статистических методов в аграрной истории. В памяти сохранились также доброжелательные обсуждения и ценные советы, которые давали мне В. А. Кучкин и Я. Н. Щапов по методике атрибуции средневековых русских текстов.

Расскажите, пожалуйста, подробнее о судьбе первой лаборатории, организованной Ковальченко, работавшей в Институте истории СССР.

Лаборатория была открыта в 1971 году. Первым ее заведующим был Леонид Васильевич Милов (с 2000 г. — академик РАН). Она просуществовала в своем «первозданном» виде до 1976 г., когда Л. В. Милов вернулся на исторический факультет МГУ. Этому предшествовала полоса нелегкого для института времени. В первой половине 70-х гг. началась борьба с «новым направлением» в советской исторической науке, инициированная «сверху», коснувшаяся ряда сотрудников института, включая его директора, чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуева, который в 1974 г. был смещен с этого поста и переведен сотрудником в Институт истории естествознания и техники. С новым директором у Л. В. Милова не очень гладко складывались отношения. Возникли нарекания по поводу направлений работы лаборатории, которая якобы сосредоточилась на «внутренних» задачах, уделяя мало внимания потребностям других подразделений института. В лаборатории появился новый заведующий, а через пару лет произошла еще одна замена. В этой обстановке неустойчивости к 1979 году четверо сотрудников лаборатории (в том числе и я) ушли из нее на истфак МГУ. По приглашению Ивана Дмитриевича Ковальченко я перешел к нему на кафедру источниковедения. В итоге лаборатория в Институте истории СССР распалась, и после этого в институте уже не было специального подразделения, которое

бы занималось внедрением в исторические исследования новых методов с применением ЭВМ.

Еще в начале 1970-х гг. на кафедре И. Д. Ковальченко была сформирована небольшая группа обеспечения работ по применению ЭВМ в кафедральных исследованиях. В начале 1980-х гг., после защиты в 1979 г. моей кандидатской диссертации (по специальности «Кибернетика и теория информации») Иван Дмитриевич придал этой группе статус кафедральной лаборатории, руководить которой поручил мне. В 1991 году она была названа лабораторией исторической информатики, а затем приобрела статус межкафедральной лаборатории. В эти годы на международном уровне возникла Ассоциация «History and Computing» (на русском это направление получило название «историческая информатика»). Мы в свою очередь создали российскую ветвь этой организации, с центром на истфаке МГУ. Начались активные совместные проекты. Российская ассоциация, войдя в международную, заняла в ней одну из ведущих позиций.

С 1980-х гг. кафедральная лаборатория все больше решала задачи общек факультетского плана. В частности, в 1985 году началась всесоюзная кампания информатизации, и преподаватели всех вузов срочно должны были пройти переподготовку в сфере ЭВМ и информатизации. Тогда на факультет приехали две сотни преподавателей-историков, которые проходили на кафедре источниковедения, с активным участием лаборатории, соответствующее повышение квалификации. С тех пор практиче-

ски во всех университетах, где были истфаки, приметили нашу лабораторию, к нам часто стали приезжать преподаватели, которые проходили у нас стажировку, желая поставить у себя такой курс. На кафедре источниковедения еще в 1984 г. был подготовлен и издан в «Высшей школе» под редакцией И. Д. Ковальченко учебник по количественным методам в исторических исследованиях. Таким образом, это направление начало набирать обороты не только внутри университета, но и внутри всей системы высшего исторического образования.

Новоучрежденная российская Ассоциация «История и компьютер» (1992 г.) стала одной из первых в нашей стране общественных организаций в области гуманитарных наук. Этой ассоциации сейчас уже больше тридцати лет, и она до сих пор очень активно работает.

Ваша кандидатская диссертация в области точных наук каким-то образом отражала Ваш опыт работы в лаборатории?

В диссертации были разные приложения, связанные с социально-гуманитарной сферой. Одна из глав содержала алгоритмы анализа сети (или на математическом языке — графа) связей, отражающей взаимосвязи между разными субъектами или объектами. Если этих объектов много, и они образуют сложную сеть (сегодня этим занимается теория социальных сетей), то решается вопрос — как ее укрупнить и создать кластеры. Так, вместо большой разветвленной сети можно получить несколько крупных кластеров со структурой связей ме-

жду ними. Эта методика родилась из задач изучения структуры связей при работе с историческими текстами и при изучении миграционных потоков начала XX в. Эти алгоритмы востребованы и сегодня. Сейчас мы делаем новый учебник по исторической информатике, там эта тема раскрыта в одной из глав.

Хочу также добавить, что, когда на базе Лаборатории исторической информатики возникла Межрегиональная ассоциация «История и компьютер», в нее практически за пару лет вошли наши коллеги из новообразованных республик Казахстана, Киргизии, Украины, Белоруссии. И, хотя ассоциация была зарегистрирована в России, в ней было немало участников из соседних стран, так как там не было достаточной критической массы исследователей, готовых разрабатывать данное направление. Получилась дружная международная общественная организация. Эта ассоциация с начала 1990-х гг. проводила (и проводит уже в XXI веке) ежегодные большие конференции в России, которые все больше привлекали внимание в научной среде. Истфак МГУ тут был явно лидером, хотя в России и других странах СНГ уже были образованы аналогичные лаборатории. В 2004 году было принято решение о трансформации нашей лаборатории исторической информатики в одноименную кафедру, имеющую как учебные, так и научные задачи. С тех пор кафедра ведет двухсеместровый курс для студентов-второкурсников истфака МГУ, который знакомит с методами применения компьютерных технологий в исторической науке. Так возникла первая в России кафедра такого про-

филя. Постепенно был расширен кадровый состав кафедры, где на данный момент работают одиннадцать сотрудников, хотя вначале их было четыре. Почти все наши сотрудники защитили кандидатские и докторские по истории, в которых результаты были получены с помощью современных компьютерных методов и технологий.

Как складывались Ваши научные контакты с зарубежными коллегами в советские годы, во время работы в лаборатории Института истории СССР и в МГУ?

У нас ситуация была близкой к изоляции. Основные инновации в этой области прежде всего происходили за рубежом, тогда как мы шли параллельным курсом. Я упомяну несколько таких важных зарубежных направлений. Например, в рамках французской школы «Анналов» в 60-х гг. развивалась теория и практика построения длинных рядов социально-экономического развития Франции: показатели цен, зарплат, демографической динамики (т.н. серийная история). Так были построены двухсотлетние ряды, а затем они изучались с помощью ЭВМ и статистических методов. В Америке же в 1960-е годы начинается развитие клиометрики — новой экономической истории, связанной с применением методов эконометрики и моделирования. Американская школа клиометрики была довольно разветвленной. К ней принадлежали сотни специалистов, имевших в основном экономическое образование, но интересовавшихся историей экономики. Они сформировали целое сообщество, стали называть

себя клиометриками — этот термин был придуман при участии американского экономиста и историка Роберта Фогеля в начале 1960-х годов. Данное, весьма уважаемое, направление активно развивается и по сей день, издавая журналы, которые в международных базах стоят в верхнем квартиле по профилю «История». Его лидер Роберт Фогель в 1960-х годах опубликовал две книги, содержавшие контрфактические модели экономического развития США и вызвавшие шквал рецензий (в основном критических). Однако было очевидно, что это новое креативное направление, и оно вскоре стало доминировать на конгрессах по экономической истории. Сегодня это направление занимает важное место в области экономической истории. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в 1993 году Нобелевский комитет по экономике решил отдать должное клиометрике, присудив нобелевскую премию по экономике Роберту Фогелю — автору исследований по истории американской экономики XIX века. Одновременно присудили премию еще одному экономисту, работавшему в русле истории экономики, — Дугласу Норту, автору авторитетного институционального подхода в экономической истории. Безусловно, это было крупное событие в развитии не только клиометрики, но и количественной истории в целом.

Еще необходимо упомянуть немецкую школу количественной социальной истории, активно развивавшуюся с 1970-х годов. Наша отечественная школа развивалась одновременно, но независимо от указанных направлений. Тем не менее

мы не уступали зарубежным школам, хотя у нас и было плохо с вычислительной техникой, так как она была несравненно слабее, чем та, которой пользовались наши коллеги за рубежом.

Получалось ли у Вас ездить за рубеж на международные конференции?

Вплоть до середины 1980-х годов у нас с зарубежными коллегами были минимальные контакты. Очень немногим довелось съездить на конференции за рубеж. Например, И.Д. Ковальченко был членом Исполнительного комитета Международной ассоциации экономической истории. Он в то время был уже членом-корреспондентом Академии наук и имел возможность ездить за рубеж и представлять там нашу историческую науку, изучать какие-то важные для нас новые тенденции, привозить научную литературу. Для большинства возможности сужались до нечастых командировок в соцстраны. Например, в 1982 году мне удалось в первый раз в свои 36 лет попасть на зарубежную конференцию. Это был Международный Конгресс по экономической истории, состоявшийся в Будапеште. От нас туда поехала официальная делегация, состав ее утверждался «наверху». Эта поездка произвела на меня сильное впечатление. Что касается Западной Европы, то я впервые выехал туда на конгресс по клиометрике в 1989 году, но это уже было время вошедшей в полную силу Перестройки. Тогда уже партийные фильтры работали не так жестко. Ведь существовала система, по которой, чтобы попасть на конференцию в Западную Европу,

надо было прежде побывать в Болгарии, Польше, ГДР, Югославии. Как правило, только после этого партийные органы могли тебя рекомендовать для поездки на Запад.

Еще мы ощущали большой дефицит научной литературы. Я вспоминаю один момент, когда в середине 1970-х годов была разрядка напряженности и в Академии наук было принято решение, чтобы не только естествоиспытатели участвовали в международных научных обменах и мероприятиях, но и ученые общественно-гуманитарных наук. Стали искать возможные сферы соприкосновения и оказалось, что именно количественные методы в истории — та площадка, где могло быть организовано взаимодействие без каких бы то ни было острых идеологических дебатов, поскольку она имела прежде всего методический характер. Была организована серия семинаров в Америке и у нас, в СССР, с участием специалистов школы клиометрики и наших специалистов, занимавшихся количественными методами в исторической науке. В МГУ приехали американские коллеги-руссисты и представители клиометрики. Это случилось в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Для нас это был необычный, но интересный опыт. Мы познакомились с научными разработками друг друга, завязались тесные контакты, появились и первые совместные проекты.

Как Вы определились с темой докторской диссертации и как прошла ее защита?

Докторская, защищенная мною на истфаке МГУ в 1993 году, отразила результаты моей двадцатилетней ра-

боты в области использования новых методов в истории. Где-то года за два-три до моей защиты Иван Дмитриевич предложил мне обобщить накопленный опыт работы на кафедре, отраженный в серии публикаций, включающих и совместные с Иваном Дмитриевичем и Леонидом Васильевичем статьи. Я многому научился у этих выдающихся ученых. В первой части диссертации был представлен обзор опыта применения математических методов и информационных технологий в исторической науке как в нашей стране, так и за рубежом. После защиты, в 1990-х гг., наступил следующий этап нашей исследовательской деятельности, связанный со стремительным развитием «микрокомпьютерной революции» и одновременным распространением методов, востребованных пространственным и визуальным «поворотами» в исторической науке (речь идет о ГИС-технологиях, 3D-моделировании и т. д.). Наконец, в 2015 г. был провозглашен «цифровой поворот». Это произошло на проходившем в Китае Всемирном конгрессе исторических наук, в котором мне довелось участвовать. Получило развитие полидисциплинарное направление Digital Humanities, наша ассоциация сотрудничает с этим международным сообществом.

Как изменились учебные задачи в связи с развитием нового направления?

На нашей кафедре в 2005 году появилась специализация, в рамках которой мы начали набирать дипломников (бакалавров и магистров). Спустя пять лет на кафедре открылась аспирантура. В результате за

последние годы у нас состоялись 8 кандидатских защит наших выпускников. В своей работе наши ученики применяют, например, методы географических информационных систем и 3D-моделирование. Сейчас мы обращаемся к методам и технологиям машинного обучения, работе с искусственными нейросетями. Направления исторической науки, связанные с новыми цифровыми подходами, динамично развиваются. Немало студентов-историков интересуются этими подходами. Важно, что выпускник истфака, владеющий навыками работы в новой цифровой среде, имеющий опыт использования цифровых технологий и оцифрованных источников (тексты, карты, статистика и т. д.), получает больше возможностей для успешной самореализации на рынке современного интеллектуального труда, как по историческому профилю, так и в смежных сферах деятельности.

Какие изменения претерпело Ваше сотрудничество с зарубежными коллегами, когда упал железный занавес?

Международная ассоциация «History and Computing», частью которого была наша российская ассоциация, относилась к нам с большим интересом. В начале 1990-х годов в России был экономический кризис — время, когда персональный компьютер стоил практически как автомашина «Волга». У нас неважно складывались дела с обеспечением необходимой вычислительной техникой. Наши зарубежные коллеги ежегодно приглашали нас на свои большие конференции, в которых принимало участие до ста спе-

циалистов данного направления. В 1993 году британская ассоциация пригласила меня на свою ежегодную конференцию, проходившую в Йорке. Британские коллеги попросили нас познакомиться со своими работами, а также рассказать о нашем компьютерном обеспечении. По поводу последнего я вынужден был признаться, что техника, на которой мы работаем, достаточно слабая, и поэтому мы ограничены в решении наших исследовательских задач. Ведь у нас бывало и так, что приходилось задерживаться на факультете до двенадцати часов ночи, так как в нашей лаборатории было всего два мало-мощных персональных компьютера, на которых мы вынуждены были работать по очереди. Эта информация вызвала оживленную реакцию. И тут же, прямо во время конференции, наши коллеги из разных британских университетов объявили о начале кампании по сбору вычислительной техники (по тем временам современных компьютеров) для российских историков. Не прошло и месяца, как я получил сообщение из Оксфорда, где координировалась эта инициатива, о том, что одна из манчестерских коллег-историков с двумя магистрантами на микроавтобусе решили проехать по нескольким британским университетам и собрать для российских коллег компьютеры. Речь шла о машинах, которые были закуплены достаточно недавно (пару-тройку лет назад), но в ближайшем будущем подлежали замене на новые модели — прогресс в этой сфере развивался стремительно. Британские ученые собрали в минивэн технику, проехали до Скандинавии, и через Норвегию, Швецию и Финляндию добрались до границы с Россией, где

мы их встречали в районе Выборга. Вместе со мной был профессор Санкт-Петербургского университета Сергей Григорьевич Кащенко. Часть компьютеров мы оставили в СПбГУ, часть увезли в Москву (числом около 30-ти). К нам в столицу приехали члены нашей ассоциации из пяти университетских городов. Они отобрали нужную им компьютерную технику. Эта акция в последующих публикациях была названа «Операция Белка», в память о пушистой игрушке-белке, которая восседала под стеклом микроавтобуса, доставившего нам компьютеры. Ее нам презентовали вместе с компьютерами, и белка до сих пор «живет» у нас на кафедре.

Мы тепло приняли наших британских коллег-дарителей. Показали им Санкт-Петербург и Москву, взяли интервью, в котором они подробно рассказали об акции. Этот рассказ был в итоге опубликован в информационном издании ассоциации «История и компьютер» (АИК). Затем похожую акцию провел наш коллега из Германии — на тот момент президент Международной ассоциации “History and Computing”, профессор из Кельна Манфред Таллер. Он привез компьютеры из Германии. И вот в течение 1990-х годов истории, связанные с АИК, работали на этой подаренной технике.

Это время было в целом отмечено позитивными событиями для нашей лаборатории. Нас пригласили участвовать в двух международных проектах, которые координировались европейскими университетами, мы смогли привнести в совместные разработки и те подходы, которых в то время не было у наших зарубежных коллег.

Как сложилась судьба лаборатории после кончины Ивана Дмитриевича Ковальченко в 1995 году?

В университете было принято решение назвать нашу лабораторию именем Ивана Дмитриевича Ковальченко, и на двери нашего кабинета девять лет висела табличка «Лаборатория исторической информатики имени академика Ковальченко». Потом, когда в 2004 году лабораторию трансформировали в кафедру, табличку сняли — кафедры не могут носить имя даже знаменитого ученого. Табличка же до сих пор хранится у нас на кафедре. Для нас важно было не только сберечь память об основателе нашей кафедры, но и продолжить начатое им дело. Мы и сегодня чувствуем его незримое присутствие в наших делах. Несмотря на то, что без его участия нам было некоторое время труднее решать ряд организационных вопросов, тем не менее тот «корабль», который после кончины Ковальченко был запущен в свободное плавание, уже сам двигался в нужном направлении. Лаборатория постепенно укрепляла свои позиции, и решение перевести ее в ранг кафедры было принято факультетом как уже назревшее.

Сколько сейчас у Вас на кафедре сотрудников?

Сейчас на кафедре работают одиннадцать человек. По меркам МГУ это среднего размера кафедра. Возраст большинства сотрудников 35–45 лет. Это дружный коллектив, в котором не чувствуется разрыва поколений. У наших сотрудников немалая педагогическая нагрузка, которую они совмещают с активной

публикационной деятельностью и участием в различных исследовательских проектах. Отмечу, что в течение последних лет пять монографий преподавателей нашей кафедры переведены на китайский язык и опубликованы в центральном пекинском издательстве по общественным наукам. Сейчас на кафедре специализируются около 40 студентов и аспирантов.

Какие из реализованных Вами проектов Вы считаете наиболее важными?

На кафедре я руководил десятком проектов. В первую очередь я бы отметил проекты, нацеленные на цифровое сохранение историко-культурного наследия. В них мы успешно применили методы и технологии 3D-моделирования, с помощью которых были осуществлены реконструкции объектов культурного наследия либо полностью, либо частично утраченных. Среди этих проектов — виртуальная реконструкция Страстного монастыря и Страстной площади (ныне Пушкинской). Речь идет о женском монастыре, который стоял в центре Москвы в течение почти трех столетий и был разрушен в 1937 году. Это был интереснейший объект городской среды, один из центров духовной жизни столицы. Другой проект — виртуальная реконструкция Белого города, старой территории Москвы, близкой к Кремлю. Там в свое время был комплекс из валов и белокаменных укреплений, несших защитную функцию для столицы. С петровского времени, когда стало понятно, что набегов с юга больше не будет, эта функция была утрачена. Сегодня эта

часть города сильно преобразилась. Виртуальная реконструкция исторической застройки города позволяет восстановить его визуальный облик в ту или иную эпоху. Достоверность таких исторических реконструкций определяется степенью полноты и репрезентативности используемых источников. Их выявление и историко-ведческая оценка — важнейшая часть таких проектов. Оба эти проекта потребовали включения в работу целой группы профессионалов разных специализаций: историков, специалистов по применению компьютерных технологий, ИТ-специалистов по географическим информационным системам и по трехмерному моделированию, с использованием технологий виртуальной реальности. К работе были подключены краеведы, которые участвовали в поиске необходимых источников (а это тексты, старые фотографии, планы, чертежи, карты и т.д.). Понадобились консультации архитектора, который помог правильно восстановить архитектурный облик объектов. Словом, проекты такого рода имеют даже не меж-, а полидисциплинарный характер. Нам удалось собрать такую команду и найти общий язык для общения. Была осуществлена серьезная задача максимально достоверно воссоздать внешний и (иногда) внутренний облики утраченных объектов. Эти работы оказались весьма востребованными и получили резонанс как в кругу исследователей, так и в среде любителей истории.

Другой объект наших проектов по сохранению культурного наследия — дворянские усадьбы Подмосковья. Как известно, большинство этих памятников сейчас находятся

в руинированном состоянии и продолжают разрушаться. В этой работе нам очень помогает Центральный государственный архив Московской области, в фондах которого собраны материалы целого ряда исторических усадеб, владельцами которых были представители знаменитых фамилий: Шереметевых, Голицыных, Апраксиных и др. В итоге наши студенты в формате дипломных работ защитили уже восемь таких реконструкций. Такие проекты могут иметь и практический смысл — при реализации программы восстановления таких усадеб на средства инвесторов, с передачей их в долгосрочную аренду при условии аутентичной их реставрации. В этом случае 3D-модели могут послужить подспорьем для арендатора, который будет воссоздавать подлинный облик историко-культурного объекта. У нас сложились хорошие контакты с Обществом изучения русской усадьбы. Осенью мы собираемся проводить совместную конференцию о традиционных и новых методах реконструкции усадебного историко-культурного наследия.

Расскажите, пожалуйста, о Ваших проектах в области социально-экономической истории.

В области экономической и социальной истории тоже был реализован ряд проектов. Например, мы подняли архивы двух крупных дореволюционных текстильных фабрик — в Серпухове и Ярославле — и поставили перед собой задачу воссоздать жизнь фабрики в ее социальных и экономических измерениях, используя как статистические данные, так и источники антропологического

характера. По архивным материалам нам удалось в деталях установить динамику изменений зарплаты разных категорий работников этих мануфактур, роль фабричной лавки в жизни рабочих и т.д. В отличие от распространенного в советской историографии мнения оказалось, что эти лавки не «выжимали» последние средства у рабочих, а цены в них были часто ниже городских. Мы смогли установить, что в годы Первой мировой правления фабрик вслед за скачками инфляции раз за разом поднимали зарплаты рабочим. В 1915 — начале 1917 г. это происходило 12–15 раз. Мы смогли реконструировать условия жизни тысяч рабочих, включая их жилье, возможности получения медицинской помощи, образования, досуга. Например, удалось установить, что в течение четверти века перед 1914 годом реальная зарплата рабочих крупных текстильных предприятий выросла на 10–15%. Тем самым не нашло подтверждения мнение, что в годы дореволюционной индустриализации шло снижение уровня жизни рабочих. При этом требование повышения зарплаты было доминирующим в ходе трудовых конфликтов текстильщиков. Жизнь рабочих была нелегкой, но она, безусловно, имела тенденцию к улучшению. Результаты этого исследования, проведенного на микроуровне, представлены в нашей объемной монографии «Не рублем единым: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России», изданной РОССПЭНом в 2010 г.

Я хочу упомянуть еще проект, который вел индивидуально. Речь идет об исследовании экономики страны

в период Первой мировой войны и динамики уровня жизни рабочих Российской империи. Верно ли утверждение, что их положение было настолько катастрофическим, что революция была неминуема? В сравнении с Германией, нашим главным противником, у нас ситуация в тылу была заметно лучше. В отношении зарплаты рабочих в годы Первой мировой можно выделить две группы. У тех, кто работал на оборонных предприятиях, за военное время реальная зарплата выросла в среднем на 20%. А в отраслях, которые не были прямо или косвенно связаны с оборонным обеспечением, реальная зарплата в годы войны упала примерно на 20%. Вряд ли такое снижение надо оценивать как драматическое. Например, людям нашего поколения довелось испытать гораздо более существенные падения зарплаты — в разы, и не на один год. Это один из аспектов данного исследования, в рамках которого рассматривался также вопрос о том, когда в годы войны начался обвал экономики и уровня жизни городского населения. Детальное рассмотрение показывает: конец 1916 — начало 1917 г., но особенно — после февраля 1917 г.

Еще один проект мы реализуем сейчас на кафедре совместно с коллегами из вузов Сибири — Новосибирского и Алтайского университетов. Он касается проблемы экономического неравенства в России с пореформенного времени и вплоть до «Великого перелома» 1929 года. Мы хотим проследить, как эволюционировали показатели дифференциации доходов городского и сельского населения на протяжении этого периода с учетом региональной специфики. Интерес

к этой теме резко вырос в последние 10–20 лет — в контексте динамики современных процессов, отраженных в ряде недавно вышедших книг о неравенстве в глобальном измерении. В этих книгах, переведенных на десятки языков, затрагивается и проблема оценки неравенства в России в XIX–XX вв.

Какие социальные группы Вы выделяете в качестве объекта изучения?

В отличие от зарубежных исследователей, изучающих эти проблемы по источникам соответствующих стран, нам трудно дать оценку коэффициента неравенства по стране в целом. В России ведь не было подходящего налога вплоть до 1916 года, да и в годы НЭПа этот налог касался всего нескольких процентов населения. А ведь именно данные об этом налоге позволяют оценить доходы. Возможно, в силу этого обстоятельства количественные оценки экономического неравенства в Российской империи различаются радикально. Если использовать децильный коэффициент неравенства, то его оценки для поздней имперской России колеблются от 6 (в публикациях историков «оптимистического направления») до 21 (в работах «пессимистов»). В нашем текущем проекте мы не ставим такой амбициозной цели, мы видим свою задачу в оценке неравенства/дифференциации доходов/имущества в различных районах большой страны, в разных социальных слоях (рабочие, служащие, крестьяне и др.). С этой целью мы создаем тематический цифровой ресурс, содержащий сотни датасетов, позволяющих проводить вычисления децильного коэффициента и индекса Джини

для различных социальных групп, районов и временных срезов. На сегодняшний день мы получили оценки имущественного неравенства для крестьянских хозяйств ряда районов Сибири начала XX века, дифференциации оплаты труда в основных отраслях промышленности в крупных городах России конца XIX — начала XX века, в среде городских слоев (например, служащих различных ведомств и уровней) этого периода, а также в годы Первой мировой войны, последующих «турбулентных» лет и в период НЭПа.

Предварительные результаты этого исследования дают основания полагать, что степень экономического неравенства основных слоев населения позднеимперской России была заметно более высокой в сравнении с Россией НЭПовской, но не такой высокой, как полагают «пессими-

сты». Так, один из выводов, полученных в ходе анализа собранных источников, показал, что политика регулирования зарплаты промышленных рабочих в годы НЭПа проводилась в целом в соответствии с курсом на ее выравнивание, а степень дифференциации зарплаты промышленных рабочих в годы НЭПа была существенно ниже, чем в предвоенный период (и в годы войны) и при этом она снижалась во второй половине 1920-х гг. В текущем году мы завершим работу над монографией по итогам проекта, где надеемся дать обобщенные оценки, базирующиеся на данных релевантных источников.

Одновременно готовимся к следующим исследовательским проектам, связанным, в частности, с использованием искусственных нейросетей.

Большое спасибо за интервью!

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВ: «МЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОКА СЕЙЧАС ВСТРЕЧАЕМСЯ СО ВСЕМ МИРОМ»

Аннотация: В своем интервью Владимир Емельянов рассказывает о своей семейной памяти, о выборе профессии, о своей исследовательской и преподавательской карьере, о работе с архивом Владимира Высоцкого, о своих научных «предках» и учителях, о контактах с западными учеными в современных условиях.

Ключевые слова: семейная память, травматические события советской истории, традиции российского востоковедения, архив Владимира Высоцкого, международное сотрудничество ученых.

Сведения об авторе: Емельянов Владимир Владимирович, российский востоковед-шумеролог, литературовед, переводчик и поэт. Кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского университета. Email: v.emeljanov@spbu.ru.

VLADIMIR EMELIANOV: "IN THE EAST WE MEETING THE WHOLE WORLD NOW"

Abstract: In his interview Vladimir Emeljanov talks about different personal and professional subjects: his family memory, his choice of profession, his research and teaching career, his work with the archive of Vladimir Vysotsky, his scientific "ancestors" and teachers, contacts with Western scholars in modern conditions.

Keywords: family memory, traumatic events of Soviet history, traditions of Russian Oriental Studies, archive of Vladimir Vysotsky, international co-operation of researchers.

Corresponding author: Emeljanov Vladimir Vladimirovich, Russian orientalist-schumerologist, literary critic, translator and poet. PhD (candidat istoricheskikh nauk, doctor filosofskikh nauk), Professor of St. Petersburg University. Email: v.emeljanov@spbu.ru.

Автор книги: Нишпурский календарь и ранняя история Зодиака. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. — 272 с.; Древний Шумер. Очерки культуры. — 2-е изд. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 319 с.; Ритуал в Древней Месопотамии. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. — 320 с.; Шумерский календарный ритуал (Категория МЕ и весенние праздники). — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. — 432 с.; Гильгамеш. Биография легенды. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 358 с.; Вольдемар Казимирович Шилейко. Научная биография. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 447 с.; Между жертвой и спасением. Календари и праздники Ближнего

Востока. — СПб.: Евразия, 2020. — 288 с.; Древняя Месопотамия в русской литературе. Исследования и антология. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 592 с.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Первый вопрос у нас традиционный. Так как наш журнал занимается исследованием памяти, мы проверяем гипотезу Яна Ассмана о том, что у современных людей память простирается вглубь только на три поколения. Расскажите, пожалуйста, какова глубина вашей семейной памяти?

В.Е.: Глубина моей семейной памяти больше, чем три поколения, потому что я знаю отца, деда, прадеда, и прапрадеда. По отцовской линии мои предки — коренные петербуржцы. Насколько я знаю из документов, они проживали в Петербурге уже в 1870-х годах. Мой прапрадед был купец II гильдии, ювелир и часовщик, имел лавки на Большой Дворянской улице и упоминается в справочниках «Весь Петербург». Его звали Василий Емельянович Емельянов. Все мои попытки обнаружить в церковных книгах имя этого человека не увенчались успехом, из чего я делаю вывод, что он был старообрядец. Мой дед и мой прадед тоже не значатся в церковных книгах Русской Православной Церкви. Значит, скорее всего, они староверы, и, судя по фамилии моего прапрадеда, связанной с его отчеством, они — из бывших крестьян, ставших купцами. Мой прапрадед уже имел лавки и был купцом второй гильдии. Мой прадед, Демид Васильевич, тоже был ювелиром и часовщиком, к нему по наследству перешли эти ремесла, он занимался ими даже в годы НЭПа. Ему принадлежали ювелирная и часовая мастерские. Мой дед, Алексей

Демидович Емельянов, был часовщиком. Он уже не был связан с ювелирным делом, но был известным часовым мастером. А мой папа, Владимир Алексеевич Емельянов, великолепно знал радиодело, работал радистом на сухогрузах Балтийского морского пароходства. Папа обошел на этих сухогрузах значительную часть земного шара, был не только в Европе, но и в Иране. В ту пору, когда граждане СССР в большинстве были невыезжими, у него были очень серьезные впечатления от его путешествий в разные страны мира. Он рассказывал мне о том, что видел за границей во время своих рейсов. Таким образом, я знаю свой род по отцовской линии на глубину пяти поколений. И все мои предки — петербуржцы.

По материнской линии у меня родня из Псковской области. Мой прадед, Пахом Афанасьевич Афанасьев, был богатым крестьянином. Его раскулачили, но не сослали, сделав консультантом при колхозе. И очень правильно сделали, потому что он помогал колхозникам с посевной, у него была великолепная интуиция: знал, когда время сеять, как растить хлеб, как осушать болота, и т.д. Его отец — Афанасий Петрович — тоже крестьянин, происходивший из староверов Поморского согласия. Так что мои предки и по отцовской, и по материнской линии — старообрядцы. Крестьяне, ювелиры, часовщики...

С.Э.: Сведения о ваших предках передавались в семье или вы

специально искали в архивах и в опубликованных источниках?

В.Е.: Память передавалась в семье. У нас даже хранилась фотография моего прадеда, Демида Васильевича, в унтер-офицерской форме, сделанная в 1915 году на Империалистической войне. Ну, и кроме того, моя прабабушка, Вера Андреевна Емельянова, была фанаткой Шаляпина. И семейная легенда гласит, что Шаляпин сперва дарил ей открытки со своими автографами, а потом стал дарить ей пластинки. И вот это был ценнейший ресурс, на который удавалось в блокаду выменять хлеб. Все эти пластинки и фотографии ушли во время блокады. Прадед умер в начале 1934 года, и поэтому нам очень повезло: наша семья не попала в «кировский поток». А моя прабабушка, Вера Андреевна, пережила блокаду в городе и умерла в 1956 году. Работала она портнихой-надомницей, зарабатывая частными заказами. Родные сохраняли семейные предания. У нас никто ничего не скрывал. И, вы знаете, у нас была уникальная семья в том плане, что не было репрессированных ни по одной линии, как не было и людей, которые бы сотрудничали с Советской властью. У нас в роду вообще не было коммунистов. Ни коммунистов, ни комиссаров. Мои родственники чрезвычайно отрицательно относились к Советской власти, и они до конца жизни оставались верующими людьми. Мои бабушки-прабабушки были верующие православные христиане, но старой веры. И знаете, это очень важно, что я вырос в другой семейной культуре: старообрядческая семейная культура — это культура, которая отрицает алкоголь и является культурой чтения. Поэтому у нас всегда бы-

ло много книг и у нас было уважение к Священному Писанию. Бабушка, как ни странно, была почти неграмотной, потому что прадед старших детей в школу не отдавал. А у Пахома Афанасьевича было 10 детей. И он рассчитывал на то, что старшие будут пахать землю, помогать ему по хозяйству, а в школу отдавал младших. Поэтому моя бабушка, как это ни странно при старообрядческом происхождении, была почти неграмотна. Она прекрасно знала молитвы, она очень хорошо помнила службы и время от времени мне это все воспроизводила наизусть. Поэтому можно сказать, что Священное Писание я сначала услышал, а потом, через много лет прочитал.

С.Э.: А родители тоже ходили в церковь?

В.Е.: Родители у меня не ходили в церковь, потому что они так же, как и мои предки, не были связаны с Русской Православной Церковью. Я сказал, что предки были старообрядцы. Моя бабушка посещала моленный дом в Рыбацком. А мои родители в церковь не ходили, ну разве что изредка заглядывали, но при этом оставались верующими людьми. Поначалу они были атеистами, комсомольцами, но впоследствии семейная традиция их перетянула в православие. И хотя они не знали молитв, но чтити веру предков и в жизни поступали по-христиански.

С.Э.: Возможно, это старообрядческая специфика поголовной грамотности сказалась в том, что у вас такая глубокая семейная память.

В.Е.: Да, у нас очень глубокая семейная память, и по материнской

и по отцовской линии я помню своих предков с эпохи Александра II.

С.Э.: Задумывались ли вы над тем, что унаследовали от своих предков?

В.Е.: Да, конечно. По отцовской линии я унаследовал педагогические способности. Моя бабушка Антонина Константиновна была очень хорошим воспитателем детского сада. Она работала на Каменном острове, в детском саду для детей и внуков обкомовских работников, и ее все очень хвалили. Да я и сам мог убедиться в ее больших способностях, потому что она меня хорошо воспитывала, и многие ее советы мне впоследствии пригодились. Мой папа после раннего инфаркта был списан на берег и пошел работать преподавателем радиодела в мореходное училище. Его тоже хвалили как педагога, у него было много учеников. Сам я очень рано, уже на втором курсе, ощутил преподавание и педагогику как свою профессию и мечтал стать преподавателем университета. Так что, думаю, это от предков. А по материнской линии мое наследство — это, пожалуй, трудолюбие, вера в Бога и критическое мышление. Как ни странно, но они хорошо совмещаются. Материнская линия помогла стать источниковедом в области истории религии.

С.Э.: Почему вы решили стать гуманитарием?

В.Е.: Это разговор очень долгий. Я на этот вопрос уже отвечал в специальном интервью на «Теозетике». Эта запись есть на Youtube, я там подробно об этом говорю. Меня интересовал вопрос, откуда происходит литература, каковы ее корни. И я стал

заниматься историей древних литератур, перебирать, и в конце концов дошел до шумеро-аккадской. Поэтому это — мой личный выбор, никто этому не способствовал, хотя у меня в окружении с очень ранних детских лет были историки-архивисты. Дело в том, что у меня вообще очень необычная жизнь. Когда мне было 3 года, я попал в детский сад № 100, который был экспериментальным. Этот детский сад сотрудничал с Институтом физиологии. И детям там давали всякие развивающие программы, у нас английский язык был с 3-х лет. Поэтому за нами следили, нас развивали, нас образовывали очень интенсивно. К нам приходили филологи, историки, актеры, и дети, которые были в этом детском саду, тоже были детьми научных сотрудников и актеров. В детском саду я познакомился с большим количеством удивительных людей, которые как-то все в совокупности на меня повлияли. И самым главным из них был Юрий Абрамович Виноградов, историк-архивист, сотрудник Академии наук, с которым мы просто подружились. Сначала в детском саду — он приходил за своим сыном, мы разговаривали. А потом, когда мы с родителями переехали на новую квартиру, оказалось, что он — наш сосед. Это была просто судьба. И я начал ходить к нему. У Юрия Абрамовича была прекрасная библиотека, он мне стал давать книги, именно в его библиотеке я находил все, что мне нужно: сперва по русской истории, а потом — и по истории Востока. Наверное, судьбоносным моментом было то, что в 12 лет в библиотеке Юрия Абрамовича Виноградова я увидел книгу человека, о котором очень уместно будет сказать сегодня. А сегодня исполни-

лось 140 лет со дня рождения Игнатия Юлиановича Крачковского — выдающегося арабиста. На полке у Виноградова я увидел его книгу «Над арабскими рукописями». Я эту книгу прочитал, и с того дня всю свою жизнь нахожусь под обаянием личности Крачковского. Крачковский необыкновенно красив — как внешне, так и душевно. А его книга — это что-то совершенно особенное, потому что он относится к рукописям как к живым существам. Он вступает с ними в диалог. Он слышит, как они ему что-то шепчут. Он — совершенно удивительный человек именно в области диалога с прошлым. И когда я прочитал эту книгу, я понял, что мне надо идти в востоковедение, потому что я интересуюсь историей литературы, меня интересуют корни литературы. Значит, нужно глубоко знать арабскую литературу. И я решил, что, наверно, буду арабистом.

С. Э.: А сколько лет вам было?

В. Е.: 12 лет. Потом в моей жизни произошло еще одно невероятное событие. То есть, понимаете, это все судьба. Тогда же, когда мне было 12 лет, я попал в Комарово на базу отдыха Академии наук. Мы с родителями туда приехали, потому что мама была сотрудником Академии наук, ей дали путевку. Так я оказался в окружении востоковедов. Очень пожилых уже востоковедов, которых уже не было в живых, когда я поступал на факультет. У меня было большое счастье в жизни, что я их узнал, когда был школьником. И вот эти люди дополнительно очень сильно на меня повлияли. Это были сотрудники Эрмитажа, хранители Пянджикентского отдела, специалисты в об-

ласти истории восточной науки. Например, историк Афганистана Вадим Александрович Ромодин, ученик Игоря Михайловича Рейснера. Глафира Николаевна Балашова, хранитель Пянджикента в Эрмитаже. Было большое количество иранистов. И даже был один удивительный человек — специалист по ярлыкам Золотой Орды Аркадий Павлович Григорьев. То есть, это был настоящий цветник востоковедов, плюс еще рядом была дача Василия Васильевича Струве, и с этой дачи к нам ходил брат жены Струве, который рассказывал нам о самом Василии Васильевиче (я его по возрасту не застал: он умер в 1965 году, а я родился в 1969). Но вот этот брат жены — Александр Леонидович Богородский — он приводил детей, в том числе меня, на дачу, мы там смотрели книги академика, и он нас посвящал во всю эту академическую историю. Поэтому Комарово, в котором я оказался, оно серьезно меня сформировало как будущего востоковеда. И дальше у меня был трудный выбор, каким же востоковедом мне быть. Сперва я читал по африканистике, но меня африканистика разочаровала тем, что там нет древней литературы, кроме эфиопской. Там сплошной фольклор. Скажем, старосуахилийская литература начинается только с XIII в., а рукописи сохранились и вовсе с XVIII. Это поздноато. Старосуахилийская и эфиопская литературы связаны так или иначе с арабской и библейской. Хорошо, значит, надо быть семитологом. Дальше я стал читать по истории Библии. Но историки Библии пишут, что там — шумеро-аккадское наследие. И вот таким образом я пришел к ассириологии. И первая книга, которую я прочитал, это книга Сето-

на Ллойда «Реки-близнецы». Просто великолепное введение во всю шумеро-вавилонскую цивилизацию. И когда я эту книгу прочитал, то я понял, что нашел, чем я буду заниматься. Но нужен был еще какой-то дополнительный толчок. И мне очень повезло, что, когда я уже поступал на Восточный факультет — на арабскую филологию, потому что на ассириологию брали раз в пять лет, и тогда набора не было, — то я оказался в одной группе поступающих вместе с сыном шумеролога Анатолия Георгиевича Кифишина. Он познакомил меня с отцом, и можно сказать, что вот эта встреча сыграла окончательную роль в моей жизни: она поставила точку в вопросе о профессии. Когда я с ним поговорил, я понял, что буду не просто ассириологом, а шумерологом. И так ясно это мне представилось, что я понял: все, наконец я на своем месте. И дальше я уже стал поступать. Но поступал я не просто так. Смотрите, Восточный факультет всегда называли «блатным». Попасть туда было невероятно трудно, и до сих пор ходят легенды, что туда попасть можно было только за деньги. На самом деле, это неправда. Я потом сам работал в приемной комиссии, я знаю, что никто в советские годы взяток за поступление не брал. На самом деле, факультет был «блатной» потому, что туда брали невероятное количество «целевиков» от разных союзных республик, точнее, от разных коммунистических партий республик. Туда поступали из Казахстана какие-то родственники Кунаева, например. Туда поступали родственники Тодора Живкова из Болгарии. То есть, там был полный набор каких-то партийных или околопартийных кандидатов и канди-

даток. И кроме того, там существовали так называемые «ректорские списки», за которые потом уволили предыдущего ректора. Но в эти «ректорские списки» попадали, опять же, люди, которые навязывались этому ректору сверху — от партийных органов. И всех этих ребят из «ректорских списков» я видел. Это были люди абсолютно нормальные, не кичившиеся своей знатностью. Просто им вот так повезло, что у них какие-то партийные родители, и они через эти органы могли поступить. Но никаких взяток не было, конечно. Никаких денег, ничего этого не было. Так вот, как я поступил на Восточный факультет? Я поступил на Восточный факультет легко. Дело в том, что у меня были дипломы за 4 выигранных олимпиады, плюс я окончил Малый Восточный факультет. И у меня был диплом об окончании — меня на факультете уже знали. А за олимпиадные достижения и за диплом давали дополнительные баллы. Поэтому я имел все шансы пройти. Кроме того, у меня была грамота горкома комсомола за олимпиадные дипломы, опять-таки, потому что в 1985 году я выиграл Всесоюзную олимпиаду по литературе с сочинением «Эхо войны в поэзии Высоцкого». И тут я хочу сказать еще об одной теме серьезной моего детства: я с 12 лет, опять-таки, работал с архивами Высоцкого. И в результате мне удалось написать большую научную работу по поводу текстологии его военных стихов. И вот эту работу я выставил на олимпиаду. Дальше было очень смешно. Я буквально кожей почувствовал смену времен на примере отношения к своей работе. Когда я только ее выдвинул в 1984 году, меня все ругали и говорили, что это

никуда не пройдет и чтобы я снял ее с конкурса. И вдруг 1985 год — перестройка, гласность, и мне сказали: давай, давай на конкурс — теперь самое время. И было 9 мая 1985 года, когда мне вручили диплом I степени за эту работу. А потом я написал еще одну работу о Высоцком — сравнение пьесы Брехта и спектакля Таганки «Жизнь Галилея». Был 1986 год, образована комиссия по литературному наследию Высоцкого, стало еще легче это все делать, и я получил еще один диплом I степени. И в результате у меня было 4 диплома: ранние олимпиады — там было 3 место, два диплома — 1 место. Я со всем этим пришел и легко поступил на Восточный факультет. Поступил я на арабскую филологию, и мне очень повезло, что я сразу попал к такому замечательному научному руководителю, как Анна Аркадьевна Долинина. Роль Долининой в моей жизни очень серьезна и значительна. Она была руководителем моих первых курсовых работ, она приглашала меня к себе домой, она давала мне дополнительную литературу по арабистике, она читала у нас курс по истории арабской литературы и вела кружок по художественному переводу. И вот именно Анна Аркадьевна Долинина заложила во мне, можно сказать, основы научной работы. Моя тема на 2 курсе была «Композиция касыды», и она обратила мое внимание на работу одного иракского ученого, Исмаила Инада, в которой арабская касыда сравнивалась, в том числе, с ассиро-вавилонской поэзией, и в которой было замечательно написано, что арабская касыда существует не просто так, не только как художественное произведение, но она еще связана с обрядами, с ритуальной жизнью

арабов Центральной Аравии. И вот тогда я вспомнил, что мне говорил Кифишин, а именно, что древняя литература связана обязательно с ритуалом, с обрядами. И, получив ту же самую информацию из книг, которые давала мне Долинина, я понял, что я нашел, собственно, то, к чему стремился: я нашел корни литературы в обряде. Теперь мне предстоит показать стадиально, как из обрядовых текстов получают художественные произведения. Я нашел свою тему и нашел ее именно на занятиях у Долининой. И дальше уже, получив хорошую арабистическую прививку, я много читал Крачковского и Бартольда. Но я уже понимал, что пора переходить к Древнему Востоку. На следующий год был прием на отделение ассириологии. Я начал, будучи второкурсником-арабистом, ходить на это отделение и читать упражнения, а затем и тексты с первокурсниками. Причем первые сто знаков клинописи выучил самостоятельно во время каникул все на той же академической базе в Комарове. А потом... потом я ушел в армию.

С. Э.: В каком году это было?

В. Е.: В 1988. Студентов лишили отсрочки, и мы все дружными рядами ушли в вооруженные силы. Я попал в войска связи. Это были секретные войска по расшифровке переговоров самолетов НАТО. Нас готовили в специальной «учебке». И потом нас распределяли на так называемые «точки». Но у меня была еще одна забавная социальная функция во время моей армейской службы. Со мной служило огромное количество солдат из Средней Азии. И вся эта Средняя Азия жаждала приобщиться к Кора-

ну. Так вот, я им давал азы арабского языка и читал с ними Коран. И поэтому в армии в конце концов я стал называться «Мулла». Это совершенно особый статус, надо Вам сказать. Если тебя считают «муллоу», ты уже многих вещей не делаешь: за тебя все делают. А от тебя нужно, чтобы ты занимался арабским письмом, языком и учил молиться. Вот, собственно, это была моя, такая интересная, дополнительная работа в армии. Но во время службы я еще занимался тем, что писал научную работу по вавилонскому диалогу господина и раба. Потому что у меня была идея совершенно особая, к которой никто из ассириологов не пришел: о том, что этот «Разговор господина и раба» — это ни что иное, как диалог воли и рассудка. И кроме того, этот диалог содержит в себе пародийное переосмысление «Эпоса о Гильгамеше». Ну вот, я написал эту работу. Весной 1989 года студентов отпустили из армии, и я сказал начальству, что буду переводиться на кафедру истории Древнего Востока, уже на ассириологию. Мне нужно было сдать переводные экзамены за 2 года исторического отделения, потому что я учился на филологии. И у меня накопилось 12 экзаменов и 4 зачета. Довольно много, и все это мне предложили сдать за 3 недели. Такой сессии у меня больше никогда не было. И я все это благополучно сдал и получил только две четверки. Так вот, уже с 3 курса я учился на отделении ассириологии и увидел, что там дело обстоит не так благополучно, как на кафедре арабской филологии. Арабской филологии нас учили 10 человек. Каждый читал свой аспект. Ольга Борисовна Фролова читала Коран, Долинина читала историю арабской литературы, Кемаль Осма-

нович Юнусов читал перевод с русского на арабский, Ия Николаевна Соколова читала новоарабскую литературу, Михаил Фаэтович Дердиров читал сказки 1000 и 1 ночи... Короче говоря, на каждый предмет было по специалисту. Но когда я оказался на кафедре истории Древнего Востока, там было всего 2 человека. У кафедры не было помещения. Нас учили два человека — Ростислав Антонович Грибов и Сергей Георгиевич Кошурников. Учили они нас, где придется, в тех аудиториях, которые дадут. Ни кафедрального помещения, ни библиотеки не было, а заведовал кафедрой Борис Борисович Пиотровский, заведовал он формально, а заседания кафедры проходили у него в кабинете в Эрмитаже. Я понял с течением времени, что если бы я с самого начала учился на кафедре истории Древнего Востока, то никакого специалиста из меня бы могло и не получиться. Как не получились специалисты из десятков людей, которые начали учиться на этой кафедре, а потом ее бросили. Потому что серьезного филологического образования эта кафедра не давала. Нужно было где-то еще добирать знаний. И вот моей группе очень повезло, что с нами согласился заниматься в своем кабинете в Институте востоковедения Игорь Михайлович Дьяконов. После занятий или между занятиями мы бегали к нему в кабинет, и он читал с нами тексты — сперва аккадские тексты, а потом шумерские тексты. А затем к Дьяконову присоединился Владимир Аронович Якобсон, который читал с нами Законы Хаммурапи. И я думаю, что начальное клинописное образование мы получили на кафедре у Грибова, а более серьезное научное образование мы получили вот в этом каби-

нете древневосточной филологии Института востоковедения, где с нами занимались Дьяконов и Якобсон. Так что получать ассириологическую подготовку было очень непросто. Особенно непросто было мне, потому что я хотел заниматься религией, ритуалом, но специалистов не было, и я, можно сказать, стал автодидактом в этой области. Я ходил в Публичную библиотеку, там был Отдел литературы на языках Азии и Африки, и там было невероятное количество книг начала XX века с изданиями вавилонских и ассирийских ритуальных текстов. Когда я брал эти книги в библиотеке, у них были не разрезаны страницы: их никто до меня не касался, хотя они могли быть 1900-го года. Я стал читать эти ритуальные тексты, переводить, у меня было несколько десятков тетрадей с этими переводами, и вот так я постепенно, читая статьи, читая тексты, стал входить в проблематику истории ритуала и в проблематику связей между ритуалом и литературой. И по мере того, как я стал этим заниматься, я увидел еще одну вещь: что невозможно понять ритуал вне календаря. И таким образом на старших курсах я уже читал литературные и ритуальные тексты, что называется, под календарным углом зрения, понимая, что в религии Древней Месопотамии боги не являются особыми личностями: они действуют в определенные моменты времени. Когда они особенно сильны, им приносятся жертвы, а потом они сменяются другими богами — богами другого сезона, другого месяца, которым тоже приносятся жертвы. Таким образом, все боги являются частями единого мирового порядка. Вот отсюда мне стало ясно уже, в общем-то,

к четвертому курсу, что нужно более углубленно заниматься не просто ритуалом в литературных текстах, а календарным ритуалом. И отсюда ведет свое родословие та эзотерическая (т.е. связанная с праздниками — *прим. ред.*) проблематика, которой я занимаюсь до сих пор. В этом отношении у меня не было учителей, я — автодидакт. Более того, я в России первым стал заниматься этими проблемами на месопотамском клинописном материале.

С.Э.: Вы еще упомянули, что занимались архивом Высоцкого. Что имеется в виду?

В.Е.: Тут очень интересная история. Дело в том, что с 1981 года в Ленинграде образовалась группа людей, которые стали копировать тексты Высоцкого, его автографы, хранившиеся в ЦГАЛИ в Москве, и из этих перепечаток создавать целые тома. Такие тома машинописных архивных текстов. К некоторым из них прикладывались и фотографии рукописей. Некоторые фотографий не имели. И здесь собралась группа энтузиастов, которые стали изучать текстологию Высоцкого. Я к ним примкнул и стал заниматься своей темой — военной поэзией Высоцкого. В это время был уже создан алфавитный каталог его произведений с разнесением по годам. Это было сделано очень быстро, в 1981–1982 годах. Был четырехтомник его произведений с вариантами. То есть было невероятно много сделано в самые первые годы после его смерти. Я сотрудничал с этими людьми, они мне давали эти тома. Чаще всего я не получал их на руки — я сидел у них в квартирах, занимался сличением разных вари-

антов, переписывал это все от руки и занимался исследованиями, можно сказать, в подпольных условиях.

С.Э.: То есть энтузиасты без всяких, как сейчас говорят, «аффилиций» сами создали архив Высоцкого?

В.Е.: Совершенно верно. Такие люди были в Москве и такие люди были в Петербурге. И в конце концов многие из них оказались в музее Высоцкого научными сотрудниками. Это интересно, необыкновенно интересно. Это была инициатива снизу.

С.Э.: А с диссидентским движением эти люди как-то были связаны? Или это параллельные вселенные?

В.Е.: Да, конечно. Некоторые из них были связаны с диссидентским движением, а некоторые не были. В текстологии Высоцкого принимали участие какие-то инженеры, биологи, кто угодно. Но они очень хорошо этим занимались. Совершенно не обязательно в случае Высоцкого, чтобы ты, занимаясь рукописями, был бы связан с диссидентским движением, тем более, что сам Высоцкий очень относительно был с ним связан. Он как раз не принимал участия ни в делах Солженицына, ни в делах Сахарова.

Он был очень далек от этого, на самом деле. Он с большим подозрением относился к Галичу. Это известно. Поэтому Высоцкий и диссиденты — это темы, мало пересекающиеся.

С.Э. Но он в любом случае не был официальным певцом, и поэтому его песни должны были привлекать оппозиционно настроенную публику.

В.Е.: Нет, вы знаете, вы ошибаетесь, на самом деле. Он был официальный певец. У него была ставка вокалиста-солиста высшей категории. Помимо театра, он зарабатывал официально как вокалист-солист эстрады.

С.Э.: Числился в Московской филармонии?

В.Е.: Да, совершенно верно. Высоцкий мог заключать договоры не только с Московской филармонией, но и с Удмуртской филармонией, с Чечено-Ингушской филармонией. Это факты, которые вообще мало кто знает. Высоцкий — это официальный певец, именно певец. Он-то хотел быть поэтом, хотел быть в Союзе писателей. Но туда его не принимали, а вот официальным певцом он был. И поэтому у него пластинки выходили под оркестр, как у всех официальных советских певцов. И кроме того — об этом тоже мало кто знает — Высоцкий был членом Союза кинематографистов.

С.Э.: Да, это будет открытием не только для меня, но и для многих читателей этого интервью.

В.Е.: Да, вы знаете, я просто очень давно этим занимаюсь, я понимаю ту степень официальности, в которой можно рассматривать Высоцкого. Он во многом был очень официальный человек. Я уже не говорю о том, что он был актер Театра на Таганке — абсолютно легального театра, на постоянной ставке. У него была там зарплата и, кроме того, у него еще были дополнительные деньги за счет заказов. Ему, как автору-исполнителю, заказывали от Театра на Таганке песни к спектаклям,

а от киностудий — песни к фильмам. Узнавать обо всем этом было интересно, потому что существует огромное количество стереотипов по поводу Высоцкого: и что он был такой нелегальный, и что он был такой диссидент. Ни тем, ни другим он, конечно, не был. Для того, чтобы это понять, достаточно сравнить Высоцкого с Галичем, выступавшим только на квартирах и не имевшим пластинок, или с Визбором, пластинка которого вышла только после его смерти.

С. Э.: Вы уже упомянули Игоря Михайловича Дьяконова. Это легендарная личность и он был научным руководителем вашей кандидатской диссертации. Могли бы о нем рассказать?

В. Е.: Ну вот, давайте теперь поговорим о научной генеалогии. Есть такая вещь, например, как математическая генеалогия. Есть специальный сайт, и любой математик может обнаружить свое «родословие» и возвести себя, например, к Лейбницу. Это легко делается. Но ничего подобного нельзя сказать о русской ассириологии или египтологии. Потому что русская наука о Древнем Востоке не восходит ни к каким западным «первопредкам». У нас совершенно удивительная история. Вот смотрите. Я начну с себя, потому что это — удобная точка отсчета. Я учился у Грибова и Кошурникова, которые были учениками Дьяконова. Я учился у Якобсона, который тоже был учеником Дьяконова. Между прочим, это — большая проблема: существовало большое количество специалистов уже пожилого возраста, были такие студенты, как я, и не

было людей среднего возраста. Мы общались, мягко говоря, не на равных, потому что мне было 20 лет, а им — 65, 70, 75 всем. Это — большая проблема. Люди, сформировавшиеся в совершенно разное время. И люди, которые, естественно, хотели заниматься совершенно разными проблемами. Мои старшие коллеги были, что называется, «соцэковцами» — их интересовала социальная и экономическая история, рабовладение и все эти вещи, связанные с марксизмом. А меня это совершенно не интересовало, потому что я уже был другой человек, и меня интересовала больше духовная культура. Так вот, такого человека, близкого мне в среднем поколении, я в студенческие и аспирантские годы не находил. Такой человек был — это был Игорь Сергеевич Клочков, автор книги «Духовная культура Вавилонии», но он тогда жил в Москве, и я его не знал. Хорошо, вернемся к Дьяконову. Все учились у Дьяконова. Разные поколения людей учились у Дьяконова. Сам Дьяконов учился у Александра Павловича Рифтина. Александр Павлович Рифтин — замечательный человек, который в 1933 году пришел на прием к Кирову и сказал, что нужна кафедра ассириологии и семитологии. И Киров дал разрешение на эту кафедру. Она возникла, и она с самого начала имела несколько отделений: семитологии, арабистики, ассириологии. И на эту кафедру поступил Игорь Михайлович Дьяконов. В одной группе с ним была Клавдия Борисовна Старкова — наш крупнейший гебраист, специалист по кумранским рукописям. И вот они, двое крупных специалистов, которые окончили эту кафедру Рифтина, занимались и шумерским,

и аккадским, и арабским, и древне-еврейским. И кроме того, на кафедре у Рифтина работал замечательный человек Николай Владимирович Юшманов, крупнейший лингвист, который уже в эти годы занимался афразийской лингвистикой. Она тогда называлась «семито-хамитская лингвистика». Его лекции чрезвычайно помогли потом Дьяконову. Значит, Дьяконов учился у Рифтина. Рифтин учился у Вольдемара Казимировича Шилейко. Они познакомились, когда Рифтин был санитаром, а Шилейко был болен разными болезнями, и Рифтин вез его в больницу. Шилейко, пообщавшись с ним, сумел своим лекторским талантом заразить его, и Рифтин захотел стать семитологом и ассириологом. Шилейко учил Рифтина в Археологическом институте, где он тогда был профессором. А потом Археологический институт слили с Петроградским Университетом. И Рифтин оказался студентом Петроградского университета, а Шилейко — профессором Петроградского университета. Вот так это получилось. Рифтин потом учил еще остальные языки, кроме клинописи, у Коковцова. Так вот, смотрите: Дьяконов учился у Рифтина, Рифтин учился у Шилейко. А Шилейко был автодидакт чистейший. Он поступил к нашему замечательному семитологу Павлу Константиновичу Коковцову, когда тот решил открыть отделение ассириологии. Но проблема Коковцова была в том, что он сам клинописи толком не знал и знал только азы аккадского языка. У Коковцова учиться было нечему. И Шилейко очень быстро это понял. Но на его счастье оказалось, что есть еще один прекрасный человек — Николай Пе-

трович Лихачев, в доме у которого находится целая коллекция шумерских клинописных табличек. И Шилейко начал ходить туда, читать эти клинописные таблицы. Он читал их сам, без инструктора. Но для того, чтобы проверить, правильно или неправильно он читает, Шилейко стал эти таблицы со своими чтениями посылать во Францию и консультироваться с крупнейшими шумерологами того времени — французскими. Его, когда он еще был студентом, очень быстро заметили в Европе и стали публиковать. Он публиковал таблички из коллекции Эрмитажа, он публиковал лихачевские таблички, и его с удовольствием печатали. Но Шилейко университет не кончил: он не заплатил 25 рублей, и, кроме того, он не сдал половину экзаменов, и его отчислили в 1914 году. У него была вообще удивительная судьба: он какое-то время работал в Эрмитаже внештатным сотрудником, а потом революция 1917 года ему очень помогла: он сразу стал профессором Университета, вернее сперва Археологического института, потом Университета, сотрудником Марровской Академии материальной культуры — одним словом, одним из самых известных экспертов в области клинописных табличек, а потом уже в Москве стал хранителем клинописной коллекции Музея изящных искусств. Так вот, Шилейко — фактически автодидакт. Он ни у кого не учился. Шилейко никогда не был в Европе. Поэтому можно сказать, что наша университетская ассириология начинается с Шилейко. До Шилейко в Москве был еще такой Никольский Михаил Васильевич, который окончил Духовную академию и который издавал шумерские

хозяйственные тексты. Он пробовал преподавать в Москве несколько раз, но у него не очень успешно это получилось. Тексты он издавал, но по большому счету никого не выучил. Так что ассириологическая традиция, ассириологическая школа у нас идет от Шилейко, а Шилейко — автодидакт. Видите, как интересно? А если мы возьмем египтологию, то там такая же точно картина, поскольку у нас вся египтология восходит в конечном счете к Голенищеву, а Голенищев ни у кого не учился, он был автодидакт, тоже всемирно известный ученый. У нас единственный за всю историю русской науки человек, который прошел западную стажировку, это Борис Александрович Тураев. Он был в Берлине, и то он там был только один год, и там он занимался и египетским языком, и шумерским языком. И когда Тураев приехал, он создал здесь свою египтологическую школу, школу историков Древнего Востока, в основном с египетским уклоном. Впрочем, он очень помогал Шилейко. Например, в конкурсных делах. И в результате усилий Тураева Шилейко за его книгу «Вотивные надписи шумерийских правителей» была вручена серебряная медаль Русского археологического общества. Но по большому счету, только Тураев был у нас связан с западными университетами и только один год. Был еще такой немец Лемм, учивший Тураева египетскому языку. Лемм учился в Германии, но рано отошел от древнего Египта в коптологию и в науки о древнем Востоке вклада не внёс. Поэтому о нем не стоит говорить в контексте русской египтологии. Вся наша наука фактически идет от автодидактов. Вот такая история. Если на Западе каждый ассириолог

восходит, в конечном итоге, к школе Делича или к школе Тьюро-Данжена, а каждый египтолог восходит к школе Лепсиуса и Бругша, то в России ничего подобного нет. У нас все начинается с автодидактов.

С. Э.: Получается, что и до революции российская наука пребывала в изоляции?

В. Е.: Да, совершенно верно. Но при том, что была изоляция, наша наука ничуть не хуже, чем остальные европейские национальные школы. В этом ее парадокс. Она имеет собственное лицо, она очень высокого уровня, но при этом она генеалогически не связана с европейской традицией.

С. Э.: Давайте вернемся к Дьяконову.

В. Е.: Вы знаете, Дьяконов был человеком, который с течением времени, с возрастом не убавлял, а набирал. Его все время захватывали какие-то новые направления. Если в начале своей деятельности он был ассириологом, занимавшимся социальной экономикой, то затем он стал лингвистом. Уже к 1950-м годам он стал заниматься сравнительным семитским языкознанием. Потом от лингвистики он перешел к изучению мифа, к теории мифа, к социальной психологии. И, наконец, в конце жизни он выдал свою знаменитую книгу «Пути истории», в которой сформулировал 8 формаций по одному критерию — совершенствование технологий в области оружия. Дьяконов был ментально необыкновенно подвижным человеком, очень гибким, очень восприимчивым. Помимо того, что он был семитологом

и ассириологом, он работал со всеми языками Древнего Востока. У него в 1967 году вышла книга «Языки Древней Передней Азии», в которой 15 грамматик всех древневосточных языков — и эламского, и хеттского, и хурритского, и какого угодно. Он все эти грамматики знал. У него есть книга «Урартские письма и документы». Это лучшее, что написано в области урартологии у нас. То есть, он охватил собою весь Древний Восток за исключением египтологии. В египтологии был такой уникальный человек, как Юрий Яковлевич Перепелкин, и Дьяконов, посмотрев на Перепелкина, понял, что в этой области ему корифеем не быть. Кроме того, Дьяконов хотел быть также и филологом-классиком. Но в классической филологии была такая крупная фигура, как Александр Иосифович Зайцев, поэтому Дьяконов понял, что там ему корифеем тоже не быть. В результате он остался историком Древнего Востока и семитологом-лингвистом, хотя он занимался в 1960-е годы и историей кавказских народов и, в частности, предысторией армянского народа. Дьяконов был удивителен тем, что он совершенно не был догматиком. Он был удивителен тем, что он очень легко входил в контакты с самыми разными специалистами: он очень любил ботанику, у него был замечательный знакомый, даже сосед по даче, Моисей Эльевич Кирпичников, сотрудник Ботанического института, который все знал про палеоботанику и про восточную ботанику. И Дьяконов направлял всех к нему на консультацию. В частности, когда я стал его аспирантом, он меня тоже гонял к этому Кирпичникову, и тот мне сообщил массу полезных сведе-

ний о том, как переводить названия растений в клинописных текстах. Кроме того, Дьяконов интересовался астрономией, он любил наблюдать за небесными телами, у него был телескоп. В общем, Дьяконов был разносторонне одаренный и очень восприимчивый человек. Но у него были антипатии, довольно жесткие антипатии. И прежде всего в число этих антипатий входила религия. Дьяконов в своих работах не допускал слова «религия». Он говорил «социальная психология». Он старался объяснить религию и религиозность из биологии, из теории эволюции. А религиозность как таковую он не допускал. Не могу сказать, что он был богоборцем, но его категорически не устраивало, что есть сама идея бога, что есть религиозные верования людей. Как-то ему это все казалось подозрительным и несерьезным. Поэтому в своих поздних работах он попытался свести религиозное чувство к набору мотивационных импульсов деятельности. Этим Дьяконов был уникален, конечно, потому что, когда все вокруг уже говорили о религии, Дьяконов не хотел о ней говорить. Но Дьяконов мне очень помог, он сказал: «Обратите внимание, что за всеми этими ритуалами скрывается психофизиология. И за ритуалами, и за мифами». Вот это мне очень помогло, потому что я в конце концов начал осознавать, что календарные ритуалы отражают определенную сезонную схему поведения. И это адаптационная схема, при которой коллектив хочет приспособиться к наступившим новым климатическим условиям. Просто одним этим взглядом Дьяконов мне очень помог. И когда он увидел, что я иду в том же направлении, он сказал, что «да,

это действительно интересно». Мои календарные штудии представляли для него интерес. Но в то же самое время мне повезло, потому что я стал аспирантом Дьяконова как раз в то время, когда он сам увлекся этими проблемами. Если бы это произошло в 1960-е–1970-е годы, он бы просто не понял, что я пишу и говорю.

С.Э.: Мы помним, что в советское время было много препятствий для развития гуманитарного знания: идеологический диктат, ограничены контакты с иностранцами, современную западную литературу можно было читать только в Москве и Ленинграде. Но при этом мы видим, что советская гуманитарная наука была на очень хорошем уровне. Не будем говорить о тех, кто получил еще дореволюционное образование: Пропп, Бахтин, Фрейденоберг и т. д. Ученые второй половины XX века, т. е. уже полностью советские люди: Лотман, Дьяконов, Ив́анов, Топоров и другие рассматривались на Западе как теоретики, и работы многих из них переводились уже тогда на ведущие языки. В 1991 году мы вроде освободились. Появились контакты, долгое время не было идеологического пресса, поездки за границу стали обычным делом. Но мы почему-то не видим взлета русской гуманитарной науки после 1991 года. Чем бы вы это объяснили?

В.Е.: Ну, прежде всего, я позволю себе с Вами не согласиться. Потому что я вижу взлет гуманитарной науки, который состоялся именно с конца 1980-х годов. Для меня, например, совершенно очевидно, что Россия стала лидером в области лингвистики дальнего родства. Школа

Старостина, ностратическая школа Иллич-Свити́ча и Дыбо, в которую входил и Вячеслав Всеволодович Иванов, дала чрезвычайно много для выяснения генеалогии языковых семей. Поэтому современное развитие лингвистики никак не может не учитывать вклад и советской, и постсоветской школы лингвистов дальнего родства. Это, во-первых. Во-вторых, появилось такое направление, которое сами его отцы называют «клиодинамикой» или «макроисторией». Лидерами этого направления являются Андрей Витальевич Коротаяев, а также Кульпин, Гринин, Крадин, Прусаков — это основные участники, и с ними еще довольно много людей, которые изучают макроисторические процессы, строя диаграммы, графики, привлекая данные палеоклиматологии. Все это развивается в России очень активно и порождает большую прессу в мировой науке. В-третьих, конечно, нужно отметить успехи семитологии, издание семитских этимологических словарей, создание письменности для языка Сокотры и вообще все, что делает школа Леонида Ефимовича Кога́на и Сергея Владимировича Лёзова в Москве. Кроме того, есть большие успехи в области этнографии, этнологии. Те работы, которые сейчас существуют в Кунсткамере, и прежде всего — сравнительная мифологическая база Юрия Евгеньевича Березкина — это отдельное направление, которое также учитывается всей мировой наукой. И на основе данных по сравнительной мифологии проводится ежегодная международная конференция, которая проходит от Гарвардского Университета, но учитывает в том числе достижения и наших мифологов, нашей мифологиче-

ской школы. То есть, у нас есть довольно много направлений, которые весьма котируются в мировой науке и которые стали развиваться с конца 1980-х годов. Что у нас ушло? У нас ушел «соцэк» в том виде, в котором он был, потому что, как показал Коротаяев в своей книге «Социальная эволюция», не может быть никаких объективных законов: этому мешает человеческий фактор. Следовательно, классический марксизм с его поиском объективных законов больше не актуален. Мы занимаемся вероятностями в истории, а не какими-то суровыми объективными законами. Поэтому «соцэк» ушел, история рабовладения ушла. Но что добавилось? Добавилась история повседневной жизни и интеллектуальная история. Вот это как раз то направление, к которому я принадлежу: я занимаюсь историей идей, интеллектуальной историей и эротологией. Я исследую историю предфилологических категорий мироощущения, историю представлений о времени. В этом отношении российская наука тоже становится весьма развитой. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, я с Вами не соглашусь и скажу, что все у нас обстоит не так плохо, как думается.

С. Э.: И вопрос, который обойти невозможно. Каким образом в свете, скажем осторожно, нынешних политических событий будет, по вашему мнению, развиваться русская гуманитарная наука?

В. Е.: Смотря какая. Я на протяжении этого года столкнулся с тем, что многие филологи-русисты и некоторые медиевисты покинули страну и обосновались где-то в других стра-

нах. Но что касается востоковедов, то у нас из-за происходящих событий потери, можно сказать, минимальны. У нас уехало совсем немного людей, остальные все — на своих местах, на своих постах. И те возможности, которые нам сейчас открываются, они совершенно уникальны: мы раньше их не имели. Страна поворачивается на Восток, можно сказать, с обеих сторон: то есть, и Россия поворачивается на Восток, и Восток все больше поворачивается в сторону России. Поэтому начинаются очень интенсивные сотрудничества во всех научных областях. Я только что приехал из Ирака, и на моих глазах фактически развернулось сотрудничество между иракскими университетскими археологами и московскими археологами, представителями Института востоковедения, создались очень благоприятные условия для раскопок. Причем если раньше копали дописьменную древность (экспедиция Мунчаева, Мерперта, Амирова копала неолит), то теперь создались предпосылки для раскопок в тех местах, где можно обнаружить глиняные таблички. Это уже места, связанные с развитием государства на юге Месопотамии. Сейчас возникает ситуация сотрудничества, и она чрезвычайно благоприятна. Далее, наших ученых стали повсюду приглашать на конференции, которые проводятся в странах Востока, они стали там публиковаться, мы лучше узнаем о том, что делают коллеги именно из восточных стран. А поскольку в международных конференциях принимают участие и западные наши коллеги, то мы на территории Востока сейчас встречаемся со всем миром. И планируется широчайшее международное сотрудничество в области

археологии и в области исторических исследований. Единственное, что теряется, на мой взгляд, — побыв несколько лет подряд на конференциях, я стал это замечать — теряется научно-теоретическое обоснование археологических и текстологических исследований. Теряется историческая теория. Вот это очень досадно. Когда в докладах археологов мы не видим социально-исторических выводов, это очень печально: все сводится к эмпирике. Они даже боятся сделать следующий шаг, потому что опасаются, что их обвинят или в марксизме, или в макс-веберизме, или в приверженности еще какой-либо модной теории, или в приверженности Леви-Строссу. Короче говоря, они боятся широких выводов, они боятся теории, и это — совершенно ненормальная ситуация. Вероятно, она со временем будет преодолена, когда сама наука почувствует в массе своей, что набранное большое количество фактов нужно как-то интерпретировать.

С.Э.: Говоря об отказе от концептуальных выводов, вы имеете в виду мировую археологию или русскую?

В.Е.: Я имею в виду мировую археологию. Потому что и во время Конгресса ассириологов в Париже, и во время нынешнего Конгресса археологов и ассириологов в Дивании в Ираке, с которого я только что приехал, я увидел недостаток обобщений. Огромное количество фактов на тебя вываливается, но при этом человек боится говорить о том, что стоит за этими фактами.

С.Э.: Получается, что мы должны идти на Восток, чтобы встретиться

там с нашими западными коллегами. Интересная мысль.

В.Е.: Там встречаемся со всем миром теперь, да.

С.Э.: А как вообще отразилась текущая ситуация на общении с западными учеными?

В.Е.: Никак. Конкретно на мне она никак не отразилась, потому что мои работы давно известны западным коллегам, они интересуются тем новым, что я делаю, и представить себе ситуацию, при которой мне будут предъявлять политические требования, невозможно.

С.Э.: Расскажите, пожалуйста, о Ваших творческих планах.

В.Е.: Да, это замечательный вопрос. Я с удовольствием на него отвечу, потому что мои творческие планы очень конкретны. Во-первых, нам продлили грант Российского научного фонда по календарным праздникам Древнего Востока. Согласно этому гранту, наша научная группа должна к концу года представить печатную антологию календарно-праздничных текстов Древнего Востока. Мы это делаем: пишем вступительные статьи по 6 регионам, публикуем переводы календарных текстов с разных древневосточных языков и пишем комментарии. Это — то, что я делаю вместе со своей научной группой. Что касается меня самого, то я обязан буду представить в серию «Литературные памятники» книгу «Шумеро-аккадский эпос Нинурты». Мне удалось объединить две группы текстов: тексты Гудеа —

надписи на цилиндрах и статуях — и шумеро-аккадский эпос Нинурты. Потому что обе эти группы текстов об одном и том же: о событиях Великой Засухи, которая поразила Месопотамию в XXIII–XXII вв. до н.э. Я собрал все эти тексты, пере-

вел их, откомментировал, написал большую вступительную статью и надеюсь сдать эту книгу в печать также к концу 2023 года.

С. Э.: Спасибо за такое насыщенное интервью!

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).